

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Михеев Максим Геннадьевич

Австро-русские отношения в 1848–1854 гг.

Специальность 5.6.2. – Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н., доцент

Медяков Александр Сергеевич

Москва – 2024

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Австро-русские отношения в период революции 1848–1849 гг.	44
§ 1.1. Консервативное взаимодействие Вены и Петербурга после Венского конгресса	44
§ 1.2. Испытание неопределенностью: австро-русская связь в 1848 г.	58
§ 1.3. Международные предпосылки и подготовка венгерской кампании русской армии 1849 г.	83
§ 1.4. Политический аспект русской помощи Австрии при подавлении венгерского восстания	98
§ 1.5. Восприятие России австрийским общественным мнением в годы революции	114
§ 1.6. «Щупальца спрута»: австрийские представления о присутствии России на нижнем Дунае	132
Глава 2. Австрия, Россия и германский вопрос в 1850–1851 гг.	146
§ 2.1. Австро-русские отношения в германском вопросе до австро-прусского конфликта 1850 г.	146
§ 2.2. Дорога к Ольмюцу: «возвращение» Австрии в Германию в 1850 г. и политика России	162
§ 2.3. Восстановление дореволюционного статус-кво в результате Дрезденской конференции 1850–1851 гг.	184
§ 2.4. «Естественный враг Германии»: влияние России в Центральной Европе глазами австрийцев	198
Глава 3. Балканы – роковой вопрос австро-русских отношений	216
§ 3.1. Традиции австро-русских отношений в восточном вопросе	216
§ 3.2. Реакция Вены на миссию Меншикова	231
§ 3.3. Эволюция политики Австрии в ходе восточного кризиса 1853 г.	240
§ 3.4. Нота 3 июня 1854 г. как точка невозврата в отношениях	257
§ 3.5. Австрийская публицистика о России на Востоке накануне и в начале Крымской войны	287
Заключение	311
Список использованных источников и литературы	316

Введение

Актуальность темы исследования. 1848–1854 гг., несмотря на краткость периода, являются ключевыми для истории австро-русских отношений. Начавшись с русского содействия Австрии в преодолении революции 1848–1849 гг. и в германском вопросе, этот временной отрезок завершился австрийской нотой 3 июня 1854 г., ознаменовавшей фактический переход Австрии в лагерь враждебных России держав крымской коалиции. Резкая переориентация австрийской политики прервала длительную традицию сотрудничества между Веной и Петербургом, став поворотным пунктом в их отношениях и почти сенсацией. Этот шаг в немалой степени повлиял и на последующее развитие международных отношений в Европе, поскольку к середине XIX в. Австрийская и Российская империи представляли собой во многом главные несущие опоры той расстановки сил в Европе, которая была закреплена решениями Венского конгресса. Обоюдная заинтересованность в поддержании статус-кво служила прочной основой их союза. Главными составляющими функции монархии Габсбургов в рамках Венской системы международных отношений были стабилизация положения в Германии и на Апеннингах, что позволяло сдерживать возможную экспансию Франции и растущие амбиции Пруссии, а также содействие консервации восточного вопроса, выгодной, кроме самой Австрии, западным державам – Великобритании и Франции. Россия, будучи сильнейшим государством континента и одновременно наиболее консервативной по внутреннему устройству великой державой, не в последнюю очередь ради сохранения сотрудничества с консервативной Австрией воздерживалась от попыток дальнейшего укрепления собственных позиций на Балканах. Совместное участие в разделе польских земель было еще одним скрепляющим элементом как двусторонних отношений, так и существовавшей международной системы в целом. Вследствие прекращения австро-русской дружбы в 1854 г. резко снизилась предсказуемость развития событий в Европе, а конфликтный потенциал во взаимодействии Австрии и России продолжал расти вплоть до Первой мировой войны и распада обеих империй.

Но насколько неожиданным был австрийский разворот 1854 г. в действительности, и не скрывалось ли за внешним благополучием отношений внутренних напряжений? Наконец, могло ли исключительно обострение ситуации на Востоке привести к подобным переменам? Настоящая диссертация является попыткой ответить на эти вопросы

посредством многофакторного анализа трех основных проблем австро-русских отношений 1848–1854 гг.: революционного кризиса в Австрии, германского вопроса и восточного кризиса 1853 г., приведшего к Крымской войне. Отдельное внимание уделено анализу образа России в активно заявившем о себе австрийском общественном мнении¹. В целом русофобский характер этого образа, многие черты которого сохраняются в некоторых странах Европы и сегодня, придает дополнительную актуальность исследованию его зарождения.

Несмотря на значимость взаимодействия Австрии и России для стабильного развития Европы в XIX в., до сих пор исследователями не ставилась задача комплексного рассмотрения австро-русских отношений в указанный, исключительно важный, период. Кроме того, сумма вопросов повестки дня отношений между Веной и Петербургом в целом выводит на проблематику эволюции Венской системы международных отношений, занимающую видное место в историографии истории Европы Нового времени, и дискуссия по которой далека от завершения.

Объектом исследования являются международные отношения в Европе середины XIX в. **Предмет** исследования – эволюция отношений между Австрийской и Российской империями в 1848–1854 гг.

Хронологические рамки – период между началом революции 1848 г., приведшей к пику австро-русского сотрудничества, проявившемуся, в частности, в подавлении венгерского восстания, и австрийской нотой 3 июня 1854 г. с требованием к России очистить Дунайские княжества, прервавшей многолетнюю традицию союзнических отношений Вены и Петербурга.

Цель диссертационного исследования – выявление основных линий и сторон австро-русского взаимодействия, как точек соприкосновения, так и проблем двусторонних отношений, в течение нескольких лет прошедших путь от тесного сотрудничества до открытой враждебности с балансированием на грани войны.

Для достижения этой цели представляется необходимым решить следующие исследовательские задачи:

---

¹ О восприятии Австрии в Российской империи судить сложнее, поскольку общественное мнение в России рассматриваемого периода проявлялось менее отчетливо и, кроме того, еще не стало значимым фактором при принятии внешнеполитических решений. Вместе с тем этот вопрос мог бы стать темой отдельного исследования.

- установить основные факторы и традиции австро-русского взаимодействия в период между Венским конгрессом 1815 г. и революцией 1848 г.;
- выявить тактику, основные действия и главные движущие мотивы политики обеих держав в годы революции, их ожидания друг от друга;
- определить цели обеих держав в германском вопросе, установив причины, благодаря которым вследствие согласованных действий Австрии и России стало возможным восстановление дореволюционного положения в Германии;
- исследовать основные черты образа России в общественном мнении Австрии;
- выявить традиции, цели, интересы и пути реализации политики двух стран в восточном вопросе;
- проанализировать эволюцию позиции Вены в 1853–1854 гг., приведшей к разрыву австро-русского союза.

Методологически диссертация построена на основе принципов историзма и объективности, в соответствии с которыми предмет исследования рассматривается с учетом конкретных условий и меняющихся обстоятельств изучаемого периода, а выбор и интерпретация источников следуют критериям неизбирательности и беспристрастности. Для выяснения причинно-следственных связей в эволюции австро-русских отношений используется историко-генетический метод. Необходимостью учета общего международного контекста эпохи и интересов основных центров силы в Европе обусловлено применение системного подхода, в рамках которого наиболее целесообразной для решения наших исследовательских задач представляется теория политического реализма, ставящая при анализе международной политики во главу угла такие рациональные факторы, как военный и экономический потенциал государства, обеспечение безопасности и других государственных интересов². При анализе образа России в австрийском общественном мнении используется имагологический подход.

В композиционном отношении диссертация следует проблемно-хронологическому подходу, в соответствии с которым история австро-русских отношений разделена на три этапа: первый связан с преодолением революционного кризиса в пределах самой Австрийской империи, второй – с урегулированием германского вопроса

---

² Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. ред. А. С. Манькин. М., 2001. С. 93–94.

в 1850–1851 гг. и, наконец, третий – с очередным обострением восточного вопроса и началом Крымской войны.

Источниковая база исследования.

Архивные материалы. Для исследования дипломатического аспекта австро-русских отношений богатейший материал дали хранилища Архива внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ.). При подготовке работы привлекались документы фондов 133 (Канцелярия министра иностранных дел), 172 (Посольство в Вене), 198 (Миссия во Франкфурте-на-Майне), 209 (Консульство в Белграде) и 333 (Наместник Царства Польского). Эти документы включают переписку канцелярии с австрийским министерством иностранных дел, русскими представительствами в Вене, Берлине, Дрездене, представительством при германском сейме, доклады и отчеты министра, ноты, меморандумы и циркуляры, а также копии австрийских дипломатических документов, предоставлявшиеся в российский МИД посланниками Вены в Петербурге. Сюда же входят материалы, относящиеся к коммуникациям с австрийскими дипломатами и представителями других держав в Петербурге. Определенный интерес представляют документы канцелярии русского наместника в Царстве Польском И. Ф. Паскевича, бывшего одним из наиболее доверенных лиц Николая I, и документы канцелярии министра, связанные с отдельными австрийскими и русскими персоналиями (члены императорских семейств, представители высшей бюрократии и армии). Дополнительную ценность этим документам придают пометы Николая I на полях ряда донесений, в которых проявляется его личное отношение к вопросам внешней политики.

Существенную пользу исследованию принесли материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Далее – ГАРФ.). Были использованы документы фондов 547 (Ф. Ф. Берг), 573 (Мейендорф), 672 (Николай I), 828 (А. М. Горчаков), 1127 (А. Ф. Будберг). Эта группа источников включает дипломатическую и частную переписку лиц, именем которых названы фонды, собственноручные записки Николая I, обзоры внешней политики Российской империи, отчеты подразделений МИД.

Также были привлечены материалы венского архива Haus-, Hof- und Staatsarchiv, а именно документы, хранящиеся в разделе, посвященном России (Politisches Archiv X Russland. Далее – ННStA. PA X.). Из этих документов в диссертации, главным образом, использована переписка австрийского МИДа со своими сотрудниками в Петербурге.

Исследованные архивные документы представляют собой рукописные тексты, большинство из них – на французском языке. Отметим, что ряд привлеченных источников этого типа впервые вводится в научный оборот.

Опубликованные дипломатические документы. Осуществленное в последней четверти XIX в. издание документов по русской внешней политике Ф. Ф. Мартенса, имевшего полный доступ к архивам министерства иностранных дел, давно стало классическим. Нами был использован том, содержащий договоры России с Австрией второй и третьей четверти века³.

Подборку важных для этого исследования документов, хранящихся в зарубежных архивах, опубликовал в начале XX в. немецкий историк остзейского происхождения Теодор Шиман в исследовании царствования Николая I⁴.

Ряд архивных дипломатических документов по истории австро-русских отношений был опубликован Р. А. Авербух в 1930-е гг.⁵.

Незаменимые для исследования германского вопроса материалы были изданы в сборниках, посвященных деятельности крупного прусского государственного деятеля Отто фон Мантейфеля⁶. К этой же категории источников примыкают сообщения баварского посланника в Санкт-Петербурге⁷.

Значительный массив документов по Крымской войне опубликован в приложениях к исследованию А. М. Зайончковского⁸. До сих пор не утратили актуальности сборник дипломатических документов по восточному кризису, изданный Юлиусом Ясмундом⁹, и подготовленная Т. П. Юзефовичем публикация договоров России с Турцией¹⁰.

Незаменимым источником для изучения восточного вопроса является подготовленное немецким историком В. Баумгартом многотомное издание «Материалы

³ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 4, ч. 1–2. Трактаты с Австрией. СПб., 1878.

⁴ Schiemann Th. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Band IV. Berlin und Leipzig, 1919.

⁵ Авербух Р. А. Николай I и европейская реакция 1848–1849 гг. // Красный архив. 1931. № 4–5. С. 3–49; Она же. Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. М., 1938. Т. 4–5 (89–90). С. 155–207.

⁶ Manteuffel O. Unter Friedrich Wilhelm IV. Denkwürdigkeiten des Ministers Otto Freiherrn v. Manteuffel. Bd. 1, 2. Berlin, 1901; Preussens auswärtige Politik 1850 bis 1858. Unveröffentlichte Dokumente aus dem Nachlasse des Ministerpräsidenten Otto Frhrn. v. Manteuffel. Bd. 1–3. Berlin, 1902.

⁷ Russland 1852–1871. Aus den Berichten der bayerischen Gesandtschaft in St. Petersburg. Hrsg. von Barbara Jelavich. Wiesbaden, 1963.

⁸ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–2. СПб., 1908–1913.

⁹ Jasmund J. Aktenstücke zur orientalischen Frage. Nebst chronologischer Uebersicht zusammengestellt von Dr. J. von Jasmund. Berlin, 1855.

¹⁰ Договоры России с Востоком. Политические и торговые / сост. Т. П. Юзефович. М., 2005.

по истории Крымской войны». В настоящем исследовании использованы тома серии, содержащей австрийские документы¹¹.

При работе с опубликованными подборками документов всегда необходимо учитывать фактор возможной субъективности составителей. Вместе с тем, представляется, что использование широкого спектра публикаций позволяет минимизировать воздействие этого фактора на объективность исследования.

Парламентские материалы и документы государственных органов. Массу материала о восприятии России политически активными австрийскими слоями дают стенограммы Франкфуртского национального собрания 1848 г.¹². Заседания Собрания часто проходили в напряженной эмоциональной атмосфере, что позволяет предполагать в высказываниях депутатов о России большую непосредственность, чем в предварительно редактируемых печатных изданиях.

Здесь же следует упомянуть издание «Документы по немецкой конституционной истории»¹³ и опубликованные в сети Интернет протоколы заседаний австрийского совета министров¹⁴.

Публицистика. Хронологически в этой категории источников следует, в первую очередь, отметить издание «Австрия и ее будущее» одного из наиболее известных австрийских авторов предмартовского периода¹⁵ Виктора Андриана-Вербурга, в 1848 г. ставшего депутатом Франкфуртского парламента¹⁶. К этому тексту примыкают политические речи известного в свое время поэта и либерального общественного деятеля Антона Ауэршперга, публиковавшегося под псевдонимом Анастасий Грюн¹⁷.

Для исследования был привлечен комплекс неоднородных по политической направленности публикаций революционных 1848–1849 гг.¹⁸. Также были использованы

¹¹ Akten zur Geschichte des Krimkriegs [AGKK]. Serie I. Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Bd. 1-3. Hrsg. v. W. Baumgart. München, Wien, 1980. (Далее – AGKK.).

¹² Stenographischer Bericht über die Verhandlungen der deutschen constituirenden Nationalversammlung zu Frankfurt am Main. Bd. 1–8. Frankfurt am Main, 1848. (Далее – StB.).

¹³ Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Bd. 2. Stuttgart, 1986.

¹⁴ См., напр.: Protokoll der Sitzung des österreichischen Ministerrates gehalten zu Olmütz am 12. Dezember 1848 // Die Protokolle des österreichischen Ministerrates 1848–1867 online. URL: <https://mrp.oeaw.ac.at/pages/show.html?document=MRP-1-2-01-0-18481212-P-0002.xml> (дата обращения: 09.11.2022).

¹⁵ Предмартовским (Vormärz) принято называть период в истории германских земель между созданием Германского союза в 1815 г. и мартовской революцией 1848 г., характеризовавшийся преобладанием консервативных тенденций во внутренней политике. Согласно альтернативной точке зрения, период начинается с европейских революций 1830 г.

¹⁶ Andrian-Werburg V. Oesterreich und dessen Zukunft. Hamburg, 1843.

¹⁷ Auersperg A. Anton Auerspergs (Anastasio Grün) Politische Reden und Schriften. Wien, 1906.

¹⁸ Hartig F. Genesis der Revolution in Oesterreich im Jahre 1848. Leipzig, 1850; Hase K. A. Preussen und Oesterreich (Juli 1849). Eine politische Denkschrift. Leipzig, 1849; Lambert. Ob und in wie fern Russland den März-Errungenschaften

тексты известного в Австрии и за ее пределами либерально-националистического автора Франца Шузельки, занимающие, возможно, наиболее видное место в австрийской публицистике периода¹⁹.

Познакомиться с разными аспектами представлений о России в немецкоязычном пространстве позволил сборник текстов, опубликованный Д. И. Чижевским и Д. Гро²⁰.

Отдельную категорию австрийской публицистики представляют тексты периода Крымской войны, посвященные восточному вопросу²¹.

Наконец, редким примером консервативной публицистики являются издания графа Карла Фикельмона, долгое время служившего австрийским посланником в Петербурге, а в 1848 г. ненадолго возглавившего правительство²².

При подготовке диссертации был исследован ряд австрийских *периодических изданий*. Рубеж 1840-х–1850-х гг. в развитии австрийской журналистики представляет особый интерес, поскольку в предмартовский период в Австрии, несмотря на немалое количество периодических изданий, общественные представления почти не находили в них отражения по причине достаточно жестких цензурных ограничений²³. Наступление революции, приведшей к отмене цензуры, изменило ситуацию. Именно на этот период приходится активное развитие журналистики, материалы которой позволяют расширить представление об австрийском общественном мнении. В исследовании использованы

---

gefährlich sei? Prag, 1848; Moering K. Sibyllinische Bücher aus Oestreich. In 2 Bde. Hamburg, 1848; Der neue Machiavel. Ein Buch für Fürsten aus den Papieren eines gefallenen Ministers. Manuscript aus Wien. Leipzig, 1849; Pillersdorf F. X. Rückblicke auf die politische Bewegung in Oesterreich in den Jahren 1848 und 1849. Wien, 1849; Stricker W. Deutsch-russische Wechselwirkungen oder die Deutschen in Russland und die Russen in Deutschland. Leipzig, 1849; Swoboda J. Der Kampf der Nationalitäten in Oesterreich und die Constituirung Deutschlands zu einem Staate, völkerrechtlich betrachtet. Freiberg, 1848; Sporschil J. Die Weltstellung Rußlands in der Gegenwart. Leipzig, 1849.

¹⁹ Schuselka F. Die orientalische das ist russische Frage. Hamburg, 1843; Idem. Deutsche Worte eines Oesterreichers. Hamburg, 1843; Idem. Österreich über Alles, wenn es nur will! Hamburg, 1848; Idem. Deutsche Fahrten. In 2 Bde. Wien, 1849; Idem. Deutsch oder Russisch? Die Lebensfrage Oesterreichs. Wien, 1849; Idem. Das türkische Verhängniß und die Großmächte. Historisch-politischer Beitrag. Leipzig, 1853; Idem. Preussen als Grossmacht und die Nondum meridies-Politik. Leipzig, 1855; Idem. Oesterreich und Russland. Ein Memorandum zur Beseitigung von Besorgnissen und zur Abwehr von Vorwürfen. Leipzig, 1855.

²⁰ Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses. Hrsg. von D. Tschizewskij und D. Groh. Darmstadt, 1959.

²¹ Der russisch-türkische Streit und der Widerstand Europas gegen die russische Politik. Pest, Wien und Leipzig, 1854; Warrens E. Die orientalische Frage. Wien, 1854; Bruck C. L. Die Aufgaben Oesterreichs. Leipzig, 1860.

²² Ficquelmont C. L. Aufklärungen über die Zeit vom 20. März bis zum 4. Mai 1848. Leipzig, 1850; Idem. Deutschland, Österreich und Preußen. Wien, 1851; Idem. Die religiöse Seite der orientalischen Frage. Wien, 1854; Idem. Russland's Politik und die Donaufürstenthümer. Wien, 1854.

²³ Об этом см. подробнее: Marinelli-König G. Russland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848). Ein Beitrag zur Geschichte der österreichisch-russischen Kultur- und Literaturbeziehungen. Wien, 1990; Idem. Aus Wiener Vormärz-Blättern // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. v. M. Keller. München, 1992. S. 619–635.

материалы трех австрийских изданий: «Прессе» (Die Presse), «Ллойд» (Der Lloyd) и «Винер боте» (Der Wiener Bote – Венский вестник). Выбор определяется тем, что первые две газеты были признанными лидерами наиболее активно заявлявшего о себе либерального течения общественной мысли, в то время как «Винер боте» был призван формировать взгляды грамотного «простонародья».

Ежедневная «Прессе», созданная в 1848 г. по образцу парижской “La Presse”, до сегодняшнего дня прочно ассоциируется с австрийской журналистикой. Газета располагала широким кругом источников, а ее издатель и редактор Август Цанг обладал внушительной сетью контактов. В качестве одного из ведущих органов венской периодики упоминал «Прессе» крупный саксонский, а затем – австрийский государственный деятель Ф. Бойст²⁴. Со вниманием к изданию Цанга относился сам Франц Иосиф: в одном из писем к Катарине Шратт он назвал «старую Прессе» своим «лейб-журналом».

«Ллойд»²⁵, будучи органом крупнейшей судоходной компании, отражал интересы крупной и средней австрийской буржуазии, значение которой в рассматриваемый период росло также и в политической сфере. Некоторое время в редактировании издания принимал участие немецкий писатель Фридрих Боденштедт, прошедший к тому моменту немало времени в России и знавший русский язык. Вполне вероятно, что трактовка «русских» сюжетов в газете осуществлялась при его участии.

Редакция «Винер боте» с самого начала заявила, что издание предназначено для «нижних классов народа»²⁶. Эта установка отразилась и на стиле публикаций, в которых, в частности, активно использовались элементы фольклора. В середине 1849 г. соредактором газеты стал знаменитый австрийский писатель и поэт Адальберт Штифтер, нередко готовивший для издания передовицы.

Значительная часть использованных газет оцифрована и доступна для изучения на сайте Австрийской национальной библиотеки²⁷.

Также к исследованию выборочно были привлечены материалы изданий «Франкфуртер журнал» (Frankfurter Journal – Франкфуртская газета), официального

---

²⁴ Подробнее о нем см.: Медяков А. С. Граф Бойст: повороты судьбы главного противника Бисмарка // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 185–204.

²⁵ До декабря 1848 г. газета издавалась в Триесте и выходила под названием “Journal des Oesterreichischen Lloyd”.

²⁶ Der Wiener Bote. 16. Februar 1849. S. 4.

²⁷ ANNO Historische Zeitungen und Zeitschriften. [Электронный ресурс] URL: <https://anno.onb.ac.at/> (дата обращения: 12.08.2024)

австрийского печатного органа «Винер цайтунг» (Wiener Zeitung – Венская газета) и периодического издания российского МИДа «Журналь де Сан-Петербург» (Journal de St.-Pétersbourg – Санкт-Петербургская газета). Эти издания, очевидно, обладали релевантностью для сотрудников дипломатического корпуса, поскольку их фрагменты периодически прикладывались к донесениям.

Документы личного происхождения. Дневники, мемуары и частная корреспонденция позволяют существенно обогатить представление о сути происходивших событий. К тому же в нашем случае некоторые из них часто оставались на обочине исторических исследований. Вместе с тем, при работе с ними необходима дополнительная осторожность, учитывая субъективный характер многих текстов.

Среди этих источников упомянем документы из наследия австрийского канцлера князя К. Меттерниха²⁸. Переписка Меттерниха после марта 1848 г. важна тем, что он, хотя и был в эти годы отставным человеком, продолжал активно коммуницировать с большим числом лиц, принимающих решения, и к его мнению прислушивались.

Информативны воспоминания австрийского посла во Франции Йозефа Гюбнера, бывшего, по некоторым данным, незаконным сыном Меттерниха²⁹. Это издание содержит не только массу информации о происходившем в дипломатическом мире Парижа, но и немало выдержек из частных писем Гюбнера министру иностранных дел Австрии Карлу Буолю, прежде всего периода восточного кризиса, в которых отражаются многие взгляды и воззрения, характерные не только персонально для Гюбнера, но в целом для той части австрийского правящего слоя, которая в тот период выступала за сближение с западными державами.

К документам, оставшимся после австрийских дипломатов, относится переписка Антона Прокеш-Остена³⁰. Письма из второго издания адресованы, в основном, министр-президенту Феликсу Шварценбергу и Буолю. Прокеш был заметной фигурой в австрийском дипломатическом корпусе и знатоком Востока. В рассматриваемый период

²⁸ Metternich K. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'État, publiés par son fils, le prince Richard de Metternich, classés et réunis par M. A. de Klinkowstroem. T. 7–8. Paris, 1883–1884; Idem. Metternich und Kübeck. Ein Briefwechsel. Wien, 1910; Idem. Briefe des Staatskanzlers Fürsten Metternich-Winneburg an den österreichischen Minister des Allerhöchsten Hauses und des Äussern, Grafen Buol-Schauenstein aus den Jahren 1852–1859. München und Berlin, 1934.

²⁹ Hübner J. A. Neun Jahre der Erinnerungen eines österreichischen Botschafters in Paris unter dem zweiten Kaiserreich 1851–1859. In 2 Bd. Berlin, 1904.

³⁰ Prokesch-Osten A. Aus dem Nachlasse des Grafen Prokesch-Osten k. k. österr. Botschafter und Feldzeugmeister: Briefwechsel mit Herrn von Gentz und Fürsten Metternich. In 2 Bde. Wien, 1881; Idem. Aus den Briefen des Grafen Prokesch von Osten, k. und k. österr. Botschafters und Feldzeugmeisters (1849–1855). Wien, 1896.

он служил посланником в Берлине, а затем был представителем Австрии во Франкфурте, председательствующим в германском сейме.

Весьма информативным оказался редко упоминаемый в историографии дневник главы австрийской полиции и жандармерии Йозефа Кемпена³¹. Интересно, что безусловно преданный австрийскому трону автор дневника, чех по происхождению, был дружественно настроен по отношению к России, и на этой почве у него возникали трения с Буолем.

К документам, происходящим из среды высшей австрийской бюрократии и армейской среды, примыкают дневники и письма Карла Кюбека, который в рассматриваемый период успел непродолжительное время побывать министром финансов, избранным депутатом Кремзирского рейхстага, австрийским представителем во временной центральной комиссии Германского союза, а затем – председателем имперского совета Австрии³². К этой же категории источников следует отнести воспоминания Карла Брука, бывшего в годы Крымской войны австрийским интернунцием в Константинополе, Ф. Вимпфена – офицера, принимавшего участие в австрийской оккупации Молдавии и Валахии в 1854–1856 гг. и убитого в 1866 г. в войне с Пруссией, а также генерала Л. Коловрата-Краковского³³.

Особняком стоят письма императора Франца Иосифа матери – эрцгерцогине Софии³⁴, и опубликованная в начале 1930-х гг. часть дневника последней³⁵. Эрцгерцогиня играла важную роль при императорском дворе в течение 1848 г., принимала участие в возведении своего старшего сына на трон и, по-видимому, полностью не отказалась от политической роли впоследствии.

Существенный интерес представляют письма саксонского дипломата К. Фицтума фон Экштедта³⁶. Фицтум служил секретарем посольства в Вене с осени 1847 по весну 1852 гг., а затем был командирован в Петербург. В его письмах приведена масса

³¹ Kempen von Fichtenstamm J. F. Das Tagebuch des Polizeiministers Kempen von 1848 bis 1859. Wien, 1931.

³² Kübeck von Kübau C. F. Tagebücher, Briefe, Aktenstücke (1841–1855). Graz-Köln, 1960.

³³ Bruck C. L. Memoiren des Baron Bruck aus der Zeit des Krimkriegs. Wien, Pest, Leipzig, 1877; Wimpffen F. A. Erinnerungen aus der Walachei während der Besetzung durch die österreichischen Truppen in den Jahren 1854–1856. Wien, 1878; Kolowrat-Krakowsky L. Meine Erinnerungen aus den Jahren 1848 und 1849. 1. Theil. Wien, 1905.

³⁴ Briefe Kaiser Franz Josephs I. an seine Mutter 1838–1872. München, 1930.

³⁵ Reinöhl F. (Hrsg.). Aus dem Tagebuch der Erzherzogin Sophie // Historische Blätter, IV, Wien, 1931. S. 109–136.

³⁶ Vitzthum von Eckstädt K. F. Berlin und Wien in den Jahren 1845–1852. Stuttgart, 1886; Idem. St. Petersburg und London in den Jahren 1852–1864. Bd. I. Stuttgart, 1886.

любопытных портретных характеристик руководителей Австрии, содержится множество мнений и слухов, имевших хождение в дипломатической среде.

Классикой политической мемуаристики XIX в. являются воспоминания Ф. Бойста³⁷. Из этого же ряда – воспоминания герцога Саксен-Кобург-Готского Эрнста II, бывшего правителем небольшого германского государства, вхожим в высшие дипломатические круги Европы, и одновременно братом принца Альберта – супруга британской королевы Виктории³⁸. Этот автор не свободен от преувеличений, однако его воспоминания представляют значительную ценность, фиксируя разговоры со многими ключевыми деятелями европейской политики в неофициальной обстановке.

Важными для изучения австро-русских отношений в германском вопросе стали записки генерал-адъютанта прусского короля Леопольда Герлаха, оказывавшего заметное влияние на внешнюю и внутреннюю политику Пруссии, а также его переписка с О. Бисмарком и флигель-адъютантом короля Э. Мантейфелем³⁹. Здесь же необходимо упомянуть воспоминания самого Отто фон Бисмарка и его письма Л. Герлаху⁴⁰. А также переписку Фридриха Вильгельма IV с Николаем I из фондов архива Гогенцоллернов⁴¹.

Ценный материал содержат письма и заметки главного автора прусской объединительной политики в Германии в 1849–1850 гг. Й. Радовица⁴².

Из источников прусского происхождения отметим воспоминания занимавшего в годы Крымской войны пост прусского военного атташе в Вене принца К. Гогенлоэ-Ингельфингена⁴³ и переписку первого императора Германской империи Вильгельма I, бывшего в рассматриваемый период Принцем Прусским, со своей сестрой, российской императрицей Александрой Федоровной⁴⁴.

³⁷ Beust F. Aus drei Viertel-Jahrhunderten. Erinnerungen und Aufzeichnungen. Bd. 1, 2. Stuttgart, 1887.

³⁸ Ernst II Herzog von Sachsen-Coburg-Gotha. Aus meinem Leben und aus meiner Zeit. Bd. 1–2. Berlin, 1889.

³⁹ Gerlach L. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs, Generals der Infanterie und General-Adjutanten König Friedrich Wilhelms IV. Nach seinen Aufzeichnungen herausgegeben von seiner Tochter. In 2 Bde. Berlin, 1892; Idem. Briefe des Generals Leopold von Gerlach an Otto von Bismarck. Hrsg. von Horst Kohl. Stuttgart und Berlin, 1912; Schoeps H. J. Aus dem Briefwechsel Leopold von Gerlachs mit Edwin von Manteuffel // Geschichte in der Gegenwart, Festschrift für Kurt Kluxen. Paderborn, 1972. S. 129–160.

⁴⁰ Bismarck O. Bismarcks Briefe an den General Leopold v. Gerlach. Berlin, 1896; Бисмарк О. фон. Воспоминания, мемуары. Т. 1–2. М.; Минск, 2002.

⁴¹ Der Briefwechsel König Friedrich Wilhelms IV. von Preussen und des Zaren Nikolaus I. von Russland in den Jahren 1848 bis 1850. Ein Beitrag zur Geschichte der russisch-preussischen Beziehungen. // Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte. Bd. 43. München und Berlin, 1930. S. 129–166.

⁴² Radowitz J. Nachgelassene Briefe und Aufzeichnungen zur Geschichte der Jahre 1848–1853. Stuttgart und Berlin, 1922.

⁴³ Hohenlohe-Ingelfingen K. Aus meinem Leben. Aufzeichnungen des Prinzen Kraft zu Hohenlohe-Ingelfingen, weiland General der Artillerie und Generaladjutant Seiner Majestät und Königs Wilhelm I. Bd. I. Berlin, 1897.

⁴⁴ Prinz Wilhelm von Preussen an Charlotte. Briefe 1817–1860. Hrsg. von K.-H. Börner. Berlin, 1993.

Издания «История венской мартовской и майской революции» и «Свидетели революции» содержат материалы, относящиеся к революции 1848 г. в Австрии⁴⁵. К этой же группе примыкают воспоминания депутата Франкфуртского парламента В. Вихманна⁴⁶.

Ценнейшим источником для нашей темы является многотомная публикация А. П. Щербатова о фельдмаршале И. Ф. Паскевиче с объемным приложением его переписки, прежде всего, с Николаем I⁴⁷. Поскольку Паскевич, как уже упоминалось, был одним из наиболее приближенных к Николаю I лиц, в частной корреспонденции император и фельдмаршал высказывали о разных, в том числе, международных сюжетах соображения, которые не встречаются в официальной документации и поэтому существенно обогащают понимание мотивов принимавшихся внешнеполитических решений.

Исключительно информативными среди источников личного происхождения стали издания частной корреспонденции канцлера К. В. Нессельроде и барона П. К. Мейендорфа, служившего в рассматриваемые годы русским посланником в Берлине и Вене⁴⁸.

Среди русских источников информационно наполненным является ряд воспоминаний русских военных, участвовавших в венгерской кампании 1849 г. и Крымской войне⁴⁹. Документы личного характера, относящиеся к восточному вопросу, публиковались на рубеже XIX–XX вв. в журнале «Русская старина»⁵⁰.

⁴⁵ Rüdigger F. Geschichte der Wiener März- und Mairevolution, bis zu den Ereignissen des 23. August 1848. Nach eigenen Erlebnissen und authentischen Quellen geschildert. Wien, 1848; 1848. Augenzeugen der Revolution. Briefe, Tagebücher, Reden, Berichte. Berlin, 1973.

⁴⁶ Wichmann W. Denkwürdigkeiten aus der Paulskirche. Hannover, 1888.

⁴⁷ Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность / По неизд. источникам сост. Ген. штаба ген.-майор кн. Щербатов. Т. 1–7. СПб., 1888–1904.

⁴⁸ Nesselrode Ch. Lettres et Papiers du Chancelier Comte de Nesselrode 1760–1856. Extraits de ses Archives. Т. IX–XI. Paris, 1904; Meyendorff P. Peter von Meyendorff. Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien. Politischer und privater Briefwechsel 1826–1863. Hrsg. von Otto Hoetzsch. Bd. I–III. Berlin und Leipzig, 1923.

⁴⁹ Дараган М. И. Записки о войне в Трансильвании в 1849 году, составленные полковником Дараганом. СПб., 1859; Ковалевский Е. П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах: с планами и картою. СПб., 1868; Николаи Л. П. Дневник барона Л. П. Николаи, веденный им во время Венгерской кампании 1849 г. // Русская старина, 1877, т. XX, кн. 9–11; Дюгамель А. О. Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. М., 1885; Граббе П. Х. Записная книжка графа П. Х. Граббе. М., 1888; Алабин П. В. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 гг. В 3-х чч. Самара, 1888–1892; Меньков П. К. Записки. В 3 т. СПб., 1898; Щербачев Г. Д. Идеалы моей жизни: воспоминания из времен царствований императоров Николая I и Александра II. М., 2015.

⁵⁰ См., напр.: Письма Е. П. Ковалевского Н. И. Любимову. // Русская старина. Т. 109, кн. III, Март 1902 г., С. 665–671.

Ряд дневников, воспоминаний и писем отечественных государственных и общественных деятелей позволил составить представление о том, как Австрия воспринималась в русском обществе середины XIX в.⁵¹

В целом, представляется, что совокупность использованных источников позволяет решить поставленные исследовательские задачи и достичь заявленной цели.

Степень разработанности темы. Историография проблем, затрагиваемых в настоящем исследовании – революции 1848–1849 гг. в Австрии в различных ее аспектах, формирующегося общественного мнения, германского и восточного вопросов, – практически необозрима. В связи с этим здесь рассматриваются работы, содержащие материал, непосредственно касающийся австро-русских отношений периода 1848–1854 гг.

Исследования австро-русских отношений середины XIX в. Публикации, относящиеся к этому разделу, как правило, носят общий или обзорный характер. В этом ключе историю австро-русских отношений рассматривает Т. М. Исламов, расценивавший австрийское давление на Россию в 1854 г. как «первый разрыв тщательно сбалансированной системы Меттерниха, одним из ключевых компонентов которой были совместные действия с Романовыми с целью сохранения статус-кво на Балканах»⁵². Причем мотивом такой политики, по мнению исследователя, были для Австрии «собственные великодержавные цели, и среди них – осуществление давнего намерения по установлению немецкого контроля над Дунаем от Ульма до Черного моря»⁵³. В другой публикации Т. М. Исламов предложил обобщающе-концептуальное изложение отношений Австрийской и Российской империй⁵⁴.

---

⁵¹ Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой, 1854–1855. СПб., 1913; Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта, 1860–1867. М., 1992; Корф М. А. Записки. М., 2003; Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999; Он же. Воспоминания: 1843–1856. М., 2000; Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. М., 2002–2005; Тютчева А. Ф. Воспоминания. М., 2002.

⁵² Islamov T. The Balkan Policy of the Habsburg Monarchy and Austro-Russian Relations // *Insurrections, Wars, and the Eastern Crisis in the 1870s*. Ed. by V. K. Kiraly and G. Stokes. New York, 1985. P. 33.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Исламов Т. М. Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVIII–XIX вв.) // *Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика*. М., 1997. С. 250–263. См. также его публикацию по историографии: Исламов Т. М. Внешняя политика России и русско-австрийские отношения в современной русской историографии // *Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели*. Выпуск 1. Москва – Ставрополь, 2004. С. 4–63.

Австрийская исследовательница И. Шварц подготовила обзор дипломатических связей между Австрией и Россией в течение нескольких столетий⁵⁵. Кратко рассмотрены отношения между Веной и Петербургом в течение XIX – начала XX вв. в коллективном издании, подготовленном Российско-австрийской комиссией историков⁵⁶. Проблематику двусторонних отношений рассматривает Е. В. Сироткина⁵⁷. Необходимо, впрочем, отметить, что заявленные в посвященных австро-русским отношениям публикациях темы обычно не получают у нее основательной разработки.

Исследователи обращались к отдельным аспектам отношений между империями Габсбургов и Романовых в XIX в., а также затрагивали соответствующие вопросы в рамках работ по более общим проблемам. Так, взаимодействие Австрии и России рассматривается в некоторых публикациях, посвященных революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи. Одно из первых исследований в этом ряду принадлежит классику отечественной историографии С. М. Соловьеву⁵⁸. Заметный след в этом исследовательском поле оставила Р. А. Авербух⁵⁹. Историей венгерской кампании 1849 г. занимался В. Н. Виноградов, возможно, впервые обративший внимание на то, что русское правительство далеко не сразу ответило согласием на просьбы Австрии о помощи⁶⁰. Отдельные стороны участия России в умиротворении Венгрии отражены в публикациях И. И. Орлик и А. С. Стыкалина⁶¹.

⁵⁵ Шварц И. Австро-русские дипломатические отношения на протяжении веков // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв. Памяти Т. М. Исламова. Отв. ред. А. С. Стыкалин. СПб., 2009. С. 35–50.

⁵⁶ Дробеш В., Котова Е. В. Россия и Австрия «под сенью» Священного Союза: от Венского конгресса до кануна Крымской войны // Россия – Австрия. Вехи совместной истории. М., 2017. С. 36–57; Мюллер В., Павленко О. В. Россия и монархия Габсбургов 1853–1914 гг.: через кризисы к крушению // Там же. С. 58–83.

⁵⁷ Сироткина Е. В. Австрия и «германский вопрос» в 1848–1866 гг. // Чичеринские чтения. Международные отношения в XIX–XX вв.: проблемы трансформации мирового порядка. Материалы межрегиональной научной конференции 25–26 ноября 2004 г. Тамбов, 2005. С. 18–21; Она же. «Всегда оказывать сопротивление России, никогда не разрывая с ней»: австрийско-русские отношения накануне Крымской войны // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 9. С. 329–333; Она же. «Русская помощь – это несчастье для Австрии»: образ России в общественном мнении Австрии в середине XIX в. // Глобальный научный потенциал. 2013. № 10. С. 64–68; Она же. Австрийско-русские межгосударственные связи накануне Крымской войны // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. Тамбов, 2013; Она же. Восточный вопрос, Крымская война и конец «Священного альянса» в австрийско-русских отношениях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 77–83.

⁵⁸ Соловьёв С. М. Россия, Австрия и Англия во время движений 1848 и 1849 годов // Русская старина. 1877. Т. 20. № 11. С. 407–426.

⁵⁹ Авербух Р. А. Николай I...; Она же. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией. М., 1935; Она же. Австрийская революция...

⁶⁰ Виноградов В. Н. Венгерский поход И. Ф. Паскевича 1849 г.: легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 90–91.

⁶¹ Орлик И. И. Венгерская революция 1848–1849 годов и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2. С. 21–40; Стыкалин А. С. Правда и вымысел о реакции российского общества на венгерскую революцию 1848 г. Венгерская кампания 1849 г. и капитан Гусев // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 38–54; Стыкалин А. С., Колин А. И.

Среди исследований политического аспекта русской помощи Габсбургам в 1849 г. следует отметить работу австрийского военного историка Г. Керхнаве⁶². Утверждение исследователя о том, что 1849 г. стал в определенном смысле кульминацией Священного союза⁶³, представляется спорным, поскольку Священный союз был проектом христианской солидарности, не содержащим конкретного механизма вмешательства⁶⁴. Публикация интересна тем, что в ней помещены выдержки из протоколов заседаний совета министров первых месяцев 1849 г., на которых обсуждался вопрос привлечения русских войск для борьбы с венгерской революцией.

Позднее по-немецки были опубликованы работы венгерской исследовательницы Э. Андич о событиях 1849 г.⁶⁵. Из публикаций, посвященных этой теме в последние годы, заслуживает внимания статья еще одного венгерского специалиста И. Рошонци⁶⁶.

В англоязычном сегменте историографии следует отметить отличающуюся глубиной анализа монографию британского историка И. Робертса об участии России в подавлении венгерской революции. Эти события Робертс исследует в рамках более широкого контекста русской внешней политики в 1848–1849 гг.⁶⁷.

С иного ракурса австро-русские отношения рассматриваются в некоторых исследованиях, посвященных восточному вопросу. Так, например, к периоду Первой мировой войны относится публикация М. А. Таубе, по понятным причинам не свободная от некоторой тенденциозности⁶⁸.

«Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо необходимо». Межэтнические распри в Трансильвании в условиях венгерской революции 1848–1849 гг. и российское военное присутствие в Дунайских княжествах // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Выпуск VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи. Ставрополь, 2018. С. 149–178; Стыкалин А. С. «Было что-то особенно тягостное во всей этой церемонии...». Сдача венгерского революционного войска в августе 1849 г. глазами русского офицера // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Выпуск VII. Ставрополь, 2019. С. 152–166; Он же. Дунайские княжества и Трансильвания глазами русских военных наблюдателей (1848–1849). По документам Российского государственного военно-исторического архива // Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И. С. Достяна / Отв. редактор С. И. Данченко. М., 2021. С. 193–223.

⁶² Kerchnawe H. Feldmarschall Alfred Fürst Windisch-Graetz und die Russenhilfe 1849 // Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung. Bd. 43. Innsbruck, 1929. S. 325–375.

⁶³ Op. cit. S. 335.

⁶⁴ См. подробнее об этом: Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. М., 2007. С. 192.

⁶⁵ Andics E. Die Habsburger und die Frage der Zarenhilfe gegen die Revolution (Vom Münchengrätzer Abkommen bis zum Mai 1849). Budapest, 1960; Idem. Das Bündnis Habsburg-Romanov: Vorgeschichte der zaristischen Intervention in Ungarn im Jahre 1849. Budapest, 1963.

⁶⁶ Рошонци И. Роль железнодорожного сообщения в оказании Россией военной помощи Австрии в мае 1849 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Вып. 13. № 3–4. М., 2018. С. 32–49.

⁶⁷ Roberts I. W. Nicholas I and the Russian intervention in Hungary. Basingstoke, 1991.

⁶⁸ Таубе М. А. Исторические корни теперешней войны в эпоху императоров Александра I и Николая I: (система австро-русского согласия в Восточном вопросе и ее крушение). М., 1916.

Исследования О. В. Павленко посвящены роли «славянского фактора» в отношениях империй Габсбургов и Романовых XIX — начала XX вв.⁶⁹. Славянский вопрос, по мнению исследовательницы, одновременно сближал и разъединял Австрийскую и Российскую империи⁷⁰.

В целом, следует отметить, что, несмотря на существование различных обзорных работ и исследованность отдельных аспектов взаимодействия Вены и Петербурга, специального исследования австро-русских отношений в решающий для них период 1848–1854 гг. до сих пор не предпринималось.

Исследования германского вопроса. В советский период отечественные историки регулярно обращались к проблематике германского вопроса, в том числе, его международного измерения⁷¹.

В современной отечественной германистике следует отметить работы А. С. Медякова, посвященные развитию немецкого национального сознания и отдельным аспектам объединения Германии⁷². Германский вопрос во франко-русских отношениях разрабатывает П. И. Королев⁷³. Проблематику «Третьей Германии» в середине XIX в. исследует П. А. Даценко⁷⁴. Германской политике Австрии в 1850-е–1860-е гг. посвятила одну из публикаций Е. В. Котова⁷⁵.

⁶⁹ Павленко О. В. «Славянский фактор» в отношениях России и Австрии в 40-60-е годы 19 века // Славяно-германские исследования. Т. 1–2. М., 2000. С. 243–288; Она же. Проблемы панславизма в имперской дипломатии России и Австрии в 20-60-е годы XIX века // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Выпуск 1. Москва — Ставрополь, 2004. С. 64–109; Она же. Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов: 1830-е гг. - 1914 г. В 2-х т.: Дис. ... докт. истор. наук. М., 2022.

⁷⁰ Павленко О. В. «Славянский фактор»... С. 244.

⁷¹ Рубинштейн Е. И. Национальный вопрос во Франкфуртском парламенте в мае-сентябре 1848 года // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. Т. 5. № 1. М., 1948. С. 36–51; Долгопольская-Кершнер С. А. Австро-прусская борьба за гегемонию в Германии в 1848–50 гг. и позиция русского царизма: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1956; Галкин И. С. Создание Германской империи, 1815–1871 гг. М., 1986; Сергеев В. В. Англия и объединение Германии в 1848–1871 гг. Л., 1986; Нерсесов Г. А. Политика России на Тешенском конгрессе (1778–1779). М., 1988.

⁷² Медяков А. С. Национальная идея и национальное сознание немцев // Национальная идея в Западной Европе в новое время. М., 2005. С. 394–458; Он же. Граф Бойст: повороты судьбы главного противника Бисмарка // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 185–204.

⁷³ Королев П. И. Германский вопрос во франко-русских отношениях в начале 1850-х - начале 1870-х годов: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2011.

⁷⁴ Даценко П. А. Проекты реформирования Германского союза и политика средних германских королевств в 1849–1864 гг.: Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. М., 2019; Он же. Преемственность или разрыв? О конституционных актах Германского союза 1815 и 1820 гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 62–70; Он же. Дрезденская конференция 1850—1851 гг. в освещении российских посланников при германских королевствах // История – 2022. – Том 13. – Выпуск 9 (119) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/S207987840022752-6-1> (Дата обращения: 29.11.2023).

⁷⁵ Котова Е. В. Германский вопрос во внешней политике Австрийской империи в 1850–1866 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016050-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840016050-4 (Дата обращения: 20.06.2024).

В обширной немецкой историографии германского вопроса отметим, прежде всего, таких классиков, как Г. Зибель, который был не только исследователем, но и непосредственным участником описываемых исторических событий, и Г. Трейчке⁷⁶.

Вопросу австро-прусского противостояния в 1849–1850 гг. посвятил одну из своих работ австриец Г. Фридьонг, для которого был характерен либеральный взгляд на предмет исследования и дистанцирование от малогерманской школы⁷⁷. Еще один классик германской историографии Ф. Мейнеке подготовил биографию прусского генерала Й. Радовица с фокусом на германской политике Берлина⁷⁸. Позицию русской дипломатии по отношению к германской политике Пруссии изучал В. Андреас, давший следующую оценку германской и в целом европейской политике России: «Это была политика идейная и реальная политика, ведомая мотивами в высшей степени универсальными и одновременно полностью русскими»⁷⁹. И. Ранцау сконцентрировался на восприятии Венной шлезвиг-гольштейнского вопроса, сыгравшего заметную роль в развитии австро-русских отношений рассматриваемого периода⁸⁰. Ф. Бильгер исследовал взгляды фельдмаршала Радецкого на международное положение Австрии и, прежде всего, на германский вопрос⁸¹. Работа подготовлена на основе как прижизненных публикаций, так и неопубликованных писем фельдмаршала.

Австрийские исследования в межвоенный период, когда началось осмысление исторического опыта исчезнувшей габсбургской монархии, изобилуют такими терминами как «наследие» и «миссия»⁸². Именно тогда вышел посвященный германскому вопросу четырехтомный труд, возможно, наиболее заметного австрийского историка этого периода Г. Србика⁸³. Автор был представителем «общенемецкого» (gesamtdeutsch) направления в

⁷⁶ Sybel H. Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I. Bd. 1–7. München und Leipzig, 1892; Treitschke H. Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. Berlin, 1933.

⁷⁷ Friedjung H. Fürst Felix Schwarzenberg und Graf Albrecht Bernstorff // Historische Zeitschrift. Bd. 107. H. 3 (1911). S. 540–579.

⁷⁸ Meinecke F. Radowitz und die deutsche Revolution. Berlin, 1913.

⁷⁹ Andreas W. Die russische Diplomatie und die Politik Friedrich Wilhelms IV. von Preussen. Berlin, 1927. S. 64.

⁸⁰ Rantzau J. A. Zur österreichischen Auffassung der Schleswig-Holsteinischen Frage // Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte. Bd. 60/2. 1931. S. 411–435.

⁸¹ Bilger F. “Grossdeutsche” Politik im Lager Radetzky // Historische Blätter. 4. Heft. Wien, 1931. S. 3–36.

⁸² Jaschke A. R. C. Österreichs deutsches Erbe: Ein europäisches Raumproblem. Graz, 1934; Bauer W. Das Deutschtum der Deutsch-Österreicher // Österreich. Erbe und Sendung im deutschen Raum. Hrsg. v. J. Nadler und H. v. Srbik. Salzburg-Leipzig, 1936. S. 369–382.

⁸³ Srbik H. Deutsche Einheit: Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz. In 4 Bde. München, 1936. См. также: Idem. Österreich im Heiligen Reich und im Deutschen Bund 1521/22–1866 // Österreich. Erbe und Sendung im deutschen Raum. Hrsg. v. J. Nadler und H. v. Srbik. Salzburg-Leipzig, 1936. S. 121–140.

науке, набравшего популярность в 1930-е гг.⁸⁴. Србик подчеркивает культуртрегерскую миссию немцев Австрии в Центре и на Юго-Востоке Европы⁸⁵. Николая I историк считал не только политиком принципов, но и защитником государственных интересов России⁸⁶.

Немецкий исследователь А. Шарфф, рассмотревший политику европейских держав по отношению к немецкой революции 1848 г., высказал довольно категоричную мысль о том, что «сохранение австрийской монархии было для России вопросом жизни»⁸⁷. Подобно Србику, он считал, что политика России при Николае I сочетала в себе идеологический и национально-силовой компоненты⁸⁸.

В послевоенный период вышла публикация И. Хоффманна о русском факторе в кульминационный период австро-прусского соперничества осенью 1850 г.⁸⁹. Э. Бирке изучил французские представления о Центральной Европе в XIX в.⁹⁰. Э. Гёрлих рассмотрел связанные с этим регионом неофициальные представления в Австрии неоабсолютистской эры, в которых делался акцент в первую очередь на экономических, материальных интересах⁹¹.

Видное место в австрийской историографии германского вопроса послевоенного периода занимает Г. Румплер, рассматривавший применительно к этому вопросу как политику Вены, так и деятельность средних германских государств⁹².

В 1970-1980-е гг. выходит значительное число работ, посвященных экономическим и национальным аспектам объединения Германии⁹³. На изучении германской политики

⁸⁴ См. об этом: Даценко П. А. О некоторых аспектах изучения великогерманской идеи 1848–1866 годов // Новая и новейшая история. 2022. № 6. С. 20–21.

⁸⁵ Srbik H. Deutsche Einheit... Bd. 1. S. 301.

⁸⁶ Ibid. Bd. 2. S. 13.

⁸⁷ Scharff A. Die europäischen Grossmächte und die deutsche Revolution. Deutsche Einheit und europäische Ordnung 1848–1851. Leipzig, 1942. S. 101.

⁸⁸ Ibid. S. 124.

⁸⁹ Hoffmann J. Russland und die Olmützer Punktation vom 29. November 1850 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 7. Berlin, 1959. S. 59–71.

⁹⁰ Birke E. Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert: Beiträge zur Politik und Geistesgeschichte. Köln, 1960.

⁹¹ Görlich E. J. Die mitteleuropäische Idee in Österreich 1849–1859 // Österreichische Osthefte. Heft 1. 1969. S. 13–21.

⁹² Rumpler H. Die deutsche Politik des Freiherrn von Beust 1848 bis 1850. Zur Problematik mittelstaatlicher Reformpolitik im Zeitalter der Paulskirche. Wien-Köln-Graz, 1972; Idem. Felix Schwarzenberg und das "Dritte Deutschland". Überlegungen zu Heinrich von Srbiks Interpretation der deutschen Politik Österreichs // Beiträge zur neueren Geschichte Österreichs. Wien-Köln-Graz, 1974. S. 371–382.

⁹³ См., напр.: Böhme H. Deutschlands Weg zur Grossmacht. Studien zum Verhältnis von Wirtschaft und Staat während der Reichsgründungszeit 1848–1881. Köln, 1972; Kann R. A. Deutschland und das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie aus österreichischer Sicht // Deutschland und Österreich: Ein bilaterales Geschichtsbuch. Wien, 1980. S. 412–423; Wandruszka A. Grossdeutsche und kleindeutsche Ideologie 1840–1871 // Deutschland und Österreich. Ein bilaterales Geschichtsbuch. Hrsg. v. R. A. Kann und F. E. Prinz. Wien, 1980. S. 110–142; Fellner F. Die Historiographie zur österreichisch-deutschen Problematik als Spiegel der nationalpolitischen Diskussion // Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert. Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa. Wien, 1982. S. 33–59; Hamann B. Die Habsburger und die deutsche Frage im 19. Jahrhundert // Österreich und die deutsche

Вены сосредоточил внимание австриец М. Дерндарски, полагавший, что в 1850-е гг. позиция и действия Австрии в германском вопросе были оборонительными, поэтому встречающаяся характеристика австрийской политики как агрессивной неубедительна⁹⁴.

Среди общих исследований немецкой истории рассматриваемого периода следует отметить фундаментальные работы Т. Ниппердея и Г. Лутца⁹⁵. Международное измерение австро-прусского соперничества в середине XIX в. рассматривает в своей статье А. Дёринг-Мантейфель⁹⁶.

В рамках англоязычной историографии А. Дж. П. Тейлор посвятил отдельную работу обзору немецкой истории XIX – начала XX вв.⁹⁷. Исследование написано в свойственном автору публицистическом стиле.

Монография британского историка В. Мосса посвящена анализу политики европейских держав в германском вопросе в десятилетия, предшествовавшие объединению⁹⁸. Особый акцент Мосс делает на политике Англии и России. В вопросе о том, какие мотивы преобладали во внешней политике Николая I – идеологические или связанные с национальным интересом – Мосс придерживается мнения, что жесткое противопоставление идеологии и национального интереса является ложным, поскольку в реальности оба компонента взаимодействуют, и политика, как правило, является результатом такого взаимодействия⁹⁹. В том, что касается поражения революций середины XIX в., исследователь склонен думать, что восстановление «нового Священного союза» обусловило сближение Англии и Франции в последующие годы со всеми последствиями этого сближения для мира в Европе¹⁰⁰.

Frage im 19. und 20. Jahrhundert. Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa (Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit, Band 9/1982). München, 1982. S. 212–230; Hahn H.-W. Mitteleuropäische oder kleindeutsche Wirtschaftsordnung in der Epoche des deutschen Bundes // Deutscher Bund und deutsche Frage 1815–1866. (Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Bd. 16/17.) Wien-München 1990, S. 186–214.

⁹⁴ Derndarsky M. Österreich und der Deutsche Bund, 1815–1866. Anmerkungen zur deutschen Frage zwischen dem Wiener Kongress und Königgrätz // Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Bd. 9. München, 1982. S. 109. См. также: Idem. Habsburg zwischen Preussen und Deutschland: Österreichs politisches und wirtschaftliches Interesse am Deutschen Bund // Deutscher Bund und deutsche Frage, 1815–1866. Wien, 1990. S. 292–313.

⁹⁵ Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1984; Lutz H. Zwischen Habsburg und Preussen: Deutschland 1815–1866. Berlin, 1985.

⁹⁶ Doering-Manteuffel A. Der Ordnungszwang des Staatensystems: Zu den Mitteleuropa-Konzepten in der österreichisch-preussischen Rivalität 1849–1851 // Die Herausforderung des europäischen Staatensystems: nationale Ideologie und staatliches Interesse zwischen Restauration und Imperialismus. Göttingen, 1989. S. 119–140.

⁹⁷ Taylor A. J. P. The Course of German History. A survey of the Development of Germany since 1815. London, 1945.

⁹⁸ Mosse W. E. The European powers and the German question 1848–71 with special reference to England and Russia. Cambridge, 1958.

⁹⁹ Op. cit. P. 46.

¹⁰⁰ Ibid. P. 47.

Изучение германского вопроса с акцентом на Австрии в последние десятилетия активно развивалось в США. Наибольшая глубина анализа характерна для публикаций Э. Крэе, Г. Мейера, К. Рока¹⁰¹.

Отдельно отметим публикации Р. Остенсена – ученика видного американского специалиста по истории международных отношений Нового времени П. Шрёдера. Анализируя международную обстановку периода Крымской войны, Остенсен высказывает мнение, что сближение Вены с Англией и Францией было мотивировано не враждебностью министра иностранных дел К. Буоля к России, а стремлением умерить аппетиты морских держав¹⁰² в этом конфликте и ускорить завершение последнего компромиссом. И, несмотря на малую эффективность такой политики, Буоль, по убеждению Остенсена, немало сделал для того, чтобы война завершилась уже в начале 1856 г.¹⁰³ Что же касается конечной неудачи его внешней политики, она была вызвана тем, что в 1850-е гг. Австрия осталась единственной великой державой, стремившейся к сохранению статус-кво в Европе, в то время как ни одна другая держава не была заинтересована в долгосрочном союзе с Веней¹⁰⁴. Поэтому политика Буоля, шедшая в русле охранительных традиций Меттерниха, в новых внешнеполитических реалиях была обречена на неудачу¹⁰⁵.

Исследования восточного вопроса и Крымской войны. Из обширного корпуса изданий по восточному вопросу в настоящем исследовании использованы обладающие наибольшей актуальностью для проблематики австро-русских отношений.

Изучение историками места Австрии в Крымской войне началось уже в первые годы после подписания Парижского мира. Так, в работах С. Н. Палаузова можно встретить

¹⁰¹ Kraehe E. E. Austria and the Problem of Reform in the German Confederation, 1851–1863 // The American Historical Review. 1951. Vol. 56. № 2. P. 276–294; Meyer H. C. Mitteleuropa in German Thought and Action 1815–1945. The Hague, 1955; Rock K. Felix Schwarzenberg, Military Diplomat // Austrian History Yearbook. January 1975. Vol. 11. P. 85–100. О германской политике Австрии см. также: Smallwood M. T. The Failure of Prime Minister Schwarzenberg's Bund Policies: a Re-evaluation of the Olmütz and Dresden Conferences. Ph.D. Dissertation. The Ohio State University, 1972; Katzenstein P. J. Disjoined Partners. Austria and Germany Since 1815. Berkeley, 1976; Sondhaus L. Schwarzenberg, Austria and the German Question, 1848–1851 // The International History Review. Feb., 1991. Vol. 13. No. 1. P. 1–20.

¹⁰² «Морские державы» в рассматриваемый период – одно из обозначений Англии и Франции.

¹⁰³ Austensen R. A. Austria and the “Struggle for Supremacy in Germany”, 1848–1864 // Journal of Modern History. 1980. Vol. 52. № 2. June. P. 216.

¹⁰⁴ Austensen R. A. Count Buol and the Metternich Tradition // Austrian History Yearbook. Vol. 9–10. 1973–1974. P. 190.

¹⁰⁵ Ibid. P. 192–193. См. также следующие публикации Остенсена по германскому вопросу: Austensen R. A. Felix Schwarzenberg: “Realpolitiker” or Metternichian? The evidence of the Dresden Conference // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Bd. 30. 1977. S. 97–118; Idem. “Einheit oder Einigkeit”? Another Look at Metternich's View of the German Dilemma // German Studies Review. Vol. 6. No. 1. Feb. 1983. P. 41–57; Idem. The Making of Austria's Prussian Policy, 1848–1852 // The Historical Journal. Vol. 27. № 4. December 1984. P. 861–876; Idem. Metternich, Austria, and the German Question, 1848–1851 // The International History Review. Vol. 13. № 1. February 1991. P. 21–37.

утверждение, что в 1853–1854 гг. Австрия всю свою деятельность направляла к занятию места России в Дунайских княжествах¹⁰⁶. Одним из ранних исследований стала работа историка и дипломата А. Г. Жомини, написанная в 1863 г. Жомини представил официальную российскую версию событий кануна и самой Крымской войны и возложил значительную долю ответственности за ее начало на Австрию¹⁰⁷. История Крымской войны М. И. Богдановича является примером того, что широко распространенное среди русских современников представление о неуплаченном «долге благодарности» Австрии по отношению к России за помощь в 1849 г. перекочевало в исторические исследования¹⁰⁸.

Заметными публикациями в этом проблемном поле стали две книги русского дипломата и историка С. С. Татищева о внешней политике Николая I¹⁰⁹. Исследователь критически оценивал восточную политику императора, полагая, что он добровольно подчинил русские государственные интересы «мнимой солидарности интересов соединенной Европы»¹¹⁰.

Иную трактовку событий применительно к началу войны дал Я. Н. Бутковский, писавший об откровенно наступательном характере действий Николая I на Востоке в начале 1853 г. и полагавший, что в Петербурге в этот период было принято решение «воспользоваться обстоятельствами, чтобы придать такое толкование постановлениям Кючук-Кайнарджийского договора, которое значительно переступало текст документа»¹¹¹. Вместе с тем, в качестве главной причины вывода русских войск из Дунайских княжеств в 1854 г. Бутковский называет политику Пруссии и ряда второстепенных германских государств, вызвавшую опасения Николая I относительно их союза с западными державами¹¹². Позднее исследование этой проблематики было продолжено А. Н. Петровым, С. М. Горяиновым и Г. В. Чичериным¹¹³.

¹⁰⁶ Палаузов С. Н. Австрия со времени революции 1848 года. СПб., 1860. С. 59. См. также: Он же. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859.

¹⁰⁷ Жомини А. Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны. М., 2017. С. 337.

¹⁰⁸ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов / Соч. ген.-лейт. М. И. Богдановича. Т. I. СПб., 1876. С. 91. См. также реакцию на исследование Богдановича: Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 годов: обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича. Составил Н. Дубровин, чл.-кор. Имп. Акад. наук. СПб., 1878.

¹⁰⁹ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого: Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887; Он же. Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889.

¹¹⁰ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого... С. 626.

¹¹¹ Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политики в восточном вопросе. СПб., 1888. Т. 2. С. 22.

¹¹² Там же. С. 54.

¹¹³ Петров А. Н. Русские в Румынии и на Дунае в 1853 и 1854 гг. // Русская старина. 1888. Сентябрь. С. 561–582; Он же. Русские в Румынии и на Дунае в 1853 и 1854 гг. // Русская старина. 1888. Октябрь. С. 227–259; Горяинов С. М. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербургском Главном Архивах. СПб., 1907; Чичерин Г. В. Исторический очерк дипломатической деятельности А. М. Горчакова М., 2009.

Яркий след в историографии Крымской войны дореволюционного периода оставил А. М. Зайончковский, исследование которого обладает большой ценностью, в том числе, благодаря объемному приложению, включающему дипломатические источники по внешней политике рассматриваемого периода¹¹⁴.

Характерной работой раннего советского периода в этой области является исследование М. Н. Покровского¹¹⁵. Ряд оценок, сделанных автором, носит достаточно парадоксальный характер. Так, например, Покровский пишет, что в конце 1848 г. в преддверии выборов во Франции Луи-Наполеон через своего агента попросил у Николая I денег на предвыборную борьбу, но российский император, вследствие идеологической непримиримости, отказал и, таким образом, не сумел «откупиться от Крымской войны»¹¹⁶. В критике внешней политики царя исследователь доходит до утверждения о том, что в военном отношении Россия в тот период «не была безусловно сильнее даже Турции»¹¹⁷.

К кругу работ, посвященных исследованию причин Крымской войны, относится публикация С. А. Никитина в журнале «Вопросы истории»¹¹⁸. Автор утверждает наличие у русского правительства «агрессивного плана» к моменту начала кризиса и неспособность его осуществить¹¹⁹.

Хрестоматийным исследованием остается «Крымская война» Е. В. Тарле, в которой академик характеризует австрийскую политику этого периода как «полный провал»¹²⁰. Экономические аспекты Крымской войны исследовал А. С. Нифонтов¹²¹. Н. И. Хитрова изучила черногорский кризис 1852–1853 гг., как одну из важных страниц предыстории войны¹²².

Видное место среди исследований восточного вопроса советского периода занимает коллективная монография «Восточный вопрос во внешней политике России»¹²³. Авторы издания сформулировали определение восточного вопроса, до сих пор

¹¹⁴ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–2. СПб., 1908–1913.

¹¹⁵ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

¹¹⁶ Указ. соч. С. 104–105.

¹¹⁷ Там же. С. 130–131.

¹¹⁸ Никитин С. А. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 3–29.

¹¹⁹ Указ. соч. С. 29.

¹²⁰ Тарле Е. В. Крымская война // Сочинения: в 12 т. М., 1959. Т. 9. С. 553.

¹²¹ Нифонтов А. С. Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853–1856 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. ст. М., 1971. С. 69–90.

¹²² Хитрова Н. И. Позиция России и Австрии в связи с черногорско-турецкой войной 1852–1853 гг. // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972. С. 179–187.

¹²³ Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII – начало XX в. М., 1978.

остающееся одним из классических: «Под Восточным вопросом следует понимать международную проблематику середины XVIII — начала XX в., появление которой было связано с упадком Османской империи, размахом национально-освободительной борьбы подвластных ей народов и усилением противоречий европейских держав на Ближнем Востоке в связи с развитием колониализма»¹²⁴.

Британскую политику в восточном вопросе анализировал В. Н. Виноградов¹²⁵. По его мнению, причина того, что в течение большей части XIX в. Англия стремилась к сохранению Османской империи вместо создания независимых балканских государств с господствующим английским влиянием в них заключается в том, что «ни Греция, ни какое-либо другое государственное образование не могло заменить Турцию в качестве антирусского «барьера», и не только из-за малой своей величины, но и по причине широко распространенных на Балканах симпатий к России, чувству признательности за ту большую роль, которую наша страна сыграла в деле освобождения угнетенных народов»¹²⁶. Специальное исследование отношениям Турции с европейскими державами посвятил В. И. Шеремет¹²⁷.

В последние годы продолжают появляться исследования российских историков, в которых рассматриваются отдельные аспекты австрийской и русской политики на Балканах в годы Крымской войны¹²⁸. Вопросы внешней политики затрагивает в монографии, посвященной Николаю I, Л. В. Выскочков¹²⁹.

---

¹²⁴ Указ. соч. С. 4.

¹²⁵ См. напр., Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.

¹²⁶ Указ. соч. С. 322. См. также: Виноградов В. Н. Восточный вопрос, Балканы и Россия. // История. Культура. Этнология. М., 1994. С. 114–125.

¹²⁷ Шеремет В. И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. М., 1986.

¹²⁸ Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998. См. также более раннее биографическое исследование, посвященное Горчакову: Семанов С. Н. А. М. Горчаков – русский дипломат XIX в. М., 1962; Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1–2. С. 192–210; 139–152; Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004; Чеханов И. С. Франц Иосиф I и Крымская война // Чичеринские чтения. Международные отношения в XIX–XX вв.: проблемы трансформации мирового порядка. Материалы межрегиональной научной конференции 25–26 ноября 2004 г. Тамбов, 2005. С. 14–18; Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи 1801–1914. М., 2006; Бесов А. Г. О причинах и итогах Крымской войны 1853–1856 годов // Восточный архив № 14–15, М., 2006. С. 5–10; Кулаков А. А. Дунайские княжества во время австрийской оккупации 1854–1855 годов // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 19–25; Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг.: Дис. ... канд. истор. наук. М., 2013; Павленко О. В. Крымская война в исторической памяти российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. 2014 №18 (140). Серия «Международные отношения. Зарубежное регионоведение». С. 9–37; Чуркина И. В. «Северная пчела» о событиях на Балканах накануне и во время Крымской войны // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А. А. Улуяна: Сб. статей. М., 2014. С. 91–114; Котова Е. В. Политика Австрии накануне и в период Крымской войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 8 (94). URL: <https://history.jes.su/s207987840011044-7-1/>. (Дата обращения: 21.10.2022); Таньшина Н. П. К. В. Нессельроде: Искусство быть дипломатом. СПб., 2021.

¹²⁹ Выскочков Л. В. Николай I. М., 2006.

Среди обобщающих трудов следует отметить «Историю внешней политики России»¹³⁰. Пятитомник охватывает период с конца XV в. до 1917 г. В издании делается утверждение, что Крымская война покончила с Венской системой международных отношений¹³¹.

В немецкоязычной историографии одной из первых работ, посвященных восточной политике Вены, стала монография А. Беера, обратившего внимание на то, что противоречия Австрии и России на Востоке уходят корнями еще в XVIII в.¹³². Это направление исследований было продолжено Г. Фридьонгом, написавшем отдельную работу о политике Австрии в период Крымской войны¹³³. Фридьонг утверждал, что Николай I хотел увенчать конец своего царствования превращением Турции в покровительствуемое Россией государство и обеспечением за собой Константинополя, в то время как австрийское требование к России 3 июня 1854 г. было ударом для «завоевательных планов русских на Балканах»¹³⁴. Из этого убеждения вытекает и общая оценка историком Крымской войны: «Борьба в Черном море была последней войной за европейское равновесие; ценой победы была не непосредственная выгода, а предотвращение русского преобладания»¹³⁵.

Перу австрийского исследователя первой половины прошлого века Р. Хармаца принадлежат работы по истории внешней политики Австрии в XIX в.¹³⁶. Хармац отмечает, что в период Крымской войны борьба прорусской и антирусской партий в Вене вместе с переменным успехом этой борьбы создавала у руководителей европейской политики впечатление, что австрийский внешнеполитический курс нестабилен, и, соответственно, вызывала дополнительное недоверие к Австрии¹³⁷.

---

¹³⁰ История внешней политики России: В 5 т. М., 2018.

¹³¹ Указ. соч. Т. 3. С. 6.

¹³² Beer A. Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774. Prag-Leipzig, 1883.

¹³³ Friedjung H. Der Krimkrieg und die österreichische Politik. Stuttgart and Berlin, 1907.

¹³⁴ Op. cit. S. 1; 64.

¹³⁵ Ibid. S. 187.

¹³⁶ Charmatz R. Deutsch-österreichische Politik. Studien über den Liberalismus und über die auswärtige Politik Österreichs. Leipzig, 1907; Idem. Geschichte der auswärtigen Politik Österreichs im 19. Jahrhundert. Bd. 2. 1848 bis 1895. Leipzig-Berlin, 1918.

¹³⁷ Charmatz R. Geschichte der auswärtigen Politik Österreichs... Bd. 2. S. 42.

Сюжеты, связанные с предысторией Крымской войны, рассматривали в начале XX в. Р. Саломон и Т. Шиман, подготовивший фундаментальное исследование царствования Николая I¹³⁸.

Ф. Экхарт посвятил свое исследование выявлению взаимосвязей между событиями Крымской войны и германским вопросом¹³⁹. Говоря о прусской политике этого периода, историк сделал интересное предположение: Берлин не вступил в антироссийскую коалицию во многом потому, что этого вступления очень хотела Австрия¹⁴⁰. Неоднозначным представляется его мнение о том, что Австрия в этот период не боялась французской опасности, поскольку угроза для ее интересов на Юго-Востоке со стороны России была значительно серьезнее¹⁴¹. Оценивая политику Вены, Экхарт приходит к выводу, что во всех принципиальных моментах Франц Иосиф и Буоль были едины и оба стремились к миру.

Австрийский исследователь Ф. Энгель-Яноши обращает внимание на системоразрушающий для международных отношений характер австро-русских противоречий на Балканах, определяя их как одну из главных политических антиномий европейской истории¹⁴².

Заметным событием в области исследований австрийской политики в восточном вопросе стала работа Б. Ункеля, написанная преимущественно на материалах венских архивов¹⁴³. Историк полагал, что война на Востоке назревала уже в начале 1853 г., причем активная политика Австрии, проявившаяся в требовании выдачи беженцев в 1849 г., а затем в миссии Лейнингена, внесла свой вклад в обострение восточного вопроса перед Крымской войной¹⁴⁴. Венскую миссию А. Ф. Орлова Ункель определяет как имевшую характер ультиматума¹⁴⁵.

Мнение Ф. Экхарта о стремлении Австрии к миру полвека спустя повторил немецкий историк В. Баумгарт, делающий вывод, что в период Крымской войны Буоль и

---

¹³⁸ Salomon R. Die Anerkennung Napoleons III. Ein Beitrag zur Geschichte der Politik Nikolaus' I // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. 1912. Bd. 2. S. 321–366; Schiemann Th. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. In 4 Bde. Berlin und Leipzig, 1919.

¹³⁹ Eckhart F. Die deutsche Frage und der Krimkrieg. Berlin, 1931.

¹⁴⁰ Op. cit. S. 38–39.

¹⁴¹ Ibid. S. 67.

¹⁴² Engel-Janosi F. Geschichte auf dem Ballhausplatz. Essays zur österreichischen Aussenpolitik 1830–1945. Graz, 1963. S. 94.

¹⁴³ Unckel B. Österreich und der Krimkrieg. Studien zur Politik der Donaumonarchie in den Jahren 1852–1856. Marburg/Lahn, 1968.

¹⁴⁴ Unckel B. Op. cit. S. 57; 79–80.

¹⁴⁵ Ibid. S. 116.

его император действовали, руководствуясь принципом «хочешь мира, готовься к войне»¹⁴⁶. По мнению исследователя, Буоль своей политикой давления на Россию добился успеха, поскольку Николай I уступал требованиям Австрии, не объявляя ей при этом войну¹⁴⁷.

Различные аспекты восточной политики Австрии исследованы в ряде немецкоязычных публикаций 1980-х гг.¹⁴⁸. Взгляд на Крымскую войну как на время рождения России в качестве мировой державы представлен в исследовании Г. Верта, утверждающего, что война не переросла в мировую только благодаря осторожной политике прусского короля Фридриха Вильгельма IV¹⁴⁹.

Значительным вкладом в разработку круга вопросов, связанных с балканской политикой Австрии, являются исследования американского историка международных отношений П. Шрёдера¹⁵⁰. Анализируя действия держав в годы Крымской войны, Шрёдер приходит к выводу, что Австрия и Великобритания пытались реализовать две противоположных модели: Вена стремилась к сдерживанию России на Востоке в рамках концерта держав, в то время как «вигско-пальмерстоновская» тактика Лондона была направлена на конфронтацию и ставила целью вытеснение России из балканского региона¹⁵¹. Отдельного внимания заслуживает оценка Шрёдером политики Франции в период, предшествовавший войне. По его мнению, Наполеон III, вопреки распространенному мнению, не планировал войну на Востоке для разрушения Священного союза и выхода Франции из изоляции. Французская кампания по возвращению католикам привилегий в Святых местах была запущена излишне активным послом Франции в Константинополе в 1850 г., а сам Наполеон принял в ней участие, в основном, по внутривосточным причинам и соображениям персонального

¹⁴⁶ Baumgart W. Österreich und Preussen im Krimkrieg 1853–1856 // Vorträge und Studien zur preussisch-deutschen Geschichte. Hrsg. v. O. Hauser. (Neue Forschungen zur Brandenburg-preussischen Geschichte. Bd. 2) Köln-Wien, 1983. S. 48.

¹⁴⁷ Ibid. См. также его недавнее исследование: Baumgart W. The Crimean War: 1853–1856. London, 2020.

¹⁴⁸ Heitmann K. Das Rumänienbild im deutschen Sprachraum, 1775–1918. Köln, 1985; Senner M. Die Donaufürstentümer als Tauschobjekt für die österreichischen Besitzungen in Italien (1853–1866). Stuttgart, 1988; Palotás E. Die außenwirtschaftlichen Beziehungen zum Balkan und zu Russland // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. 6/1: Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen, Wien, 1989. S. 584–629.

¹⁴⁹ Werth G. Der Krimkrieg: Geburtsstunde der Weltmacht Russland. Bonn, 1989. S. 309.

¹⁵⁰ Schroeder P. Bruck versus Buol: The Dispute over Austrian Eastern Policy, 1853–1855 // The Journal of Modern History. June 1968. Vol. 40. № 2. P. 193–217; Idem. Austria and the Danubian Principalities, 1853–1856 // Central European History. September 1969. № 2. P. 216–236; Idem. Austria, Great Britain and the Crimean War. The destruction of the European Concert. Ithaca, 1972; Idem. Die Habsburger Monarchie und das europäische System im 19. Jahrhundert // Die Herausforderung des europäischen Staatensystems: nationale Ideologie und staatliches Interesse zwischen Restauration und Imperialismus. Göttingen, 1989. S. 178–182.

¹⁵¹ Schroeder P. Austria, Great Britain and the Crimean War... P. XI–XII.

престижа¹⁵². Буоль, по мнению Шрёдера, полагал, что возврат к Священному союзу невозможен, и рассчитывал на выстраивание нового европейского баланса и возрожденного концерта, основанного, в первую очередь, на франко-австрийском партнерстве¹⁵³. Политика австрийского министра, с одной стороны, вызвала справедливое негодование в России, но, с другой стороны, во многом благодаря австрийской внешнеполитической линии Российская империя смогла сравнительно легко выйти из Крымской войны. Более того, утверждает Шрёдер, «невозможно представить, как Россия могла бы достичь мира и избежать революции без австрийского вмешательства»¹⁵⁴.

Исследование британца М. Андерсона посвящено истории восточного вопроса, который, по мнению автора, начинается с заключения Кючук-Кайнарджийского договора России и Турции и заканчивается образованием Турецкой Республики¹⁵⁵. Дополнительный интерес изданию придает публикация в нем ряда международно-правовых документов. В том, что касается Крымской войны, Андерсон разделяет распространенное в Великобритании убеждение, согласно которому она не была необходимой и существенных выгод королевству не принесла. Парижский мир хотя и унизил Россию, но практически не ослабил ее¹⁵⁶.

Американский историк Э. Сааб сфокусировалась на исследовании процесса, вследствие которого Англия, в начале не стремившаяся к вовлечению в восточный кризис, оказалась военным союзником Турции¹⁵⁷. Одну из причин подобного исхода она видит в том, что к концу 1840-х гг. на фоне отсутствия активности других великих держав в Константинополе Британия стала осуществлять там «реальный протекторат, не будучи обязанной принести соответствующие жертвы»¹⁵⁸. Говоря о предыстории конфликта, Сааб делает, казалось бы, очевидное, но на самом деле нечасто встречающееся в историографии утверждение: в 1853 г. ни одно правительство не планировало и не искало крупной европейской войны¹⁵⁹.

Американский исследователь Н. Рич, изучавший причины, приведшие к Крымской войне, подчеркивает, что его интерес к вопросу происходит во многом из озабоченности

---

¹⁵² Ibid. P. 23.

¹⁵³ Ibid. P. 162.

¹⁵⁴ Ibid. P. 399.

¹⁵⁵ Anderson M. S. *The Great Powers and the Near East, 1774–1923*. London, 1970.

¹⁵⁶ Op. cit. P. 4.

¹⁵⁷ Saab A. P. *The Origins of the Crimean Alliance*. Charlottesville, 1977.

¹⁵⁸ Op. cit. P. 153.

¹⁵⁹ Ibid. P. 22.

тем, что проблемы рассматриваемого периода кажутся ему пугающе современными¹⁶⁰. Под этими проблемами Рич имеет в виду сдерживание России, с необходимостью которого, по его мнению, одинаково остро сталкивались западные лидеры середины XIX в. и середины 1980-х гг., когда была издана книга. Автор утверждает, что для Запада главной причиной войны явился страх перед Россией, поскольку, «имея стратегическую базу в Константинополе», Россия была бы способна доминировать во всем средиземноморском бассейне¹⁶¹. Вместе с тем Рич утверждает, что в войне не было необходимости, и в результате она оказалась бесполезна, поскольку не могла сдержать русской экспансии, а тем более уничтожить способность России к потенциальной агрессии¹⁶². Что касается австрийской политики, Рич пишет, что Франц Иосиф вместе с Буолем совершили серьезную ошибку, позволив страху перед Россией возобладать над сознанием необходимости дружбы с Петербургом, даже за счет попадания в зависимость от последнего¹⁶³. Результатом Крымской войны в целом стало уничтожение «европейского концерта», что крайне негативно сказалось на европейских международных отношениях, поскольку одной из основных задач «концерта» было мирное сдерживание России¹⁶⁴.

Восточный вопрос в середине XIX в. применительно к австрийской и русской внешней политике рассматривается в публикациях Д. Ветцеля, Д. Гоулдфрэнка и К. Рока¹⁶⁵. Ряд аспектов австрийской и русской политики на Балканах исследуется в англоязычных работах, посвященных истории Румынии¹⁶⁶. При этом, например, Б. Джелавич отмечает ведущую роль России в формировании современного румынского государства¹⁶⁷.

Исследования общественного мнения. В отечественной историографии ранее не уделяли достаточно внимания изучению образа России в Австрии. Вместе с тем есть актуальные для настоящей диссертации исследования, посвященные восприятию России

---

¹⁶⁰ Rich N. Why the Crimean war? A cautionary tale. Hanover, 1985. P. XVII.

¹⁶¹ Op. cit. P. 2.

¹⁶² Ibid. P. 4.

¹⁶³ Ibid. P. 13.

¹⁶⁴ Ibid. P. 199; 204–205.

¹⁶⁵ Wetzel D. The Crimean war: a diplomatic history. New York, 1985; Goldfrank D. M. Policy traditions and the Menshikov mission of 1853 // Imperial Russian foreign policy. Cambridge, 1993. P. 119–158; Rock K. Schwarzenberg, the Ballplatz, and the Balkans: the Case of the Danubian Principalities, 1848–1852 // Essays in European History. Vol. II. Lanham, 1996. P. 153–172.

¹⁶⁶ Seton-Watson R. W. A History of the Roumanians from Roman Times to the Completion of Unity. Cambridge, 1934; Florescu R. R. Essays on Romanian History. Iași, 1999; Jelavich B. Russia and the formation of the Romanian national state, 1821–1878. Cambridge, 2004.

¹⁶⁷ Jelavich B. Op. cit. P. 300.

в германских странах в целом. Среди них, прежде всего, следует назвать работы О. В. Заиченко, которые показывают, что в представлениях о России в Австрии и других государствах Германского союза существовал ряд общих черт¹⁶⁸. Восприятию Германии в России посвящены публикации С. В. Оболенской и А. М. Ипатова, однако в них отсутствует австрийский аспект¹⁶⁹.

Среди исследований общественного мнения и его воздействия на международные отношения следует упомянуть публикацию Ф. Эпштейна о русофобии в Германии в XIX в.¹⁷⁰. Корни этого явления автор усматривает во влиянии, оказывавшемся балтийскими немцами, эмигрировавшими из России, неуклонно обострявшимися экономическими противоречиями и реакции немцев на германофобию в самой России¹⁷¹. Однако, следует отметить, что основание говорить о влиянии этих факторов появляется только со второй половины XIX в. Заметным событием в изучении представлений о России на Западе стали публикации Д. Гро¹⁷².

Фундаментальное исследование образа России в общественном мнении Австрии подготовил Г. Геппнер, рассмотревший восприятие австрийскими немцами русской помощи в Венгрии в 1849 г., участия России в урегулировании австро-прусского спора годом позже и, наконец, политики Николая I в период восточного кризиса, приведшего к Крымской войне¹⁷³. В ряде публикаций современной австрийской и немецкой

---

¹⁶⁸ Заиченко О. В. Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материале либеральной публицистики) // Россия и Германия. Выпуск 2. Отв. ред. Б. М. Туполев. М., 2001. С. 92–109; Она же. Русское правительство и попытки идеологического воздействия на общественное мнение Германии в первой половине XIX века // Россия и Германия. Выпуск 3. Отв. ред. Б. М. Туполев. М., 2004. С. 95–125; Она же. Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2004; Она же. Формирование позитивного образа России как части консервативного мировоззрения (на примере Германии первой половины XIX века) // Россия и Германия. Выпуск 4. Отв. ред. Б. М. Туполев. М., 2007. С. 22–52; Она же. “Biedermeier” и “Vormärz”: Россия как конституирующий «другой» в период Реставрации (на основе путевых дневников немецких путешественников) // Диалог со временем. 2010. Вып. 32. С. 94–122; Она же. Основные детерминанты восприятия России немецкими консерваторами в 1830–1840-е годы. Монарх как воплощение государства // Диалог со временем. 2013. № 42. С. 194–222; Она же. «Варвар у ворот» или «гарант европейской безопасности». Россия в немецком внешнеполитическом дискурсе накануне Крымской войны // Россия XXI. 2017. № 3. С. 18–47.

¹⁶⁹ Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000; Ипатов А. М. Отношение Отто фон Бисмарка к России в восприятии его русских современников // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 2 (82). С. 212–219; Он же. Отто фон Бисмарк в восприятии публицистов Российской империи // Российская история. 2015. № 6. С. 85–90.

¹⁷⁰ Epstein F. T. Der Komplex “Die russische Gefahr” und sein Einfluss auf die deutsch-russischen Beziehungen im 19. Jahrhundert // Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Düsseldorf, 1973. S. 143–159.

¹⁷¹ Op. cit. S. 144.

¹⁷² Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas. Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied, 1961; Idem. Russland im Blick Europas. 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt a/M, 1988.

¹⁷³ Heppner H. Das Russlandbild in der öffentlichen Meinung Österreichs, 1848–1856. Graz, 1975.

историографии изучаются проблемы становления австрийской периодики, включая эволюцию «русской темы» в ней¹⁷⁴.

Большой вклад в изучение немецкого общественного мнения о России внесли участники проекта «West-östliche Spiegelungen», инициированного Л. З. Копелевым. Нас интересовала, в первую очередь, часть, посвященная XIX в.¹⁷⁵. В этом контексте упомянем также работу американца И. Клода, в которой рассматривается воздействие общественного мнения на внешнюю политику – процесс, который становится особенно заметен именно в середине XIX в.¹⁷⁶. Наконец, следует сказать об исследовании С. Блан, посвященном истории возникновения т. н. «завещания Петра Великого» – одного из наиболее известных мифов о России¹⁷⁷.

Исследования по истории международных отношений. Ставшим уже классическим отечественным исследованием по истории международных отношений является «История дипломатии», в которой интересующие нас главы по европейской дипломатии в 1848–1849 гг. и по Крымской войне написали А. Л. Нарочницкий и Е. В. Тарле¹⁷⁸. В издании отражена традиционная для марксистской историографии точка зрения, согласно которой после подавления венгерского восстания «роль царизма как жандарма Европы достигла своего апогея»¹⁷⁹. Авторы высказывают мнение, что рост политического веса России по выходе Европы из революционных потрясений 1848–1849 гг. подтолкнул Николая I к активизации русской политики в восточном вопросе¹⁸⁰. Специально немецкие и австрийские теории международных отношений рассматривала исследовательница С. М. Журавлева¹⁸¹.

¹⁷⁴ Paupié K. Handbuch der österreichischen Pressegeschichte 1848–1959. In 2 Bde. Wien, 1960, 1966; Häusler W. Die österreichische Publizistik und ihre Probleme im Vormärz und im Revolutionsjahr 1848 // Öffentliche Meinung in der Geschichte Österreichs. Hrsg. v. E. Zöllner. Wien, 1979. S. 64–88; Wandruszka A. Die österreichische Presse in der franzisko-josephinischen Epoche // Öffentliche Meinung in der Geschichte Österreichs. Hrsg. v. E. Zöllner. Wien, 1979. S. 89–94; Marinelli-König G. Russland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848). Ein Beitrag zur Geschichte der österreichisch-russischen Kultur- und Literaturbeziehungen. Wien, 1990; Idem. Aus Wiener Vormärz-Blättern // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. v. M. Keller. München, 1992. S. 619–635.

¹⁷⁵ Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. v. M. Keller. München, 1992.

¹⁷⁶ Claude I. L. The impact of public opinion upon foreign policy and diplomacy. Open Diplomacy Revisited. London, 1965.

¹⁷⁷ Blanc S. Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Vol. IX. № 3–4. P. 265–293. Также см. об этом сюжете публикацию отечественной исследовательницы Е. Н. Даниловой: Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института, Т. 2, М., 1946. С. 202–270.

¹⁷⁸ История дипломатии. В 5 т. М., 1959.

¹⁷⁹ Указ. соч. Т. 1. С. 588.

¹⁸⁰ Там же. С. 592.

¹⁸¹ Журавлева С. М. Германские и австрийские теории международных отношений 1789–1847 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1981; Она же. Германские и австрийские теории международных отношений (1814–47) // Ежегодник германской истории. 1980. М., 1982. С. 105–126.

В постсоветский период следует отметить обобщающее исследование истории международных отношений в Новое время, выполненное А. С. Медяковым, а также коллективную работу, подготовленную историками МГИМО¹⁸². Одним из пионерских в отечественной науке исследований по теории международных отношений стала коллективная работа «Введение в теорию международных отношений», подготовленная на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова¹⁸³.

Отдельного упоминания заслуживает монография А. С. Медякова, посвященная внешней политике Дунайской монархии в первые годы после достижения австро-венгерского компромисса и являющаяся редким в отечественной историографии примером исследования внешней политики габсбургской империи¹⁸⁴.

Проблематикой Венской системы международных отношений занимается Е. П. Кудрявцева, полагающая, что эта система просуществовала лишь до начала Крымской войны¹⁸⁵. По вопросу австро-русских отношений в период революций 1830–1831 гг. и позднее исследовательница пишет, что Австрия и Россия были заинтересованы в союзе друг с другом прежде всего вследствие угрозы со стороны национальных движений внутри обеих империй¹⁸⁶. Этот тезис трудно назвать бесспорным, особенно применительно к России, которой едва ли требовалась помощь Австрии в контроле за национальными движениями, возможно, за исключением польского.

Вопросу разработки сюжетов, связанных с Венской системой и «европейским концертом» в отечественной и зарубежной историографиях, в последние годы уделяли внимание А. В. Ревякин и Е. В. Романова¹⁸⁷.

Среди общих исследований международных отношений в XIX в. необходимо упомянуть работу француза А. Дебидура, написанную более ста лет назад, но не утратившую значения благодаря содержащемуся в ней богатому фактологическому

¹⁸² Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. М., 2007; История международных отношений. В 3-х тт. Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. М., 2017.

¹⁸³ Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. ред. А. С. Манькин. М., 2001.

¹⁸⁴ Медяков А. С. Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2010.

¹⁸⁵ Кудрявцева Е. П. Венская система международных отношений и ее крушение (1815–1854 годы) // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 88.

¹⁸⁶ Кудрявцева Е. П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века: монография. М., 2019. С. 252.

¹⁸⁷ Ревякин А. В. Венская система в современной отечественной историографии // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27–28 октября 2015 г.). Под ред. А. В. Ревякина. М., 2016. С. 6–40; Романова Е. В. «Европейский концерт» в зеркале британских и американских исследований XX в. // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27–28 октября 2015 г.). Под ред. А. В. Ревякина. М., 2016. С. 41–64.

материалу¹⁸⁸. Дебидур делает интересное утверждение, что восстание черногорцев в 1852 г. спровоцировал Николай I прямой поддержкой Данилы Негоша¹⁸⁹.

Среди немецкоязычных работ следует отметить публикации В. Шварца и Г. Мюллера, посвященные взаимодействию трех консервативных монархий – Австрии, Пруссии и России – в предмартовский период, которое служило стабилизирующим фактором для Венской системы¹⁹⁰. Упомянем также монографию австрийской исследовательницы В. Хайндль о петербургском и лондонском периодах биографии Карла Буоля, предшествовавшим его назначению австрийским министром иностранных дел¹⁹¹.

Британский историк Р. Сетон-Уотсон, подготовивший исследование международных отношений в Европе XIX в. с фокусом на Великобритании, считал, что Крымская война не стала концом «европейского концерта»¹⁹². Этому же вопросу посвятил одну из работ уже упоминавшийся А. Дж. П. Тейлор¹⁹³. Неожиданным является его утверждение, что подлинной ставкой в Крымской войне была не Турция и Балканы, а центральная Европа, точнее – Германия и Италия¹⁹⁴.

Заметный вклад в изучение международных отношений на Балканах внесла американская исследовательница Б. Джелавич. В одной из монографий она утверждает, что восстановление порядка в Европе после 1848 г. вновь сделало Священный союз «эффективной дипломатической комбинацией»¹⁹⁵. Причины того, что Россия успешно отстаивала уже имеющиеся территории и постоянно приобретала новые, Джелавич усматривает в трех факторах: гибкости русской политики, отсутствии единства среди ее потенциальных врагов и наличии союза с Берлином и Веной¹⁹⁶. Последняя комбинация особенно способствовала территориальным приращениям, что, в свою очередь, обуславливало острое соперничество Российской империи с Великобританией¹⁹⁷.

---

¹⁸⁸ Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). В 2-х тт. М., 1947.

¹⁸⁹ Указ. соч. Т. 2. С. 83.

¹⁹⁰ Schwarz W. Der Bund der drei schwarzen Adler. Zum Ostbündnis der Jahre 1833 bis 1854 // Das Reich. Idee und Gestalt. Hrsg. v. H. Dannenbauer und F. Ernst. Stuttgart, 1940. S. 230–264; Müller H. Der Weg nach Münchegrätz. Voraussetzungen, Bedingungen und Grenzen der Reaktivierung des reaktionären Bündnisses der Habsburger und Hohenzollern mit den Romanows im Herbst 1833 // Jahrbuch für Geschichte. Bd. 21. Berlin, 1980. S. 7–62.

¹⁹¹ Heindl W. Graf Buol-Schauenstein in St. Petersburg und London (1848–1852). Wien, 1970.

¹⁹² Seton-Watson R. W. Britain in Europe 1789–1914. A Survey of Foreign Policy. Cambridge, 1945. P. 48.

¹⁹³ Taylor A. J. P. The struggle for Mastery in Europe, 1848–1918. Oxford, 1954.

¹⁹⁴ Op. cit. P. 61.

¹⁹⁵ Jelavich B. A century of Russian foreign policy 1814–1914. Philadelphia, 1964. P. 112.

¹⁹⁶ Ibid. P. 288.

¹⁹⁷ Ibid. P. 292–293.

Среди англоязычных авторов общих работ по международным отношениям, рассматривающих различные аспекты функционирования Венской системы, отметим Ч. Вебстера, Г. Киссинджера, Р. Роузкэнса, П. Кеннеди и А. Скеда¹⁹⁸. Британец Ф. Р. Бридж писал о внешней политике Габсбургской монархии в широком международном контексте¹⁹⁹. Бридж полагал, что в ходе революции 1848 г. Австрия смогла сохранить неизменным свое положение во многом благодаря международной обстановке, которая в принципиальных вопросах была для Австрии благоприятна, поскольку Англия и Россия – ведущие государства системы – не были заинтересованы в исключении Австрии из списка великих держав²⁰⁰.

Применительно к 1990-м гг. следует упомянуть содержательные публикации о международных отношениях в XIX в. В. Лакера, авторов сборника «Внешняя политика Российской империи» и Дж. Ледонна²⁰¹. Отметим также британского исследователя Д. Ливена, в одной из работ характеризующего политику Австрии в первое десятилетие правления Франца Иосифа как «жесткую Realpolitik»²⁰².

История Австрии Нового времени. В 1917-м и последующие годы отечественные историки закономерно уделяли много внимания австрийской революции 1848–1849 гг.²⁰³. Позднее заметный след в этом исследовательском поле оставила Р. А. Авербух²⁰⁴. Изучению событий 1848 г. в Австрии посвятил часть усилий С. Б. Кан²⁰⁵. А. С. Нифонтов, рассматривая взаимосвязь внутреннего положения России с проводимой ею в 1848 г. внешней политикой, в том числе, по отношению к Вене, выделил несколько этапов последней: в первой половине 1848 г. вследствие внутренней слабости России Николай I

¹⁹⁸ Webster Ch. The Art and Practice of Diplomacy. London, 1961; Kissinger H. A. A world restored. Boston, 1973; Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997; Rosecrance R. N. International relations: peace or war? New York, 1973; Kennedy P. The rise and fall of the Great Powers. New York, 1987; Europe's Balance of Power 1815–1848. Ed. by A. Sked. London, 1979.

¹⁹⁹ Bridge F. Österreich(-Ungarn) unter den Grossmächten // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. 1. Teilband. Wien, 1989. S. 196–373.

²⁰⁰ Op. cit. S. 205–206.

²⁰¹ Laqueur W. Russia and Germany: A century of conflict. New Brunswick, 1990; Ragsdale H. Introduction: the traditions of Imperial Russian foreign policy – problems of the present, agenda for the future // Imperial Russian foreign policy. Cambridge, 1993. P. 1–18; Rieber A. Persistent factors in Russian foreign policy: an interpretive essay // Ibid. P. 315–359; LeDonne J. P. The Russian empire and the world, 1700–1917. The geopolitics of expansion and containment. New York, 1997.

²⁰² Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 271.

²⁰³ Лозинский С. Г. Революция 1848 года в Австрии. Пг., 1917; Пименова Э. К. Борьба за свободу в Австрии и Венгрии (1848 г.). Пг., 1920.

²⁰⁴ Авербух Р. А. Революция в Австрии (1848–1849). М., 1970.

²⁰⁵ Кан С. Б. Революция 1848 года в Австрии и Германии. М., 1948.

не мог проводить активную контрреволюционную политику, а со второй половины 1848 г. уже имел такую возможность²⁰⁶.

Событием в отечественной историографии вопроса стало появление двухтомника «Революции 1848–1849». Нас, в первую очередь, в этом труде интересовали разделы по международным отношениям, подготовленные академиком А. Л. Нарочницким, отмечавшим, в частности, что великие европейские державы – Франция, Англия, Россия и Австрия – были заинтересованы в сохранении раздробленности в Германии²⁰⁷.

Впоследствии разработка темы была продолжена Л. Е. Найборт, Л. В. Сахаровой и Л. А. Обушенковой²⁰⁸. Вопросу изучения истории революции 1848–1849 гг. в немецкой историографии посвятил одну из своих публикаций А. И. Патрушев²⁰⁹. Среди авторов постсоветского периода следует отметить М. И. Михайлова²¹⁰.

В австрийской историографии события 1848 г. в Дунайской монархии рассматривал М. Бах²¹¹. В Австрии межвоенного периода исследования в этом направлении продолжил П. Мюллер²¹².

Среди заметных имен немецкой историографии революции 1848 г. упомянем Ф. Мейнеке, Ф. Валентина и Э. Винтера²¹³. Г. Вольштейн в начале 1980-х гг. подготовил исследование о внешнеполитических представлениях депутатов Франкфуртского национального собрания, среди которых заметным образом проявили себя представители австрийских земель Германского союза²¹⁴. Ряд публикаций посвящен исследованию

²⁰⁶ Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. М., 1949.

²⁰⁷ Революции 1848–1849. Т. 1. М., 1952. С. 124, 823.

²⁰⁸ Найборт Л. Е. Демократическая печать Вены весной 1848 года // Московский педагогический институт им. В. И. Ленина. Ученые записки Т. 284. Вопросы новой и новейшей истории. М., 1967. С. 175–200; Она же. Демократическая печать Вены в период революции 1848 года: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1969; Сахарова Л. В. Немецкая общественно-политическая лексика эпохи революции 1848–1849 гг. (Опыт социо-лингвистического анализа на материале протоколов Франкфуртского Национального собрания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976; Обушенкова Л. А. Революция 1848–1849 годов в Центральной Европе. Национальные противоречия и солидарность революционных движений // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1991. С. 52–62.

²⁰⁹ Патрушев А. И. Проблемы германской революции 1848–1849 гг. в буржуазной историографии ФРГ // Вопросы методологии и истории исторической науки. Вып. 4. М., 1986. С. 199–218.

²¹⁰ Михайлов М. И. 1848 год: Россия и Германия // Россия и Германия. Вып. 1. М., 1998. С. 148–166; Он же. Революции 1848–1849 гг. Зарубежная историография // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 48–63.

²¹¹ Бах М. История австрийской революции 1848 г. М.-Пг., 1923.

²¹² Müller P. Feldmarschall Fürst Windischgrätz. Revolution und Gegenrevolution in Österreich. Wien-Leipzig, 1934.

²¹³ Meinecke F. 1848: Eine Säkularbetrachtung. Berlin, 1948; Valentin V. Geschichte der deutschen Revolution von 1848–1849. In 2 Bde. Aalen, 1968; Winter E. Eine bedeutsame Unterredung zwischen Zar Nikolaus I. und Metternich am Neujahrstag 1846 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Heft 8. Berlin, 1961. S. 1861–1870.

²¹⁴ Wollstein G. Das “Grossdeutschland” der Paulskirche. Nationale Ziele in der bürgerlichen Revolution 1848/49. Düsseldorf, 1977. О различных сторонах деятельности Паульскирхе см. также: Eyck F. Deutschlands grosse Hoffnung: Die Frankfurter Nationalversammlung 1848–49. München, 1973; Wollstein G. Das Vorparlament: Die Konterrevolution erhält ihre Chance // Die Deutschen und die Revolution. Hrsg. v. M. Salewski. Göttingen, 1984. S. 179–205; Petter W.

различных аспектов формирующегося общественного мнения в Австрийской империи в годы революции²¹⁵.

В англоязычной историографии проблему революции в Австрийской империи затрагивает Р. Эванс²¹⁶.

Среди первых обобщающих публикаций по австрийской истории в отечественной историографии следует отметить работу Е. Пристер²¹⁷, представившую историю Габсбургской монархии с марксистско-ленинских позиций, а также исследования видного австрооведа середины прошлого века В. М. Турока²¹⁸.

Работы Т. М. Исламова в определенном смысле знаменовали собой новый этап в развитии отечественных исследований истории Австрии²¹⁹. Здесь же следует сказать об А. Г. Айрапетове, который содействовал тому, что Тамбовский государственный университет стал одним из отечественных центров изучения истории Австрии и Венгрии²²⁰. В частности, в этом направлении работает его ученица Е. В. Сироткина²²¹.

Programmierter Untergang. Die Fehlrüstung der deutschen Flotte von 1848 // Die Deutschen und die Revolution. Göttingen, 1984. S. 228–256; Siemann W. Die deutsche Revolution von 1848/49. Frankfurt a. M., 1985.

²¹⁵ Sieber E. K. Ludwig von Löhrer. Ein Vorkämpfer des Deutschtums in Böhmen, Mähren und Schlesien im Jahre 1848/1849. München, 1965; Burian P. Die Nationalitäten in “Cisleithanien” und das Wahlrecht der Märzrevolution 1848/49. Graz-Köln, 1962; Idem. Koalitionen im ersten österreichischen Parlament. Ein Brief Josef Lassers aus dem Februar 1849 // Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Karl Dietrich Erdmann. Neumünster, 1980. S. 203–217; Kofalka J. Prag – Frankfurt im Frühjahr 1948: Österreich zwischen Grossdeutschum und Austroslawismus // Österreich und die deutsche Frage im 19 und 20 Jahrhundert: Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa (Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Bd. 9.). Wien, 1982. S. 117–139; Stourzh G. Frankfurt-Wien-Kremsier 1848/49: Der Schutz der nationalen und sprachlichen Minderheit als Grundrecht // Grund- und Freiheitsrechte von der ständischen zur spätbürgerlichen Gesellschaft. Göttingen, 1987. S. 437–456; Koch K. Frühliberalismus in Österreich bis zum Vorabend der Revolution 1848 // Liberalismus im 19. Jahrhundert: Deutschland im europäischen Vergleich. Hrsg. v. D. Langewiesche. Göttingen, 1988. S. 64–70; Urban O. Zur Frage der Voraussetzung der politischen Tätigkeit des tschechischen Bürgertums in den Jahren 1848/49 // Bürgertum in der Gabsburgermonarchie. Wien, 1990; Bacher R. Der Tiroler Provinziallandtag von 1848 im Rahmen der allgemeinen österreichischen Verfassungsentwicklung. Innsbruck, 1991; Judson P. M. Wien brennt! Die Revolution von 1848 und ihr liberales Erbe. Köln, 1998.

²¹⁶ Evans R. J. W. 1848–1849 in the Habsburg monarchy // The revolutions in Europe 1848–1849. From reform to reaction. Oxford, 2000. P. 181–206; Idem. Liberalism, nationalism and the coming of the revolution // Ibid. P. 9–26.

²¹⁷ Пристер Е. Краткая история Австрии. М., 1952.

²¹⁸ Турок В. М. Многонациональная монархия Габсбургов в освещении современной западной историографии // Славяно-германские отношения. М., 1964. С. 24–36; Он же. Австро-Венгрия – «модель» интеграции Европы // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 55–65.

²¹⁹ Исламов Т. М., Фрейдзон В. И. Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1992. С. 119–133; Исламов Т. М. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 11–40.

²²⁰ Айрапетов А. Г. Австро-Венгрия: взгляд историков на реалии многонационального государства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1996. № 3–4. С. 28–35.

²²¹ Сироткина Е. В. Австрийские немцы в середине XIX – начале XX в.: поиск национальной идентичности. Саратов, 2008.

В последние годы вышел ряд публикаций, посвященных историографии австрийской истории²²². Среди изданий по новой истории Австрии отметим работы Я. В. Шимова и О. Е. Будниковой²²³.

Отдельное внимание современные российские историки уделяют изучению монархии Габсбургов в имперской перспективе²²⁴.

Особого упоминания заслуживают исследования отечественных славяноведов и балканистов, с учетом того, что многонациональный характер Габсбургской монархии в рассматриваемый период уже заметным образом начинал влиять на ее внешнюю политику²²⁵. В этом секторе исследований этапными стали несколько коллективных монографий, изданных в разные годы²²⁶.

В немецкоязычной историографии вопроса упомянем переведенное на русский язык издание М. Баха²²⁷. Заметное место среди исследований начала XX в. занимает двухтомник «Австрия с 1848 по 1860 гг.» упомянутого ранее Г. Фридьюнга, в котором он дает детальный анализ внутренней и внешней истории Австрии²²⁸. Применительно к нашей теме интересно его замечание о том, что главным побудительным мотивом Николая

²²² Барбашина О. И. Проблемы новой истории Австрии в российской исторической науке: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2001; Павленко О. В. Зарубежная историография Габсбургской монархии. XX – начало XXI века // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 94–109; Она же. Историография Габсбургской монархии в российской интеллектуальной традиции XIX – начала XX веков // Новый исторический вестник. 2020. №2 (64). С. 80–109.

²²³ Шимов Я. В. Австро-Венгерская империя. М., 2003; Будникова О. Е. Взгляды и деятельность К. Меттерниха в контексте австрийского консерватизма: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2007.

²²⁴ Миллер А. И. На границах Европы: ансамбль континентальных империй // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв. Памяти Т. М. Исламова. Отв. ред. А. С. Стыкалин. СПб., 2009. С. 27–35; Медяков А. С. Австро-венгерская империя. От «лоскутной империи» до «лаборатории федерализма»: историческая судьба монархии Габсбургов // Русская мысль. La pensee russe. Париж, № 149/09, Сентябрь 2022. С. 26–31.

²²⁵ См., напр.: Удальцов И. И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 году. М., 1951; Кондратьева В. Н. Записки М. Ф. Раевского о положении подвластных Австрии народов // Славяно-германские отношения. М., 1964. С. 181–196; Гросул В. Я., Чертан Е. Е., Россия и формирование румынского независимого государства. М., 1969; Лещиловская И. И. Некоторые черты хорватского национального движения в 1849 г. // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972. С. 73–85; Она же. Общественно-политическая борьба в Хорватии: 1848–1849. М., 1977; Кирилина Л. А. Австрославистские идеи у словенцев в 1848–1849 гг. // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1991. С. 105–118; Лебедева О. В. Проблемы панславизма в Чехии и в России в первой половине XIX века // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1991. С. 98–105; Макарова Г. В., Фалькович С. М. Поляки в борьбе за реализацию «принципа национальности» в революции 1848–1849 гг. // Европейские революции 1848 года: «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001. С. 190–304.

²²⁶ Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. М., 1980; Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981; Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 1990; Европейские революции 1848 года: «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001; Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. М., 2018.

²²⁷ Бах М. Австрия в первую половину XIX века. СПб., 1906.

²²⁸ Friedjung H. Österreich von 1848 bis 1860. Bd. 1, 2. Stuttgart und Berlin, 1908; 1912.

И при подавлении венгерского восстания было отстаивание монархического и консервативного дела в Европе, защитником которого царь себя ощущал. При всей своей жесткости, пишет Фридьонг, Николай был «в своем роде идеалист», иначе не стал бы ради чужого дела приводить в движение значительные войска²²⁹.

В первой половине XX в. интерес историков привлекала фигура князя Феликса Шварценберга, возглавлявшего австрийскую внешнюю политику и кабинет министров в 1848–1852 гг. Во многом это было связано с тем, что именно в этот период немцы (включая австрийцев) активно размышляли над понятием Средней Европы (Mitteleuropa), которое в исторической памяти прочно ассоциировалось с именем Шварценберга вследствие его попыток включить все габсбургские территории в Германский союз²³⁰. Среди биографий Франца Иосифа отметим работу австрийца Й. Редлиха²³¹.

В это же время, вскоре после распада дуалистической монархии, австрийские историки активно размышляли об исторической роли державы Габсбургов, активно оперируя уже упомянутым понятием Средней Европы²³².

1950-е гг. стали временем переосмысления опыта прошлого²³³. Так, австрийский историк и католический монах Х. Ханч писал о том, что «национализм был проблемой Австрии, но он также был и является проблемой Европы, от преодоления которой в пользу более универсальной идеи европейского человечества, по-видимому, зависит его будущее и судьба»²³⁴.

В дальнейшем успешно разрабатывались различные аспекты истории Дунайской монархии, включая становление общественно-политических движений, государственного управления и вооруженных сил²³⁵.

²²⁹ Op. cit. Bd. I. S. 216.

²³⁰ Heller E. Mitteleuropas Vorkämpfer: Fürst Felix zu Schwarzenberg. Wien, 1933; Schwarzenberg A. Prince Felix zu Schwarzenberg, Prime Minister of Austria 1848–1852. New York, 1946; Kiszling R. Fürst Felix zu Schwarzenberg. Der politische Lehrmeister Kaiser Franz Josephs. Graz, 1952.

²³¹ Redlich J. Kaiser Franz Joseph von Österreich. Berlin, 1929.

²³² Fidelis O. M. Österreichs europäische Sendung. Ein aussenpolitischer Überblick. Wien, 1935; Braunias K. Österreich als Völkerreich // Österreich. Erbe und Sendung im deutschen Raum. Hrsg. v. J. Nadler und H. v. Srbik. Salzburg-Leipzig, 1936. S. 223–262; Müller P. Auswärtige Politik Österreichs 1715–1866 // Ibid.

²³³ Hantsch H. Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Das Problem der konstruktiven Reichsgestaltung. Wien, 1953; Franz G. Liberalismus: Die deutschliberale Bewegung in der habsburgischen Monarchie. München, 1955; Renkl R. Staat und Nation. Schicksalsfrage Österreichs im Zeitalter des Nationalismus // Aus Politik und Zeitgeschichte. B 22. Bonn, 1957. S. 17–36.

²³⁴ Hantsch H. Op. cit. S. 7.

²³⁵ Walter F. Die österreichische Zentralverwaltung. III. Abteilung. Von der Märzrevolution 1848 bis zur Dezemberverfassung 1867. Bd. 1–2. III/1. Wien, 1964; Winter E. Frühliberalismus in der Donaumonarchie: religiöse, nationale und wissenschaftliche Strömungen von 1790–1868. Berlin, 1968; Mikoletzky H. L. Österreich. Das entscheidende 19. Jahrhundert. Geschichte, Kultur und Wirtschaft. Wien, 1972; Schmidt-Brentano A. Die österreichische Beziehungsweise österreichisch-ungarische Armee von Erzherzog Carl bis Conrad von Hötzendorf // Wiener Beiträge zur Geschichte der

Заметным событием стало издание многотомного коллективного исследования «Габсбургская монархия, 1848–1918». Нас, в первую очередь, интересовал 6-й том, посвященный проблемам международных отношений²³⁶.

В последние годы вышло несколько публикаций австрийских историков по истории монархии Габсбургов на русском языке²³⁷.

В англоязычной литературе активное обращение к проблемам австрийской истории происходит после Второй мировой войны. Одним из первых авторов стал англичанин А. Дж. П. Тейлор, чья работа «Габсбургская монархия, 1809–1918» выдержала несколько изданий²³⁸. Тейлор утверждал, что окончание Крымской войны ознаменовало собой и конец Венской системы международных отношений, во многом потому, что теперь Австрия более не была европейской необходимостью²³⁹.

Заметное место в современной британской историографии истории Австрии занимает тезка Тейлора Алан Скед²⁴⁰.

Несколько обобщающих монографий принадлежит перу Роберта Канна – выходца из Австрии, принявшего активное участие в становлении научных исследований австрийской истории в США²⁴¹.

Среди американских исследований послевоенного периода, в которых рассматривается внешняя политика Австрийской империи применительно к нашей проблематике, упомянем Э. Крэе, Ч. Холберга и Б. Джелавич²⁴². Ценный статистический

Neuzeit, Band 9/1982. Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert. Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa. München, 1982. S. 231–255; Hwaletz O. Zur ökonomischen, sozialen und ideologisch-politischen Formierung des industriell-gewerblichen Bürgertums. Das Beispiel der Industrievereine // Bürgertum in der Gabsburgermonarchie. Wien, 1990. S. 177–205.

²³⁶ Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Band VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. 1. Teilband. Wien, 1989.

²³⁷ Урбанич П. Дунайская монархия? Понятие и историческая действительность // Родина. 2010. № 11. С. 93–97; Водрачка К. Как измеряли дунайское русло // Там же. С. 105–109.

²³⁸ Taylor A. J. P. The Habsburg Monarchy 1809–1918. A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. London, 1948.

²³⁹ Taylor A. J. P. Op. cit. P. 92.

²⁴⁰ Sked A. Die Habsburger Monarchie und die Herausforderung des Nationalismus // Die Herausforderung des europäischen Staatensystems: nationale Ideologie und staatliches Interesse zwischen Restauration und Imperialismus. Hrsg. v. A. M. Birke und G. Heydemann. Göttingen, 1989. S. 158–177; Idem. Metternich and Austria. An Evaluation. New York, 2008; Idem. The Decline and Fall of the Habsburg Empire 1815–1918. New York, 2013.

²⁴¹ Kann R. A. The multinational empire. Nationalism and national reform in the Habsburg monarchy, 1848–1918. Vol. 1, 2. New York, 1950; Idem. A history of the Habsburg empire, 1526–1918. Berkeley, 1974.

²⁴² Kraehe E. E. Foreign Policy and the Nationality Problem in the Habsburg Monarchy, 1800–1867 // Austrian History Yearbook. 1967. Vol. III. № 3. P. 3–36; Hallberg Ch. W. Franz Joseph and Napoleon III, 1852–1864. New York, 1973; Jelavich V. Modern Austria. Empire and Republic, 1815–1986. Cambridge, 1987.

материал содержится в исследовании военного историка Г. Ротенберга, посвященном армии австрийской монархии²⁴³.

В завершение раздела следует еще раз отметить, что, несмотря на изученность отдельных аспектов австро-русских отношений, на сегодняшний день в историографии по-прежнему отсутствует исследование, которое специально рассматривало бы период 1848–1854 гг., тогда как именно такой целостный подход способен, на наш взгляд, ответить на многие возникающие в связи с этим вопросы и, прежде всего, на вопрос о причинах разрыва между двумя прежними союзниками.

Научная новизна диссертации определяется отсутствием комплексного исследования австро-русских отношений в ключевой для них временной отрезок, который во многом определил не только будущее собственно этих отношений, но и дальнейшее развитие событий в Европе, поскольку основные составляющие отношений Австрии и России – антиреволюционная солидарность, германский и восточный вопросы – имели первостепенное значение для функционирования Венской системы. Кроме того, в отечественной историографии не разработана проблематика представлений австрийской общественности о России, впервые ясно сформулированных именно в рассматриваемый период, в основных своих чертах сохранявшихся до конца существования Дунайской монархии и со временем во все большей степени влиявших на ее внешнюю политику. В то время как изучение именно этих представлений помогает лучше понять причины кардинальной смены австрийского внешнеполитического курса в 1854 г.

Анализ объемного корпуса источников позволил сделать вывод о недостаточной обоснованности широко распространенных до сегодняшнего дня точек зрения как о «неблагодарности», проявленной Австрией по отношению к России в годы Крымской войны, так и о чрезмерной зависимости внешней политики Николая I от идеологических мотивов.

Теоретическая значимость работы определяется актуализацией в соответствующем исследовательском поле ряда фактов во взаимоотношениях Австрии и России, позволяющих точнее оценить основное содержание и направленность политики этих держав в середине XIX в. В ходе исследования был выявлен ряд взаимных оценок партнерами друг друга, позволяющих по-новому взглянуть на мотивы действий

---

²⁴³ Rothenberg G. E. The Army of Francis Joseph. West Lafayette, 1998.

правлящего слоя обеих империй. Также диссертация вносит вклад в изучение проблемы влияния идеологии и взаимных перцепций на внешнюю политику.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы в разработке учебных курсов по австрийской и отечественной истории Нового времени, истории международных отношений, а также по проблематике образа Другого. Актуальность последней обусловлена, в том числе, тем, что некоторые из выявленных представлений о России сохраняются в ряде европейских стран до сегодняшнего дня.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ходе революционного кризиса 1848–1849 гг. и обострения германского вопроса в 1850 г. содействие России сделало возможным восстановление позиций Австрии как великой державы.

2. Австро-русское сотрудничество в 1848–1850 гг. стало главным условием, обеспечившим возвращение центра Европы к дореволюционной конфигурации.

3. Логика австро-русских отношений диктовалась стремлением обеих империй к обеспечению собственной безопасности. Именно этими соображениями руководствовались Россия, оказывая Австрии помощь в 1849–1850 гг., и Австрия, принимая решение о сближении с противниками России в 1854 г.

4. В Петербурге после оказания помощи Австрии сформировались неоправданные ожидания содействия со стороны последней при решении Россией собственных задач. Кроме того, в российской верхушке начал складываться покровительственный взгляд на более слабую союзницу, что вело к пренебрежению возможными противоречиями в отношениях и недооценке потенциального влияния Австрии на решение крупных международных вопросов.

5. Несмотря на внешнюю гармонию, отношения между двумя империями в рассматриваемый период не были простыми. При подавлении венгерского восстания Вена стремилась избежать обращения за помощью к России, в то время как в Петербурге также до последнего надеялись, что Австрия справится своими силами. В итоге действия обеих держав носили вынужденный характер. При оказании Австрии помощи в германском вопросе Петербург стремился не допустить ее чрезмерного усиления и восстановить австро-прусский дуализм, подталкивая Вену и Берлин друг к другу. Наконец, формирующееся австрийское общественное мнение с его ярко выраженными

руссофобскими тенденциями начинало оказывать влияние на проводимую венским кабинетом политику и облегчило внешнеполитическую переориентацию Австрии в 1854 г.

6. Противоречия между Австрией и Россией на Балканах носили долгосрочный характер и отчетливо проявились в неблагоприятных для России международных условиях, когда избавившаяся от непосредственной угрозы революции Австрия решила использовать представившийся шанс для ослабления позиций России в регионе и самоутверждения в качестве ведущей балканской державы. Ценой этой политики стало прекращение многолетней австро-русской дружбы, последствия чего Австрии предстояло испытать на себе уже в первое десятилетие после Крымской войны.

Достоверность исследования определяется привлечением широкого круга источников различных типов.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в 4 статьях²⁴⁴ общим объемом 4.5 п. л., опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности 5.6.2. – Всеобщая история.

---

²⁴⁴ Михеев М. Г. Двустороннее взаимодействие перед лицом кризиса (на примере австро-русских отношений в марте 1848 года) // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. № 16. С. 6; Он же. Образ России во внешнеполитических представлениях австрийских либералов середины XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 3. С. 3–15; Он же. Германская политика Австрии летом-осенью 1850 года и позиция России // Клио. 2022. № 11(191). С. 45–57; Он же. «Русские, саранча и холера»: «Прессе» о присутствии России в Дунайских княжествах (1848–1854 гг.) // Человеческий капитал. 2024. № 5(185). С. 23–32.

Глава 1. Австро-русские отношения в период революции 1848–1849 гг.

§ 1.1. Консервативное взаимодействие Вены и Петербурга после Венского конгресса

К окончанию Наполеоновских войн Австрийская и Российская империи подошли в ранге победителей. Монархии Габсбургов удалось не только избежать катастрофы, которой грозили ей преобразования императора французов в Европе, но и закрепить за собой статус великой державы, от которой в значительной степени зависел баланс сил на континенте. Символическим проявлением авторитета Австрии стал выбор Вены в качестве места проведения общеевропейского конгресса, подведшего итог длительному периоду потрясений, вызванных французской революцией.

Среди главных функций Австрии в международной системе после 1815 г. следует назвать контроль над оставшимися в состоянии раздробленности Германией²⁴⁵ и Италией и функцию уравнивающего элемента по отношению к фланговым державам континента – Франции и России. Согласно одной из точек зрения, Габсбурги выполняли задачу защиты Центральной Европы от давления Франции и России уже с конца XVIII в., после нормализации отношений с Турцией²⁴⁶. Успешное выполнение Австрией своих международных задач было важно для всех великих держав. Существует даже мнение, что Европа была обязана общим миром в течение десятилетий после 1815 г. главным образом положению и функциям Габсбургской империи²⁴⁷.

В Италии влияние Австрии опиралось не только на обладание Ломбардией и Венецией, но также на династические союзы с рядом малых итальянских герцогств и договор с королевством обеих Сицилий. Ф. Бридж полагает, что учредители мира 1814–1815 гг. определили для Австрии роль барьера для французских амбиций и в Италии²⁴⁸. В этой связи интересно также утверждение П. Шрёдера о специфических задачах Австрии в рамках международной системы рассматриваемого периода: «связывание» немцев и русских, чтобы помешать им поделить между собой Среднюю и Восточную Европу

---

²⁴⁵ Под Германией в рассматриваемый период понимали, как правило, территории, входившие в состав Германского союза.

²⁴⁶ Sked A. *The Decline and Fall...* P. 5.

²⁴⁷ Kennedy P. *Op. cit.* P. 163.

²⁴⁸ Bridge F. *Op. cit.* S. 196–197.

(Ostmitteleuropa), а также удержание малых народов Восточной Европы от борьбы друг с другом и неминуемой гибели в этой борьбе²⁴⁹.

Согласно одному из мнений, князь Клеменс Меттерних, с 1809 г. в течение почти четырех десятилетий руководивший австрийской внешней политикой, вполне отождествлял интересы Европы с интересами Австрийской империи, рассматривая многонациональную монархию Габсбургов как нечто подобное европейскому микрокосму²⁵⁰.

С другой стороны, за внушительным фасадом скрывалась внутренняя структурная слабость монархии, на которую неоднократно указывали историки. Например, Ф. Бридж писал, что кажущаяся сила Габсбургской монархии, взятая в своей основе, была иллюзией²⁵¹. Ей не хватало внутренних ресурсов, чтобы самой сохранить за собой все то, что ей досталось благодаря временному сотрудничеству Великобритании и России. В экономическом отношении Австрия была аграрной страной, неспособной конкурировать с Францией и Англией. При этом у нее не было того людского потенциала, благодаря которому те же слабости компенсировала Россия. Австрийская империя обладала населением в 30 млн и армией всего в 230 тыс. человек. Иллюзия, созданная дипломатическими ловкостью и мастерством, могла сохраняться только с помощью тех же средств. Проверку на прочность монархия проходила с трудом. Например, когда в 1821 г. понадобилось подавить восстание в Неаполе, Австрию эта операция поставила на грань банкротства. Кроме того, ее свобода действий была скована вследствие обладания Россией большей частью Польши²⁵². П. Кеннеди идет в оценке монархии Габсбургов еще дальше, полагая, что уже в XVIII в. «в масштабном европейском контексте» Австрия стала последней из великих держав²⁵³. Дж. Ледонн отмечает, что между австрийскими внешнеполитическими амбициями и реальными возможностями всегда существовала неприятная для Вены разница, а после 1815 г. подавляющее военное превосходство России сделало слабость Австрии очевидной для всех²⁵⁴. Действия Меттерниха порой характеризуются как политика, скрывавшая все большую анахроничность Австрии в XIX столетии. Так, Г. Киссинджер делает радикальный вывод, что, вероятно, в век

---

²⁴⁹ Schroeder P. Die Habsburger Monarchie... S. 179.

²⁵⁰ Sked A. Europe's Balance of Power... P. 98–99.

²⁵¹ Bridge F. Op. cit. S. 197.

²⁵² Ibid. S. 198.

²⁵³ Kennedy P. Op. cit. P. 91.

²⁵⁴ LeDonne J. P. Op. cit. P. 256.

национализма проведение действительно успешной политики для многонациональной империи было попросту невозможно²⁵⁵. По своему внутреннему устройству до 1848 г. империя, согласно одной из точек зрения, оставалась по существу «государством XVIII в.»²⁵⁶.

Однако, у относительной слабости австрийской монархии было преимущество: она не являлась угрозой другим державам²⁵⁷. Напротив, в предмартовский период все ведущие акторы международных отношений так или иначе были заинтересованы в существовании Австрии, благодаря чему у Вены появлялся простор для маневрирования. Российская империя в силу консервативного внутреннего устройства и близости интересов в польском и германском вопросах являлась главным внешним гарантом целостности Австрии.

Смерть императора Франца в 1835 г. и смена правительства привели к еще большему уменьшению влияния и авторитета Австрии, в том числе, в отношениях с Россией²⁵⁸. Меттерних в этот период говорил русскому дипломату Ф. И. Бруннову: «Сравните обе монархии...Россия – как ваш Император. Она молода, полна сил. Она может позволить себе большие усилия без вреда для своего здоровья. Теперь взгляните на Австрию. Мы стары; наше тело уже испытано годами. Мы не можем позволить себе каких-либо опытов; мы живем только в силу осторожности и умеренности»²⁵⁹.

В России отдавали себе отчет в слабых сторонах Австрии. В 1840 г., обсуждая с государственным секретарем М. А. Корфом положение дел в Европе, Николай I об австрийском союзнике отозвался довольно скептически: «...об этой для меня задача даже то, как она может идти и как совсем еще не развалилась! Монарх безгласный; совет управления, в котором все члены от сердца друг друга ненавидят и готовы бы один другого разорвать, а во главе этого совета — эрцгерцог Людовик, человек, может быть, умный и знающий, но без всякого характера, без всякой воли — сущая баба»²⁶⁰.

Этими обстоятельствами диктовалось стремление австрийской внешней политики по возможности избегать прямого участия в конфликтах. Еще в январе 1833 г. фельдмаршал И. Ф. Паскевич отмечал, что как в мирное, так и в военное время Австрия

---

²⁵⁵ Kissinger H. A. Op. cit. P. 321.

²⁵⁶ Unckel B. Op. cit. S. 21–22.

²⁵⁷ Sked A. The Decline and Fall... P. 16.

²⁵⁸ Lutz H. Op. cit. S. 186.

²⁵⁹ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. С. 145.

²⁶⁰ Корф М. А. Указ. соч. С. 132.

предпочитает играть роль посредника²⁶¹. Само существование Австрии как государства зависело от сохранения мира и порядка в Европе²⁶². Сотрудничество с ведущей державой континента – Россией, которая, к тому же, была вполне удовлетворена раскладом сил в Европе после 1815 г., в высокой степени гарантировало Австрийскую империю от крупных неприятностей.

Высочайший авторитет, достигнутый Россией после победы над Наполеоном и вступления русских войск в Париж, в последующие годы укреплялся. Успешные войны с Турцией и Персией в 1820-е гг., продолжающееся территориальное расширение, неподверженность революционным потрясениям способствовали формированию представления о непобедимости империи Романовых.

Вместе с тем А. Скед отмечает, что как война с Турцией в 1828–1829 гг., так и польское восстание, последовавшее за ней, продемонстрировали несовершенство военного механизма Российской империи и, следовательно, потребность России в поддержке Австрии, которую Меттерних охотно обеспечил²⁶³.

В представлении петербургского кабинета одной из важнейших задач, которые выполняла Австрия, было внешнее ограждение России от революционного влияния, идущего с Запада. Именно в этом убеждении воспитывался и будущий император Александр II, который в 1838 г. мог узнать из лекций по внешней политике, подготовленных для него Ф. И. Брунновым, следующее: «Поддерживать между нами и Францией этот нравственный барьер, созданный из держав дружественных и монархий, прочно основанных на принципах, сходных с нашими, – вот истинный и постоянный интерес России»²⁶⁴.

Среди оснований сотрудничества Вены и Петербурга следует также назвать участие в разделах Польши и общее понимание того, как должна выглядеть занимавшая центр Европы Германия: как конфедерация с исключительно оборонительными целями, удерживаемая в этом положении консервативной Австрией при помощи консервативной Пруссии.

---

²⁶¹ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. С. 75. Политику венского кабинета периода Крымской войны в этом смысле можно считать сохраняющей преемственность с политикой К. Меттерниха.

²⁶² Sked A. *Europe's Balance of Power...* P. 99.

²⁶³ Sked A. *Metternich and Austria...* P. 88. Скед даже пишет о «военной слабости России».

²⁶⁴ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. С. 143.

Одной из опор Венской системы международных отношений в первые десятилетия ее существования стал Священный союз, акт о создании которого был подписан 26 сентября 1815 г. И хотя идея о его учреждении принадлежала императору Александру I, среди историков распространенным является мнение, что Меттерних превратил Священный союз в инструмент обеспечения австрийских консервативных интересов²⁶⁵. С этой точкой зрения согласна исследовательница О. Е. Будникова, считающая, что Меттерних с самого начала видел в Священном союзе «средство реализации собственной консервативной идеи легитимизма» и «закрепления власти Габсбургов на землях, присоединенных по результатам соглашений Венского конгресса»²⁶⁶. Преимущество консервативной солидарности для Австрии было очевидно и современникам: один из анонимных авторов изданной в Брюсселе в 1830 г. работы называет «изобретателем Священного союза» именно Меттерниха²⁶⁷.

Е. П. Кудрявцева делает следующий вывод о политике, проводившейся в тот период петербургским кабинетом: «Приверженность консервативным принципам и системе Священного союза в конечном результате приводили к подчинению русской внешней политики «европейской идее», служившей на пользу союзницы-Австрии»²⁶⁸.

Не оспаривая справедливость подобных характеристик, необходимо отметить, что «скованность» консервативными принципами не помешала России в 1820-е гг. выступить в поддержку греков, боровшихся за независимость от Османской империи, и в результате успешной русско-турецкой войны 1828–1829 гг. достичь нового максимума русского влияния на Балканах.

Последнее привело к заметному охлаждению в австро-русских отношениях, которое, однако, не продлилось долго: Июльская революция во Франции, революция в Бельгии и польское восстание 1830–1831 гг. способствовали повторному сближению двух империй на консервативной основе. В июле 1833 г. Николай сообщил Паскевичу, что «получил решительно приглашение от австрийского императора для свидания с ним в Богемии»²⁶⁹. Инициатива сближения, таким образом, исходила от австрийской стороны.

---

²⁶⁵ См., напр.: Schwarz W. Op. cit. S. 230.

²⁶⁶ Будникова О. Е. Указ. соч. С. 25.

²⁶⁷ Цит. по: Sked A. Metternich and Austria... P. 2.

²⁶⁸ Кудрявцева Е. П. Министерство иностранных дел России... С. 268.

²⁶⁹ Николай I – И. Ф. Паскевичу. 16(28).07.1833 // Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. Приложения. С. 171.

18 сентября 1833 г. в Мюнхенгреце между Австрией и Россией была заключена конвенция о совместных действиях в восточном вопросе, согласно которой договаривающиеся стороны выступали за сохранение целостности Османской империи, а в случае ее распада обязались согласовывать свои действия друг с другом²⁷⁰.

На следующий день была подписана «Конвенция, устанавливающая взаимную гарантию польских владений и выдачу политических преступников»²⁷¹. Статья 3 документа предусматривала военную помощь договаривающихся сторон друг другу в случае революционных выступлений: «Для получения вспомоществования этою вооруженною силою достаточно будет одного требования, которое заявлено будет другой державе со стороны военной власти той провинции, в которой возникнут смуты»²⁷². Спустя месяц к этому соглашению присоединилась Пруссия, и 15 октября в Берлине оно было дополнено конвенцией относительно общих действий против революционеров. По ее условиям Австрия, Пруссия и Россия могли обращаться друг к другу за помощью как при внутренней, так и при внешней опасности²⁷³.

В отечественной историографии, начиная уже с XIX в., можно встретить отрицательную оценку Мюнхенгрецких соглашений для России. Например, С. С. Татищев писал, что их результаты «разыгрались в исключительную пользу Австрии. Последняя приобрела могучую поддержку России против опасностей, грозивших ей со стороны революции; опираясь на нас, упрочила свое влияние на второстепенные государства Германии и Италии, и все это без того, чтобы мы потребовали от нее каких бы то ни было взаимных обязательств или услуг. Но этого мало. На Востоке она обеспечила себя от всякой самостоятельной меры, которую могла бы принять Россия в своих личных интересах...»²⁷⁴. Похожее мнение высказывал Р. Сетон-Уотсон, считавший, что «на некоторое время Меттерниху удалось вновь утвердить свое прежнее преобладание»²⁷⁵. Р. Хармац, наоборот, считал, что в Мюнхенгреце была установлена опека России над Австрией²⁷⁶. И эта точка зрения, несмотря на некоторую категоричность, представляется

---

²⁷⁰ Существует мнение, что благодаря Мюнхенгрецкой конвенции Австрия получила возможность контролировать восточную политику Петербурга. См.: История международных отношений. Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. Т. I. М., 2017. С. 219.

²⁷¹ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 449 и далее.

²⁷² Там же. С. 456.

²⁷³ Там же. С. 460 и далее.

²⁷⁴ Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы... С. 78.

²⁷⁵ Seton-Watson R. W. Britain in Europe... P. 151.

²⁷⁶ Charmatz R. Deutsch-österreichische Politik... S. 352.

более близкой к действительной расстановке ролей в австро-русском союзе. Л. В. Выскочков также обращает внимание на то, что «конвенции отражали новое явление – значительно возросшее влияние России на Востоке. Если раньше Священный союз цементировался уступками Александра I, то теперь эта роль перешла к австрийскому канцлеру Меттерниху»²⁷⁷. В Петербурге, кроме того, договоренности в Мюнхенгрее воспринимались как средство нейтрализовать «губительный союз» между Францией и Англией²⁷⁸.

Одной из важнейших составляющих встречи стала неформальная гарантия Россией смены власти в Австрии. Престарелый австрийский император Франц I принял решение после своей смерти передать престол сыну Фердинанду, несмотря на сомнительную пригодность последнего к роли монарха вследствие психической и физической слабости. В 1851 г. австрийский фельдмаршал князь А. Виндишгрец вспоминал, что, когда император Франц призвал Николая I к помощи ввиду «слабости австрийского престолонаследия», российский император «бросился на колени и дал желаемое обещание»²⁷⁹. Австрийская верхушка, таким образом, еще с начала 1830-х гг. знала, что в случае серьезных внутренних затруднений можно рассчитывать на русскую помощь.

Надежд на содействие России в чрезвычайной ситуации в Австрии не скрывали. В день смерти Франца I в 1835 г. новый император Фердинанд написал Николаю, что «помимо упований на Бога, он, прежде всего, полагается на сохранение прежнего тесного союза с Россией»²⁸⁰. Николай, со своей стороны, был убежден: союз австрийского и российского императоров «составляет силу их государств и единственную опору европейского мира»²⁸¹.

Поэтому, когда в апреле 1837 г. Меттерних написал в Петербург, что в Венгрии «государственный корабль поврежден», Николай I поручил посланнику в Австрии Д. П. Татищеву объявить, что «во всяком случае Австрия может положиться на Россию, потому что никогда Государь не забудет, что он обещал в Мюнхенгрее своему августейшему

---

²⁷⁷ Выскочков Л. В. Указ. соч. С. 370.

²⁷⁸ Всеподданнейший доклад К. В. Нессельроде от 20 ноября 1850 г. с отчетом о политической деятельности за истекшие двадцать пять лет // Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. Приложения. С. 118.

²⁷⁹ Kübeck von Kübau С. F. Op. cit. S. 67.

²⁸⁰ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. С. 147.

²⁸¹ Там же. С. 148.

другу и союзнику Императору Францу»²⁸². Годом позже во время маневров русских войск Николай I сказал А. Виндишгрецу: «Считайте все эти войска вашими резервами»²⁸³.

Важной вехой в истории австро-русских отношений в предмартовский период стало поглощение Австрией Краковской республики – символического остатка польской государственности, сохраненного по решению Венского конгресса. Уже летом 1835 г. у Николая созрело намерение передать Краков Австрии, чтобы тем самым ликвидировать очаг польского революционного движения. Включение территории Республики в состав габсбургской империи российский самодержец считал не только более естественным, но и рассчитывал, что такое развитие событий вызовет меньший протест со стороны других участников международных отношений, чем в случае включения Кракова в состав России²⁸⁴. И. Ф. Паскевич в ответ предложил задействовать экономический рычаг для склонения жителей Республики к вхождению в Австрию: увеличить для них таможенные затруднения с российской стороны²⁸⁵.

14 октября 1835 г. в Берлине Австрия, Пруссия и Россия подписали соглашение, предусматривавшее присоединение Кракова к Австрийской империи²⁸⁶. Однако в исполнение это намерение было приведено лишь 11 лет спустя. К 1846 г. в Вене действовала конференция, бывшая «органом трех дворов по краковским делам»²⁸⁷. При этом в Петербурге существовала некоторая разница мнений по краковскому вопросу. Нессельроде, в частности, не хотел отзываться русского, австрийского и прусского дипломатических агентов из Кракова, мотивируя это тем, что «отсутствие дипломатических агентов...приучило бы жителей Кракова лишь в Австрии видеть свою естественную покровительницу и вершителя своей судьбы. В этом случае настроения были бы подготовлены в пользу окончательной инкорпорации города и территории в австрийскую монархию»²⁸⁸. Но Николай I настоял на упразднении Республики и ее включении в состав Австрии.

Несмотря на ярко выраженный легитимизм, российский император не был слепым приверженцем букве договоров, особенно если не видел в переменах угрозы русским

---

²⁸² Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 477.

²⁸³ Цит. по: Kerchnawe Н. Op. cit. S. 337.

²⁸⁴ Николай I – И. Ф. Паскевичу. 30.06(12.07).1835 // Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. Приложения. С. 260.

²⁸⁵ Там же. С. 144.

²⁸⁶ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 472–474.

²⁸⁷ Доклад Е. И. В., представленный В. К. Наследнику 6(18).05.1846. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1846. Д. 40. Л. 57.

²⁸⁸ Там же. Л. 59.

интересам. Когда не желавший присоединения Кракова к Австрии прусский король в начале 1846 г. заметил своему русскому шурина, что нарушение одного положения венских соглашений может дать повод к нарушению других положений, Николай в ответ указал на образование Бельгийского королевства, не приведшее к уничтожению остальных договоренностей²⁸⁹.

Хотя решение по Кракову было принято еще в 1835 г., Меттерних не спешил с его реализацией, в том числе потому, что австрийскому канцлеру приходилось принимать во внимание общественное мнение в Англии и Франции. На мемуаре Нессельроде от 18 мая 1846 г. о краковском вопросе император Николай отметил, что Меттерних по своей привычке колеблется перед принятием важных решений, оглядываясь на мнение парламентов в Лондоне и Париже²⁹⁰. Царь был недоволен тем, что австрийцы медлят с присоединением. После подавления беспорядков в Галиции и Краковской республике в 1846 г. он писал Паскевичу: «Признаюсь, что не могу довольно выразить тебе моей радости, что *мы* под носом выгнанных из Кракова австрийцев успели ранее всех и заняли Краков. Теперь и более силы будет поставить на нашем, ибо мы, а не австрийцы, не пруссаки, заняли Краков...Сегодня писал я к ним, что требую уничтожения Кракова, не хотят взять его австрийцы, как условлено в Теплице, возьму я, *ибо мы вошли*; но не желаю того»²⁹¹. На предложение Паскевича присоединить к Российской империи часть территории Республики, Николай ответил отказом, добавив при этом, что был бы готов обменять южную часть Царства Польского на австрийскую Галицию, которую называл «нашим старым краем»²⁹².

15 апреля 1846 г. в Берлине был подготовлен документ об упразднении Краковской республики, а в начале ноября в Вене подписан окончательный акт о присоединении Кракова к Австрии²⁹³. И, по-видимому, дело снова не обошлось без давления царя, писавшего в эти дни: «Сей же вечер получил я из Вены донесение, что наконец решились приступить к объявлению об уничтожении Кракова; пора было, и я должен был по почте писать в Вену очень сильно, что буде они трусят приступить к делу, то я готов взять *Краков себе*; но не дождались и сделали, и тем лучше»²⁹⁴.

²⁸⁹ Николай I – И. Ф. Паскевичу. 22.04(4.05).1846 // Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. С. 377.

²⁹⁰ Доклады за 1846 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1846. Д. 40. Л. 78.

²⁹¹ Николай I – И. Ф. Паскевичу. 24.02(8.03).1846 // Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. Приложения. С. 556.

²⁹² Николай I – И. Ф. Паскевичу. 14(26).03.1846 // Там же. С. 561.

²⁹³ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 531.

²⁹⁴ Николай I – И. Ф. Паскевичу. 24.10(5.11).1846 // Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. Приложения. С. 573.

При рассмотрении австро-русских отношений в этот период можно говорить о некотором изменении конфигурации связей между участниками «союза трех черных орлов», поделивших между собой территории бывшей Речи Посполитой. До 1840 г. отношения России с Пруссией были более тесными и доверительными, чем с Австрией. Будущий военный министр Российской империи Д. А. Милютин вспоминал, что в тот период существовала система крепостей в Царстве Польском, но отсутствовала вторая линия укреплений. Поэтому в 1830-е гг. планировали создать ряд крепостей на Юго-Западе, с австрийской стороны, в то время как с прусской стороны таких планов вовсе не было, потому что рассчитывали на вечную дружбу с Берлином²⁹⁵.

Однако после смерти преданного России короля Фридриха Вильгельма III в 1840 г. ситуация начала меняться, причиной чего стали русско-пруссские таможенные споры и постепенное движение Пруссии в сторону конституционализма. На известие о предстоящем созыве соединенного ландтага в Пруссии в начале 1847 г. Николай отреагировал следующим образом: «...чего мы опасались, сбылось! Пруссия из наших рядов выбыла и ежели еще не перешла в ряды врагов, то почти наверно полагать можно, что, через малое время, и вопреки воле короля, станет явно против нас, т. е. против порядка и законов! ...Но одно уже положительно: нас было *трое*, теперь мы много что *двое*...»²⁹⁶. С этого времени взгляды Николая все больше обращаются в сторону Австрии, где, как казалось, консервативные принципы оставались прочными. Тем не менее, из формулировки «теперь мы много что двое» следует, что и Австрию полноценным столпом порядка Николай более не считал.

К тому же в Петербурге хорошо понимали причины заинтересованности Вены в России. Еще во всеподданнейшем отчете за 1839 г. отмечается, что союз с Россией воспринимается Австрией как менее необходимый, как только венский кабинет начинает считать, что находится в безопасности от революции²⁹⁷.

Отношения двух империй и прежде нельзя было назвать безоблачными. Согласно данным, приводимым Дж. Ледонном, уже русский посланник в Вене в 1810-х гг. Г. О. Стакельберг был убежден в недоброжелательности Австрии, полагая, что Меттерних стремится создать союз немецкоговорящих государств, направленный против России. В

²⁹⁵ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862... С. 286.

²⁹⁶ Николай I – И. Ф. Паскевичу. 5(17).02.1847 // Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. Приложения. С. 606–607.

²⁹⁷ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 478.

1818 г. Стакельберг был отозван из Вены. Его преемник Ю. А. Головкин считал Австрию двуличной и враждебной России, и также был отозван²⁹⁸.

Николай I после греческого кризиса 1820-х гг. всегда испытывал некоторую настороженность по отношению к Меттерниху. Когда умер Франц I, царь писал: «Меттерних теперь будет всё; покуда польза Австрии будет с нами оставаться в союзе, дотоль нам на него надеяться можно, но характер его таков, что к нему я никогда никакого совершенного доверия иметь не могу»²⁹⁹.

Скрытое охлаждение в отношениях Австрии и России к концу 1830-х гг. отмечает О. В. Павленко³⁰⁰. Недопонимание порой возникало даже в той области, где, казалось бы, не было места конфликту интересов. На рубеже 1830-1840-х гг. Австрия была склонна закрывать глаза на то, что польские агитаторы, действовавшие в Царстве Польском, находили убежище в Галиции³⁰¹. В записке о положении дел в Европе, датированной началом 1848 г., Николай I с сожалением констатировал нежелание Австрии и Пруссии выдавать поляков, бежавших на их территорию в 1830–31 гг.: «С этого печального момента от нашего тесного единения остались только одни внешние признаки, во все наши взаимоотношения вкралось недоверие, так как наши принципы, очевидно, перестали быть одинаковыми. Однако Россия всегда отличалась великодушием и... я могу заявить, что никогда недоверие, вполне оправданное с моей стороны, не отражалось на наших делах»³⁰².

Кроме того, существовала определенная напряженность в вопросе использования дунайского устья, перешедшего под контроль России по условиям Адрианопольского мира с Турцией в 1829 г. Так, например, во время переговоров по торговым вопросам в 1845 г. Россия не соглашалась на австрийское требование об отправке постоянного австрийского консула в этот регион³⁰³.

Не способствовал доверительности отношений и постепенно обостряющийся национальный вопрос, бывший особенно чувствительным для многонациональной Габсбургской монархии. В начале 1840-х гг. австрийское правительство подозревало

²⁹⁸ LeDonne J. P. Op. cit. P. 256.

²⁹⁹ Николай I – И. Ф. Паскевичу. 15(27).03.1835 // Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. Приложения. С. 253.

³⁰⁰ Павленко О. В. «Славянский фактор»... С. 248. Подробнее об этом исследовательница пишет в своей докторской диссертации: Павленко О. В. Славянский фактор в идеологии...

³⁰¹ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. С. 243.

³⁰² Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 161.

³⁰³ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 549.

участие русских подданных в агитации в пользу идеи югославянской солидарности³⁰⁴. С другой стороны, как отмечает Э. Андич, по мере активизации национальных движений венгров, чехов, итальянцев и поляков союз с Россией становился для Габсбургов все более важным³⁰⁵.

На этом фоне в первой половине 1840-х гг. Николай I предпринимает попытки сблизиться с Лондоном, ярким проявлением чего стал его визит в Англию в 1844 г. Основной целью поездки было стремление договориться с ведущей экономической и военно-морской державой о вариантах решения восточного вопроса, однако наряду с этим могло присутствовать и желание обеспечить России большую свободу маневра в международных делах в ситуации, когда возникали сомнения в прежней надежности германских союзников.

Неправомерность идеализации австро-русских отношений отмечала также Р. А. Авербух, считавшая, что в период, предшествовавший революции, они не имели особенно дружественного характера³⁰⁶. Разногласия возникали, в частности, на почве торговых отношений: Россия боролась с австрийской контрабандой, а Австрия стремилась к понижению русских таможенных тарифов. Именно в этом вопросе, впрочем, стремление к компромиссу, взяло верх: в сентябре 1847 г. был произведен обмен нотами, в соответствии с которыми таможенные пошлины на ряд товаров обоюдно снижались³⁰⁷.

Отдельным аспектом двусторонних связей был религиозный вопрос. Австрия периодически делала в Петербурге представления по поводу существовавших, по ее мнению, притеснений католиков в России. Религиозными различиями был обусловлен неуспех плана Николая I выдать великую княжну Ольгу замуж за эрцгерцога Стефана и породнить таким образом два императорских дома.

Некоторое напряжение Петербурга вызывало присутствие старообрядцев на австрийской территории. В августе 1847 г. Николай писал Паскевичу: «Про дела раскольничьи я серьезно говорю австрийцам, и объявил сегодня Колоредо (австрийскому посланнику в Петербурге Ф. Коллоредо – М. М.), что буде не получу должного и

---

³⁰⁴ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. С. 316.

³⁰⁵ Andics E. Die Habsburger... S. 8.

³⁰⁶ Авербух Р. А. Царская интервенция... С. 49–50.

³⁰⁷ Доклады за 1847 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 36. Л. 238–239.

немедленного удовлетворения, то велю Медему выехать из Вены. Надо их разбудить, а я шутить не люблю делами подобной важности»³⁰⁸.

Пожалуй, можно говорить о том, что австро-русская солидарность почти не выходила за границы политического консерватизма³⁰⁹ во внутренних и международных делах. В вопросах, далеких от интересов России, в Петербурге были не склонны тратить силы на поддержку Австрии. Например, когда в 1846 г. в ходе торгового спора между Австрией и Сардинией поступило предложение провести переговоры в Петербурге, как «нейтральном» месте, Нессельроде ответил отказом, заявив, что принятие предложения означало бы со стороны России помощь лишь одной стороне³¹⁰.

Строго охранительный характер внешнеполитических действий Вены при Меттернихе, по-видимому, не оставлял места для каких-либо австрийских амбиций. Характеризуя позицию своего государя, Меттерних, по сути, изложил формулу австрийской политики этого периода: «Он ничего не ищет за пределами границ своей империи, все, чего он желает, это обеспечить целостность и внутренний мир в своих владениях, с какой бы стороны и каким бы способом они ни были угрожаемы»³¹¹. Ту же мысль Меттерних неоднократно проводил в инструкциях представителям Австрии при других европейских дворах.

Такая, казалось бы, благоприятная для Петербурга позиция имела оборотную сторону, поскольку слишком зависела от личности австрийского канцлера. После разговора со стареющим Меттернихом 1 января 1846 г. Николай написал императрице Александре Федоровне: «...этот человек сильно опустился, он распускается и болтает больше, чем когда-либо...И в то же время здесь все еще держится лишь его тенью. Если он умрет, наступит полная неразбериха»³¹².

Во второй половине 1840-х гг. австрийское правительство действительно стояло перед целым рядом серьезных проблем. К 1847 г. вооруженные силы Австрии потребляли 37.5 % государственных доходов, гражданская администрация – 35 %, на выплату процентов по государственному долгу приходилось около 28 %³¹³. В Венгрии

³⁰⁸ Николай I – И. Ф. Паскевичу. 10(22).08.1847 // Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. Приложения. С. 613.

³⁰⁹ Под консерватизмом здесь подразумевается, главным образом, стремление к отстаиванию существующих политических институтов, монархической формы правления, сопровождавшееся критическим отношением к либерально-демократическим тенденциям общественного и государственного развития.

³¹⁰ Доклады за 1846 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1846. Д. 40. Л. 167.

³¹¹ К. Меттерних – Э. Лебцельтерну. 14.12.1847 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 13. Л. 124.

³¹² Цит. по: Schiemann Th. Op. cit. Bd. IV. S. 378.

³¹³ Sked A. The Decline and Fall... P. 74.

национальное возрождение, заметное уже в 1820-е гг., вызвало активное движение за конституционную реформу, и к 1847 г. приняло полуреволюционные формы³¹⁴.

Напряженность нарастала и за пределами монархии. Венский кабинет не смог повлиять даже на развернувшийся у самых границ Австрии конфликт между консервативными и «прогрессистскими» кантонами Швейцарии в конце 1847 г. В Петербурге выступали за более активную политику Вены в этом вопросе и думали о том, чтобы побудить Австрию «перейти Альпы»³¹⁵. Меттерних, однако, проявил в этом случае предельную осторожность и получил за это упрек в «слабости»³¹⁶.

Николай I достаточно точно спрогнозировал близость европейских потрясений, когда в декабре 1847 г. написал: «Теперь уже Зондербунд (союз консервативных кантонов в гражданской войне в Швейцарии – М. М.) исчез; и огонь мятежа готов вспыхнуть в Южной Германии; ежели и теперь не очнутся, то я убежден, что в скором времени все будет там вверх дном»³¹⁷. Осенью того же года советник русской миссии в Вене Ф. П. Фонтон сообщил о росте революционных выступлений в различных частях Италии³¹⁸.

В связи с этим союзный Вене герцог Модены обратился к австрийскому императору с просьбой об усилении гарнизонов крепостей Модена и Реггио³¹⁹. Согласие Австрии на эту просьбу привело к напряженности в отношениях Вены и Лондона, поощрявшего развитие либерализма на Апеннинах. Меттерних характеризовал итальянскую политику Англии так: «Путь, которым следует лорд Пальмерстон, с неизбежностью должен привести Европу к катастрофе»³²⁰. На этом фоне Австрия усилила меры безопасности в собственных североитальянских провинциях. 24 декабря 1847 г. был заключен оборонительный союз между Австрией и Моденой. В этой ситуации для Вены была важна моральная поддержка извне, и Россия оказала эту поддержку. Нессельроде писал, что разделяет «мысли и намерения» австрийского правительства³²¹.

Ощущение близящегося кризиса охватило многих. В записке начала 1848 г. о положении дел в Европе Николай I изложил свой план на случай потрясений на

³¹⁴ Seton-Watson R. W. Britain in Europe... P. 248.

³¹⁵ Meyendorff P. Op. cit. Bd. II. S. 22.

³¹⁶ Ibid. S. 20.

³¹⁷ Николай I – И. Ф. Паскевичу. 27.11(9.12).1847 // Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 5. Приложения. С. 615.

³¹⁸ Ф. П. Фонтон – И. Ф. Паскевичу. 4(16).09.1847 // АВПРИ. Ф. 333. Оп. 576. 1847. Д. 388. Л. 29.

³¹⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 13. Л. 34–35.

³²⁰ К. Меттерних – М. Дитрихштейну. 20.12.1847 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 13. Л. 72.

³²¹ К. В. Нессельроде – Ф. П. Фонтону. 17(29).12.1847 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 143. Л. 227 и далее.

континенте³²². При возникновении беспорядков в Германии российский самодержец предполагал, что Россия объединит под своими знаменами «все, что останется верным порядку»³²³. Как показали дальнейшие события, в наибольшей степени «верной порядку» осталась Австрия, и именно ее российский император поддержал, как в решении жизненно важного для Вены венгерского вопроса, так и позднее в австро-прусском противостоянии в Германии.

§ 1.2. Испытание неопределенностью: австро-русская связь в 1848 г.

Революция 1848 г. в Австрии не была внезапной, и не являлась лишь следствием французских событий. Взгляд на австрийскую историю 1840-х гг. дает ясное представление об очень непростом положении монархии. В том числе это касается роста национальных движений и, в первую очередь, итальянского. Обстановка на Апеннинском полуострове все больше дестабилизировалась. Еще накануне революции австрийское правительство увеличило количество войск в контролируемых им частях Италии на 40 тыс. человек.

В этот же период ярко проявляет себя рост национального сознания в Венгрии, в то время как в Богемии и Моравии чешский национализм переходит из культурной фазы в политическую³²⁴. В 1848 г. новыми аспектами национального вопроса в Австрии предстояло стать хорватскому и словенскому национальным движениям, также заявили о себе великосербское и великорумынское движения. На севере обострялся польский вопрос³²⁵.

Сложным было и финансовое положение. В результате обширных займов государственный долг к 1847 г. составил примерно 1,1 млрд гульденов. Серебряных резервов государственного банка хватало на покрытие лишь одной восьмой всех бумажных денег, находившихся в обращении. Кроме того, иностранные банкиры, предоставлявшие Австрии займы, запретили впредь печатать бумажные деньги³²⁶. Таким образом, еще до наступления революции Австрия переживала тяжелейший внутренний

---

³²² Действия России в последующие несколько лет в целом соответствовали этому плану.

³²³ Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 163–164.

³²⁴ Lutz H. Op. cit. S. 235.

³²⁵ Ibid. S. 236.

³²⁶ Roberts I. W. Op. cit. P. 9–10.

кризис, рождавший опасения за ближайшее будущее монархии. В этих условиях в Вене рассчитывали на сохранение сотрудничества Австрии, Пруссии и России. Меттерних накануне революции заявлял прямо: «...полное согласие, существующее между тремя кабинетами...в нашем понимании является последней надеждой для общественного порядка, подвергшегося столь серьезной опасности»³²⁷.

Однако русские дипломаты отмечали чрезмерную осторожность Меттерниха. Поверенный в делах в Вене Ф. П. Фонтон писал в Петербург: «предоставленная самой себе, Австрия...продолжит следовать этой выжидательной системе, которая может – и я не думаю, что преувеличиваю, говоря это, – привести к ее гибели»³²⁸.

Известия о Февральской революции в Париже заставили европейских наблюдателей думать о возможности очередного экспорта революции за пределы Франции. Что бы официально ни декларировало новое французское правительство насчет миролюбивости своей внешней политики, были живы люди, помнившие войны рубежа XVIII–XIX вв. и имевшие основания опасаться, что революционный порыв французов будет вновь направлен вовне. Поэтому 7 марта (24 февраля) Николай I предложил Фридриху Вильгельму IV вместе с государствами Германского союза сконцентрировать войска на западной границе на случай, если революционная Франция решится вторгнуться в Германию. В качестве поддержки он планировал через три месяца подготовить 300 тыс. русских войск. На Австрию российский император в этом вопросе не рассчитывал: «Как видите, я не называю Австрии. Ее роль – охранять Италию и наш левый фланг; в ее теперешнем жалком положении этого для нее достаточно»³²⁹. Эта характеристика австрийскому союзнику была дана еще за неделю до революции в Вене.

В первые дни французской революции консервативные столицы больше всего беспокоило соблюдение Парижем европейских трактатов в целом. Через несколько дней беспокойство Меттерниха стало более предметным: «Германия в настоящий момент...является для нас объектом самого пристального внимания; сегодня это одно из наиболее уязвимых мест в европейской политической системе»³³⁰. В кабинетах восточных держав хорошо понимали, что в первую очередь подвергаются риску быть накрытыми революционной волной регионы, соседствующие с Францией: Бельгия, Италия и юг

³²⁷ К. Меттерних – К. Буолло. 1.02.1848 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 6. Л. 54.

³²⁸ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 3(15).02.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 472 об. – 473.

³²⁹ Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 170.

³³⁰ К. Меттерних – Э. Лебцельгерну. 9.03.1848 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 6. Л. 147.

Германии³³¹. В сложившихся обстоятельствах Меттерних считал полное согласие между Веной и Берлином одним из главных условий выживания. В этих целях из Берлина в Вену для координации действий двух германских держав был отправлен генерал Й. Радовиц³³².

Правительства государств, входивших в Германский союз, начали отправлять в Вену курьеров с сообщениями о том, что готовы действовать в соответствии с взглядами двух первых германских дворов и ожидают соответствующих инструкций. Для выработки общего курса Меттерних считал необходимым немедленно организовать центр принятия решений (*centre d'entente*), в качестве которого предлагал Вену. Кроме того, он выражал надежду, что российский император отправит в Вену для этих совещаний свое доверенное лицо, «уважаемую персону»³³³. По мысли канцлера, этот орган должен был стать австро-пруско-русским «центром проектирования и действия»³³⁴. То, что основной мыслью Меттерниха было полное единение перед лицом революционной угрозы, вполне естественно. Но то, что «кучер Европы» с такой готовностью приглашал в Вену русского представителя для обсуждения германских дел, красноречиво свидетельствует о влиянии России в Средней Европе. Николай отправил в Вену генерала Ф. Ф. Берга с целью договориться с австрийским кабинетом о необходимых военных мерах, а также ознакомить австрийское правительство с действиями, которые уже были предприняты в Петербурге³³⁵. Однако еще в Варшаве Берга настигли известия о революции в Вене и Берлине, и дальше он не поехал.

Одним из первых отзвуков парижских событий в Австрийской империи стала речь Лайоша Кошута, произнесенная 3 марта на заседании венгерского Государственного собрания в Прессбурге, в которой лидер мадьярской оппозиции потребовал формирования ответственного перед венгерской законодательной властью правительства и введения конституции для всей империи. Это дало толчок т. н. петиционному движению в собственно австрийских землях, представители которого выдвигали требования, схожие с требованиями Кошута.

11 марта Фонтон доносил, что если на улицах начнутся беспокорства, то он «не уверен, что в этом случае не будут иметь место манифестации против России. Эхо

³³¹ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 20.02(3.03).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 218.

³³² К. Меттерних – Э. Лебцельтерну. 9.03.1848 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 6. Л. 147.

³³³ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 20.02(3.03).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 237 об.

³³⁴ Metternich K. Mémoires, documents... Т. 7. Р. 590.

³³⁵ Николай I – Фердинанду I. 2(14).03.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 7. Л. 14.

подобных манифестаций, имевших место в Германии и Венгрии, получило здесь соответствующий резонанс»³³⁶. Австрийское правительство было вынуждено считаться с распространённостью антирусских настроений. Фонтон особо отмечал, что в очередной прокламации правительство воздержалось от упоминания о своих союзниках³³⁷.

13 и 14 марта вспыхнули восстания в Вене и Пеште. Вскоре была провозглашена свобода печати, впервые в австрийской истории образовано ответственное министерство, создана Национальная гвардия. 15 марта австрийский император объявил о предстоящем созыве рейхстага для принятия конституции. Правительство Меттерниха пало, а сам князь бежал в Лондон.

Еще за несколько дней до отставки Меттерних начал получать письма с угрозами. У политизированной части населения австрийской столицы глава внешней политики империи прочно ассоциировался с Россией. На улицах Вены в это время можно было обнаружить листовки с надписью «Долой Меттерниха! Нет союзу с Россией...»³³⁸.

За несколько лет до этого, на рубеже 1845–1846 гг. в Вене состоялся разговор между Николаем I и Меттернихом, в котором царь выразил опасения относительно будущего Австрии, сказав: империя «будет жить так долго, пока вы будете жить; а что будет после Вас?»³³⁹. Весной 1848 г. эти опасения как будто начали оправдываться: старый канцлер бежал, и на монархию Габсбургов посыпались один за другим внешние и внутренние удары. Казалось, что Россия в отстаивании принципов легитимизма осталась одна.

В письме Меттерниху вскоре после его отставки Николай написал, что вместе с канцлером погибла «целая система отношений, идей, интересов и общих действий, которую, при том новом пути, на который теперь вступит австрийская монархия, и не смотря на добрую волю ее правителей», будет трудно восстановить в прежней степени³⁴⁰. Близкое по содержанию письмо написал Меттерниху Нессельроде³⁴¹. Британскому послу в Петербурге российский канцлер в этой связи говорил о «крахе всех его схем и разрушении всех его политических комбинаций»³⁴². Представитель России в Париже Н. Д. Киселев писал из революционной Франции: «Австрия распадается и, так сказать,

³³⁶ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 28.02(11.03).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 284–285.

³³⁷ Там же. Л. 285.

³³⁸ Metternich K. Mémoires, documents... Т. 7. Р. 539.

³³⁹ Цит. по: Winter E. Eine bedeutsame Unterredung... S. 1868.

³⁴⁰ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 582.

³⁴¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 12. Л. 47.

³⁴² Цит. по: Roberts I. W. Op. cit. P. 15.

исчезает для нас. Пруссии, как консервативной державы, как союзницы России, больше нет»³⁴³. На фоне кажущегося необратимым распада «европейского концерта» под окнами русской миссии в Вене в начале апреля прозвучал «кошачий концерт»³⁴⁴.

Вскоре циркуляр австрийского министерства объявил дипломатическому корпусу, что управление иностранными делами временно возглавит барон Лебцельтерн. Фонтон в этих обстоятельствах был намерен занимать сдержанную позицию³⁴⁵.

В ситуации полной неопределенности новое австрийское министерство стремилось сохранить тесный контакт с Петербургом. Граф К. Фикельмон, назначенный 20 марта главой государственной канцелярии, заявил Фонтону, что собирается отправить курьера в Петербург, чтобы представить императорскому кабинету истинное положение вещей³⁴⁶. Этим посланником стал граф Ф. Тун³⁴⁷. Заслуживает внимания инструкция, данная Туну: «Положение императорского правительства изменилось; положение императора не изменится; едва выйдя из материального конфликта, имевшего место, мысли Его Императорского Величества обратились к Императору России. Он собирается ознакомить своего самого близкого и самого испытанного союзника с настоящим своим положением со всеми его трудностями...»³⁴⁸. Эти слова свидетельствуют, что главной целью миссии было убедить Николая в том, что никакие события не в силах изменить дружественные намерения Австрии к России и поколебать союз двух империй³⁴⁹. Результат инициативы был обнадеживающим. Николай доброжелательно воспринял назначение Фикельмона руководителем австрийской внешней политики, и язык русских дипломатических документов зазвучал спокойнее. К. В. Нессельроде сообщал своему австрийскому коллеге, что люди, подобные ему, вызывают у российского императора доверие: «они думают так же, как он, и будут всегда руководимы теми же принципами»³⁵⁰. Доверие Николая основывалось, в том числе, на том, что Фикельмон был женат на внучке фельдмаршала

---

³⁴³ Цит. по: Birke E. Op. cit. S. 130.

³⁴⁴ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 29.03(10.04).1848 // Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 182.

³⁴⁵ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 5(17).03.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 341.

³⁴⁶ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 9(21).03.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 349.

³⁴⁷ М. И. Михайлов утверждает, что в ходе этой миссии в русской столице было достигнуто полное политическое согласие, что стало «важным шагом на пути создания предпосылок для подготовки контрреволюции с возможным вмешательством России». См.: Михайлов М. И. 1848 год: Россия и Германия... С. 162.

³⁴⁸ К. Фикельмон – Ф. Туну. 21.03.1848 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 6. Л. 175.

³⁴⁹ См. подробнее: Михеев М. Г. Двустороннее взаимодействие перед лицом кризиса (на примере австро-русских отношений в марте 1848 года) // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. № 16. С. 6.

³⁵⁰ К. В. Нессельроде – К. Фикельмону. 24.03(5.04).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 9. Л. 5.

М. И. Кутузова Д. Ф. Тизенгаузен, подписывал в 1833 г. Мюнхенгрецкую конвенцию и длительное время служил посланником в Петербурге.

В то же время Фонтону перспективы дальнейшего развития Австрии рисовались в мрачных тонах. Он сообщал, что правительство слабое, не может дать отпора толпе, и толпа все больше и больше нагнет. Единственная сила, которая еще сохраняется, – армия. Она верна императору и дисциплинирована. Но правительство не умеет ее использовать и, к сожалению, в скором времени можно ожидать того, что помутнение разума, господствующее среди населения, станет разлагать и ряды армии³⁵¹. Далее тревога русского дипломата возрастает, и вновь в связи с русофобской составляющей революционного движения: «Сегодняшняя ситуация не позволяет делать прогнозов; но одно мне кажется вероятным, что если в теперешнем движении может родиться общая мысль, она будет направлена против России; ..Сама Венгрия дала теперь импульс антирусскому движению...»³⁵². В свете вышеизложенного становится еще более понятным, почему Николай I в этот период отдавал распоряжения о дополнительных военных приготовлениях. Кроме того, из депеши видно, что уже в середине марта обнаружился враждебный России характер венгерского революционного движения. Причем особенность эта проявилась еще до того, как стало заметно участие в венгерской революции поляков: «Говорят, что венгерский сейм собирается предложить правительству предоставить ему эквивалент денег, занятых у России, при условии возвращения суммы (обратно в Россию – М. М.)»³⁵³. Русский дипломат находился в этот период в откровенно антирусской атмосфере: «Эта антипатия против всего русского проявляется постоянно. Славянский легион национальной гвардии, составленный большей частью из поляков, проходя под моими окнами, распевал национальный гимн Польши...Во множестве мест произносятся речи, враждебные России. Правительство чуждо этой тенденции и очень о ней сожалеет; но власть сегодня находится на улице»³⁵⁴.

В первые дни после революции в Вене и Берлине И. Ф. Паскевич был настолько обеспокоен, что ожидал разрыва с Австрией и Пруссией³⁵⁵. Отсутствовавший в момент революции в Вене русский посланник в Австрии граф П. И. Медем решил до выяснения

³⁵¹ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 5(17).03.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 332–333.

³⁵² Там же. Л. 333.

³⁵³ Там же. Л. 338.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ И. Ф. Паскевич – К. В. Нессельроде. 6(18).03.1848 // Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 174.

новых обстоятельств не возвращаться в Вену, в том числе, чтобы не создавать своим прибытием затруднений австрийскому правительству на фоне всплеска антирусских настроений³⁵⁶.

С последним обстоятельством связан показательный эпизод с несостоявшимся русским займом Австрии³⁵⁷. В начале 1848 г. между Веной и Петербургом шли переговоры о предоставлении Россией Австрии денежного займа. Переговорный процесс был недалек от завершения, когда началась революция, поставившая под сомнение будущую платежеспособность австрийской монархии, вследствие чего Николай I решил приостановить переговоры. Нессельроде было поручено сообщить об этом представителю Австрии, обставив известие необходимыми выражениями «глубокого и искреннего сожаления»³⁵⁸. Решение было принято при полном понимании того, в какое тяжелое положение этот отказ ставит союзника. Фонтон, принимая во внимание русофобский настрой австрийского общественного мнения и как бы выражая свое согласие с произошедшим, писал: «...рассматривая сегодняшнее положение монархии, нельзя не согласиться с тем, что имперский заем был бы в этот момент огромной помощью для Австрии, но послужил ли бы этот заем консолидации потрясенного общества, и если бы этот организм укрепился, смог ли бы он быть полезным союзником для России? Вот вопросы, на которые в настоящий момент человеческая проницательность не в состоянии ответить»³⁵⁹.

Николая I нередко характеризуют как идеалиста и «Дон Кихота на троне». Подобные суждения не лишены справедливости, однако эту особенность российского императора не стоит преувеличивать. Эпизод с австрийским займом говорит, скорее, о прагматизме. При наблюдении за растущей революционной волной у Николая возникли опасения, что выданные деньги попросту пропадут или, что еще хуже, будут использованы во вред интересам России. Его политика была политикой человека, вполне определенного сознававшего интересы возглавляемого им государства. Между прочим, именно таким он представлялся современникам. Например, один из австрийских депутатов Франкфуртского национального собрания отмечал, что Россия проводит

---

³⁵⁶ Nesselrode Ch. Op. cit. Т. IX. P. 74–75.

³⁵⁷ См. подробнее: Михеев М. Г. Двустороннее взаимодействие перед лицом кризиса (на примере австро-русских отношений в марте 1848 года) // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. № 16. С. 6.

³⁵⁸ К. В. Нессельроде – Э. Лебцельтерну. 10(22).03.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 6. Л. 3.

³⁵⁹ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 19(31).03.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 423.

политику собственных интересов, и сожалел, что немцы до сих пор не делают того же³⁶⁰. Схожую оценку дают историки. Г. Србик писал, что Николай был не только политиком принципов, но также решительным блюстителем русских интересов, и именно во имя этих интересов боролся с революцией³⁶¹. А. Тейлор считал, что царь в своей политике руководствовался прагматическими соображениями, а не идеологией, «его руководящим стимулом был собственный интерес России, а не абстрактный принцип»³⁶². Тем не менее, для австрийских правящих кругов отказ в займе явился неожиданностью и «неприятно удивил двор»³⁶³. Фонтон при этом сделал предположение, что двор намеревался сохранить Фикельмона министром лишь до получения русских денег³⁶⁴.

Объективно решение России могло иметь для Габсбургов положительные последствия, поскольку открытое сотрудничество с русским правительством в тот момент определенно было бы воспринято революционным населением Вены крайне враждебно: «Общественное мнение так откровенно настроено против союза с Россией, что любое сближение с нашим кабинетом, любой призыв к нашей помощи имел бы своим результатом падение людей, которые выступили бы с такой инициативой, и, возможно, еще более серьезные последствия»³⁶⁵. Это замечание было не лишено оснований, поскольку еще накануне революции в венских кофейнях «говорили открыто, что Меттерних получил русские деньги под условием не делать никаких уступок»³⁶⁶. Подобная перспектива действительно вызывала тревогу у либерально-демократической общественности Австрии. Ф. Шузелка, например, был убежден, что, если бы это произошло, «Австрия, не говоря о поругании, была бы смертельно поражена в своем внутреннем политическом жизненном нерве»³⁶⁷.

В начале апреля распространенность в Вене антирусских настроений отметил секретарь саксонской миссии К. Фицтум³⁶⁸. Кроме того, Фонтон докладывал, что общественное мнение открыто обвиняет Фикельмона в симпатиях к России³⁶⁹. 3 апреля он сообщил, что австрийская пресса требует крестового похода против России. Мнение

³⁶⁰ StB. Bd. 2. S. 1160.

³⁶¹ Srbik H. Deutsche Einheit... Bd. 2. S. 13.

³⁶² Taylor A. J. P. The struggle for Mastery in Europe... P. 6.

³⁶³ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 22.03(3.04).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 461–462.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 19(31).03.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 422–423.

³⁶⁶ Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 421–422.

³⁶⁷ Schuselka F. Österreich über Alles... S. 14.

³⁶⁸ Vitzthum von Eckstädt K. F. Berlin und Wien... S. 89.

³⁶⁹ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 22.03(3.04).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 444.

это было настолько резко выражено, что дипломат сомневался в возможности сохранения за Фикельмоном министерского портфеля в течение длительного времени, учитывая его русские связи³⁷⁰.

***

В международной повестке венского кабинета в начале 1848 г. одним из главных пунктов стал итальянский вопрос. В конце января Фонтон сообщил, что сардинский король Карл Альберт увеличил армию под предлогом внутренней нестабильности, а неделей позже он уже доносил о восстании в Королевстве обеих Сицилий³⁷¹. Австрийскому представителю и командующему австрийским флотом в Неаполе был отдан приказ в случае беспорядков оказывать помощь русским подданным в Палермо³⁷².

Меттерних не однажды запрашивал у Петербурга помощи в Италии, но Николай, поскольку интересы России не требовали прямого вмешательства в дела Апеннинского полуострова, отклонял эти просьбы. Когда в начале февраля австрийский канцлер в очередной раз намекнул на желательность русской поддержки, Нессельроде ответил, что в Италии Австрия должна справиться сама, в том числе, потому что революционная угроза растет во всей Европе, и силы России могут в любой момент понадобиться в других местах и, прежде всего, в Польше³⁷³. Россия была готова вмешаться только в случае поддержки Пьемонта Францией и превращению войны во всеобщую³⁷⁴.

В то же время непрямую помощь Россия готова была оказать. Во-первых, поддержав Австрию дипломатически: в меморандуме по делам Италии Нессельроде отметил, что увеличение австрийских войск в Северной Италии – справедливая и оправданная мера в условиях нарастания революционной опасности³⁷⁵. Поскольку же, стягивая войска в Италию, Австрия уменьшала их число в других провинциях, российский император был готов поставить на границе с Галицией армейский корпус, чтобы в случае необходимости по требованию Австрии ввести туда войска и восстановить

³⁷⁰ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 22.03(3.04).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 461–462.

³⁷¹ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде, 12(24).01.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 36, 49.

³⁷² Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 12(24).02.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 195.

³⁷³ К. В. Нессельроде – К. Меттерниху. 7(19).02.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 12. Л. 36–37.

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Меморандум по делам Италии. 23.02(6.03).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 56. Л. 22–23.

порядок³⁷⁶. И снова повторялась мысль, что если на стороне Пьемонта выступит Франция, Россия всеми своими силами поддержит Австрию³⁷⁷. В одном из частных писем Нессельроде так сформулировал интерес России в возможном австро-французском конфликте: «Мы не можем допустить, чтобы австрийская монархия пала; для нас это жизненно важный вопрос»³⁷⁸. Кроме того, русское правительство советовало сблизиться с Австрией Папе Римскому, что должно было способствовать предотвращению беспорядков в Папской области³⁷⁹.

23 марта король Сардинского королевства Карл Альберт подписал манифест о войне с Австрией, адресованный жителям входившего в Габсбургскую монархию Ломбардо-Венецианского королевства. Николай I в ответ отозвал русского представителя из Турина, а сардинскому поверенному в делах в Петербурге маркизу Адзельо были вручены паспорта. Также было отдано распоряжение о переименовании полка, подшефного сардинскому королю³⁸⁰.

22 июня Нессельроде в письме своему зятю М. И. Хрептовичу предположил, что Ломбардия безвозвратно потеряна для Австрии, а последнюю ждет мрачное будущее: «Она распадается на куски, и я не вижу достаточно сильной руки, чтобы ее спасти»³⁸¹.

В австро-сардинском конфликте Россия выполняла и определенные посреднические функции: русский посланник в Мюнхене Д. П. Северин способствовал контактам между представителями воюющих сторон. Так, например, австрийский и сардинский посланники в Баварии Бреннер и Палавичини встречались в доме Северина. В целом можно утверждать, что хотя Россия не оказывала Габсбургам материальной помощи, ее моральная поддержка значительно способствовала их конечному успеху в конфликте, особенно в условиях давления на Австрию Великобританией и Францией, с симпатией относившихся к итальянскому объединительному движению³⁸². Когда после заключения австро-сардинского перемирия 9 августа Карл Альберт выдвинул идею англо-

³⁷⁶ Там же. Л. 23.; Записка Николая I периода 13 марта – 6 апреля 1848 // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 94. Л. 3 об.

³⁷⁷ Меморандум по делам Италии. 23.02(6.03).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 56. Л. 24.

³⁷⁸ Nesselrode Ch. Op. cit. Т. IX. Р. 212.

³⁷⁹ Отчет по Италии за 1848 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 56. Л. 294.

³⁸⁰ Граббе П. X. Указ. соч. С. 240.

³⁸¹ Nesselrode Ch. Op. cit. Т. IX. Р. 117. При рассмотрении взгляда российской дипломатии на этот вопрос следует упомянуть точку зрения С. С. Татищева, отмечавшего, что занятость Вены в Италии отвлекала внимание и силы Австрии от Балкан, что было на руку России. См.: Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого... С. 127.

³⁸² В Лондоне полагали, что, освободившись от итальянских владений, Австрия будет эффективнее противостоять России. Знаменитый британский политический деятель Г. Пальмерстон сформулировал эту позицию так: «Я всецело за Австрию севернее Альп, но против Австрии южнее Альп» (Цит. по: Сергеев В. В. Указ. соч. С. 47.).

французского посредничества, Австрия, уверенная в поддержке Англией и Францией Сардинии, выступила против. Россия оказала дипломатическое содействие союзнице: посол в Великобритании Ф. И. Бруннов в разговоре с лордом Пальмерстоном поддержал позицию Австрии³⁸³.

В начале осени австрийское правительство просило Петербург присоединиться к переговорам с Сардинией, если бы Великобритания и Франция все же выступили посредниками. Нессельроде ответил, что Россия не одобряет принцип посредничества в этом вопросе и, следовательно, не будет участвовать в переговорах, но при этом не отказывается от права наблюдения, которое дает ее качество участника подписания актов, гарантирующих Австрии владение Ломбардо-Венецианским королевством. Кроме того, Петербург был готов оказать моральную помощь венскому кабинету, если бы последний отказался сделать уступки, которых от него требовали. В начале ноября новый руководитель австрийского правительства князь Феликс Шварценберг сделал еще одну попытку побудить Россию к прямому участию в планируемых переговорах, но вновь безуспешно³⁸⁴. Авторы «Истории дипломатии» полагают, что отрицательное отношение России к идее общеевропейского конгресса по итальянским делам было продиктовано опасениями предоставления компенсаций Австрии за потерю территорий в Северной Италии на Балканах³⁸⁵.

***

Когда в начале 1848 г. в дипломатических кругах распространился слух, будто сардинский король Карл Альберт пригласил на службу в свою армию польских офицеров, Меттерних поспешил использовать эту информацию, чтобы побудить Россию оказать давление на беспокойного соседа, и посоветовал России держаться в отношениях с Карлом Альбертом «энергичного тона», дабы это оказало «решающее влияние» на

³⁸³ И. Вессенберг – Э. Лебцельтерну. 27.08.1848 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 6. Л. 260.

³⁸⁴ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 25.10(6.11).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 255 об. Кроме того, Шварценберг говорил о срочной необходимости привести в покорность восставшую Венецию и с этой целью просил уступить Австрии заказ на четыре боевых парохода, сделанный Россией в Англии (П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 5(17).11.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 321.). Интересное свидетельство того, что помощь России в итальянском вопросе ожидали не только при дворе, но и в либеральных кругах, дает газета «Прессе», опубликовавшая в декабре сообщение, что на рейде Триеста бросили якорь русские корабли, и целью якобы является высвобождение австрийских морских сил для действий против восставшей Венеции. См.: Die Presse. 14. Dezember 1848. S. 2.

³⁸⁵ История дипломатии... Т. 1. С. 581.

сардинского короля³⁸⁶. Таким образом напомнил о себе польский вопрос, позже приобретший в австро-русских отношениях 1848 г. едва ли не первостепенное значение³⁸⁷. Р. А. Авербух даже полагала, что со стороны России «задачей, которая в значительной степени определяла отношение к Австрии в эту эпоху, было ограждение своих границ от революционной опасности, которая шла главным образом от галицийской границы»³⁸⁸.

Учитывая слабость венского кабинета, сформированного после начала революции, в Петербурге были готовы ввести войска на территорию Галиции. Тем более, что укреплять позиции в Италии Австрия была вынуждена, выводя войска именно из северо-восточных провинций: Галиции, Богемии и Моравии³⁸⁹. 22 марта Николай писал Паскевичу, что в случае беспорядков в Галиции готов ввести туда войска «именем самого императора Фердинанда»³⁹⁰. Последние слова отсылают к Мюнхенгрецкому соглашению и данному тогда же обещанию Николая помогать преемнику императора Франца³⁹¹.

Русский поверенный в делах обращал внимание на заметную роль польских студентов в мартовских событиях в Вене³⁹². Своей обеспокоенности российское министерство иностранных дел не скрывало, и во время первого визита к Фикельмону Фонтон заметил, что Галиция, вероятно, воспользуется возникшим положением, и в провинции возникнут осложнения. В ответ Фикельмон заверил, что Австрия поддержит в Галиции порядок с помощью армии, как и в Италии³⁹³. Примечателен комментарий Фонтонна к последнему заверению Фикельмона: «Эти слова господина министра иностранных дел имеют, без сомнения, лишь относительную ценность; их истинная важность зависит от реальной власти и силы, которой правительство и едва образованное новое министерство сумеют достичь»³⁹⁴. Действительно, состояние австрийского правительства не могло внушать особого доверия. Тем более что уже два дня спустя Фонтон сообщил об издании в Вене декрета, освобождавшего политических заключенных из Галиции³⁹⁵.

³⁸⁶ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 6(18).02.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 144–145.

³⁸⁷ См. подробнее: Михеев М. Г. Двустороннее взаимодействие перед лицом кризиса (на примере австро-русских отношений в марте 1848 года) // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. № 16. С. 6.

³⁸⁸ Авербух Р. А. Царская интервенция... С. 49.

³⁸⁹ Ficquelmont C. L. Aufklärungen über die Zeit... S. 73.

³⁹⁰ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 200.

³⁹¹ Готовность в случае необходимости занять Галицию была обозначена в меморандуме Меттерниху еще накануне революции в Вене. См.: Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 171–172.

³⁹² Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 9(21).03.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 350.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 11(23).03.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 374.

На аудиенции, данной приехавшему в Петербург со специальной миссией Ф. Туну, Николай обратил особое внимание на необходимость недопущения польских революционных выступлений в восточной провинции³⁹⁶.

Фикельмон впоследствии вспоминал, что из всех видов агитации, имевших национальный окрас, польская была самой заметной. Одно из изданий опубликовало якобы статью-письмо из России, где сообщалось, что когда Николай I узнал о назначении Фикельмона главой министерства иностранных дел, то сделал сестру его жены фрейлиной российской императрицы и пожаловал ей золотое месторождение в Сибири. Ряд признаков в тексте статьи, отмечает Фикельмон, указывал на ее польское происхождение³⁹⁷.

В конце марта Николай ожидал появления на русской западной границе польских революционных групп, вместе с тем отмечая, что, судя по заявлениям нового венского министерства, войны Австрия России не объявит³⁹⁸. То, что российский император – возможно, впервые за годы своего правления – открыто допускал мысль о войне между Австрией и Россией, весьма красноречиво характеризует атмосферу тех дней. Непредсказуемость сложившейся ситуации определяла и некоторую непоследовательность во взглядах Николая на польскую проблему: если 22 марта он писал, что в случае начала революции в Галиции русским войскам следует ее занять, то всего несколько дней спустя рассматривал план, по которому возможное вторжение польских отрядов следует отражать, но за границу их не преследовать³⁹⁹.

В начале апреля Нессельроде сообщил в Вену, что один из лидеров польской эмиграции Адам Чарторыйский прибыл в Берлин с намерением перенести Польский комитет из Парижа в Познань и организовать там польские легионы для вторжения в Царство Польское⁴⁰⁰. Канцлер призвал австрийского министра сделать все возможное для предотвращения неприятностей, источником которых, по убеждению Нессельроде, непременно должна была послужить именно Галиция⁴⁰¹.

Вскоре обеспокоенность ситуацией в Галиции высказал русский посланник в Берлине П. К. Мейендорф, считавший, что Австрия слишком ослаблена, чтобы помешать

³⁹⁶ Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 180–181.

³⁹⁷ Ficquelmont C. L. Aufklärungen... S. 101–102.

³⁹⁸ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 206.

³⁹⁹ Там же. С. 207.

⁴⁰⁰ К. В. Нессельроде – К. Фикельмону. 24.03(5.04).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 9. Л. 5.

⁴⁰¹ Там же. Л. 6.

беспорядкам⁴⁰². Затем на положение в этой провинции повторно обратил внимание австрийского министерства П. И. Медем⁴⁰³. Фикельмон поспешил заверить, что губернатор Галиции граф Штадион принял необходимые меры⁴⁰⁴. И действительно, когда 26 апреля в Кракове начались беспорядки, они были достаточно быстро подавлены австрийскими войсками. Кроме того, венский кабинет направил просьбу в Берлин с целью недопущения участия поляков из Бреслау (совр. Вроцлав) в революционном движении в Кракове⁴⁰⁵.

Император Николай прекрасно представлял себе влияние польского элемента на настроения в австрийской столице и допускал возможность выступления революционеров против России широким фронтом, от польских земель до Чёрного моря: «В Вене злость на Россию более и более усиливается, с прибытием всех польских изгнанников наглость не будет знать меры. Надо ожидать отделения Галиции... К тому, по сведениям из Венгрии и Валахии, весьма статься может, что в Княжествах скоро возникнет мятеж и с Венгрией заодно против нас»⁴⁰⁶. В связи с этим было предписано увеличить численность войск, стоящих вдоль западных и юго-западных границ империи.

Наивысшей точки беспокойство Петербурга польской агитацией в Австрии достигло к началу осени, когда русское правительство потребовало от Вены принять меры для предупреждения нового польского восстания под угрозой разрыва отношений⁴⁰⁷. Более того, 18 сентября Нессельроде поручил Медему предупредить австрийское правительство, что, если оно окажется неспособно решить проблему польской агитации в Кракове, Петербург будет вынужден действовать самостоятельно⁴⁰⁸.

В итоге опасения русского правительства не подтвердились, и польское национальное движение в Галиции не приняло угрожающих размеров. Не в последнюю очередь благодаря верноподданническому поведению этнического большинства восточной части провинции – крестьян-русинов, освобожденных венским правительством от крепостной зависимости. В этой ситуации польские помещики

⁴⁰² Meyendorff P. Op. cit. Bd. II. S. 71.

⁴⁰³ К. Фикельмон – Э. Лебцельтерну. 26 апреля 1848 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 6. Л. 205.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 206.

⁴⁰⁵ П. И. Медем - И. Ф. Паскевичу. 19.04(1.05).1848 // АВПРИ. Ф. 333. Оп. 576. 1848. Д. 390. Л. 34.

⁴⁰⁶ Записка Николая I 6(18).04.1848 // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 94. Л. 27.

⁴⁰⁷ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 582.

⁴⁰⁸ Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 198–200.

оказались изолированными и лишены возможности организовать сколько-нибудь масштабное движение.

***

Польская агитация была не единственным фактором, делавшим непредсказуемым положение в австрийской столице. В начале апреля Фонтон отмечает распространение в Вене различных домыслов и, в том числе, слухов о беспокойстве в Сербии и Боснии: «Эти слухи и настроения еще неопределенные; тем не менее, я посчитал себя обязанным ознакомить с ними Ваше превосходительство, потому что мне кажется более чем вероятным, что антирусская партия стремится усилить существующее потрясение новыми осложнениями по поводу восточного вопроса»⁴⁰⁹. Из этого рассуждения Фонтон делает поразительный вывод: «Наступательный и оборонительный договор между Россией, Англией и Турцией, возможно, был бы средством парализовать эти подрывные попытки»⁴¹⁰. Т. е. к этому моменту Фонтон уже не просто сомневается в прочности австрийского правительства, но даже допускает возможность, что к власти в Вене придут люди, против которых будет необходимо заключить союз с Англией и Турцией. Для русской внешней политики это не вполне типичная идея. Однако само возникновение этой мысли ярко характеризует серьезность внутреннего положения Австрии. Фонтон был полон пессимизма в том, что касалось будущего монархии: вновь в его донесениях звучит мысль о том, что любые слова австрийского министра иностранных дел имеют относительную ценность, поскольку «его политика испытывает на себе колебания общественного мнения, импульсам которого он принужден уступать в своем бессилии»⁴¹¹. Оценки ситуации Николаем I в этот период отличались противоречивостью. 28 марта он писал Паскевичу, что надеется на лучшее⁴¹², но уже 3 апреля замечал: «Покуда еще в Вене члены правления люди порядочные, но устоят ли при отсутствии главы – ибо ее нет, вот чему сомневаюсь»⁴¹³. Ко второй половине апреля, под влиянием войны Австрии с

---

⁴⁰⁹ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 22.03(3.04).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 466.

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Там же. Л. 446.

⁴¹² Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 207.

⁴¹³ Там же. С. 209.

Ломбардией и нарастания революционного движения в Венгрии, пессимизм царя лишь усилился⁴¹⁴.

Как будто подтверждая худшие опасения, Фикельмон в результате очередного революционного подъема в Вене 4 мая был вынужден уйти в отставку, продержавшись на своем посту всего 45 дней. Среди причин отставки было и приписывавшееся ему русофильство. Австрийскому правительству приходилось считаться с сильным антирусским настроением демократической и либеральной общественности, которая, памятуя о давних союзнических отношениях с Россией, опасалась, что и в настоящих обстоятельствах правительство может обратиться за помощью в Петербург. А. Ауэршперг именно в мае предостерегал австрийское правительство от обращения за содействием к России, утверждая, что «величайшим несчастьем, которое может произойти с Австрией, была бы помощь русских»⁴¹⁵.

Перемены в австрийском правительстве дали Николаю новый повод для тревоги и ожидания усиления революционного кризиса, направленного против России⁴¹⁶. В результате нарастания напряженности в Вене в конце мая габсбургский двор принял решение переехать в Инсбрук, причем было выражено желание видеть иностранных представителей рядом с австрийским императором. П. И. Медем последовал за ним⁴¹⁷, что позволило сохранить тесный контакт между двумя императорскими дворами⁴¹⁸. В письме императору Фердинанду 2 июня (21 мая) Николай пожелал, чтобы решение покинуть столицу содействовало укреплению монархии, в поддержании которой он обещал «принимать самое горячее участие, как старинный друг и союзник»⁴¹⁹.

И действительно, пользуясь союзническими отношениями с Россией, Австрия весной и летом 1848 г. могла позволить себе оставить восточные пределы империи почти без войск, которых в связи с ростом национальных движений среди народов монархии остро не хватало в других провинциях (в рассматриваемый период, главным образом, в

⁴¹⁴ Там же. С. 214–215.

⁴¹⁵ Auersperg A. Op. cit. S. 27.

⁴¹⁶ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 219.

⁴¹⁷ П. И. Медем – П. К. Мейендорфу. 27.05.1848 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 680. Л. 175.

⁴¹⁸ Это дало основание Р. А. Авербух утверждать, что русские дипломаты при австрийском дворе в 1848 г. вместе с «монархической кликой» готовили контрреволюционный переворот. См.: Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 159.

⁴¹⁹ Там же. С. 189.

Италии). В частности, русские наблюдатели отмечали незащищенность австрийской границы в Галиции⁴²⁰.

Американский историк Э. Крзе отмечал, что, начиная с 1848 г., национальный вопрос приобрел для государства Габсбургов совершенно новое качество: если в продолжение эры Меттерниха проблема национальностей являлась для венского правительства внутренним фактором, то впоследствии она почти в каждой критической ситуации становилась для австрийской дипломатии одной из главных детерминант⁴²¹. Дальнейший прогресс национальных движений, в восприятии растерянных австрийских государственных деятелей, должен был привести к самым печальным результатам, причем не только в Австрии. Иоганн Вессенберг, назначенный министром иностранных дел после ухода Фикельмона, отмечал: «Если бы национальность во всей своей широте давала право на приобретение территорий или на эмансипацию, Европа скоро подверглась бы окончательному распаду»⁴²².

Сомнения Николая в будущем Габсбургской монархии стали несколько рассеиваться к середине лета, после подавления А. Виндишгрецем июньского восстания в Праге 12–17 июня и победы фельдмаршала Й. Радецкого над Пьемонтом в битве при Кустоце 25 июля⁴²³. Уверенности добавил и контрреволюционный поворот в главной возмутительнице спокойствия Европы – Франции, где 22–26 июня было подавлено парижское восстание рабочих. В докладе Николаю I, подготовленном в этот период, Нессельроде уже определенно утверждал, что австрийская монархия не может так просто распасться⁴²⁴.

Новый революционный кризис поколебал эту уверенность. В сентябре резко обострилось венгерское национальное движение, и в начале октября Венгрия была объявлена на осадном положении. 6 октября австрийскими властями была предпринята попытка отправить войска из Вены в Венгрию. Это спровоцировало беспорядки в столице, вылившиеся в крупномасштабное восстание. Ситуация в городе была такова, что Медем допускал возможность провозглашения республики⁴²⁵. При этом в очередной раз

⁴²⁰ См., напр.: Меньков П. К. Указ. соч. Т. 2. С. 101.

⁴²¹ Kraehe E. E. *Foreign Policy and the Nationality Problem...* P. 23.

⁴²² И. Вессенберг – М. Дитрихштейну. 16.06.1848 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 6. Л. 239.

⁴²³ За успешное окончание летней кампании в Италии Радецкий получил из Петербурга георгиевский крест. До победы при Кустоце, по свидетельству К. Фикельмона, в Вене была распространена идея необходимости отказа Австрии от итальянских провинций. См.: Ficquelmont C. L. *Aufklärungen über die Zeit...* S. 68.

⁴²⁴ Доклад К.В. Нессельроде Николаю I. 15(27).06.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 56. Л. 128–129.

⁴²⁵ Авербух Р. А. *Австрийская революция...* С. 201.

проявилась тревожившая Петербург связь между деятелями венгерского движения и польскими революционерами. Несколько делегатов из Галиции были отправлены в Пешт, чтобы заверить венгерских руководителей в своих симпатиях и предложить им поставить под ружье до 15 тыс. поляков⁴²⁶.

При этом в Вене распространились слухи о надвигающейся русской опасности⁴²⁷. Восстание вынудило габсбургский двор вновь покинуть столицу. Медем, как и несколькими месяцами ранее, последовал за императорской семьей. В Вене в течение первой фазы кризиса оставался Ф. П. Фонтон, посредством шифрованных депеш информировавший Нессельроде о происходящем в городе.

Новым местом пребывания двора был избран моравский Ольмюц (совр. Оломоуц), расположенный недалеко от русской границы. Туда же приехал князь Феликс Шварценберг, которому в течение следующих нескольких лет предстояло играть одну из ключевых ролей во внутренней и внешней политике Австрии. Родившийся в 1800 г. в семье главы богатейшего богемского рода и перешедший в молодости из военной службы в дипломатическую, Шварценберг формировался в последнем качестве под влиянием Меттерниха. Революция 1848 г. застала его в Италии, откуда он отправился в главную квартиру фельдмаршала Радецкого и сразу же в чине генерал-майора вступил в военные действия, где отличился и был ранен. Позднее Радецкий отправил его в Вену к родственнику Шварценберга А. Виндишгрецу. Осенью назначенный ответственным за подавление венского восстания Виндишгрец отправил Шварценберга в Ольмюц, рекомендовав его императрице Марии Анне и отцу будущего императора Франца Иосифа эрцгерцогу Францу Карлу на пост первого министра в новом правительстве. Фонтон дал Шварценбергу примечательную характеристику, когда еще не было известно о будущем назначении: присутствие этого государственного деятеля, по мнению русского дипломата, обязательно должно было «благотворно» повлиять на решения, долженствовавшие положить конец кризису в монархии⁴²⁸.

19 октября Шварценбергу было поручено сформировать новое правительство. Месяц спустя, 21 ноября, он был официально утвержден министр-президентом и министром иностранных дел. Тот факт, что новым главой правительства был не только

---

⁴²⁶ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 23.09(5.10).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 17.

⁴²⁷ Vitzthum von Eckstädt K. F. Berlin und Wien... S. 149.

⁴²⁸ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 5(17).10.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 91 об.

дипломатом, но и заслуженным офицером, несомненно, должен был расположить к нему Николая I, всегда выделявшего военных из общего числа государственных деятелей.

В источниках, по-видимому, нет прямых указаний на планы бегства Габсбургов в Россию, но, учитывая все обстоятельства момента, возможно, что подобные планы рассматривались. По крайней мере, о такой перспективе думал Николай, 24 октября проинструктировавший Паскевича на этот случай⁴²⁹.

Прокламация Виндишгреца от 20 октября объявила Вену на осадном положении. Дипломатический корпус покинул город, причем в такой спешке, что архивы русского посольства пришлось сжечь⁴³⁰. Как отметил Фонтон, он перебрался ближе «к сегодняшней законной власти, т. е., к армии»⁴³¹. Характерно, что войска, окружившие Вену, состояли преимущественно из славянских народов империи⁴³². Перекрыв связь города с внешним миром, 23 октября Виндишгрец предъявил ультиматум о сдаче сроком в 48 часов, и, не дождавшись ответа, приступил к штурму. 31 октября императорские войска полностью восстановили контроль над городом. В этот период русским наблюдателем вновь отмечается выдающаяся роль поляков в «склонении» города к восстанию и сопротивлению армии⁴³³.

Во время беседы Фонтон с Виндишгрецем в эти дни австрийский фельдмаршал сказал, что располагает достаточным количеством сил для преодоления анархии, но добавил: «...если успех не увенчает мои усилия, мы не поколеблемся обратиться к благородному сердцу Его Величества императора Николая». Николай написал на полях депеши: «и я на это отвечу!»⁴³⁴. Позже Виндишгрец повторил, что австрийские власти обладают средствами для преодоления кризиса и, разобравшись с Веной, собираются обратиться к венграм, но в случае неудачи рассчитывают на благородное сердце императора. Реакцией Николая были слова: «и они не ошибутся!»⁴³⁵. Таким образом, возможность участия России в подавлении восстаний на территории Габсбургской

---

⁴²⁹ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 259–260.

⁴³⁰ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 11(23).10.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 138.

⁴³¹ Там же.

⁴³² Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 12(24).10.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 142.

⁴³³ Там же. Л. 144.

⁴³⁴ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 14(26).10.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 162.

⁴³⁵ Там же. Л. 162 об.

монархии рассматривалась в практической плоскости уже осенью 1848 г. как австрийской, так и русской стороной⁴³⁶.

Фонтон подчеркивал исключительную роль Виндишгреца в восстановлении порядка: если кому-то суждено возродить монархию физически и морально, то именно ему, писал русский поверенный в делах, заканчивая донесение в весьма патетическом ключе: «Пусть его усилия увенчаются успехом; пусть Провидение сохранит его монархии, так как он единственный, кто соединяет набор качеств, незаменимых в настоящем кризисе». Николай, написав на полях документа «Аминь!», выразил согласие с этой оценкой⁴³⁷.

За подавление венского восстания Виндишгрец был награжден русским орденом Андрея Первозванного с бриллиантами. О взятии князем мятежного города Николай выразился так: «Вы оказали выдающуюся услугу не только вашей родине, вашему законному суверену, но также всем законным правительствам, делу порядка во всех странах...»⁴³⁸. Отправляя генерал-адъютанта барона Ливена в Австрию для награждения, император заметил, что, поскольку орденские знаки с бриллиантами носятся только в торжественных случаях, Виндишгрецу для обыкновенных дней понадобится простая звезда. Николай снял для этого с собственного мундира звезду, которую носил в течение шести лет⁴³⁹. В Петербурге была по достоинству оценена роль еще одного лидера австрийской контрреволюции. Орденом Владимира 1-й степени наградили хорватского бана Йосипа Елачича. Последний при этом заметил, что Петербург оказался ближе к Вене, чем Ольмюц: оба военачальника получили австрийские награды позже, чем русские ордена⁴⁴⁰.

Занятие Вены императорскими войсками было с одобрением воспринято всеми консервативными силами Европы. Французский генерал Л. Кавеньяк, подавивший Июньское восстание в Париже, в разговоре с австрийским поверенным в делах высказал

⁴³⁶ Э. Андич считает, что расчет на русскую военную помощь стал составной частью «контрреволюционных приготовлений» габсбургской «камарильи» с конца лета 1848 г. См.: Andics E. Die Habsburger... S. 20.

⁴³⁷ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 14(26).10.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 163.

⁴³⁸ Николай I – А. Виндишгрецу. 29.10(10.11).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 15. Л. 8. Николай находился с Виндишгрецем в столь дружеских отношениях, что лично написал ему письмо с соболезнованиями в связи с гибелью жены в июне 1848 г.

⁴³⁹ Корф М. А. Указ. соч. С. 449.

⁴⁴⁰ Там же.

мысль, что будущее всего европейского общества основывается на успехе «великого мероприятия» князя Виндишгреца⁴⁴¹.

3 ноября Метем поздравил с успехами Радецкого, Елачича и Виндишгреца императора Фердинанда. Вскоре после этого русскому посланнику дали аудиенцию родители эрцгерцога Франца (будущего Франца Иосифа) эрцгерцог Франц Карл и эрцгерцогиня София, где с ним обсуждали наиболее актуальные вопросы внутреннего развития Австрии. Во время аудиенции Метем услышал о намерении австрийской верхушки следовать в дальнейшем конституционной модели развития⁴⁴². Сторонником неограниченной монархии Николем I эта новость была воспринята как гарантия того, что теперь австрийская монархия будет осуждена на бесконечную борьбу между суверенной властью и представительными органами. Его вывод свелся всего к двум словам: «Прощай, Австрия»⁴⁴³. Метем в этот период в разговорах со Шварценбергом и Вессенбергом высказывался в том смысле, что Австрии необходимо восстановиться на прочных началах, под которыми, очевидно, подразумевался возврат к абсолютной власти монарха.

Стремясь заручиться поддержкой петербургского кабинета, Шварценберг постарался заверить Метема в способности правительства удержать под контролем польский вопрос⁴⁴⁴. Он также выразил желание обеспечить дополнительные гарантии безопасности – возможность рассчитывать на содействие русских войск и даже распространить соответствующую информацию внутри Австрии⁴⁴⁵. В это же время австрийские власти в Галиции получили разрешение, если потребуют обстоятельства, обратиться за помощью к русским войскам, дислоцированным вблизи границы.

Однако российская сторона, с тревогой наблюдавшая за тем, что выглядело как дрейф Австрии к конституционализму, не спешила давать обещания помощи. 22 (10) ноября Нессельроде поручил русскому посланнику довести до сведения Шварценберга, что возможность ввести русские войска в Галицию в случае беспорядков будет зависеть от того, какую форму примет австрийское правительство, поскольку содействовать укреплению конституционного строя – не в интересах России⁴⁴⁶. До тех пор, пока это выяснится, Метем должен был придерживаться общих уверений с целью побудить

---

⁴⁴¹ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 20.10(1.11).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 207 об.

⁴⁴² П. И. Метем – К. В. Нессельроде. 23.10(4.11).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 235 об.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ П. И. Метем – К. В. Нессельроде. 23.10(4.11).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 237 об.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 237–238.

⁴⁴⁶ Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 206–207.

австрийское правительство удержаться на «правильном пути»⁴⁴⁷. Аналогичные указания получил от Николая I И. Ф. Паскевич. Такой ответ можно расценивать как попытку скорректировать в желательном направлении внутреннюю политику соседней империи. Одновременно в Петербурге действительно рассматривали варианты оказания содействия Австрии. Так, например, командующий русскими войсками в Молдавии и Валахии генерал А. Н. Лидерс в середине ноября получил предписание позволить австрийским войскам войти в княжества, если они будут вынуждены покинуть Трансильванию, охваченную венгерским восстанием.

К середине ноября в Ольмюце был окончательно сформирован новый кабинет министров. 22 ноября должны были открыться заседания австрийского рейхстага, переместившегося из Вены в Кремзир (совр. Кромержж), – город неподалеку от Ольмюца. И тогда Медем еще раз попытался внушить Шварценбергу, что единый представительный орган не подходит для такой разнородной монархии, как Австрия, и было бы лучше даровать подобные институты для каждой провинции отдельно⁴⁴⁸. Таким образом австрийским властям намекали, что для отношений двух империй будет лучше, если Австрия не пойдет по конституционному пути.

Одной из важных вех в деле восстановления жизнеспособности империи Габсбургов стала смена монарха. Вопрос о необходимости замены далекого от дел управления государством императора Фердинанда стоял уже не первый месяц. Еще находясь в Инсбруке, императрица Мария Анна предложила Виндишгрецу, чтобы отречение Фердинанда произошло 18 августа, в день совершеннолетия эрцгерцога Франца. Фельдмаршал настоял на том, что восшествие нового императора на престол должно произойти только после того, как законной властью будет нанесен решающий удар революции⁴⁴⁹.

Разгром восстания в Вене был воспринят именно в этом смысле. 21 ноября Медем сообщил, что при дворе видят в качестве будущего императора молодого эрцгерцога Франца⁴⁵⁰. 2 декабря во дворце ольмюцкого архиепископа был подписан акт отречения Фердинанда. На престол взошел 18-летний Франц Иосиф, которому суждено было

---

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 5(17).11.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 318 об.

⁴⁴⁹ Redlich J. Op. cit. S. 38. Утверждение А. Дебидура, что во второй половине 1848 г. Николай также советовал императору Фердинанду отречься от престола, не сопровождается ссылкой на какие-либо источники. См.: Дебидур А. Указ. соч. Т. 2. С. 30.

⁴⁵⁰ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 9(21).11.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 363.

править империей почти до самого конца ее существования. Наиболее близким Австрии государствам – России, Пруссии, Саксонии, Баварии и Модене – известие о смене монарха было передано через специальных посланников⁴⁵¹. Прочим государствам – посредством обычных писем. В Англию первоначально также планировали отправить одного из эрцгерцогов, но не сделали этого по причине антиавстрийской политики лорда Пальмерстона⁴⁵².

Совершая этот шаг, габсбургский двор решил, что будет своевременно еще раз напомнить Николаю I о договоренностях между ним и императором Францем I. В письме, извещавшем об отречении, Фердинанд не преминул вспомнить о «безграничном доверии», существовавшем в отношениях между его отцом и Николаем⁴⁵³. Касательно молодого Франца Иосифа Фердинанд выражал надежду, что Николай не оставит его своей «дружбой и советами»⁴⁵⁴. Т. е. в официальном письме считали возможным говорить о том, что австрийскому суверену со стороны другого монарха будет оказываться помощь советами.

Сам Франц Иосиф просил Николая перенести на него часть «доверия и привязанности», которыми он одарял императора Франца, и выражал надежду, что принципы его политики и действия его правительства обеспечат ему одобрение Николая⁴⁵⁵. И, вслед за Фердинандом, напоминал о временах Мюнхенгреча: «Соблаговолите, Государь, передать мне часть того доверия и привязанности, столько свидетельств которых получал славной памяти покойный император Франц»⁴⁵⁶. Содержимое этих писем может произвести впечатление просьбы о покровительстве. Неудивительно, если именно в этот период у Николая I стало формироваться соответствующее отношение к австрийскому союзнику, которое дорого обошлось России в ходе восточного кризиса несколько лет спустя.

Тональность отношений между императорскими дворами в конце 1848 г. хорошо иллюстрирует следующий эпизод. В начале декабря Медем передал Францу Иосифу негодование Николая I и Цесаревича, вызванное переходом двух венгерских полков, носивших их имена, на сторону революционного венгерского правительства. Впрочем,

⁴⁵¹ В Петербург с этой целью отправился эрцгерцог Вильгельм.

⁴⁵² П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 22.11(4.12).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 478.

⁴⁵³ Фердинанд I – Николаю I. 2.12.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 7. Л. 10.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 11.

⁴⁵⁵ Франц Иосиф I – Николаю I. 2.12.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 8. Л. 3.

⁴⁵⁶ Там же.

посланник добавил, что в признание заслуг австрийской армии император и наследник хотят сохранить за собой право носить форму генералов австрийской армии. Франц Иосиф был настолько «тронут» этим пожеланием, что решил не ограничиваться лишь генеральской формой и предложил царю с наследником носить отныне форму австрийских фельдмаршалов⁴⁵⁷. Николай отказался, объяснив, что даже в собственной армии они не имеют соответствующего звания⁴⁵⁸. В то же время в Ольмюц был отправлен великий князь Константин Николаевич, чтобы поздравить Франца Иосифа с восшествием на престол. Практической целью визита было, возможно, также согласование ближайших действий России и Австрии. После этого великий князь навестил в Праге отрекшегося императора Фердинанда. Тогда же один из эрцгерцогов и великий князь Константин стали шефами русского и, соответственно, австрийского полков. Франц Иосиф отметил, что это событие свидетельствует о том, что русская и австрийская армии являются «истинными братьями по оружию»⁴⁵⁹.

В преддверии 1849 г. Франц Иосиф отправил в российскую столицу еще одно письмо, где говорил о соглашении, достигнутом 15 лет назад в Мюнхенгреце⁴⁶⁰. Эрцгерцогиня София также напомнила царю об этом, и в ответ Николай написал, что готов оказать молодому императору все услуги, которые мог оказать Францу⁴⁶¹. Воспоминания о переговорах 1833 г. актуализировались в этот момент и в ближайшем окружении Николая I. Так, Паскевич запрашивал у Нессельроде информацию о Мюнхенгрецкой конвенции⁴⁶².

Меттерних, находившийся в это время в Англии, постарался представить петербургским корреспондентам перемену на австрийском троне в выгодном свете.

⁴⁵⁷ Франц Иосиф I – Николаю I. 4.12.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 8. Л. 5 об. – 6.

⁴⁵⁸ Николай I – Францу Иосифу I. 6(18).12.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 8. Л. 14.

⁴⁵⁹ Франц Иосиф I – Николаю I. 28.12.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 8. Л. 11. Центральная роль армии в преодолении кризиса сознавалась всеми, и престиж ее руководителей в консервативных слоях находился на исключительно высоком уровне. Так, получив в канун Рождества в подарок от своих родителей портреты Радецкого, Виндишгреца и Елачича, Франц Иосиф, глядя на них, «покраснел от радости и счастья» (Reinöhl F. Op. cit. S. 127.).

⁴⁶⁰ Франц Иосиф I – Николаю I. 28.12.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 8. Л. 8–9. Полный текст письма гласил: «Нам, мне и моей семье, известно, что в Мюнхенгреце, в торжественный момент, Ваше Императорское Величество объявили моему деду, славной памяти императору Францу, что его преемники неизменно смогут рассчитывать на его дружбу и помощь в случае необходимости...Ваше Императорское Величество остались верны этому обещанию во весь период правления моего дяди императора Фердинанда; и Вы выполните его – я в этом глубоко убежден – в будущем, каким бы оно ни было. Это убеждение...позволяет мне надеяться, что наши империи, объединенные воспоминаниями о добром и древнем союзе и общими политическими интересами, продолжат совместное движение в защиту принципов порядка и справедливости в Европе, и что материальный вес, который они сообща могут бросить на чашу весов, в случае необходимости существенно поспособствует преобладанию этих принципов».

⁴⁶¹ Николай I – Эрцгерцогине Софии. 6(18).12.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 14. Л. 6.

⁴⁶² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 56. Л. 142.

Отставной канцлер обратил внимание на удачный выбор момента для этого шага, поскольку подавление венского восстания не связывалось теперь с именем молодого монарха⁴⁶³. Меттерних ручался за превосходные качества Франца Иосифа и также писал, что рассчитывает на помощь Николая союзнику⁴⁶⁴.

Обнадеживающим знаком для двусторонних отношений было назначение в декабре австрийским посланником в Петербург графа Карла Буоля, которое можно считать решением еще Меттерниха. 8 февраля 1848 г. он запрашивал Нессельроде, будет ли граф Буоль удобен Николаю⁴⁶⁵. В этом смысле назначение Буоля могло расцениваться как демонстрация Австрией того, что революция ничего не изменила в ее отношениях с Россией. В начале 1848 г. эта кандидатура была русской стороной одобрена⁴⁶⁶. Не вызвало возражений это предложение и теперь: 29 декабря новый посланник был принят императором Николаем.

В задачу Буоля входило после революционных потрясений поставить отношения между Австрией и Россией на прежнее основание, «достойное положения и интересов Австрии»⁴⁶⁷. Таким образом, потеря престижа монархией отчетливо сознавалась австрийским руководством. Кроме того, ввиду крайне тяжелого финансового положения монархии («...если нашим финансам не придут на помощь, Бог знает, где мы окажемся») Буоль должен был приложить все усилия, чтобы добиться в России денежного займа. Если бы ему удалось это сделать, он оказал бы Австрии услугу, «какую дипломат только может оказать своей стране»⁴⁶⁸.

В Петербурге, впрочем, скептически отнеслись к идее. Когда Буоль заговорил о займе с Нессельроде, канцлер ответил, что выяснит этот вопрос, но положительного ответа обещать не может, и, прежде всего, необходимо узнать мнение императора. Император молча выслушал о финансовых затруднениях Австрии и, ответив: «Все это прямо как у нас», сменил тему⁴⁶⁹. Австрийская сторона все же не оставила своего намерения, и в течение весны 1849 г. шли переговоры о кредите, но в результате условия,

⁴⁶³ Nesselrode Ch. Op. cit. Т. IX. P. 207.

⁴⁶⁴ Ibid. P. 208.

⁴⁶⁵ К. Меттерних – К. В. Нессельроде. 8.02.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 12. Л. 27.

⁴⁶⁶ К. В. Нессельроде – К. Меттерниху (конфиденциально). 18.02(1.03).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 12. Л. 43.

⁴⁶⁷ Schwarzenberg an Buol. 31. Dezember 1848 // HHStA. PA X. K. 27. F. 207.

⁴⁶⁸ Ibid. F. 209.

⁴⁶⁹ Buol an Schwarzenberg. 3. Januar 1849 // HHStA. PA X. K. 27. F. 213–215.

поставленные российским министерством финансов, вынудили Вену из соображений «собственного достоинства» отказаться от займа⁴⁷⁰.

Финансовые трудности были не единственной (и не самой серьезной) проблемой, с которой Австрии пришлось столкнуться в 1848 г. Тем не менее, монархия устояла. Одной из причин успешного выживания было общее понимание ключевыми участниками «европейского концерта» важности охранительной функции Австрии для поддержания существующей системы международных отношений. Если лорд Пальмерстон называл Дунайскую монархию европейской необходимостью, то российский император писал, что ее единство «неотделимо от поддержания мира и равновесия в Европе»⁴⁷¹. Но если британский министр в этот период лишь избегал шагов, которые могли бы существенно осложнить положение Австрии, Николай I был готов оказать ей прямое содействие.

§ 1.3. Международные предпосылки и подготовка венгерской кампании русской армии 1849 г.

К началу 1849 г. в империи Габсбургов, несмотря на ряд достигнутых в борьбе с революцией успехов, сохранялись серьезные кризисные тенденции. Одним из факторов неопределенности были продолжающиеся заседания рейхстага в Кремзире. Его существование сковывало действия австрийского правительства и вызывало настороженность правительства русского. В середине января Медем сообщил, что один из польских депутатов парламента предложил аннулировать соглашения Австрии с Россией и Пруссией об экстрадиции политических беженцев, и это предложение было передано на рассмотрение в специальный комитет⁴⁷². Для России, где обостренно воспринимали все, что относилось к польскому вопросу, подобные инициативы были предметом беспокойства, напоминая, кроме того, о, казалось, все более укореняющемся в Австрии конституционализме.

Международная обстановка также оставалась напряженной. Сохранялся вакуум силы в Германии. Неопределенной была ситуация во Франции, где на выборах 10 декабря

---

⁴⁷⁰ Buol an Schwarzenberg. 16. Juni 1849 // HHStA. PA X. K. 27. F. 296.

⁴⁷¹ Николай I – А. Виндишгрецу. 29.10(10.11).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 15. Л. 8.

⁴⁷² П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 2(14).01.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 39 об.

1848 г. победил племянник Наполеона Бонапарта Луи-Наполеон. Перемирие Австрии с Пьемонтом 9 августа 1848 г. оставляло неурегулированным итальянский вопрос.

Последнее обстоятельство побуждало Шварценберга продолжать попытки убедить Россию принять участие в планировавшемся европейском конгрессе по итальянским делам. Тогда, объяснял австрийский министр, Россия вместе с Австрией могли бы воспрепятствовать стремлению Великобритании и Франции революционизировать Апеннинский полуостров⁴⁷³. Достичь этой цели Шварценберг безуспешно пытался вплоть до 12 марта 1849 г., когда Сардиния денонсировала перемирие, и начался новый этап австро-итальянской войны. Уже 22 марта фельдмаршал Радецкий одержал над пьемонтскими войсками решительную победу у Наварры, в результате чего король Сардинии Карл Альберт отрекся от престола в пользу сына, и между конфликтующими сторонами было заключено новое перемирие⁴⁷⁴.

На присланной в Петербург копии отчета австрийского главнокомандующего о своих действиях в Италии Николай I начертал: «Ура Радецкий! Честь и Слава Герою нашему фельдмаршалу»⁴⁷⁵. Старому графу было присвоено звание маршала русской армии и шефство над одним из гусарских полков. М. А. Корф, племянник которого передал австрийскому посланнику это известие, утверждал, что граф Буоль при этом «расплакался, как ребенок»⁴⁷⁶.

Впрочем, говоря об успехах австрийской армии на итальянском фронте и при решении некоторых других проблем, следует помнить, что этому успеху немало способствовала обстановка, сложившаяся в рассматриваемый период в европейских делах. Позиция, занятая Петербургом, была откровенно дружественной, Франция по-прежнему была поглощена внутренними вопросами, и даже Великобритания решила воздержаться от прямого вмешательства в конфликт между Австрией и Пьемонтом. Сумма подобных обстоятельств приводит некоторых историков к выводу, что своими победами монархия Габсбургов была обязана не столько внутренним ресурсам, сколько отношению великих держав⁴⁷⁷.

---

⁴⁷³ Ф. Шварценберг – К. Буолю. 25.01.1849 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 151.

⁴⁷⁴ М. А. Корф вспоминал, что большинство петербургской публики с сочувствием следило за борьбой австрийского правительства в Италии: «каждый австрийский победный бюллетень производил у нас самое живое впечатление, как бы победа была одержана нашими войсками» (Корф М. А. Указ. соч. С. 455.).

⁴⁷⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 258.

⁴⁷⁶ Корф М. А. Указ. соч. С. 455.

⁴⁷⁷ Kraehe E. E. Foreign Policy and the Nationality Problem... P. 24.

Значение победы Радецкого состояло не только в том, что Австрия одержала верх над государством, развязавшим, по мнению всякого легитимиста, революционную войну, но и в том, что теперь центральное правительство могло полностью сосредоточиться на приведении к покорности венгров.

Деликатность отношений Габсбургов со своими венгерскими подданными была в Европе давно известна, и при случае конкуренты старались использовать эту проблему в собственных интересах. Например, в период Наполеоновских войн, в конце 1805 г., маршал Даву пытался достичь сепаратного мира и союза с одним из венгерских военачальников⁴⁷⁸. Поэтому одной из забот венского двора в 1848–1849 гг. было не допустить вмешательства иностранных сил в конфликт на стороне венгров.

Еще в мартовские дни 1848 г. Меттерних оценивал положение в Венгрии как самый большой риск для империи⁴⁷⁹. Ему вторил Фонтон, сообщавший, что большую опасность для Австрии представляет ситуация в Венгрии, чреватая полным отделением последней от Вены, что может послужить примером для других провинций⁴⁸⁰. Дипломат считал, что именно венгерские революционеры были «первой движущей силой» мартовских событий в Австрии⁴⁸¹.

С весны 1848 г. Венгрия, по сути, оказалась вне контроля центрального правительства. Венгерское национальное движение росло и радикализировалось, вступая в конфликт с устремлениями других народов, проживавших на землях короны святого Стефана. К концу года венгерское революционное правительство решило расширить контроль за пределы территорий с преобладающим венгерским населением. Примкнувший к венгерскому движению видный участник польского восстания 1830 г. Юзеф Бем по приказу главы венгерского правительства Лайоша Кошута в октябре 1848 г. вступил в Трансильванию и к концу декабря установил контроль почти над всей областью. Немецкие города провинции Кронштадт и Германштадт (совр. Брашов и Сибиу) стали отправлять к генералу Лидерсу в Бухарест делегации с просьбой о помощи. Позже с аналогичной целью туда прибыли офицеры от командующего австрийскими войсками в Трансильвании генерала А. Пухнера. Ситуация в провинции была настолько тяжелой, что

---

⁴⁷⁸ Ibid. P. 8.

⁴⁷⁹ Metternich K. Mémoires, documents... Т. 7. P. 616.

⁴⁸⁰ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 9(21).03.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 350.

⁴⁸¹ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 19(31).03.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 417.

на рубеже 1848–1849 гг. генерал Пухнер был вынужден отправить русским властям в Дунайских княжествах архивы и казенные суммы из Германштадта⁴⁸².

С другой стороны, Фонтон после подавления октябрьского восстания в Вене полагал, что окруженная со всех сторон, Венгрия не сможет долго оказывать сопротивление⁴⁸³. Первоначальные успехи центрального правительства как будто подтверждали этот прогноз: 16 декабря имперские войска пересекли Лейту, и уже 5 января 1849 г. Виндишгрец занял Пешт.

В этот период взгляды многих австрийцев обратились в сторону России. Одними из первых были командующие в Лемберге (совр. Львов) и Кракове В. Гаммерштейн и Ф. Шлик, у которых изымалась часть войск для действий в Венгрии. Гаммерштейн на рубеже 1848–1849 гг. велел запросить русского консула в Бродах, может ли он рассчитывать в случае необходимости на русские войска генерала М. И. Чеодаева, расположенные в Волыни и Подолии. В ответ Паскевич направил часть войск на границу с Австрией, чтобы разоружать восставших, если они будут переходить на русскую территорию⁴⁸⁴. Во второй половине января Николай I дал Паскевичу разрешение в случае запроса австрийских властей ввести русские войска в Буковину, если там появятся венгерские революционеры.

Встречающееся утверждение, что Николай якобы с самого начала конфликта в Венгрии стремился к тому, чтобы Австрия обратилась к нему с просьбой о помощи и впоследствии была бы связана этой услугой, представляется недостаточно аргументированным. Так, не сопровождается ссылками на источники утверждение А. Тейлора, что Николай будто бы сам неоднократно и настоятельно предлагал военную помощь: в 1848 г. Николай якобы задумал вновь активизировать русскую восточную политику, и «первым шагом в новом походе на Константинополь» была оккупация Дунайских княжеств. В этих условиях он боялся, чтобы Австрия не вышла из кризиса, не будучи обязанной благодарностью России⁴⁸⁵. Этот тезис плохо согласуется с фактами, свидетельствующими, что занятие княжеств Россией в 1848 г. было продиктовано,

---

⁴⁸² Стыкалин А. С., Колин А. И. Указ. соч. С. 164.

⁴⁸³ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 25.10(6.11).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 269.

⁴⁸⁴ Kerchnawe H. Op. cit. S. 331.

⁴⁸⁵ Taylor A. J. P. The Habsburg Monarchy... P. 84.

главным образом, антиреволюционными мотивами⁴⁸⁶, более того, было осуществлено совместно с турками⁴⁸⁷.

В случае необходимости император действительно был готов оказать австрийцам содействие, и не только в Венгрии, но эта готовность была проявлением стремления к поддержанию консервативного порядка в Европе, в то время как намерение ограничить свободу действий Австрии не просматривается. Существуют также указания на то, что он искренне надеялся на успех самостоятельных действий австрийской армии⁴⁸⁸. Даже когда в начале 1849 г. распространились слухи о появлении в Буковине отряда восставших под командованием Бема, и австрийское командование в провинции запросило русской помощи, Николай приказал генералу Чеодаеву, если Бем появится у русской границы, перейти на австрийскую территорию и «истребить» отряд, но затем сразу же вернуться⁴⁸⁹.

После первоначальных успехов австрийских войск в январе 1849 г. инициатива в боевых действиях перешла к повстанцам. Особенно неблагоприятно складывалась ситуация в Трансильвании, военные власти которой, как уже упоминалось, были вынуждены просить о помощи русские войска в княжествах. 12 января австрийский совет министров рассмотрел этот вопрос, и Шварценберг, стремившийся до последнего избежать очередного удара по престижу монархии, высказался против запроса о помощи⁴⁹⁰. Однако совсем скоро ухудшение положения в Трансильвании вынудило главу австрийского правительства изменить мнение, и он лишь выразил желание, чтобы эта помощь была как можно более ограниченной во времени, а австрийским властям в самой провинции было приказано не распространять действия русских войск за пределы окрестностей Кронштадта и Германштадта⁴⁹¹. Русским миссиям за границей был разослан специальный циркуляр министра иностранных дел, чтобы они могли дать ответ на возможные запросы касательно действий русских войск в Трансильвании. В документе разъяснялось, что движение русских войск осуществляется по запросу австрийских властей, поскольку существует угроза немецкому населению со стороны революционеров. Специально упоминалось о том, что русские войска были встречены

---

⁴⁸⁶ См. Гл. 1, § 6.

⁴⁸⁷ А. С. Нифонтов, исследование которого относится примерно к тому же периоду, что и упомянутая работа Тейлора, полагал, что план интервенции в Венгрию начал созревать в Петербурге не ранее марта 1849 г. См.: Нифонтов А. С. Россия в 1848 году... С. 270.

⁴⁸⁸ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 262; 265.

⁴⁸⁹ Письмо Паскевичу от 17 января 1849 г. Там же. С. 269.

⁴⁹⁰ Kerchnawe Н. Op. cit. S. 352.

⁴⁹¹ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 4(16).02.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 119.

хлебом-солью, как избавители⁴⁹². Разъяснение было дано, чтобы предотвратить неверные интерпретации события в общественном мнении Германии. Подчеркивалось, что этот шаг – временная мера.

Решение о входе в Трансильванию было принято в Петербурге после длительных колебаний, поскольку эта мера могла вызвать неблагоприятную реакцию других правительств и дать им в дальнейшем повод к вмешательству в дела соседей⁴⁹³. В то же время, признавая чрезвычайность положения в Кронштадте и Германштадте, Николай разрешил в случае необходимости оказать им помощь, но сразу после отвести войска обратно⁴⁹⁴. Что еще раз доказывает: в начале 1849 г. российский император по-прежнему рассчитывал на способность Австрии преодолеть кризис в Венгрии собственными силами.

В начале февраля два отряда под командованием Г. Я. Скарятин и Н. Ф. Энгельгардта численностью в 6 тыс. человек перешли границу⁴⁹⁵. Однако в условиях роста активности восставших даже соединенного потенциала австрийских войск и русских отрядов оказалось недостаточно. В марте Бем разгромил армию Пухнера, а русские отряды были вынуждены оставить Кронштадт и Германштадт. В этот период отмечается рост числа поляков, принимавших участие в венгерской революции⁴⁹⁶. Представители польского национального движения использовали любую возможность поколебать сложившийся порядок вещей, стремясь восстановить собственную государственность. На польскую интригу в Венгрии в конце марта снова обращает внимание российского императора К. В. Нессельроде. В докладе Николаю он отмечает: война в Венгрии «с очевидностью доказывает, что восстановление Польши лежит в основе гражданской войны, которую венгры ведут...против австрийского дома, и что, следовательно, его дело тесно связано с нашим»⁴⁹⁷. Николай отмечает на полях: «Я в этом никогда не сомневался»⁴⁹⁸.

⁴⁹² К. В. Нессельроде – А. Ф. Будбергу. 9(21).02.1849 // АВПРИ. Ф. 198. Оп. 531. 1849. Д. 23. Л. 1–2.

⁴⁹³ Стыкалин А. С., Колин А. И. Указ. соч. С. 166.

⁴⁹⁴ Там же.

⁴⁹⁵ В этом эпизоде обращает на себя внимание то обстоятельство, что русские войска были использованы для спасения именно немецкого населения Трансильвании. Положение, например, румынского населения провинции, третируемого венграми, среди мотивов не указывается.

⁴⁹⁶ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 16(28).03.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 251 об.

⁴⁹⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 204. Л. 93.

⁴⁹⁸ Там же.

Масштаб польского участия в венгерском восстании был настолько заметен, что в источниках этого периода можно встретить такие термины как «польско-мадьярская республика»⁴⁹⁹ и «венгерско-польское восстание»⁵⁰⁰. Ощущение польской угрозы усиливалось и влиянием на царя И. Ф. Паскевича, который, по мнению А. М. Зайончковского, изображал ситуацию в Царстве Польском «в усиленно стуженных мрачных красках», тогда как в действительности положение там было вполне стабильным⁵⁰¹.

Австрийская сторона всячески подчеркивала польское участие в восстании и в целом международный характер последнего. Именно об этом на встрече с Медемом 4 апреля говорил Шварценберг, утверждая, что из Трансильвании революционеры намереваются направить свои происки против соседних областей и прежде всего против Дунайских княжеств, занятых русскими войсками⁵⁰². Не была забыта и «подстрекательница» революции Англия: по австрийским данным лорд Пальмерстон стремился установить связь с руководителями повстанцев⁵⁰³. Вообще, лагерь Кошута – это не просто собрание венгров, недовольных австрийским правительством, а «главная квартира европейской революции»⁵⁰⁴. В этом случае Шварценберг бил точно в цель, хорошо представляя, как Николай воспринимает революционные выступления вблизи русских границ, особенно с участием поляков.

Вскоре после этих заявлений Шварценберг обратился в Петербург с просьбой сконцентрировать на границе с Галицией войска на случай вторжения Бема в провинцию⁵⁰⁵. К этому времени Австрия оказалась в крайне тяжелой ситуации: К. Кюбек, анализируя ситуацию в Венгрии и соотношение сил с восставшими, записал в дневнике: «Мы, очевидно, слабее»⁵⁰⁶. В конце марта Виндишгрец обратился к австрийскому правительству с запросом о русской помощи. По всей видимости, он настаивал на необходимости привлечения русских войск и по неофициальным каналам. Паскевич

⁴⁹⁹ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 373.

⁵⁰⁰ Nesselrode Ch. Op. cit. T. IX. P. 237.

⁵⁰¹ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. С. 185.

⁵⁰² П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 23.03(4.04).1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 274.

⁵⁰³ Ф. Шварценберг – К. Буолу. 6.04.1849 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 291.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 292.

⁵⁰⁵ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 29.03(10.04).1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 296.

⁵⁰⁶ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 22.

впоследствии вспоминал, что австрийскому командующему принадлежала выдающаяся роль в обеспечении русской помощи⁵⁰⁷.

На рубеже марта-апреля в австрийском кабинете прорабатывались различные варианты выхода из положения, вплоть до посещения Францем Иосифом Венгрии⁵⁰⁸. Г. Керхнаве отмечает противоречивость позиции ряда министров, которые в этот период выступали как против русской помощи, так и против дополнительного набора в армию⁵⁰⁹. Эта непоследовательность свидетельствует о растерянности правительства: престиж не позволял просить внешней помощи, и в то же время было очевидно отсутствие внутренних резервов для преодоления кризиса. На заседании 23 марта несколько министров заявили, что отсутствие успеха в военных операциях последних двух месяцев вызвано недостатками руководства военными операциями, и высказались за смену людей, окружающих Виндишгреца⁵¹⁰. 29 марта министры финансов и юстиции высказались против привлечения русской помощи, потому что, во-первых, численность восставших в Венгрии, по их мнению, преувеличена, а во-вторых, как заявил министр торговли, если дела действительно обстоят так плохо, как утверждает фельдмаршал, причины следует искать в отсутствии надлежащего руководства войсками⁵¹¹. В этом проявилось стремление сохранить лицо Австрии как великой державы и одновременно найти виновных в отсутствии желаемого результата. Генерал-губернатор Вены Людвиг Вельден высказался решительно против обращения к России, заверив, что восстание можно подавить своими силами. Он заявил, что попросить о помощи Россию в этой ситуации означало бы явить перед всей Европой бессилие Австрии. И такая просьба может быть оправдана, только если сама целостность империи будет поставлена на карту⁵¹².

Петербургский кабинет, прогнозируя возможную необходимость оказания Австрии вооруженной помощи, все же до последнего надеялся, что этого сценария удастся избежать. Прямое содействие Вене не только влекло за собой людские и материальные потери, но и грозило осложнениями в международных делах. 1 апреля 1849 г. Нессельроде

---

⁵⁰⁷ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 628.

⁵⁰⁸ Müller P. Feldmarschall Fürst Windischgrätz... S. 233.

⁵⁰⁹ Kerchnawe H. Op. cit. S. 350.

⁵¹⁰ Ibid. S. 354.

⁵¹¹ Ibid. S. 355–356.

⁵¹² Ibid.

написал: «Итак, следует молить Бога, чтобы Австрия сумела одна выпутаться и в Италии, и в Венгрии»⁵¹³.

Во время встречи 4 апреля Шварценберг попросил Медема сообщить Нессельроде о необходимости ввести в Трансильванию русские силы в количестве 25–30 тыс. человек. Русский посланник согласился на это только при условии, что премьер донесет соответствующую информацию до Буоля и, таким образом, изложит просьбу официально. Это было бы единственным средством предупредить ложные интерпретации австро-русского сотрудничества в этом вопросе⁵¹⁴. Шварценберг, со своей стороны, до последнего момента стремился избежать официального обращения за помощью. 9 апреля Медем сообщал следующее: «в надежде», что Николай I окажет помощь Австрии в Трансильвании, Шварценберг отправил к генералу Лидерсу полковника Доргнера, который прекрасно знает провинцию и в случае необходимости будет консультировать русского военачальника и, кроме того, сможет служить посредником между Лидерсом и австрийскими властями. С той же целью в Галицию и Буковину будут направлены несколько австрийских офицеров, на случай занятия этих провинций русскими войсками⁵¹⁵. Австрийские власти были столь предупредительны, что предоставили Лидерсу план его возможных операций в Трансильвании, впрочем, оставив за ним право модифицировать или изменять этот план по своему усмотрению⁵¹⁶.

Однако в русской столице полагали, что такой формат помощи был бы неэффективен и компрометировал бы Россию⁵¹⁷. Исходя из отрицательного опыта февраля-марта, Николай был убежден в неэффективности частичной помощи и поставил несколько условий: русские войска должны быть достаточно многочисленны для самостоятельного выполнения поставленных задач; они не будут присоединены к австрийским войскам и будут действовать совершенно самостоятельно. Шварценберг был вынужден согласиться, сделав последнюю безуспешную попытку снизить численность русских войск. Он высказал мнение, что 40 тыс. человек было бы вполне достаточно, но завершил разговор тем, что предоставляет русскому правительству полную свободу и независимость в действиях⁵¹⁸. Кроме того, он просил, чтобы помощь была оказана как

⁵¹³ Nesselrode Ch. Op. cit. T. IX. P. 228.

⁵¹⁴ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 23.03(4.04).1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 275.

⁵¹⁵ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 28.03(9.04).1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 293.

⁵¹⁶ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 29.03(10.04).1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 296.

⁵¹⁷ Обзор внешней политики Российской империи // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 85.

⁵¹⁸ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 1(13).04.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 306 об.

можно скорее⁵¹⁹. Через неделю австрийский министр-президент попросил об ускорении вступления русских войск на территорию Венгрии⁵²⁰. Паскевич ответил, что не может распорядиться об этом, не получив приказа от императора, поскольку имеет соответствующие инструкции только насчет Галиции и Буковины.

В этот момент аргументы в пользу оказания Австрии масштабной военной помощи поступали в Петербург и из других источников, в частности, от консула в Бухаресте К. Е. Коцебу, считавшего, что восстание в Трансильвании представляет опасность для Дунайских княжеств и даже для русских западных губерний⁵²¹.

Интерес России при подавлении венгерского восстания объективно состоял не только в замораживании польского вопроса и сохранении Австрии как консервативного союзника, но и в последующем возобновлении австрийской активности в Германии и предотвращении чрезмерного усиления там Пруссии. С точки зрения российского императора было необходимо как предотвратить установление прусской гегемонии в Германии, так и пресечь в германских государствах дальнейшее развитие революции, угроза повторного обострения которой в первые месяцы 1849 г. сохранялась. В целом, речь шла о возвращении к выгодной России дореволюционной конфигурации сил в Центральной Европе.

В апреле командующие австрийскими войсками в Банате граф Л. Нугент и в Буковине генерал Фишер обращались к Лидерсу за помощью против венгров и получили ответ, что это возможно только с разрешения российского императора⁵²². В это же время от австрийцев поступила очередная просьба о содействии в Трансильвании. Речь шла о возможности отправки 30 тыс. человек из Дунайских княжеств. Николай посчитал, что в Молдавии и Валахии достаточно войск только для выполнения задач в самих княжествах, и предложил использовать войска из юго-западных губерний для занятия Буковины и Галиции с тем, чтобы освободить часть австрийских ресурсов для действий в Венгрии⁵²³. Для обсуждения этой идеи в Австрию был направлен генерал Ф. Ф. Берг.

---

⁵¹⁹ Там же. Л. 307 об.

⁵²⁰ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 9(21).04.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 333 об.

⁵²¹ Виноградов В. Н. Венгерский поход... С. 91. Д. Ветцель высказывает точку зрения, согласно которой среди причин, побудивших Николая I к интервенции в Венгрию, был страх за русские интересы в Дунайских княжествах, поскольку обстановка там вследствие революции в соседней Венгрии могла дестабилизироваться. См.: Wetzels D. Op. cit. P. 8.

⁵²² Дараган М. И. Указ. соч. С. 253–254.

⁵²³ Копия карандашной записки Николая I (без даты) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 19. Л. 3.

На заседании кабинета министров 21 апреля Шварценберг объявил о письме Вельдена, назначенного вместо Виндишгреца командующим в Венгрии, в котором он изменил свое прежнее мнение и заявил о необходимости призвания русских⁵²⁴. Шварценберг признал, что это шаг нанесет ущерб престижу монархии, осложнит ее положение в Италии и Германии, но выхода не остается, поскольку революционеры угрожают немецким провинциям Австрии⁵²⁵. На заседании 24 апреля Шварценберг объявил, что Вельден повторно высказался о необходимости привлечения русских сил⁵²⁶. При этом подчеркивалось, что революция в Венгрии больше не является лишь венгерской революцией, приобретая европейское значение⁵²⁷. Подобным аргументом стремились психологически облегчить принятие решения.

В эти дни восстание достигло очередного пика. 19 апреля венгерское государственное собрание объявило династию Габсбургов низложенной и избрало Кошута правителем страны. Австрийские просьбы о помощи к этому времени, по выражению В. Н. Виноградова, перешли в домогательства⁵²⁸.

Николай принял все возможные меры предосторожности и дождался, когда австрийское правительство обратится за помощью в официальном порядке, а Франц Иосиф – к нему лично. Император Австрии отправил в Петербург соответствующее письмо 1 мая, в котором не преминул еще раз обратить внимание на то, что лагерь мадьяр стал местом встречи злоумышленников всех родов и поляков в первую очередь⁵²⁹.

30 апреля в Вену прибыл генерал Берг и был представлен Медемом австрийскому министр-президенту. 1 мая в Ольмюце он получил аудиенцию у Франца Иосифа. К этому времени Шварценберг запрашивал содействия русских войск уже на основном театре военных действий, в Венгрии, поскольку 23 апреля австрийские войска оставили Пешт. 3 мая в Прессбурге (совр. Братислава) на встрече с Бергом и австрийскими министрами Вельден просил ускорить прибытие русских войск со стороны Кракова⁵³⁰.

В тот же день Бергу объявили, что столица империи находится в опасности, и если российский император в ближайшее время не придет на помощь, правительство может

---

⁵²⁴ Kerchnawe H. Op. Cit. S. 369.

⁵²⁵ Ibid.

⁵²⁶ Ibid. S. 375.

⁵²⁷ Ibid. S. 370.

⁵²⁸ Виноградов В. Н. Венгерский поход... С. 83.

⁵²⁹ Франц Иосиф I – Николаю I. 1.05.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 8. Л. 3–4.

⁵³⁰ Ф. Ф. Берг – И. Ф. Паскевичу. 21.04(3.05).1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 19. Л. 14.

быть ниспровергнуто⁵³¹. Вельден заявил, что при наступлении восставших он не может ручаться за безопасность Вены уже через 10 дней. В этот момент пришла депеша от Паскевича с известием о согласии Николая на австрийский запрос. Впечатление, произведенное депешей, Берг описал следующим образом: «Нет слов...которые могли бы изобразить радость и ощущение счастья, которые при этом испытало австрийское министерство»⁵³². Русский генерал полагал, что эти документы «однажды продемонстрируют тем, кто изучает историю, величие императора Николая. Он действительно спас габсбургский дом и Австрийскую империю от неминуемого крушения»⁵³³.

5 мая Франц Иосиф прибыл из Ольмюца в Вену для поднятия духа войск и населения. О положении Австрии в эти дни можно судить по эпизоду, приводимому А. Л. Нарочницким в коллективной монографии «Революции 1848–1849»: в мае 1849 г. австрийский генерал-лейтенант граф Кабога умолял Паскевича срочно послать отряд, чтобы задержать венгров на путях к Вене и при этом бросился на колени перед фельдмаршалом и целовал ему руки⁵³⁴. Действительно, 4 мая Шварценберг поручил находившемуся в Варшаве Кабоге добиться отправки 25-тысячного русского корпуса в Моравию, полагая, что иначе Вена падет, а вместе с ней и монархия⁵³⁵. Эти внушения, по всей вероятности, привели к тому, что Паскевич по собственной инициативе отправил дивизию генерала Ф. С. Панютина на защиту австрийской столицы⁵³⁶.

Существует предположение, что командующий венгерскими войсками Артур Гёргей действительно собирался идти на Вену, но впоследствии якобы сам признавался, что отказался от этого намерения, посчитав, что дивизия Панютина – авангард более значительных русских войск⁵³⁷. Генерал А. О. Дюгамель впоследствии настаивал на том, что только своевременное задействование дивизии Панютина помешало Гёргею овладеть Веной⁵³⁸. Хотя решение об отправке дивизии, принятое Паскевичем, было поначалу скептически принято Николаем – император сомневался в целесообразности этого шага,

⁵³¹ Ф. Ф. Берг – К. В. Нессельроде. 22.04(4.05).1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 19. Л. 6.

⁵³² Там же. Л. 6 об.

⁵³³ Там же. Л. 7.

⁵³⁴ Революции 1848–1849. М., 1952. Т. 2. С. 192.

⁵³⁵ Меньков П. К. Указ. соч. Т. 3. С. 235–236.

⁵³⁶ О подробностях этой операции см.: Рошонци И. Указ. соч. С. 32–49.

⁵³⁷ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 81.

⁵³⁸ Дюгамель А. О. Указ. соч. С. 166–167.

сожалея, что русские солдаты без необходимости подвергаются опасности⁵³⁹. Вообще, царь не испытывал ни малейшего энтузиазма от перспективы вовлечения в венгерские события. Еще в середине апреля он писал Паскевичу, что готов лишь на временное занятие Галиции⁵⁴⁰. Николай полагал, что австрийское правительство обращается за помощью слишком поздно, чтобы она могла быть быстрой, и не исключал, что на первом этапе борьбы австрийским властям придется оставить Вену⁵⁴¹. Важным побудительным мотивом для него было то, что эта борьба, как он писал прусскому королю, велась против «наших общих врагов подлых поляков»⁵⁴².

В начале мая Нессельроде подготовил циркуляр, объявлявший о вступлении русских войск на территорию Галиции и подготовке к подавлению венгерского восстания. Пояснялось, что венгерский мятеж стал «базой восстания, открыто подготовляемого в Польше», поэтому Россия более не может оставаться беспристрастным наблюдателем событий⁵⁴³. Подчеркивалось, что, помогая Австрии по ее запросу, российский император действует «не только в своих собственных интересах, но и в интересах европейского порядка и спокойствия»⁵⁴⁴.

Даже приняв соответствующее решение, Николай продолжал испытывать серьезные сомнения и предвидел «одну зависть, злость и неблагодарность и верно не вмешался бы, ежели б своя рубаха не была ближе к телу»⁵⁴⁵. В российском МИДе сознавали, что распад габсбургской империи вел к совершенно непредсказуемым последствиям, в частности, поставил бы Россию «перед лицом беспокойных национальностей, готовых разорвать друг друга...»⁵⁴⁶. Не менее важным был легитимистский мотив: «Восстановить трон в Австрии значило восстановить его везде»⁵⁴⁷.

Логикой легитимизма диктовался и отказ от предложения правителя Черногории Петра II Негоша, просившего позволить ему с пятитысячным отрядом присоединиться к

⁵³⁹ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 290.

⁵⁴⁰ Там же. С. 279–280.

⁵⁴¹ К. В. Нессельроде также считал, что Австрия совершила ошибку, обратившись к России за помощью на два месяца позднее, чем следовало (Письмо П. К. Мейендорфу 9 мая 1849 г. // Nesselrode Ch. Op. cit. Т. IX. P. 234.).

⁵⁴² Der Briefwechsel König Friedrich Wilhelms IV... S. 144–145.

⁵⁴³ К. В. Нессельроде – А. Ф. Будбергу. 27.04(9.05).1849 // АВПРИ. Ф. 198. Оп. 531. 1849. Д. 23. Л. 28.

⁵⁴⁴ Там же. Л. 29–30.

⁵⁴⁵ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 282.

⁵⁴⁶ Обзор внешней политики Российской империи // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 86.

⁵⁴⁷ Там же. Л. 87.

русским войскам в Венгрии, поскольку, по мнению Петербурга, всякое войско могло вступить в пределы Австрии только «по призыву законного правительства»⁵⁴⁸.

В письме Фридриху Вильгельму IV Николай объяснил, почему, «как верный союзник», он согласился на просьбу Австрии о помощи в подавлении венгерского восстания: «Триумф восстания был бы очень ощутимой неудачей для дела всех тронов, и оказал бы в первую очередь самое губительное влияние на Германию, где революционная партия заявляет о себе со смелостью, напоминающей, к сожалению, злосчастные дни прошлого года»⁵⁴⁹. В этом же письме Николай добавлял, что если Пруссии когда-либо придется обратиться к нему за помощью, просьба эта не будет тщетна⁵⁵⁰.

Среди представителей австрийской элиты раздавались голоса, предлагавшие сформировать более широкий антиреволюционный фронт. Так, Виндишгрец уже после отставки писал Шварценбергу, что для полного спокойствия Германии желательно, чтобы к союзу Австрии и России в Венгрии присоединились Пруссия, Бавария и Саксония. Впрочем, добавлял он, уже союз с Россией достаточно гарантирует Австрию⁵⁵¹.

Подписание генералом П. Х. Граббе 1 мая 1849 г. Балта-Лиманской конвенции между Россией и Турцией, закрепившей новую организацию княжеств и стабилизировавшей положение там, позволило задействовать для подавления венгерского восстания большую часть войск, стоявших в Молдавии и Валахии⁵⁵².

Международная обстановка благоприятствовала началу венгерской кампании. Незадолго до ее начала Россия признала Французскую Республику, что во многом обеспечило благожелательную позицию Парижа. Лондон также наблюдал за происходящим в Центральной Европе, не вмешиваясь⁵⁵³. Более того, В. Н. Виноградов приводит данные, согласно которым венгерский поход русской армии был осуществлен на британские деньги: банк братьев Беринг предоставил России заем в 5 млн фунтов стерлингов (35 млн руб.)⁵⁵⁴. Впрочем, британский историк Я. Робертс утверждает, что этот заем был осуществлен уже в начале 1850 г.⁵⁵⁵

⁵⁴⁸ Там же. Л. 155–156.

⁵⁴⁹ Николай I – Фридриху Вильгельму IV. 28.04(10.05).1849 (копия) // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 1501. Л. 1–1 об.

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ A. Windisch-Grätz an F. Schwarzenberg. 18.05.1849 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 192. Л. 4.

⁵⁵² Дараган М. И. Указ. соч. С. 255.

⁵⁵³ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 18(30).05.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 482 об.

⁵⁵⁴ Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы... С. 216.

⁵⁵⁵ Roberts I. W. Op. cit. P. 198.

Для британского и французского правительств участие русской армии в подавлении венгерской революции было выгодно не только потому, что таким образом сохранялась «европейская необходимость» – Австрия, но и потому, что общественное мнение Англии и Франции все больше настраивалось против России, как против «реакционной» державы. Следовательно, одобряя действия России неофициальным образом, лондонский и парижский кабинеты сохраняли престиж у себя дома и могли быть уверены, что позднее, если потребуется, смогут использовать русофобские тенденции общественного мнения для достижения внешнеполитических целей. В годы Крымской войны эта возможность была использована в полной мере.

Когда вступление русских войск в Венгрию еще лишь ожидалось, Фонтон получил информацию, что поляки из Галиции, участвовавшие в венгерской революции, покидают ряды повстанцев и возвращаются домой⁵⁵⁶. На деятельность потенциальных возмутителей спокойствия в Галиции Петербург указывал Вене не раз, и эти представления не оставались без внимания. 16 июня Шварценберг выслал Буолю резюме с перечислением мер, принятых в отношении подозрительных лиц, проживающих в провинции⁵⁵⁷. В частности, было решено отправить значительную их часть в США за счет австрийского правительства.

Ожидая скорого умиротворения Венгрии, венская биржа, которая уже тогда была «сейсмографом политических процессов», отреагировала ростом курсов⁵⁵⁸. Саксонец Фицтум отметил изменение общественной атмосферы в Вене в пользу России⁵⁵⁹. С другой стороны, на поверхность выступил не вполне равноправный характер отношений между Австрией и Россией, что проявилось, например, в характеристике английским консулом в Варшаве Франца Иосифа как протеже Николая I⁵⁶⁰.

Общеввропейский характер событий в Венгрии был отражен в русском манифесте 8 мая (26 апреля) о походе в Венгрию, где, в частности, говорилось, что мятежники покушаются «потрясти спокойствие и наших областей»⁵⁶¹. М. А. Корф вспоминал, что впечатление, произведенное этим манифестом на русское общество, было

⁵⁵⁶ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 19(31).05.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 485.

⁵⁵⁷ Ф. Шварценберг – К. Буолю. 16.06.1849 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 337 и далее.

⁵⁵⁸ Heppner H. Op. cit. S. 162.

⁵⁵⁹ Vitzthum von Eckstädt K. F. Berlin und Wien... S. 230.

⁵⁶⁰ Schiemann Th. Op. cit. Bd. IV. S. 399.

⁵⁶¹ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. С. 186–187.

неблагоприятным⁵⁶². Сам Николай в частной беседе назвал этот шаг «искуплением чужих грехов своей кровью»⁵⁶³.

§ 1.4. Политический аспект русской помощи Австрии при подавлении венгерского восстания

В конце мая пост главнокомандующего австрийскими войсками в Венгрии занял генерал Ю. Гайнау, повышенный по этому случаю до звания фельдцейхмейстера. Австрийским властям на этом месте был необходим новый человек, не связанный с предшествующими неудачами в боевых действиях. Многими современниками Гайнау высоко оценивался в качестве главнокомандующего, однако его несдержанность в течение следующих нескольких месяцев послужила причиной ряда недоразумений австрийских властей в отношении с возглавившим русские войска И. Ф. Паскевичем и, опосредовано, с самим Николаем I.

Отсутствие единства взглядов австрийских и русских военачальников в Венгрии обнаружилось очень быстро. Елачич, например, в начале кампании хотел, чтобы Лидерс двинулся на соединение с ним в Банат. Но русский генерал пошел в Трансильванию, посчитав, что военная целесообразность требует именно этого⁵⁶⁴.

Николай, со своей стороны, не останавливался перед тем, чтобы давать советы венскому кабинету по поводу назначения австрийских командиров. Например, генерал Пухнер, по мнению Николая, действовал в Трансильвании недостаточно энергично, поэтому царь просил заменить его более молодым и предприимчивым офицером⁵⁶⁵. По его настоянию или по другим причинам, но через некоторое время военным и гражданским губернатором Трансильвании действительно был назначен генерал Л. Вольгемут.

На время самой кампании Николай вместе с Нессельроде переехал в Варшаву, чтобы быть ближе к театру боевых действий. При этом предполагалось, что австрийский посланник останется в Петербурге, но Шварценберг посчитал, что в интересах

---

⁵⁶² Корф М. А. Указ. соч. С. 468.

⁵⁶³ Там же. С. 467.

⁵⁶⁴ Дараган М. И. Указ. соч. С. 269–271.

⁵⁶⁵ К. В. Нессельроде – Ф. Шварценбергу. 20.05(1.06).1849 (проект письма) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 11. Л. 30.

сохранения «близости» русского и австрийского дворов Буолю лучше находиться непосредственно при императоре, и Николай с этим согласился⁵⁶⁶. В указанное время царя посетил Франц Иосиф, который, как отметила в дневнике его мать, остался «очарован поездкой, добрым и дружеским приемом императора»⁵⁶⁷. В конце мая и в начале августа в Варшаву для встречи с Николаем ездил Ф. Шварценберг. 10 июня была подписана конвенция об условиях содержания русских войск на австрийской территории⁵⁶⁸.

В приказе, отданном Николаем войскам 13 (1) июня в Варшаве, снова прозвучал «польский мотив»⁵⁶⁹. Р. А. Авербух пишет о том, что «Венгрия была той ареной, на которой произошло последнее решающее столкновение с абсолютистской феодальной реакцией, возглавляемой Священным союзом»⁵⁷⁰. С этим утверждением можно поспорить, поскольку к 1849 г. говорить о существовании Священного союза проблематично. Сложно согласиться и с утверждением исследовательницы, что помощь царизма Австрии одновременно имела своей целью захват Галиции и округление западных границ Российской империи⁵⁷¹. В. Н. Виноградов, напротив, утверждает, что недопустимо оценивать венгерскую кампанию России исключительно как реакционный и агрессивный шаг, особенно применительно к сложной ситуации в многонациональной Трансильвании, поскольку «поход Паскевича...предстает как спасительный для многочисленного румынского и немецкого населения края»⁵⁷². Это, казалось бы, очевидное обстоятельство обычно упускается из виду.

В начале кампании в отношениях австрийских и русских военных господствовала подчеркнутая сердечность. Например, 7 июня австрийские офицеры дали банкет офицерам дивизии генерала Панютина. Сам Панютин, узнав, что в помещении присутствует дочь Радецкого, встал и произнес тост за здоровье ее отца. Тронутые таким отношением, австрийские офицеры подняли русского генерала на руки⁵⁷³. В дни пребывания Франца Иосифа в Варшаве в мае императоры обедали вдвоем, что, как отмечали наблюдатели, было сделано из уважения к этикету австрийского двора⁵⁷⁴.

⁵⁶⁶ К. В. Нессельроде – К. Буолю. 18(30).05.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 481.

⁵⁶⁷ Reinöhl F. Op. cit. S. 130.

⁵⁶⁸ Впоследствии австрийцы оказались не в состоянии обеспечить даже десятой доли объема продовольственных запасов, требуемого русской стороной. См.: Roberts I. W. Op. cit. P. 132.

⁵⁶⁹ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 367.

⁵⁷⁰ Авербух Р. А. Царская интервенция... С. 30.

⁵⁷¹ Там же. С. 31.

⁵⁷² Виноградов В. Н. Венгерский поход... С. 96.

⁵⁷³ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 28.05(9.06).1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 522.

⁵⁷⁴ Schiemann Th. Op. cit. Bd. IV. S. 399.

Весной-летом 1849 г. более комплиментарными становятся упоминания австрийской прессы о России. Совместные действия в Венгрии воскрешали в памяти прежние истории боевого братства⁵⁷⁵.

В качестве демонстрации особой близости двух монархов Николай наградил Франца Иосифа Георгиевским крестом (по аналогии с тем, как Александр I вручил этот орден императору Францу I после битвы при Лейпциге). Франц Иосиф был так тронут этим, что Н. Л. Дубельт, доставивший награду, получил австрийский крест Леопольда.

Австрийский монарх, со своей стороны, проявлял внимание к семейным обстоятельствам Николая. В частности, выразил соболезнования в связи со смертью дочери наследника великой княжны Александры Александровны⁵⁷⁶ и брата императора великого князя Михаила⁵⁷⁷. Российский император в этот период принял шефство над австрийским кирасирским полком, а Ф. Шварценберг был награжден орденом Александра Невского.

Привлечение к подавлению венгерской революции русской военной силы численностью ок. 150 тыс. человек делало дальнейшее сопротивление восставших практически бесперспективным. Уже 11 июля австрийские войска повторно заняли Пешт, не встретив сопротивления, и овладели обоими берегами Дуная.

Однако успехам на театре боевых действий перестали соответствовать отношения между командованием австрийской и русской армий. «Непарадную» сторону этих коммуникаций достаточно ярко характеризует фигура прикомандированного к австрийскому командованию генерала Ф. Ф. Берга, действия которого на этом посту неоднократно вызывали неудовольствие Паскевича, поскольку были, по его мнению, направлены скорее на пользу австрийских, чем русских войск⁵⁷⁸.

До открытых трений дошло дело и в отношениях между русским и австрийским главнокомандующими. Так, Гайнау считал, что Паскевичу следует рассредоточить свои силы по венгерской территории, а русский фельдмаршал был уверен, что их необходимо держать вместе. Паскевич добивался возвращения дивизии Панютина, прикомандированной к австрийской армии, в состав русских войск, а Гайнау против этого возражал. Все это привело к тому, что в конце июля Гайнау направил Францу Иосифу

---

⁵⁷⁵ См., напр.: Der Wiener Bote. 28. Juni 1849. S. 2.

⁵⁷⁶ Франц Иосиф I – Николаю I. 2.07.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 8. Л. 18.

⁵⁷⁷ Франц Иосиф I – Николаю I. 12.09.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 8. Л. 39.

⁵⁷⁸ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 103; 185.

рапорт с жалобами на Паскевича⁵⁷⁹. Разногласия достигли такой степени, что уже Николай просил Франца Иосифа считать существовавшее между двумя главнокомандующими непонимание не имевшим места. Однако в частных письмах царь не сдерживался, сравнивая «дерзости» Гайнау с лаем собаки⁵⁸⁰. Взаимное раздражение сохранилось и по окончании венгерского похода, вновь перейдя рамки межличностных отношений: в декабре Буоль отмечал «упрямое раздражение маршала Паскевича против Австрии»⁵⁸¹.

Год спустя в записке о боевых действиях в Венгрии Паскевич выражал недовольство отступлениями австрийцев от утвержденного плана действий в венгерскую кампанию⁵⁸². Отдельное возмущение фельдмаршала вызвали публичные утверждения Гайнау, что австрийцы могли бы окончить войну без помощи русских⁵⁸³.

События на театре военных действий опровергали заявление австрийского командующего. 6 августа отряд Лидерса разбил войска Бема у Германштадта, что позволило очистить Трансильванию от восставших. 11 августа глава венгерского революционного правительства Кошут передал власть генералу А. Гёргею. И, вероятно, самым болезненным ударом для австрийцев стала сдача основных венгерских сил под командованием Гёргея русским войскам 13 августа при Вилагоше. Об эффекте, произведенным этой капитуляцией, косвенно свидетельствует тот факт, что в соответствующем донесении, отправленном Францу Иосифу, Гайнау ни слова не сказал о том, кому именно сдалась венгерская армия.

На психологическое значение этого события и слова из рапорта Паскевича Николаю I («Ваше Величество, Венгрия у Ваших ног») обращал внимание А. О. Дюгамель, полагавший, что именно с этого момента австро-русские отношения стали портиться, а «раздражение и неприязнь заменили дружелюбие, существовавшее между двумя правительствами более тридцати лет»⁵⁸⁴.

⁵⁷⁹ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 21.07(2.08).1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 187. Л. 288.

⁵⁸⁰ Николай I – И. Ф. Паскевичу. 1(13).08.1849 // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 106 а. Л. 2.

⁵⁸¹ Buol an Schwarzenberg. 12. Dezember 1849 // HHStA. PA X. K. 27. F. 35.

⁵⁸² Объяснительная записка к Истории войны против мятежников в Венгрии в 1849 году, написанной Русским Офицером. 1850 года Сентября 18го Г. Варшава // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 108. Л. 4.

⁵⁸³ Там же. Л. 17.

⁵⁸⁴ Дюгамель А. О. Указ. соч. С. 181–182. Г. Фридьонг писал, что знаменитая реплика Паскевича царю глубоко оскорбила «гордость Австрии». См.: Friedjung H. Österreich von 1848 bis 1860... Bd. 1. S. 218. По его мнению, если бы Гёргей сдался не русским, а австрийцам, то участь венгерских офицеров была бы не такой печальной. Тогда как теперь у австрийского правительства и у Гайнау лично ожесточение возобладало над мягкостью (Ibid.).

Кроме того, австрийская сторона с неудовольствием отмечала мягкое обращение русского командования с верхушкой армии Гёргея после сдачи⁵⁸⁵. Так, например, Гёргею была оставлена шпага, Паскевич отправил к нему собственного врача и вино⁵⁸⁶.

Одним из неочевидных следствий венгерского похода было усиление взаимной подозрительности, прежде всего, на общественном уровне: по окончании войны с венграми стали думать о последствиях, и возник слух, что царь за свою помощь получит компенсацию в виде каких-то земель в Венгрии, либо Трансильвании или в Дунайских княжествах⁵⁸⁷. Помимо цитирования упоминавшегося рапорта Паскевича царю⁵⁸⁸, успехи русских войск в печати замалчивались, дальнейшие остаточные бои и уход русских войск были освещены очень мало, оставшись почти без комментариев⁵⁸⁹.

Вместе с тем официальная сторона отношений была обеспечена надлежащим образом. Франц Иосиф наградил Паскевича большим крестом ордена Марии Терезии. Особо отмечены австрийскими властями были генерал Лидерс за успешные операции в Трансильвании и генерал Панютин. Гайнау получил от Николая I орден Андрея Первозванного с бриллиантами. Францу Иосифу последний передал десять георгиевских крестов для распределения между отличившимися австрийским солдатами и унтер-офицерами. За услуги, оказанные австрийскому правительству во время восстания в Венгрии, Франц Иосиф наградил орденом Железной короны третьей степени секретаря русского генерального консульства в Белграде титулярного советника Попова⁵⁹⁰. А жители Пешта в конце 1849 г. в знак благодарности за освобождение от революционеров избрали Паскевича почетным гражданином.

В этот период австрийский и русский монархи проявляли традиционно большое внимание к офицерскому корпусу. Так, генерал П. Я. Купреянов, потерявший во время венгерской кампании ногу, во время лечения в Австрии, по утверждению австрийской прессы, неоднократно был посещаем Францем Иосифом⁵⁹¹.

На международной арене Австрия и Россия также демонстрировали солидарность. Когда в период подавления венгерского восстания турецкий посланник в Париже

---

⁵⁸⁵ Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 149.

⁵⁸⁶ Николаи Л. П. Указ. соч. Кн. 11. С. 398–399.

⁵⁸⁷ Heppner H. Op. cit. S. 167.

⁵⁸⁸ См., напр.: Der Wiener Bote. 24. August 1849. S. 3.

⁵⁸⁹ Heppner H. Op. cit. S. 168.

⁵⁹⁰ АВПРИ. Ф. 209 (Консульство в Белграде). Оп. 825. 1851. Д. 18. Л. 22.

⁵⁹¹ Der Wiener Bote. 14. November 1849. S. 2.

одновременно с австрийским и русским представителями пригласил на прием А. Чарторыйского и эmissара венгерского революционного правительства графа Л. Телеки, Гюбнер и Киселев прекратили с турецким коллегой все неофициальные сношения.

В письме Николаю I от 15 сентября Меттерних отметил, что российский император блистательно исполнил «обязательство, взятое на себя при других обстоятельствах перед августейшим предком молодого монарха»⁵⁹², снова, таким образом, вспомнив о Мюнхенгреце. Заботы царя о Франце Иосифе старый канцлер квалифицировал как отеческие⁵⁹³.

После капитуляции Гёргея Николай стремился как можно скорее вывести русские войска из Венгрии⁵⁹⁴. Этого требовали, в том числе, соображения экономии. Шварценберг при этом выразил желание, чтобы часть войск осталась на границе с Галицией. Император сделал соответствующие распоряжения⁵⁹⁵. Кроме этого, Шварценберг просил оставить часть русских войск в Трансильвании, а также задержать на некоторое время в Венгрии корпус генерала Граббе, принимавший участие в осаде крепости Коморн⁵⁹⁶. В этом случае Николай ответил отказом, посчитав, что теперь Австрия справится собственными силами⁵⁹⁷. Помимо дополнительных материальных издержек и дальнейших небоевых потерь⁵⁹⁸, он, очевидно, не хотел, чтобы после решения главной задачи русские войска выполняли в Австрии чисто полицейские функции.

Когда же в землях венгерской короны установилась окончательная стабилизация, австрийские власти, наоборот, стремились поскорее выпроводить оставшихся русских военных со своей территории. В конце ноября до сведения Петербурга было доведено, что выздоровевшие русские офицеры без необходимости остаются на территории Венгрии и Галиции⁵⁹⁹.

***

⁵⁹² Metternich K. Mémoires, documents... Т. 8. Р. 68.

⁵⁹³ Ibid.

⁵⁹⁴ Ф. Шварценберг – К. Булю. 6.09.1849 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 360.

⁵⁹⁵ Собственноручная помета Николая. Там же. Л. 360–361.

⁵⁹⁶ Ф. Шварценберг – Э. Лебцельтерну. 14.09.1849 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 363–364.

⁵⁹⁷ Там же. Л. 365.

⁵⁹⁸ Официальные потери России в период венгерской кампании составили 708 человек убитыми, 2447 ранеными и 10885 умершими от ран и болезней, в то время как расходы на кампанию составили 47,5 млн рублей. См.: Выскочков Л. В. Указ. соч. С. 383.

⁵⁹⁹ Проект вербальной ноты К. Булю. 13(25).11.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 482.

Отдельную страницу австро-русского взаимодействия этого периода составляют отношение русского офицерского корпуса к венграм и австрийские репрессии над восставшими.

Русская сторона с самого начала кампании проявляла доброжелательность к противнику. В частности, Паскевич запрашивал австрийское правительство, возможна ли амнистия для австрийских офицеров, воевавших в повстанческой армии. Ему ответили, что Франц Иосиф хотел бы сделать это, но в настоящий момент это было бы равнозначно признанию правительством слабости, и в любом случае подобному акту должны были бы предшествовать успехи правительственных войск⁶⁰⁰.

Среди русского офицерства венгерский поход в целом не был популярен. Понимание вызывали лишь второстепенные его аспекты. В частности, сочувственно относились к православному населению Трансильвании⁶⁰¹. Одновременно отмечали искреннее расположение к русским войскам валахов и утилитарное, скрыто-недоброжелательное отношение саксов (немецкого населения провинции – М. М.)⁶⁰². Русские войска относились к венгерским революционерам более комплиментарно⁶⁰³. Например, когда в начале лета в Трансильвании русскими солдатами был подобран раненый неприятельский полковник Киш, его переправили в Бухарест и оказали хороший прием. Однако, когда три месяца спустя его передали австрийцам, он отравился, «стыдясь плена не у русских»⁶⁰⁴.

Взаимная симпатия, проявлявшаяся при контактах венгерских и русских войск, действительно должна была производить неприятное впечатление на австрийцев при их ожесточении к восставшим. Л. П. Николаи, принимавший участие в венгерском походе, отмечал, например, что несколько плененных венграми русских офицеров были окружены личным вниманием А. Гёргея, сопровождали его повсюду под честное слово и каждый день обедали за его столом⁶⁰⁵. Ближайшее окружение Гёргея демонстрировало уважение к русским и ненависть с презрением – к австрийцам⁶⁰⁶. Гусарский офицер А. М. Фатеев,

⁶⁰⁰ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 21.05(2.06).1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 492, 495.

⁶⁰¹ Дараган М. И. Указ. соч. С. 104.

⁶⁰² Там же. С. 114–115.

⁶⁰³ Дараган пишет, что генерал Лидерс назначил из экстраординарной суммы на содержание венгерским штаб-офицерам по 66 копеек серебром, а обер-офицерам по 46 копеек серебром в сутки до передачи их австрийскому начальству (Там же. С. 235.).

⁶⁰⁴ Там же. С. 58–59.

⁶⁰⁵ Николаи Л. П. Указ. соч. Кн. 11. С. 394.

⁶⁰⁶ Там же.

бывший очевидцем сдачи в плен армии Гёргея, вспоминал, что накануне капитуляции чувствовал уважение к венграм и отвращение – к австрийцам⁶⁰⁷.

Другой участник кампании, П. В. Алабин, вспоминал, что впоследствии в обществе сложилось убеждение «о бесполезности и неуместности нашего вмешательства в венгерские дела в 1849 году, даже больше, о навлечении этим вмешательством великих бед на наше отечество, которые ему было суждено испытать впоследствии, как бывшие прямым результатом этого вмешательства»⁶⁰⁸. Он также отмечает взаимную симпатию русских солдат и венгров и их «общую явную антипатию» к австрийцам⁶⁰⁹. И рассказывает о большом количестве мелких стычек между офицерами двух императорских армий⁶¹⁰. Русские солдаты, по свидетельству Алабина, иногда просто братались с венгерскими повстанцами⁶¹¹. Все это сильно контрастировало с официальными дружественными отношениями обеих сторон. Эти инциденты имели и другой аспект – Шварценберг и Буоль жаловались Меду и Николаю I на то, что эти симпатии к венграм якобы имеют политический характер. Николай серьезно отнесся к этим утверждениям: в Венгрию был отправлен генерал для расследования поведения там русских офицеров⁶¹². Впоследствии английский консул в Варшаве дю Пля отмечал недовольство союзом с Австрией, преобладавшее среди тех русских офицеров в Царстве Польском, которые участвовали в венгерской кампании⁶¹³.

Алабин отмечает, что относительно поводов и причин этой войны в армии знали «только то, что правительство находило необходимым нам сообщить»⁶¹⁴. В светском обществе также неоднозначно отреагировали на решение Николая помочь Австрии. Еще до начала военной операции Буоль сообщал Шварценбергу, что в Петербурге русская интервенция в Венгрию значительного масштаба встретит возражения⁶¹⁵. Дю Пля в начале мая отмечал, что помощь Австрии среди русских непопулярна и все больше воспринимается как донкихотство⁶¹⁶.

⁶⁰⁷ Стыкалин А. С. «Было что-то особенно тягостное... С. 163.

⁶⁰⁸ Алабин П. В. Указ. соч. Т. 1. С. 7.

⁶⁰⁹ Там же. С. 125.

⁶¹⁰ Там же.

⁶¹¹ Там же. С. 126.

⁶¹² Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 187–188.

⁶¹³ Schiemann Th. Op. cit. Bd. IV. S. 224–225.

⁶¹⁴ Алабин П. В. Указ. соч. Т. 1. С. 7.

⁶¹⁵ Buol an Schwarzenberg. 9. April 1849 // HHStA. PA X. K. 27. F. 8–9.

⁶¹⁶ Schiemann Th. Op. cit. Bd. IV. S. 194.

Генерал Г. Д. Щербачев вспоминал: «Войны этой никто не ожидал, она была весьма непопулярна вследствие нерасположения и неприязни русской армии к австрийской. Рассказывали, что когда окончилась война и когда предположено было выбить медаль с надписью: «С нами Бог», для раздачи русским войскам, возник вопрос: какую сделать надпись на медалях, назначаемых для раздачи австрийской армии? Светлейший князь Меншиков, славившийся своими остротами, советовал написать: «Бог с вами»»⁶¹⁷.

6 октября, в годовщину повешения на фонаре восставшими венцами военного министра графа Т. Латура, в Араде австрийскими властями был приведен в исполнение приговор над руководителями венгерского восстания. Казнь тринадцати венгерских генералов должна была не только покарать конкретных людей, но и послужить символом окончательной победы порядка над революцией, продемонстрировать торжество охранительного начала⁶¹⁸.

Паскевич не хотел выдавать австрийцам сдавшихся в плен венгерских генералов, безуспешно добиваясь их помилования. На последнее рассчитывал и Николай. Однако австрийский император утвердил приговор. В прессе опубликовали написанный еще в августе ответ Франца Иосифа на письмо Паскевича о венгерских пленных, в котором кайзер писал, что, если бы мог руководствоваться побуждениями сердца, то набросил бы на прошлое в Венгрии непроницаемое покрывало. Но у него есть «священные обязанности» по отношению к другим народам империи, и «общее благо его империи накладывает на него обязательства»⁶¹⁹. Возможно, Франц Иосиф не внял просьбам и потому, что при габсбургском дворе ощущали зависимость от России. Факт сдачи главных сил инсургентов русским властям усиливал чувство горечи, и невыполнение просьбы российской стороны могло быть мотивировано желанием проявить независимость.

Еще более демонстративно выглядело то, что с повстанцами, сдавшимися австрийской армии, поступили значительно мягче, чем с генералами Гёргея⁶²⁰. Перед Николаем пришлось объясняться. Шварценберг оправдывался тем, что среди казненных

⁶¹⁷ Щербачев Г. Д. Указ. соч. С. 78.

⁶¹⁸ Репрессии по окончании восстания вызывали возмущение у многих не только в самой монархии, но и в Европе. Австрийские власти действительно давали для этого основания такими, например, действиями как порка женщины, принадлежащей к дворянскому сословию, за помощь, оказанную ею венгерским солдатам. Рассказывали, что, когда Шварценбергу напомнили о завоевании умов милосердием, он ответил: «Все это очень хорошо, но сначала мы немного повешаем!». См.: Friedjung H. Österreich von 1848 bis 1860... Bd. 1. S. 235.

⁶¹⁹ Der Lloyd. 14. September 1849. Morgen-Ausgabe. S. 3.

⁶²⁰ За Гёргея Николай просил у Франца Иосифа лично и даже предлагал поселить его в России, если он не будет удобен Австрии.

были только офицеры, нарушившие присягу, а из унтер-офицеров и солдат не был казнен ни один человек⁶²¹. Это не убедило царя, написавшего на австрийской депеше, что эти объяснения ничего не меняют в его мнении, и казнь в Араде остается «прямым оскорблением» ему и его армии, что он просит донести до графа Буоля⁶²². Очевидно, эмоциональные мотивы австрийского правительства в этом эпизоде были ясны императору, что отчасти объясняет его негодование.

Реакция в России на казнь «арадских мучеников» добавила еще один пункт в список неприятных впечатлений, полученных Буолем в период пребывания при российском императорском дворе, впечатлений, которые по мнению некоторых современников ощутимо повлияли на его политику, когда несколькими годами позже он занял кресло министра иностранных дел⁶²³.

Очевидно, слова Николая об оскорблении не были пустой фразой. Эпизод в Араде в течение некоторого времени влиял на отношения Вены и Петербурга в целом, включая сюжеты, не связанные с Венгрией. Арадский инцидент и реакцию на него императора Нессельроде называл тучей в отношениях с Австрией и высказывал по этому поводу беспокойство⁶²⁴. Через месяц после казни канцлер писал Мейендорфу, что царь по-прежнему настроен против Австрии и Буоль чувствует на себе последствия этого. В практической плоскости это, по мнению Нессельроде, вело к следующему: «Шварценберг вновь горько жалуется на Пруссию и просит нашей помощи в Берлине. ...я сильно сомневаюсь, что император в настоящий момент согласится сделать демарш в пользу Австрии»⁶²⁵.

А. С. Стыкалин в этой связи отмечает, что казнь в Араде была с возмущением воспринята в Петербурге и потому, что бросала тень «на российского союзника как на косвенного соучастника расправы»⁶²⁶. Не исключено, что, сдаться Гёргею австрийским, а не русским войскам, реакция Петербурга на австрийские репрессии была бы не столь острой.

---

⁶²¹ Ф. Шварценберг – К. Буолю. 28.10.1849 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 399.

⁶²² Там же. Л. 401.

⁶²³ Сведения о том, что отношения между Николаем I и Буолем не сложились, дошли, в частности, до прусского двора, где позднее вспоминали, что когда австрийский посланник говорил царю об австрийском правительстве, то несколько раз услышал в ответ: «Меня мало заботит ваше правительство. Говорите со мной о вашем повелителе». См.: Hohenlohe-Ingelfingen K. Op. cit. Bd. I. S. 283.

⁶²⁴ Nesselrode Ch. Op. cit. T. IX. P. 275.

⁶²⁵ Ibid. P. 276.

⁶²⁶ Стыкалин А. С. «Было что-то особенно тягостное... С. 158.

Сознавая важность Венгрии для Дунайской монархии, Паскевич летом 1849 г., обращаясь к Николаю I, выражал удивление жесткостью венской политики в венгерском королевстве⁶²⁷. А через два дня после сдачи Гёргея писал царю о будущем Венгрии: «Я не знаю Ваших мыслей насчет Австрии; но если существование ее нужно для Вашей политики, то амнистия нужна и прежняя конституция нужна!»⁶²⁸.

В конце июля Николай принял решение отправить наследника престола в Вену с тем, чтобы «обратить внимание императора на будущее положение Венгрии»⁶²⁹. В Вене подобные шаги, хотя они и диктовались исключительно благожелательностью Николая, не могли восприниматься иначе как непрошенный совет и даже вмешательство во внутренние дела. Накопление подобного эмоционального негатива не могло не нанести вред австро-русским отношениям.

Спустя несколько лет Николай повторно советовал австрийцам придерживаться в Венгрии более мягкой политики. По словам князя Ф. Лихтенштейна, в апреле 1852 г. царь выразился следующим образом: «Ваш император...воспринимает Венгрию так же, как я – Польшу. Этой я могу нажимать ногой на горло так часто, как захочу, так как Польша – малая часть моей большой империи, которую я радую любым давлением на Польшу. Подобное ваш император мог бы делать разве что с Италией; но одновременно с Венгрией задевается уже более крупная часть монархии, и симпатии к Венгрии неизбежны»⁶³⁰.

Осадок от арадской казни проявился также в том, что Николай не разрешил Ф. Ф. Бергу принять графский титул, пожалованный Францем Иосифом генералу за усилия на дипломатическом поприще⁶³¹.

У Паскевича вызывала недовольство и финансовая сторона вопроса: в начале 1850 г. он сетовал на то, что венгерская кампания стоила России более 10 млн рублей, в то время как Николай требовал с Австрии возмещения в сумме всего около 4 млн⁶³².

Осенью 1849 г. генерал П. Х. Граббе, возвращаясь из Венгрии в Россию, отметил психологический эффект русской помощи Австрии: «Мы оказали слишком важную услугу, чтобы нам простить...»⁶³³. Сотрудничество Австрии с Россией действительно

---

⁶²⁷ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 125–126.

⁶²⁸ Там же. С. 172–173.

⁶²⁹ Там же. С. 319.

⁶³⁰ Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 249.

⁶³¹ А. И. Чернышёв – Ф. Ф. Бергу. 26.10(7.11).1849 // ГАРФ. Ф. 547 (Берг Ф. Ф.). Оп. 1. Д. 739. Л. 3.

⁶³² Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. С. 2.

⁶³³ Граббе П. Х. Указ. соч. С. 459.

носило вынужденный характер. В ноябре 1849 г. агент прусского правительства сообщал из Вены в Берлин, что, по его впечатлению, влияние России «весьма обременительно» для главы венского кабинета⁶³⁴. На фоне таких свидетельств приписываемое Шварценбергу обещание удивить мир неблагодарностью Австрии перестает производить впечатление лишь громкой фразы.

***

Своеобразным эпилогом подавления венгерского восстания стал конфликт Австрии и России с Турцией, вызванный бегством на территорию Османской империи венгерских и польских революционеров. К концу 1849 г. в Турцию бежало около 3600 венгров и 800 поляков⁶³⁵.

25 августа русский и австрийский представители в Константинополе В. П. Титов и Б. Штюмер потребовали выдать: России – четырех бежавших польских генералов, Австрии – всех венгерских беженцев. 15 сентября дипломаты пригрозили разрывом отношений, если Порты в течение нескольких дней не даст положительного ответа. Вследствие усилий Великобритании и Франции Турция не спешила. В итоге 17 сентября последовал разрыв дипломатических отношений. Для консервативной логики обеих держав характерно, что, предъявляя Турции требование, Австрия и Россия объясняли его заботой о сохранении целостности Османской империи, которой угрожало бы присутствие на ее территории революционеров⁶³⁶.

Однако в этом случае как Турция, так и Россия продемонстрировали готовность к компромиссу. В Петербург со специальной миссией был отправлен дипломат Фуад-Эфенди. Таким образом, Порты пошла навстречу традиционному желанию России вести двусторонние переговоры. В русскую столицу Фуад-Эфенди прибыл 5 октября, и уже 16 октября Николай, принимая во внимание активность западных держав в Константинополе, отказался от требования выдачи поляков. Представляется справедливой интерпретация И. Робертса, согласно которой на контрастировавшую с жесткой австрийской позицией готовность Петербурга к компромиссу также повлияло

---

⁶³⁴ Manteuffel O. Op. cit. Bd. 1. S. 177.

⁶³⁵ Вопрос политических эмигрантов в отношениях с Турцией возник еще в предреволюционный период. В январе 1847 г. Медем, сообщая об этой проблеме Нессельроде, предлагал сделать в Константинополе коллективный демарш для нейтрализации польского влияния. Меттерних был готов присоединиться к этому шагу (П. И. Медем – К. В. Нессельроде, 9(21).01.1847 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 125. Л. 31.).

⁶³⁶ Ф. Шварценберг – К. Буолу. 28.10.1849 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 374.

раздражение царя в связи с «резней» в Араде⁶³⁷. 25 декабря в Константинополе был подписан заключительный русско-турецкий протокол, по которому Россия подтверждала отказ от требования выдачи поляков, а Турция подтверждала готовность выдворить их со своей территории. В том же месяце были восстановлены дипломатические отношения между обоими государствами⁶³⁸.

Австрия в вопросе с беженцами проявила больше настойчивости, что было обусловлено относительной стабилизацией монархии. В этот момент Вена достигла временного соглашения с Берлином в германском вопросе, и, таким образом, борьба за преобладание в Германии была отсрочена. С Сардинией 6 августа был подписан мир, а восстание в Венгрии подавлено. В результате у Шварценберга появилась бóльшая свобода действий в отношениях с Турцией. Очевидно, сказалась и потребность в восстановлении престижа Австрии на международной арене. Кроме того, этот вопрос был более актуален для Австрии, чем для России, потому что поляков из Российской империи среди бежавших было сравнительно немного, преобладали бывшие австрийские подданные.

22 октября Шварценберг и турецкий посланник в Вене К. Мусурус достигли временного соглашения о том, что бежавшие австрийские подданные будут интернированы во внутренних районах Турции и отпущены только после согласования с Австрией. Однако турецкий министр иностранных дел Али Паша, поддерживаемый английским послом, не спешил принять это соглашение. Более того, 1 ноября британский флот вошел в Дарданеллы. Грубое нарушение Лондонской конвенции 1841 г. вызвало протест Вены и Петербурга, и Пальмерстон был вынужден принести извинения.

Без России Австрии было сложнее добиться выполнения своих требований. Отношения между Веней и Константинополем были нормализованы только 6 апреля 1850 г., когда Турция согласилась на интернирование и на то, что в будущем Австрия может потребовать расширения соответствующего списка лиц.

Для последующего развития восточного вопроса эпизод с венгерско-польскими беженцами важен тем, что в ходе этого конфликта Англия и Франция нашли новую точку

---

⁶³⁷ Roberts I. W. Op. cit. P. 215.

⁶³⁸ Т. Шиман в качестве одной из причин уступчивости Николая также называет раздражение, вызванное австрийскими репрессиями в Венгрии. См.: Schiemann Th. Op. cit. Bd. IV. S. 217. Схожего мнения придерживается О. Р. Айрапетов. См.: Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 180.

соприкосновения перед лицом совместного австро-русского выступления в Константинополе⁶³⁹.

Кризис продемонстрировал рост влияния Лондона и Парижа в турецкой столице и объединенный характер их деятельности, когда речь шла о давлении России на Турцию. Тейлор даже утверждает, что «англо-французский союз периода Крымской войны был рожден в октябре 1849 г.»⁶⁴⁰. Традиционную прагматичность своей внешней политики в рамках этого эпизода продемонстрировала Англия. Подавление венгерского восстания Лондоном было молчаливо одобрено. Известно, что Пальмерстон в разговоре с русским послом Брунновым выразился недвусмысленно: «Кончайте с этим поскорее»⁶⁴¹. Однако позже, поддержав Турцию в нежелании выдавать России и Австрии бежавших революционеров, Англия удовлетворила британское общественное мнение, традиционно весьма озабоченное борьбой народов «за свою свободу», и одновременно воспрепятствовала укреплению русского влияния в Турции (австрийского не было причин опасаться). Лорд Пальмерстон, считавший, что Австрии следовало бы поддерживать Турцию против Петербурга, в период кризиса с сожалением отмечал, что Шварценберг работает вместе с Николаем I над тем, «чтобы положить Турцию к ногам России»⁶⁴².

История с беженцами, вероятно, повлияла на формирование ошибочной убежденности Николая в том, что интересы Австрии и России на Востоке совпадают. Этому, со своей стороны, способствовал Шварценберг, писавший, что по приостановке дипломатических отношений Петербурга и Вены с Константинополем Турция окажется полностью под влиянием Франции и Англии⁶⁴³. В результате у российского императора могло укрепиться представление, что на берегах Босфора борются друг с другом два «блока», один из которых составляют Австрия и Россия⁶⁴⁴.

Завершая рассмотрение эпизода с беженцами, следует отметить, что «вклад» Австрии в общее дело отстаивания консервативных принципов Николай I оценивал невысоко. По поводу противодействия Лондона и Парижа в ходе кризиса из-за беженцев

⁶³⁹ Unckel B. Op. cit. S. 50.

⁶⁴⁰ Taylor A. J. P. The struggle for Mastery in Europe... P. 34.

⁶⁴¹ Ф. И. Бруннов – К. В. Нессельроде. 29.04(11.05).1849 // Авербух Р. А. Николай I... С. 41.

⁶⁴² Цит. по: Seton-Watson R. W. Britain in Europe... P. 269.

⁶⁴³ Ф. Шварценберг – К. Буолю. 29.09.1849 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 368.

⁶⁴⁴ Именно в этот период Шварценберг решил дополнительно подчеркнуть контрреволюционную солидарность двух империй, выдав России Александра Грабянского – поляка, жившего в эмиграции почти 20 лет, еще с польского восстания 1830–1831 гг. (Ф. Шварценберг – К. Буолю. 11.12.1849 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 443.).

он выразился так: «Теперь более, чем когда, мы видим, что мы стоим одни, как скала посреди моря»⁶⁴⁵.

***

Помощь России Австрии в 1849 г. была осуществлена в рамках длительного австро-русского сотрудничества. В предмартовский период обе державы неоднократно помогали друг другу в сохранении законного порядка как во внешних, так и во внутренних проблемах. Достаточно вспомнить, что, когда в 1821 г. Австрия подавляла революционное движение в Неаполе и Пьемонте, ее тылы обеспечивались русской армией, готовой в случае необходимости войти в Австрию или на территорию Германского союза. В период польского восстания 1830–1831 гг. на границе с русской Польшей стояли австрийские части, разоружавшие пересекавших границу поляков, при этом русские войска могли заходить на их территорию. На встрече монархов в Мюнхенграце в 1833 г. принципы антиреволюционной солидарности были подтверждены. Кроме того, Николай I обещал поддерживать преемников императора Франца I.

Пожалуй, ни разу за XIX в. государство Габсбургов не было так близко к распаду, как в 1849 г. Даже в период Наполеоновских войн, когда была упразднена Священная Римская империя, перекраивалась карта Европы, а Габсбурги терпели поражения на полях сражений, столь серьезной угрозы существованию монархии не возникало. Именно в этот критический момент пришла помощь со стороны России⁶⁴⁶.

Император Николай имел основания быть довольным итогами венгерского похода. Его успешное окончание могло вселить в императора излишнюю уверенность в силах России. Такую опасность отмечал в тот период один из собеседников царя: «Государь произвел на меня тяжелое впечатление...знаете, что он сильно возгордился. Я уверен, что эта кампания его погубит»⁶⁴⁷. Compliments and congratulations, coming from different sides, could only strengthen this mood. Thus, a congratulatory message on the occasion of the victory in

⁶⁴⁵ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 343.

⁶⁴⁶ В историографии, впрочем, можно встретить утверждение, что Австрия и без русской помощи справилась бы с венгерской революцией, только на это потребовалось бы больше времени и ресурсов. См.: Kerchnawe H. Op. cit. S. 348. Внучатый племянник Ф. Шварценберга Адольф Шварценберг также полагал, что успешный для австрийцев исход борьбы в Венгрии был предопределен войсками генерала Гайнау еще до того, как русская армия активно вступила в боевые действия. См.: Schwarzenberg A. Op. cit. P. 54. А. Скед также считает, что Гайнау, а не Паскевич, победил венгров. См.: Sked A. The Decline and Fall... P. 104.

⁶⁴⁷ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. С. 197.

Венгрии отправил Николаю Меттерних, отметив, что своими последними действиями российский император показал достойный пример всему миру⁶⁴⁸.

После Крымской войны в русском обществе получило распространение мнение, что, помогая Австрии в 1849 г., Николай совершил ошибку, не потребовав от Вены гарантий, что Австрия «будет действовать с нами за одно в случае, если бы составила коалиция против России»⁶⁴⁹. А. М. Зайончковский впоследствии полагал, что о пользе для России вооруженного участия в подавлении венгерского восстания «можно спорить»⁶⁵⁰.

В среде высшей русской бюрократии, несмотря на успешное подавление революционных движений в Габсбургской монархии, существовали сомнения относительно политической будущности союзницы. В октябре 1849 г. русский экономист, тайный советник Л. В. Тенгоборский подготовил документ о внутреннем положении Австрии, в котором детально проанализировал отрицательное, по его мнению, влияние конституции 4 марта на политическое положение империи⁶⁵¹. Этот документ, по его мнению, был самой большой проблемой Австрии⁶⁵².

Наконец, был нанесен сильнейший удар по международному престижу Австрии. В 1839 г. Пальмерстон писал, что для суверена является «большим несчастьем» быть вынужденным принимать военную помощь от другого суверена, поскольку согласие на подобную помощь является очевидным для всех свидетельством крайней слабости, с которой несовместима действительная независимость. Такая помощь дает право оказавшему ее взамен требовать влияния и услуг, пагубно действующих на самостоятельность того, кому помогли⁶⁵³. Отношения Австрии и России к исходу 1849 г. выглядели соответствующими этому описанию. Ф. Бридж считает, что в результате революций Австрия в международном отношении стала и в Италии, и в Германии слабее и опасным образом зависима от России⁶⁵⁴. Однако более существенным для будущего австро-русских отношений было то обстоятельство, что зависимость Вены от Петербурга

⁶⁴⁸ К. Меттерних – Николаю I. 15.09.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 115. Л. 4–5.

⁶⁴⁹ Дюгамель А. О. Указ. соч. С. 166.

⁶⁵⁰ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. С. 194. Существовавший по поводу принятого Николаем в 1849 г. решения скепсис отмечает А. С. Стыкалин: «Позже и среди отечественных, и среди зарубежных наблюдателей и комментаторов бытовало мнение о том, что царский двор в определенном смысле прodeshevил». См.: Стыкалин А. С. «Было что-то особенно тягостное...» С. 158.

⁶⁵¹ 4 марта 1849 г. Францем Иосифом была октроирована централистская конституция для всех областей империи.

⁶⁵² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 179. Л. 30.

⁶⁵³ Цит. по: Anderson M. S. Op. cit. P. 47.

⁶⁵⁴ Bridge F. Op. cit. S. 212.

существовала не столько в реальности, сколько, главным образом, в восприятии австрийской верхушки, общественного мнения монархии и европейских наблюдателей.

§ 1.5. Восприятие России австрийским общественным мнением в годы революции

Середина XIX в. характеризуется изменением представлений о России в немецком национальном движении. На протяжении длительного периода в качестве главного врага Германии и ее политического единства воспринималась Франция. Подобные представления были усилены войнами за освобождение, ведшимися против наполеоновской Франции в начале века и оказавшими значительное влияние на развитие немецкого национального самосознания⁶⁵⁵. Однако в течение предмартовского периода внимание немцев, осмыслявших судьбы отечества, все чаще обращается в противоположную сторону, с Запада на Восток. Теперь Россия, сильнейшая держава континентальной Европы, один из главных создателей и гарантов Венской системы, закрепившей политическую раздробленность Германии, начинает восприниматься как угроза.

Эта эволюция в равной степени характерна для австрийского общественного мнения. Интерес к России в австрийской периодике начал усиливаться еще в начале века, однако в тот период не выходил за рамки простого любопытства, будучи практически лишен какого-либо эмоционального окраса⁶⁵⁶. Ситуация начала быстро изменяться в 1830-е гг., когда все большее количество австрийских подданных стало обращать взоры на восток, и к этому моменту причинами подобного внимания являлись озабоченность опасным, как тогда представлялось, соседством и беспокойство о будущем. Выразителями подобных настроений в Дунайской монархии явились прежде всего австрийские немцы, в полной мере охваченные усилением русофобских настроений в германских землях⁶⁵⁷. Кроме того, у немцев-подданных Габсбургов общенемецкая русофобия усиливалась скрытым конфликтом интересов с Россией на Балканах, а также антирусскими настроениями входивших в состав Австрийской империи поляков и венгров. История

---

⁶⁵⁵ Evans R. J. W. *Liberalism...* P. 11–12.

⁶⁵⁶ Об изображении России венской печатью в первой половине XIX в. см.: Marinelli-König G. *Russland in den Wiener Zeitschriften...*

⁶⁵⁷ О росте русофобии в землях Германского союза см. подробнее: Groh D. *Russland im Blick Europas...*

неуклонного территориального роста России и знакомство с географической картой также, казалось, давали повод для беспокойства.

Прежде всего озабоченность русским соседством затронула либерально-демократические слои общественного мнения⁶⁵⁸. И если в предреволюционные годы слышны лишь отдельные голоса, указывающие на Россию как на конкурента или даже угрозу⁶⁵⁹, причем получающие доступ к печати лишь за пределами монархии, то с отменой цензуры и провозглашением свободы прессы в марте 1848 г. этот сегмент общественного мнения приобретает обширное пространство для артикуляции своих идей.

В спектре внешнеполитических представлений австрийцев Россия занимает заметное место. О направлении мысли общественности много говорит тот факт, что уже в марте 1848 г. в Вене – столице государства, на протяжении десятилетий являвшегося ближайшим союзником Российской империи, – во время демонстраций наряду с прочим кричали «Нет союзу с Россией!»⁶⁶⁰. Консервативный союз Вены и Петербурга воспринимался как зависимость Австрии от России. По мнению Франца Шузельки, еще в предмартовский период Австрия «на деле, но еще больше во мнении мира опускалась до зависимого от России государства»⁶⁶¹. И возмущение этим фактом «австрийских народов», по его мнению, стало одной из причин революции⁶⁶².

Знаменитый немецкий композитор Рихард Вагнер, находившийся летом 1848 г. в Вене, писал жене о том, что среди заголовков демократических газет, выкрикиваемых разносчиками на улицах, был заголовок «Война русским!»⁶⁶³. Официальная «Винер цайтунг» в первые дни революции писала о слабости и уступчивости, проявляемых правительством по отношению к России. В статье говорилось, что в минувшие годы Австрия все больше и больше попадала в руки державы, «чья корыстная и стремящаяся к увеличению политика уже долго представляла собой объект негодования всех образованных людей во всей Европе»⁶⁶⁴. Выражалась надежда на то, что в союзе с другими немецкими племенами, благословенная свободными учреждениями, Австрия

⁶⁵⁸ См. подробнее: Михеев М. Г. Образ России во внешнеполитических представлениях австрийских либералов середины XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 3. С. 3–15.

⁶⁵⁹ Andrian-Werburg V. Op. cit.; Schuselka F. Die orientalische das ist russische Frage. Hamburg, 1843; Id. Deutsche Worte eines Oesterreichers. Hamburg, 1843.

⁶⁶⁰ Heppner H. Op. cit. S. 147.

⁶⁶¹ Schuselka F. Deutsch oder Russisch? Die Lebensfrage Oesterreichs. Wien, 1849. S. 25.

⁶⁶² Ibid. S. 26.

⁶⁶³ 1848. Augenzeugen der Revolution... S. 375.

⁶⁶⁴ Wiener Zeitung. 24. März 1848. S. 2.

сможет смело смотреть в глаза «северному деспоту» и «галльской республике» и не будет иметь оснований опасаться борьбы как с первым, так и со второй⁶⁶⁵. Примечательны последние слова, демонстрирующие убежденность в том, что Средняя Европа немцев окружена врагами как с запада, так и с востока. При этом необходимо учесть, что «Винер цайтунг» – официальный орган. И вот, даже в официальной газете заговорили о возможности столкновения с Россией.

Через неделю издание вышло со статьей, выражающей настроения, близкие к апокалиптическим. Утверждалось, что Россия ожидает момента наброситься на Европу «в диком, инстинктивном воодушевлении» с целью «осуществления всемирно-исторической миссии славянской семьи»⁶⁶⁶. А грядущее переселение народов варварской Восточной Европы обещает быть ужаснее, чем когда-то нашествие гуннов или вандалов⁶⁶⁷. Нетрудно представить, какие ожидания касательно будущего австро-русских отношений могли возникнуть у Певческого моста при чтении подобного в австрийской правительственной газете.

Представления о России, как о «варварской стране», были широко распространены уже в предмартовский период. Шузелька писал в 1843 г., что между Австрией и Россией рано или поздно будет война, и что «Россия не имеет никаких заслуг в культурной истории Европы»⁶⁶⁸. Среди радикальных представителей общественного мнения был распространен взгляд, выраженный богемским немцем И. Свободой: Россия – «враг свободы, это варвары, стремящиеся уничтожить свободу Европы»⁶⁶⁹.

Утверждение о нецивилизованности России было общим местом: «Русская цивилизация является не действительной цивилизацией, а искусственно нарисованной грубыми красками, чей эффект основывается на оптическом обмане...»⁶⁷⁰. Внешнеполитические успехи России представлялись «кровавым бракосочетанием варварства с цивилизацией»⁶⁷¹. С таким соседом нужно было держаться настороже, и в этой связи газета «Прессе» цитировала присловье: «Господи, огради нас от голода, заразы и военной опасности, от русских, турок и прочих варваров!»⁶⁷². Россию, таким образом,

---

⁶⁶⁵ Ibid.

⁶⁶⁶ Wiener-Zeitung, Abend-Beilage. 2. April 1848. S. 2 (6).

⁶⁶⁷ Ibid.

⁶⁶⁸ Schuselka F. Deutsche Worte... S. 91–92; 206.

⁶⁶⁹ Swoboda J. Op. cit. S. 27–28.

⁶⁷⁰ Die Presse. 6. Februar 1850. S. 1.

⁶⁷¹ Moering K. Op. cit. Bd. 2. S. 229.

⁶⁷² Die Presse. 6. Februar 1850. S. 1.

ставили в один ряд с турками и воспринимали как нечто культурно чуждое Европе. Утверждали, что европейский характер России – лишь видимый⁶⁷³.

Картина дикой, неразвитой страны органично дополнялась суровым образом Сибири. Именно в этом направлении, по мнению «Ллойда», в 1848 г. собирались отправить молдо-валахских революционеров⁶⁷⁴. В Сибирь, как утверждали, во время пребывания русских войск в Венгрии генерал Энгельгардт отправил пленных секеев⁶⁷⁵.

Одно из ярких определений России в австрийской публицистике 1848–1849 гг. – «исполин, составленный из штыков, пушек и гаубиц, ядер и пороха, кабардинских отравленных ножей, казачьих пик и башкирских стрел»⁶⁷⁶. В характеристиках России нередко отражался многонациональный состав империи. Чаще вспоминали татар и башкир, но, как показывает этот пример, представление о народах Кавказа также существовало. Главный составной элемент «исполина» – русский солдат – представал в качестве «сына степи»⁶⁷⁷.

Достаточно типичное представление о восточном соседе предлагает анонимный путешественник по России на страницах «Ллойда». Рассказчик утверждает, что при проезде через Малороссию и Белорусию уже чувствуется отрыв от европейской культуры⁶⁷⁸. Облик Москвы – неевропейский. Женщины на улицах старой русской столицы – часто с «татарскими физиономиями, маленькими колючими глазами и несколько плоскими носами»⁶⁷⁹. При этом автора повествования якобы постоянно преследует страх «быть схваченным за какую-нибудь революционную идею и отправленным в Сибирь»⁶⁸⁰.

Этот фельетонный цикл показывает, что в рассматриваемый период в австрийскую прессу проникают сведения о формирующихся течениях в русском обществе. Европейский визитер рассказывает о настроениях своего русского друга-панслависта и его окружения, недовольного германизацией петербургского двора⁶⁸¹. По мнению людей «панславистского» круга, современная история России начинается с Минина и

⁶⁷³ Lambert. Op. cit. S. 12.

⁶⁷⁴ Der Lloyd. 21. Oktober 1848. S. 3.

⁶⁷⁵ Der Lloyd. 13. Juli 1849. S. 2.

⁶⁷⁶ Lambert. Op. cit. S. 4.

⁶⁷⁷ Die Presse. 25. Mai 1849. S. 2.

⁶⁷⁸ Der Lloyd. 3. April 1849. S. 3.

⁶⁷⁹ Ibid.

⁶⁸⁰ Ibid.

⁶⁸¹ Der Lloyd. 4. April 1849. S. 3.

Пожарского, а не с Петра I, как хотят заставить русских думать «придворные льстецы и обезьяны европейской цивилизации»⁶⁸². Затем рассказчик попадает в аристократический салон, где от старого дипломата александровской эпохи слышит, что традиционная политика России состоит в том, чтобы сделать Константинополь столицей «греческо-славянской империи», и пока европейские государства заняты внутренними неурядицами, было бы самое время объявить войну Турции, но Нессельроде делает слишком много уступок⁶⁸³. В следующий раз автор оказывается в собрании немцев и русских «буржуазного» происхождения, где встречает привлекательную «тевтонку» с голубыми глазами и «татаро-русских» женщин, которые редко бывают красивыми⁶⁸⁴. В заключение его гид как бы от имени всех русских заявляет, что России не нужна ставшая частью европейской жизни «губительная политика, результатом которой являются бедность и отчаяние»⁶⁸⁵. Таким образом подчеркивался контраст между Европой, идущей по пути политического прогресса, и восточной империей, население которой не хочет меняться.

Во многих публикациях сквозит плохо скрываемое чувство превосходства над русскими. Так, наблюдая русских солдат в городах Австрийской империи в 1849 г., отмечали их жизнерадостность, обусловленную тем, что «политика еще не отяготила им голову; Бог и царь – единственные понятия, которые они способны воспринять»⁶⁸⁶. Отсутствующую конституцию в России, по утверждению «Прессе», заменял кнут⁶⁸⁷.

Австрийские газеты отмечали работу русской цензуры, препятствовавшей поступлению информации о революциях в Европе⁶⁸⁸, а также ограничения на выезд, существовавшие для русских подданных, «чтобы ни один беглец, который бы захотел покинуть это необозримое и страшное гетто, не мог безнаказанно уйти от отеческого режима кнута»⁶⁸⁹.

При описании русских войск в 1849 г. отмечали их незнание европейских языками, встречающееся даже среди офицеров, и предполагали, что это результат сознательного подбора частей русскими властями, чтобы обезопасить личный состав от

---

⁶⁸² Der Lloyd. 10. April 1849. S. 3.

⁶⁸³ Der Lloyd. 9. April 1849. S. 3.

⁶⁸⁴ Der Lloyd. 15. Juni 1849. S. 4.

⁶⁸⁵ Ibid.

⁶⁸⁶ Der Lloyd. 2. Juni 1849. S. 2.

⁶⁸⁷ Die Presse. 26. Januar 1850. S. 2.

⁶⁸⁸ Der Lloyd. 11. April 1849. S. 3.

⁶⁸⁹ Die Presse. 12. Oktober 1850. S. 1.

воздействия западных политических теорий во время пребывания за пределами страны⁶⁹⁰. При этом отмечали жесткую дисциплину и телесные наказания в русских войсках⁶⁹¹.

Сохраняющееся крепостное право также влияло на формирование образа восточного соседа, в характеристиках которого фигурируют такие словосочетания как, например, «крепостнические (leibeigene) степи России»⁶⁹².

Политические потрясения 1848 г. в Европе вызывали к жизни фантазии о революционных попытках в самом Петербурге⁶⁹³. Сообщали даже о планах восстания в русских войсках, дислоцированных в Царстве Польском⁶⁹⁴. Надежда при этом, очевидно, состояла в том, что поглощенная внутренними неурядицами Россия не сможет вмешиваться в дела западных соседей.

Арест петрашевцев также не прошел незамеченным. Не зная его точных причин, предполагали, что имел место заговор в «социал-демократическом духе», направленный против жизни императора⁶⁹⁵. В этом контексте интересно упоминание о М. А. Бакунине, который характеризуется как «политический русский Агасфер»⁶⁹⁶. Существование такого человека должно было служить пищей высказывавшимся время от времени гипотезам о грядущем социальном и политическом перевороте в оплоте консерватизма – России.

В этой связи обращали внимание на существование в России крестьянского вопроса. Применительно к нему даже использовали определение «перманентная крестьянская революция», имея в виду случаи выступления крестьян против помещиков⁶⁹⁷. Известиям о крестьянских волнениях придавали серьезное значение, ожидая от них «социальной революции, которая разрушит великого колосса»⁶⁹⁸. Один австрийский автор, обращаясь к русским людям, обещал, что и они могут и будут обладать тем счастьем, которым уже наслаждается «цивилизованный мир», – свободой, но только когда покончат с деспотизмом⁶⁹⁹. Шузелька, впрочем, утверждал, что сам император

⁶⁹⁰ Der Wiener Bote. 29. Mai 1849. S. 2–3.

⁶⁹¹ Der Wiener Bote. 3. Juni 1849. S. 2.

⁶⁹² Der Lloyd. 4. August 1848. S. 2.

⁶⁹³ Die Presse. 9. September 1848. S. 4.

⁶⁹⁴ Die Presse. 21. September 1848. S. 4.

⁶⁹⁵ Der Wiener Bote. 9. Juni 1849. S. 4.

⁶⁹⁶ Der Lloyd. 26. Januar 1849. S. 3.

⁶⁹⁷ Die Presse. 2. Januar 1850. S. 2.

⁶⁹⁸ Die Presse. 16. August 1850. S. 2.

⁶⁹⁹ Lambert. Op. cit. S. 8.

Николай убежден: «В России деспотизм сохраняется в течение столетий, потому что он...соответствует духу русского народа...»⁷⁰⁰.

Фигура Николая I в публикациях о России стоит несколько особняком. Он не мог пользоваться симпатиями в качестве русского царя, однако представления о нем персонально были менее однозначными. Так, осенью 1848 г. «Ллойд» по поводу награждения Николаем ряда австрийских военных за победы в Италии писал: «Даже если к России в австрийской армии испытывают мало симпатий, рыцарственное поведение ее императора снискало полное признание, а его благородной и воинской персоне там всегда отдавалось должное»⁷⁰¹. В этом пассаже обращают на себя внимание сразу два момента. Во-первых, личность российского императора, возможно, из-за тесных родственных связей с немецкими правящими домами, порой воспринималась отдельно от России⁷⁰². Во-вторых, тезис о неприязни к России в австрийской армии может быть охарактеризован как откровенная манипуляция, поскольку габсбургская армия была именно той средой, где симпатии к России традиционно проявлялись ярче, чем в любой другой социальной группе.

Существенным фактором, способствовавшим распространению антирусских настроений, было многомиллионное славянское население Дунайской монархии. Австрийские славяне в этот период переживали период культурного возрождения и все более громко заявляли свои претензии на равноправие в государстве. В сочетании с широко распространенными идеями славянской взаимности это формировало у немецкой части монархии впечатление, что славяне не просто добиваются равноправия, но стремятся к созданию на месте Австрийской империи общеславянского государства, в котором немцы займут подчиненное положение. Причем главным вдохновителем этих идей считали Россию, которая якобы проводила политику, нацеленную на объединение вокруг себя всех славянских народов и образование панславистской империи.

В действительности дезинтеграция Австрии отсутствовала в ряду целей русской внешней политики, а отношение австрийских славян к России не выходило за рамки умеренных симпатий, основанных на языковой близости. Более того, крупный деятель

---

⁷⁰⁰ Schuselka F. Das türkische Verhängniß und die Großmächte. Historisch-politischer Beitrag. Leipzig, 1853. S. 16.

⁷⁰¹ Der Lloyd. 20. September 1848. S. 2–3.

⁷⁰² Тенденцию германской прессы разделять личность царя и мессианские амбиции русского народа еще в предмартовский период отмечает М. Келлер. См.: Keller M. Es teilen sich die Geister. Pressestimmen von den Karlsbader Beschlüssen bis zur Reichsgründung. // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. M. Keller. München, 1992. S. 746.

чешского национального движения Франтишек Палацкий в знаменитом письме Франкфуртскому национальному собранию сформулировавший программу австрославизма, обосновывал необходимость существования Австрийской империи в том числе опасностью возникновения русской универсальной монархии. Шузелька отреагировал на эту идею, написав о славянах Австрии: «Они хотят остаться австрийцами, чтобы не стать русскими»⁷⁰³.

Австрийская пресса слышала «австрославистские» голоса и при случае усиливала их. Выступавший 8 июля 1848 г. в венском комитете общественной безопасности славянин Смрекер из Нижней Штирии (вероятно, словенец) заявлял: «...мы верим в счастливую Австрию, хотя мы славяне; мы надеемся на могущественную великую Германию, которая призвана выступить в качестве защиты от абсолютизма»⁷⁰⁴. Эта связь с Германией должна была принести благо не только немцам, но и славянам: «Германская федеративная система Германии гарантирует именно передовым славянам (Vorderslaven) самостоятельное развитие, в то время как со стороны России им грозит национальная и церковная универсальная деспотия»⁷⁰⁵.

Тем не менее, фантом панславизма нередко использовался австрийскими славянами в борьбе за расширение своих прав. Так, например, «дружба» с Россией периодически специально разыгрывалась чехами⁷⁰⁶. Это вело к усилению страха немцев за судьбу монархии и росту русофобии. Призрак панславизма возникал почти при каждом проявлении австрийскими славянами национального самосознания. Летом 1848 г. во время обострения межнациональных отношений в землях венгерской короны австрийский депутат Паульскирхе⁷⁰⁷ Визнер утверждал, что Россия будто бы поддерживает восстание славян в этом регионе⁷⁰⁸. Весьма показательна реакция общественного мнения (и в Австрии, и в остальных государствах Германского союза) на созыв в 1848 г. славянского конгресса в Праге. Этот съезд, ставивший своей целью лишь налаживание взаимосвязи между славянскими народами Австрии перед лицом набирающего силу движения за объединение Германии с его ассимиляторскими тенденциями, был воспринят как продукт русской политики, направленной на

⁷⁰³ Schuselka F. Deutsch oder Russisch?... S. 45.

⁷⁰⁴ Die Presse. 10. Juli 1848. S. 2.

⁷⁰⁵ Schuselka F. Deutsch oder Russisch?... S. 56.

⁷⁰⁶ Heppner H. Op. cit. S. 3.

⁷⁰⁷ Франкфуртское национальное собрание заседало в здании церкви св. Павла.

⁷⁰⁸ StB. Bd. 2. S. 1197.

присоединение всех славянских земель к Российской империи. Вообще, комплекс представлений о панславизме в тот период был тесно связан с широкой распространенностью в немецком обществе младогегельянских идей, согласно которым западноевропейцы в целом и немцы (вследствие непосредственного соседства) в особенности имели основания опасаться вторжения в Западную Европу варварских орд (под которыми подразумевались славяне, а среди них в первую очередь русские) и уничтожения ими европейской цивилизации⁷⁰⁹. В качестве примера подобных представлений можно привести работу Шузельки, где он пишет о России и славянах, как о народах, идущих на смену старой Европе и претендующих на обновление мира⁷¹⁰. Распространенным было представление о соперничестве германства и славянства, следствием которого должно было стать столкновение, а его средоточием многим виделась именно Австрия, потому что «и метафизически – “новый народ” против “старого”, и идеологически – “славянский деспотизм” против “германской свободы”, и политически – гипотетическая панславянская империя против создаваемой германской, и, наконец, специфически-национально “германство” противостояло “славянству” в наиболее чистом виде как раз в Австрии»⁷¹¹.

Высшая точка в развитии этих опасений приходится на революционные 1848–1849 гг., что особенно примечательно, поскольку именно в этот период «в России велась активная борьба со славянскими мечтаниями»⁷¹². Так, по убеждению отставного австрийского офицера, политического публициста, а в 1848 г. – депутата Паульскирхе К. Мёринга, в Польше и Дунайских княжествах у России были готовы «все моральные рычаги» для «осуществления грандиозных планов панславизма»⁷¹³.

Существовало глубокое убеждение, что, выйдя из-под немецкого влияния, австрийские славяне неизбежно попадут под влияние России⁷¹⁴. В газетах этого времени можно встретить утверждения об «успешных происках многочисленных русских эмиссаров, которые уже не один год обрабатывают славянское население Австрии»⁷¹⁵. Подозрительность по отношению к России встречалась и в австрийской армии. Летом

⁷⁰⁹ Павленко О. В. «Славянский фактор»... С. 246.

⁷¹⁰ Schuselka F. Die orientalische das ist russische Frage... S. 47.

⁷¹¹ Медяков А. С. Национальная идея... С. 444–445.

⁷¹² Павленко О. В. «Славянский фактор»... С. 253.

⁷¹³ Moering K. Op. cit. Bd. 1. S. 33.

⁷¹⁴ Auersperg A. Op. cit. S. 7.

⁷¹⁵ Der Lloyd. 8. August 1848. S. 4.

1848 г. подчиненный Й. Кемпена показывал ему списки офицеров, которых считал прорусски настроенными⁷¹⁶.

Тревогу вызывал любой интерес австрийских славян к России. Например, отмечалось предложение «Югославянской газеты» сделать русский язык научным среди славян Австрии для достижения единства⁷¹⁷. Сообщали о раскрытии якобы имевшего место заговора чехов в пользу царя⁷¹⁸. Утверждалось, что в одном из аграмских (загребских – М. М.) изданий была высказана мысль, что однажды всем славянским «племенам» было бы удобнее всего оказаться под скипетром России⁷¹⁹.

Особенно опасались русского влияния в пограничной с Россией Галиции. Страхи потери этой территории получили распространение уже в 1840-е гг.⁷²⁰. Шузелька в 1848 г. был убежден, что, если Россия, якобы для поддержки Австрии, займет Галицию, провинция будет навсегда потеряна⁷²¹. Он также полагал, что национальной мечтой России было объединить все «славянские племена» в одной большой «всемирной империи»⁷²². В этом же издании Шузелька, впрочем, оговаривается, что не боится панславизма, так как последний нереализуем, но сама попытка осуществить идею экзистенциально опасна для Австрии⁷²³.

У бывшего офицера К. Мёринга серьезные опасения вызывало отсутствие оборонительной системы на северо-востоке габсбургской монархии⁷²⁴. Ввиду угрозы со стороны России он считал необходимым превратить Краков в «большой наступательный плацдарм на Висле»⁷²⁵.

Пищи для подобных фобий добавило присутствие русских войск на австрийской территории летом 1849 г., когда читатели газет могли узнать, что в продолжение всего движения через Карпаты русские солдаты думали, что по-прежнему находятся на русской территории, поскольку встречали там исключительно славянское население⁷²⁶.

---

⁷¹⁶ Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 100.

⁷¹⁷ Die Presse. 7. April 1850. S. 2.

⁷¹⁸ Die Presse. 18. Mai 1850. S. 1.

⁷¹⁹ Die Presse. 23. Oktober 1851. S. 2.

⁷²⁰ Moering K. Op. cit. Bd. 1. S. 234–235.

⁷²¹ Schuselka F. Österreich über Alles... S. 14.

⁷²² Schuselka F. Deutsch oder Russisch?... S. 19.

⁷²³ Ibid. S. 47.

⁷²⁴ Moering K. Op. cit. Bd. 2. S. 252.

⁷²⁵ Ibid. S. 255–256. Стремление обезопасить себя от воображаемой угрозы, таким образом, легко трансформировалось в готовность к агрессии.

⁷²⁶ Der Lloyd. 27. Juni 1849. S. 2.

Мёринг считал в будущем неизбежной борьбу с Россией за славян, населяющих Австрию и Германию. Для него это была «борьба цивилизованного варварства с цивилизацией»⁷²⁷. При этом он полагал, что когда Россия захочет реализовать свои «панславистские планы», у нее не будет более естественного союзника, чем Франция, поскольку у последней существуют собственные планы расширения⁷²⁸. Шузельке борьба между Австрией и Россией «на национальной почве» также представлялась неминуемой⁷²⁹.

О несостоятельности подобных предположений недвусмысленно свидетельствуют источники. В период, когда крушение Дунайской монархии выглядело вполне вероятным, Николай полагал, что даже если Австрия распадется, России не следует присоединять ее славянские провинции⁷³⁰. Более того, сохранение наиболее близких к российской границе польских земель в составе Австрии, скорее, должно было расцениваться в Петербурге как соответствующее российским интересам, поскольку таким образом Австрия оставалась одной из участниц польских разделов и как бы «связывалась» с Россией. Недаром за два года до революции российский император буквально настоял на передаче Краковской республики под скипетр Габсбургов. Кроме того, сомнительно, чтобы в Петербурге желали увеличения численности политически неблагонадежного польского населения империи. Это касалось и других австрийских славян. Отмечая, что их значительная часть стремится к образованию собственной федерации, Нессельроде добавлял, что даже в случае дезинтеграции Дунайской монархии вновь образовавшиеся славянские государства будет лучше не присоединять, а лишь включить в орбиту влияния России, чтобы они не подпали под влияние Германии и Венгрии⁷³¹.

Единственное исключение российский император допускал для Восточной Галиции, населенной по преимуществу русинами⁷³². При распаде Австрии (и только при этом условии) он был готов присоединить к России «древнее ее достояние», был готов в этом случае даже «отдать половину Польши»⁷³³. Нессельроде же полагал, что даже в чрезвычайном случае присоединение славянских земель Австрии к России было бы

⁷²⁷ Moering K. Op. cit. Bd. 1. S. 10.

⁷²⁸ Moering K. Op. cit. Bd. 2. S. 257.

⁷²⁹ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 116.

⁷³⁰ Доклад К. В. Нессельроде Николаю I. 15(27).06.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 56. Л. 128–129.

⁷³¹ Там же. Л. 129–130.

⁷³² Этноним «украинцы» применительно к галичанам в источниках этого периода практически не встречается.

⁷³³ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 227.

вредно для последней⁷³⁴. В этом ключе протекала коммуникация с представителями австрийских славян. Фонтон в июле 1848 г. дал понять хорватам, пришедшим к нему просить защиты России от притеснений венгров, что не может общаться с ними в качестве сотрудника русского правительства. В качестве же частного лица он может лишь дать им совет не рассчитывать на содействие России, «политика которой проникнута мыслью «охранять неприкосновенность Австрийской империи и благо ее династии»»⁷³⁵.

Тем не менее, именно в рамках славянского дискурса формировалось убеждение в особой миссии Австрии, проявившееся, например, в программном заявлении «Ллойда», что «всемирно-историческое предназначение» Австрийской империи – «распространять на Восток культуру и свободу Западной Европы и основать свободное славянство в противовес рабскому славянству России»⁷³⁶.

Отдельным аспектом славянского вопроса являлся польский вопрос. Поляки были единственными славянами, не подозревавшимися в прорусских симпатиях. Напротив, они являлись одними из распространителей русофобии в Европе. Например, А. Мицкевич в 1849 г. писал об опасности, которую Николай I представляет для европейской демократии, о том, что он не считается с международным правом и намеревается организовать интервенцию в Европу для подавления революционных выступлений и насаждения деспотизма⁷³⁷. Подобные мысли хорошо прививались на немецкой почве. Польская пропаганда также очень хорошо сочеталась с симпатиями к идее восстановления Польши со стороны немецкого либерально-демократического движения. Предполагалось, что независимая Польша станет защитой Германии с Востока.

Особой релевантностью польский вопрос для общественного мнения Австрии обладал весной и летом 1848 г. Польские симпатии общественности в этот период создавали затруднения австрийскому правительству. Так, 7 июля 1848 г. к министру иностранных дел барону И. Вессенбергу пришла депутация представителей разных австрийских провинций с призывом помешать выдаче в Россию дезертиров из русской Польши⁷³⁸. На одном из первых заседаний австрийского рейхстага, собравшегося в июле, депутат из Галиции поставил вопрос, будут ли в будущем выдаваться в Россию польские

⁷³⁴ Доклад К.В. Нессельроде Николаю I. 15(27).06.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 56. Л. 128–129.

⁷³⁵ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 584–585.

⁷³⁶ Der Lloyd. 31. August 1848. S. 1.

⁷³⁷ Об отношении Мицкевича к России см.: Батовский Г. Отношение Мицкевича к русским и России к Мицкевичу в 1848–1849 гг. // Адам Мицкевич и славянская филология. Л., 1957. С. 80–93.

⁷³⁸ Die Presse. 8. Juli 1848. S. 2.

эмигранты, и министр внутренних дел А. Добльхофф вынужден был заверить, что подобного происходить не будет⁷³⁹.

Восстановление Польши воспринималось многими как шаг на пути к объединению Германии. И оба эти процесса с большой долей вероятности должны были повлечь за собой войну с Россией. Этой войны ожидал консервативный австрийский депутат Франкфуртского парламента Вюрт⁷⁴⁰. Ф. Шузелька ввиду концентрации русских войск в Польше призывал в стенах парламента подготовиться «на все возможные случаи»⁷⁴¹. Эти примеры показывают, что даже в далекой от русофильства Паульскирхе антирусский голос представителей Австрии был хорошо слышен.

Согласно одной из формулировок австрийских публицистов, Россия приобрела значение в Европе именно вследствие разделов Польши⁷⁴². Консервативная политика русского правительства и удержание части польских земель в составе империи давали повод называть Россию «наследственным врагом свободы народов»⁷⁴³. О русских войсках, расквартированных в Польше, сообщали следующее: «Офицеры должны хорошо обращаться с общинами; побои могут осуществляться только по точном установлении вины»⁷⁴⁴. Таким образом, формировалось представление о диких нравах, от которых страдают поляки в Российской империи. Звучали утверждения о стремлении русского правительства к унификации империи, причем не по лучшим образцам. Предполагалось, что поляки могут стать одной из жертв этого процесса вследствие «обашкиривания цивилизации Польши»⁷⁴⁵.

Редким диссонансом на общем полонофильском фоне звучит тезис «Прессе» о том, что польская пропаганда вредна, поскольку является вызывающей по отношению к России, следовательно, без необходимости портит отношения последней с Германией⁷⁴⁶.

Едва ли не единственным примером австрийского автора, анализировавшего русскую внешнюю политику без явного недоброжелательства, является Йоганн Шпоршил⁷⁴⁷. В издании 1849 г. он предостерегал против ненависти к России, поскольку

⁷³⁹ Die Presse. 25. Juli 1848. S. 4.

⁷⁴⁰ StB. Bd. 1. S. 399.

⁷⁴¹ StB. Bd. 2. S. 1097–1098.

⁷⁴² Lambert. Op. cit. S. 9–10.

⁷⁴³ Hase K. A. Op. cit. S. 21.

⁷⁴⁴ Die Presse. 27. August 1848. S. 4.

⁷⁴⁵ Lambert. Op. cit. S. 7.

⁷⁴⁶ Die Presse. 8. September 1848. S. 2.

⁷⁴⁷ Sporschil J. Op. cit.

это чувство легко могло привести к ошибочным действиям и породить аналогичную реакцию⁷⁴⁸. Подобное отношение к России некоторых немцев, по его мнению, порождено страхом и чувством собственной слабости⁷⁴⁹. Шпоршиль обращал внимание на отсутствие реальных знаний о России, позволявшее с легкостью сочинять о ней небылицы⁷⁵⁰. Отмечая распространенную стигматизацию России как царства деспотии, Шпоршиль указывал на то, что самодержавие и деспотия – совершенно разные понятия⁷⁵¹. У России, по его мнению, была собственная миссия (Sendung) в Азии⁷⁵². Под ней, по всей видимости, подразумевалась задача европеизации. Более того, автор указывал на гипотетическую возможность возникновения новой азиатской угрозы, от которой Европу могла избавить именно Россия, как это некогда произошло во время монгольского нашествия⁷⁵³. Впрочем, этот комплиментарный (и одновременно прагматичный) взгляд в австрийской публицистике остался, скорее, исключением.

Очередной повод для критических высказываний о России появился на фоне известий о призыве русских войск в Трансильванию в начале 1849 г. Автор «Ллойда» как бы оправдывался в этом: «Свободный или несвободный народ русские, имеют они конституцию или нет, не имеет ничего общего с вопросом, можно ли в крайнем случае принять предложенную помощь... По нашему мнению в подобных обстоятельствах помощь турецких или китайских войск может быть принята так же, как помощь войск швейцарских или североамериканских»⁷⁵⁴. Для австрийских либералов при формировании отношения к соседнему государству было важно наличие или отсутствие в нем конституции. Особенно в период, когда в Австрии ожидали появления собственной конституции. Также характерно, что оправдывались не в получении внешней помощи, свидетельствующей о глубоком кризисе империи, а в том, что помощь пришла именно из России, которая оказывалась между двумя крайними точками на условной шкале прогресса: республиками Запада – Швейцарией и США – и Китаем и Турцией как символами архаичного Востока, причем ближе к последним.

---

⁷⁴⁸ Ibid. S. 13.

⁷⁴⁹ Ibid.

⁷⁵⁰ Ibid. S. 15.

⁷⁵¹ Ibid.

⁷⁵² Ibid. S. 10.

⁷⁵³ Ibid. S. 24–25.

⁷⁵⁴ Der Lloyd. 22. Februar 1849. S. 1.

«Прессе», смягчая удар по австрийскому самолюбию, подчеркивала, что русская помощь была лишена всякой политической окраски⁷⁵⁵. В трансильванском эпизоде стремились сместить акцент с австрийских проблем на собственный интерес России, состоявший в недопущении польского восстания⁷⁵⁶. При этом стремились обезопасить себя от упреков в сотрудничестве с царской империей: «заверяем, что никакого союза с Россией заключено не было, что Австрия вовсе не обещала позволить царю в благодарность за оказанную помощь в Трансильвании хозяйничать в Дунайских княжествах»⁷⁵⁷. Молдавию и Валахию как объект австрийского интереса, таким образом, не теряли из поля зрения даже в самый тяжелый для монархии период, а взаимодействие с Россией понималось как вынужденное.

«Винер боте» описал вступление русских войск в Трансильванию как «очень печальную историю» и «меньшее из двух зол»⁷⁵⁸. Газета для «простонародья», в качестве которой позиционировал себя «Винер боте», вместо риторики о варварстве и цивилизации использовала образы из фольклора. В ожидании появления русских вспомнили пословицу: «Про волка речь, а он навстречу» (Wenn man den Wolf nennt, so kommt er gerennt)⁷⁵⁹.

Интересно изображение русской армии, предложенное в этот период «Ллойдом». Русский солдат хорошо вышколен, но забит и жалок, а «его презрение к смерти – не что иное, как усталость от жизни»⁷⁶⁰. Его небольшое жалование еще больше сокращается офицерами, поэтому он обречен на мародерство, где бы ни оказался⁷⁶¹. Русские офицеры также во всем уступают своим собратьям в других европейских армиях. Наиболее толковые генералы и старшие офицеры – сплошь немцы из остзейских провинций. Это вызывает неудовольствие русских, но правительство ничего не может с этим поделать из-за разницы в качестве человеческого материала. В области военного снабжения существуют громадные злоупотребления⁷⁶². Помимо убежденности в превосходстве немцев над русскими, эта характеристика примечательна тем, что опубликована именно в момент оказания русской армией помощи австрийцам, когда логично было бы ожидать

---

⁷⁵⁵ Die Presse. 7. März 1849. S. 1.

⁷⁵⁶ Der Lloyd. 4. März 1849. S. 1.

⁷⁵⁷ Ibid.

⁷⁵⁸ Der Wiener Bote. 24. Februar 1849. S. 1.

⁷⁵⁹ Ibid.

⁷⁶⁰ Der Lloyd. 25. März 1849. S. 3.

⁷⁶¹ Ibid.

⁷⁶² Ibid.

особенной сдержанности в возможной критике соседа. В том числе потому, что в ближайшем будущем ожидали увеличения русской помощи. В частности, в конце марта появился слух, что русские войска вошли в Галицию, чтобы оттуда двинуться в Венгрию⁷⁶³.

По мере нарастания кризиса в восточной части монархии начали курсировать слухи о предложении Кошутом венгерской короны российскому императору или одному из членов императорской фамилии⁷⁶⁴, что стало еще одним проявлением страха ослабления Австрии к выгоде именно России⁷⁶⁵.

Когда встал вопрос о полномасштабной русской помощи, в некоторых газетах раздались критические голоса. В ответ «Ллойд» заявил: «Тому, кто нам помогает, мы не можем задавать много вопросов; еретик они или правоверный, конституционалист или абсолютист, нам совершенно неважно»⁷⁶⁶. Выражалась уверенность, что никаких уступок австрийское правительство взамен России не сделает – ни в конституционном устройстве, ни в форме согласия на передачу Дунайских княжеств России. Снова подчеркивалось, что, помогая Австрии, Россия борется с собственным врагом⁷⁶⁷.

Успокаивал читателей насчет тревоги о возможном ущербе для австрийских политических свобод и «Винер боте»⁷⁶⁸. Газета выразила сожаление в связи с необходимостью прибегнуть к русской помощи в свойственной ей простонародной стилистике: «в нужде, говорит старая пословица, едят и железо»⁷⁶⁹. Настойчиво повторяя, что Россия действует и в собственных интересах, стремились облегчить для себя «бремя благодарности». Русская помощь характеризовалась как «необходимость, тяготеющая на австрийский чести»⁷⁷⁰. Теми же компенсаторными мотивами вызвана попытка объяснить использование русской армии стремлением сэкономить собственные силы, не «подставлять всю свою молодежь под пушки врага»⁷⁷¹.

Вступление русских солдат на австрийскую территорию послужило питательной почвой для дальнейшего формирования представлений о России. В этот период можно

⁷⁶³ Der Lloyd. 30. März 1849. S. 3.

⁷⁶⁴ Der Wiener Bote. 21. März 1849. S. 4.

⁷⁶⁵ Незадолго до окончания венгерской кампании русской армии похожую информацию распространила «Прессе» (Die Presse. 26. Juli 1849. S. 3.).

⁷⁶⁶ Der Lloyd. 27. April 1849. S. 1.

⁷⁶⁷ Der Lloyd. 28. April 1849. S. 1.

⁷⁶⁸ Der Wiener Bote. 29. April 1849. S. 1.

⁷⁶⁹ Ibid.

⁷⁷⁰ Der Wiener Bote. 3. Mai 1849. S. 3.

⁷⁷¹ Der Wiener Bote. 3. Juni 1849. S. 1.

встретить упоминания о казаках, однако на этот раз не как об угрозе европейской цивилизации, о которой предупреждал Наполеон, а как о достойном удивления «ядре русской армии», превосходных наездниках, которые даже спят, не слезая с коня⁷⁷². Часть представлений о России носила откровенно фантастический характер. В Черновцах в июле 1849 г. среди приближавшихся русских войск ожидали увидеть «мамлюков»⁷⁷³. Сама австрийская пресса порой констатировала дефицит знаний о России, приводивший то к опасениям, то к ее недооценке, чреватой для Германии и особенно для Австрии серьезными последствиями⁷⁷⁴.

Русских военных, возвращающихся домой после венгерской кампании, изображали как неизбалованных клиентов, которым можно продать застарелый товар⁷⁷⁵. Утверждали, что русские в этот момент предлагали для продажи ценности, приобретенные ими во время боевых действий в качестве трофеев⁷⁷⁶. Жители некоторых городов могли наблюдать в рядах русских войск «черкесов-добровольцев», которые описывались как «превосходные наездники и стрелки»⁷⁷⁷.

Знаменитые слова Паскевича из донесения Николаю I – «Венгрия лежит у ног Вашего Императорского Величества» – «Прессе» оценила как «выражение потрясения, радостной поспешности», серьезного значения которому придавать невозможно⁷⁷⁸. Стремление части венгерских повстанцев сдаться русским войскам газета объясняла угрызениями совести и страхом перед справедливым возмездием со стороны австрийских властей⁷⁷⁹. При этом утверждалось, что русские офицеры старательно собирали сведения об Австрии, включая планы, карты, данные об австрийских крепостях и коммуникационных линиях⁷⁸⁰. Вопрос о цели сбора этих данных оставлялся открытым.

Распространенным являлось представление о том, что русской внешней политике присуща особенная скрытность: «...русские — люди, которые умеют держать свои планы в тайне»⁷⁸¹. Скрытностью и недоверчивостью объясняли повсеместное устройство

⁷⁷² Der Wiener Bote. 13. Juli 1849. S. 3.

⁷⁷³ Der Lloyd. 14. Juli 1849. S. 2.

⁷⁷⁴ Die Presse. 21. November 1849. S. 2.

⁷⁷⁵ Der Wiener Bote. 2. Oktober 1849. S. 3.

⁷⁷⁶ Ibid.

⁷⁷⁷ Der Wiener Bote. 6. Juli 1849. S. 2.

⁷⁷⁸ Die Presse. 24. August 1849. S. 1.

⁷⁷⁹ Die Presse. 25. August 1849. S. 2.

⁷⁸⁰ Die Presse. 8. Januar 1850. S. 2.

⁷⁸¹ Die Presse. 29. Mai 1849. S. 2. Представление об эффективности и «коварстве» русской дипломатии начало формироваться в 1830-е гг., во многом благодаря изданию «Портфолио» Д. Уркхарта, и широко распространилось в Европе перед Крымской войной. См.: Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas... S. 190.

пунктов русской полевой почты на австрийской территории⁷⁸². Приписывание русским подобных свойств являлось следствием собственной недоверчивости и подозрительности.

В самый разгар венгерской кампании Ф. Шузелька написал брошюру, в которой открыто заявлял: «Союз с Россией заключен не на вечные времена»⁷⁸³. Причем опубликовано издание было в Вене. Русская помощь, утверждал он, часто предлагалась австрийскому правительству, была «почти навязываемой», являлась «несчастьем для Австрии», поскольку с того момента, как Россия «выступила из азиатской темноты на сцену Европы, она является естественным и неизбежным противником Австрии»⁷⁸⁴. К 1849 г. Австрия, по мнению Шузельки, опустилась до подопечного России. Помочь могла решительно выступающая против России сила общественного мнения, которая была сильнее любых властителей⁷⁸⁵. Впрочем, публицист был убежден, что «прогресс» неизбежен и для России: «Даже усиленный казачий кордон не сможет предотвратить того, чтобы пленительный пример государственно-гражданской свободы осветил русскую ночь»⁷⁸⁶. Шузелька приписывал России мечту о покорении Европы и высказывал убежденность в том, что в попытке осуществить это притязание Россия рухнет, подобно колоссу на глиняных ногах. Опасность для Австрии состояла, по его мнению, в том, что союзники России разделят ее судьбу⁷⁸⁷. Следовательно, было необходимо избавиться от пут такого союза.

В Петербурге русофобию многих западноевропейских изданий принимали как данность и ранее. В 1847 г. Нессельроде в докладе Николаю указывал на то, что иностранная пресса «всегда враждебна по отношению к России»⁷⁸⁸. В 1848–1849 гг. к западноевропейской русофобской публицистике добавилась австрийская.

⁷⁸² Der Wiener Bote. 6. Juli 1849. S. 2.

⁷⁸³ Schuselka F. Deutsch oder Russisch?... S. 14.

⁷⁸⁴ Ibid. S. 15, 18.

⁷⁸⁵ Ibid. S. 37.

⁷⁸⁶ Ibid. S. 39.

⁷⁸⁷ Ibid. S. 54–55.

⁷⁸⁸ Доклады за 1847 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 36. Л. 220.

§ 1.6. «Щупальца спрута»: австрийские представления о присутствии России на нижнем Дунае

Отдельное место в восприятии австрийцами России занимала балканская проблематика, ставшая в 1848–1849 гг. особенно заметной в связи с активизацией русской политики в Дунайских княжествах.

Действия петербургского кабинета у юго-восточной границы Австрии – в Молдавии и Валахии – были продиктованы, в том числе, стремлением удержать от распада комплекс габсбургских земель. Революционное брожение в Европе начала 1848 г. быстро достигло княжеств, приведя в движение либеральные силы румынского общества, что немедленно привлекло внимание Петербурга, осуществлявшего, согласно договорам с Турцией, покровительство над этими провинциями. Уже в начале апреля Николай предполагал возможность занятия княжеств⁷⁸⁹. Для выяснения обстановки туда был направлен генерал А. О. Дюгамель, а уже в первой половине лета в австрийской прессе распространились слухи о предстоящем вводе в княжества русских войск⁷⁹⁰.

Предвидя реакцию на этот шаг в столицах европейских держав, Нессельроде разослал представителям России за границей циркуляр с разъяснением мотивов решения. В документе указывалось, что оккупация княжеств не может рассматриваться как вмешательство России в европейские дела, поскольку все, что касается княжеств, находится в сфере действия договоров между Россией и Турцией, и эти договоры не имеют ничего общего «с комплексом договоренностей, на базе которых основано публичное право Европы»⁷⁹¹. Эта формулировка – яркое свидетельство политики России в восточном вопросе, особенностью которой было стремление не допустить вмешательства третьих стран в отношения с Турцией. Отдельно подчеркивалось, что русские войска входят в Молдавию и Валахию временно и с согласия Порты⁷⁹².

В обстоятельствах 1848 г. австрийское правительство не могло позволить себе возражать против этого шага России, но не скрывало и своей обеспокоенности: из Вены пришло сообщение, в котором говорилось о «глубоком впечатлении, которое эта новость произвела на нашу публику...и не приходится сомневаться, что весьма неприятные для

⁷⁸⁹ Записка Николая I 31.03(12.04).1848 // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 94. Л. 26.

⁷⁹⁰ Die Presse. 5. Juli 1848. S. 4.

⁷⁹¹ Циркуляр представителям России за границей. 19(31).07.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 36. Л. 40–41.

⁷⁹² Там же. Л. 47–48.

министерства запросы последуют из парламентов»⁷⁹³. До Петербурга хотели донести мысль, что действия России сильно осложнили и без того нелегкое положение австрийского правительства, и напоминали, что Молдавия и Валахия – зона не только русских, но и австрийских интересов.

В Петербурге же впоследствии подчеркивали, что занятие княжеств в 1848 г. было произведено, в том числе, к выгоде Австрии, поскольку позволило впоследствии «по первому мановению» двинуть войска из Валахии в Трансильванию для усмирения венгерского мятежа⁷⁹⁴. Р. Флореску отмечает, что именно ввиду подобной перспективы Великобритания не стала слишком активно возражать против действий России: Лондону было важно сохранить Австрийскую империю, чтобы по преодолении революции Габсбурги могли возобновить противодействие движению России на Юго-Запад⁷⁹⁵.

Перспектива помощи Австрии Петербургом, по-видимому, действительно рассматривалась. 17 июля Николай, указывая на возможный распад Австрии, писал: «Такое соседство крайне тяжело, и вот для чего столь нехотя вступаю в Молдавию»⁷⁹⁶. Император также указывал на секретную переписку с Виндишгрецем, в которой фельдмаршал предвидел время, когда придется прибегнуть к содействию России⁷⁹⁷. Характерно, что российский император совершенно не удивляется такой возможности: память о содержании переговоров с Францем I в середине 1830-х гг. была жива при обоих дворах. Письмо австрийского фельдмаршала свидетельствует и о том, что коммуникации с т. н. «габсбургской камарильей» летом-осенью 1848 г. имели для австро-русских отношений бóльшую важность, чем официальная переписка с венским министерством, возглавляемом людьми, не пользовавшимися доверием в Петербурге. Например, в частном письме П. К. Мейендорфу, с которым его связывали не только служебные, но и дружеские отношения, К. В. Нессельроде откровенно высказывался о ведущих лицах правительства в Вене, имевших реноме либералов: «Вессенберг жалок, а Пиллерсдорф (председатель правительства и министр внутренних дел весной-летом 1848 г. – М. М.), совершенно очевидно, изменник»⁷⁹⁸.

⁷⁹³ Лебцельтерн – Э. Лебцельтерну. 19 июля 1848 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 6. Л. 252–253.

⁷⁹⁴ Обзор внешней политики Российской империи // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 138–139.

⁷⁹⁵ Florescu R. R. Op. cit. P. 250–251.

⁷⁹⁶ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 238–240.

⁷⁹⁷ Там же.

⁷⁹⁸ Nesselrode Ch. Op. cit. Т. IX. P. 121.

Не имея возможности отстаивать собственные интересы в княжествах, слабое австрийское правительство не пренебрегало возможностью делать это с помощью русской администрации. 19 июля из Вены в Петербург была направлена просьба содействовать прекращению притеснений венгерских колонистов Молдавии со стороны одного из молдавских бояр⁷⁹⁹. В ноябре Э. Лебцельтерн представил в русский МИД ноту, где говорилось, что с введением русских войск в княжества австрийские подданные, проживающие там, подверглись обязанности принимать русских военных на постой. Австрийский поверенный в делах был уполномочен просить, чтобы в дальнейшем они были избавлены от этой и других подобных обязанностей⁸⁰⁰. Запрос, вероятно, стал реакцией на значительное число публикаций в австрийской прессе, в которых звучало возмущение русским занятием княжеств⁸⁰¹, и является примером того, что австрийское правительство в своих действиях теперь было вынуждено считаться с фактором общественного мнения.

Русская администрация в княжествах, однако, не только действовала без оглядки на посторонние мнения, но не стеснялась и давать рекомендации австрийцам. Так, генерал А. О. Дюгамель просил Медема добиться у венского кабинета запрета на пребывание беглых валашских революционеров в Трансильвании⁸⁰² и обеспечения того, чтобы австрийский агент в Яссах Айзенбах не противился цензурированию газет, доставляемых в княжества австрийской почтой⁸⁰³. А Нессельроде летом направил Медему инструкцию разъяснить австрийскому руководству, что деятельность России «полностью соответствует интересам самой Австро-венгерской монархии», поскольку в случае революции в княжествах была бы затронута и Трансильвания⁸⁰⁴.

Для политики Вены балканское направление было одним из приоритетных еще со времен турецкой экспансии. В течение первой половины XIX в. в этом регионе Австрия уступила инициативу России, на что стали обращать внимание, начиная, по крайней мере, с 1840-х гг.⁸⁰⁵. Настороженное, как у Андриана-Вербурга, а порой враждебное, как у

⁷⁹⁹ Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 195.

⁸⁰⁰ Э. Лебцельтерн – К. В. Нессельроде. 29.11(11.12).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 182. Л. 485–486.

⁸⁰¹ См., напр.: *Der Lloyd*. 16. August 1848. S. 1; 12. September 1848. S. 4; 19. September 1848. S. 4; *Die Presse*. 25. August 1848. S. 3; 26. August 1848. S. 3; 1. September 1848. S. 3; 8. September 1848. S. 2; 11. Oktober 1848. S. 4.

⁸⁰² А. О. Дюгамель – П. И. Медему. 28.09(10.10).1848 // АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514. 1848. Д. 13. Л. 243–244.

⁸⁰³ А. О. Дюгамель – П. И. Медему. 12(24).11.1848 // АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514. 1848. Д. 13. Л. 247.

⁸⁰⁴ Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 197.

⁸⁰⁵ См., напр.: *Andrian-Werburg V. Op. cit.* S. 139.

Шузельки⁸⁰⁶, отношение к восточному соседу становилось яркой чертой австронемецкого общественного мнения. При этом интересы Австрии на юго-востоке почти неизменно отождествлялись с интересами всей Германии. Венец Арнет обращал внимание франкфуртских парламентариев на то, что контроль России над устьем Дуная, «величайшей из немецких рек», наносит вред немецким судоходству и торговле⁸⁰⁷. Шузелька, находясь в Паульскирхе, открыто заявил: «великий народ (немцы – М. М.) нуждается в пространстве, чтобы исполнить свое всемирное призвание»⁸⁰⁸. В одной из публикаций этого периода он утверждал, что еще Мария Терезия не хотела иметь соседом Россию. Теперь же, по его словам, Россия окружала Австрию полукольцом «от Кракова до Черногории», в то время как на нижнем Дунае, в «этой старой составной части венгерской короны», где еще одно поколение назад раздавались мольбы об австрийском господстве, теперь хозяйничали «русские сатрапы»⁸⁰⁹. В таком контексте Россия естественным образом превращалась в соперника и препятствие на пути реализации немецких интересов.

В 1848–1849 гг. благодаря отмене цензуры представления, связанные с Россией и ее балканской политикой, ярко проявились в австрийской периодике. Как упоминалось выше, уже в первой половине лета 1848 г. в газетах распространились слухи о предстоящем вводе в Дунайские княжества русских войск. Сообщалось о принятии в актовом зале венского университета депутации молдаван, которая критически высказалась по поводу контроля России над устьем Дуная. Автор заметки заявлял, что у Германии, югославянских и романских народностей только один общий враг, «враг самой цивилизации – русские»⁸¹⁰. В эти же дни прозвучали жалобы на то, что Россия укрепляет позиции на юго-западе, пользуясь неурядицами в Европе⁸¹¹. Подозрительность относительно намерений России порождала причудливые предположения. Медем писал Нессельроде о распространившемся в Австрии слухе о передаче Турцией России княжеств за определенную компенсацию⁸¹².

⁸⁰⁶ Schuselka F. Deutsche Worte...

⁸⁰⁷ StB. Bd. 4. S. 2780.

⁸⁰⁸ Ibid. Bd. 2. S. 1160.

⁸⁰⁹ Schuselka F. Österreich über Alles... S. 14.

⁸¹⁰ Die Presse. 4. Juli 1848. S. 2.

⁸¹¹ Die Presse. 5. Juli 1848. S. 4.

⁸¹² Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 193.

Эти слухи накладывались на широко распространенное среди австрийских немцев представление о «юго-восточной миссии» Австрии. Например, в наказе жителей провинции Форарльберг депутатам австрийского рейхстага излагались представления о возможном устройстве юго-востока Европы, в соответствии с которыми, помимо единства немецкой Австрии с Германией, «Если возможно, следовало бы Галицию и Далмацию, а также Трансильванию, Хорватию и Славонию объединить с Венгрией, в результате чего на востоке Германии было бы образовано мощное, дружественное и стоящее под главенством Австрии государственное образование...которое имело бы обоснованное право на слишком слабые для самостоятельного и независимого существования Дунайские княжества Молдавию и Валахию, а вместе с ними и на устье Дуная...которое было бы прочным и устойчивым бастионом против всех русских посягательств, и которое в скором времени могло бы заместить Россию в покровительстве над Турцией и Грецией...которое открыло бы немцам естественный путь не только для торговли, но и для поселений, для продвижения немецкого образования, языка и культуры»⁸¹³. «Право» на дунайское устье означало неизбежный конфликт с Россией. И, по всей видимости, к этому конфликту многие были готовы. Эта программа примечательна также стремлением к установлению протектората над Грецией и Турцией, что существенно больше, чем традиционные для Австрии претензии на Дунайские княжества и пограничные земли Западных Балкан. Обращает на себя внимание убежденность авторов наказа в зависимом от России положении Турции – представление, о котором полезно помнить при анализе австрийской внешней политики периода Крымской войны. Наконец, в тексте проявляется распространенное убеждение, что юго-восток Европы как бы зарезервирован для немцев.

Именно в это время ярко проявляет себя мессианское сознание многих австрийцев. Шузелька пишет, что Австрийскую империю «создал гений Европы», а народы, населяющие австрийские земли без империи попали бы в пасть «азиатской вселенской деспотии», под которой угадывается Россия⁸¹⁴.

Неспособность Австрии в период революции что-либо противопоставить русскому влиянию на Балканах приводила к появлению публикаций компенсаторного характера. Летом 1848 г. распространилась информация о том, будто в княжества прибыл курьер с полномочиями от всех государств Германского союза объявить России войну в случае

⁸¹³ Der Lloyd. 21. Juli 1848. S. 3.

⁸¹⁴ Schuselka F. Österreich über Alles... S. 19.

вступления русских войск в Молдавию и Валахию⁸¹⁵. Распространялись слухи, что казаки совершают грабительские набеги на население Дунайских княжеств⁸¹⁶, крадут у землевладельцев скот, а затем тех же землевладельцев заставляют этот скот покупать⁸¹⁷.

В статье под характерным заголовком «Должен ли Дунай быть русским?» выражалось убеждение, что длительное занятие княжеств Россией облегчило бы ей воздействие на православное население от Черного до Адриатического морей, и в результате наступило бы полное «стратегическое опутывание» Австрии⁸¹⁸. Окруженная Россией с Севера, Востока и Юга, в случае войны она сразу потеряла бы все венгерские земли на левом берегу Дуная и Галицию⁸¹⁹. По мнению автора статьи, пока Австрия слаба, княжества должны оставаться под контролем Турции. Впоследствии, надеялся автор, Австрия сможет их забрать. При этом выражалась надежда на понимание со стороны Англии и Франции⁸²⁰.

Австрийская периодика проявляла симпатии к румынским революционным кругам, которые, как правило, были настроены антирусски⁸²¹. Корреспонденты «Прессе» обращали внимание на то, что «румынская национальность» является потенциальным препятствием на пути России в Константинополь⁸²². Революционное движение в Валахии, преследуемое как турецкими, так и русскими властями, изображалось стремящимся показать «свободной Европе», что валахи достойны свободы⁸²³. В свете последовавшей через несколько лет Крымской войны интересно утверждение о надежде валашских революционеров на то, что «вскоре возникнет всеобщий пожар на Востоке, который очень вероятно вызовут турки своей глупостью и русские – своей жадной завоеваний»⁸²⁴. По отношению к ориентировавшимся на Россию консервативным боярам использовался термин «русопоклонничество» (Russolatrie)⁸²⁵.

---

⁸¹⁵ Der Lloyd. 21. Juli 1848. S. 4.

⁸¹⁶ Der Lloyd. 8. August 1848. S. 4.

⁸¹⁷ Der Lloyd. 4. Oktober 1848. S. 3.

⁸¹⁸ Der Lloyd. 10. August 1848. S. 1.

⁸¹⁹ Ibid.

⁸²⁰ Ibid.

⁸²¹ Die Presse. 24. Juli 1848. S. 4; 31. Juli 1848. S. 4.

⁸²² Die Presse. 12. September 1848. S. 2.

⁸²³ Die Presse. 20. Oktober 1848. S. 4.

⁸²⁴ Ibid.

⁸²⁵ Die Presse. 15. November 1848. S. 1.

В газетах публиковались письма за подписью жителей княжеств, в которых высказывались жалобы на пренебрежение Веной этими областями⁸²⁶. Читателя подводили к выводу о том, что, если ничего не предпринять, княжества могут стать русскими провинциями, а Дунай будет «заперт на железный засов»⁸²⁷. Целенаправленно формировалось представление об отрицательной роли России в жизни княжеств. Анонимный корреспондент из Ясс сообщал: «...русские, саранча и холера в соединении чрезвычайно повредили нашей земле физически и морально...»⁸²⁸. Тот же автор выражал сожаление, что Австрия ведет себя пассивно, хотя «на кону в данном случае стоит величайшая немецкая река»⁸²⁹. Использование безымянных корреспондентов должно было создать впечатление большей объективности публикаций. Нельзя исключать и того, что, прикрываясь именем «корреспондентов», издатели высказывали собственные взгляды. На это предположение наводит нарочитый в устах молдаванина акцент на немецком характере Дуная.

Раздавались жалобы на самоуправство русской администрации в княжествах и неспособность назначенных до революции австрийских дипломатических агентов в Молдавии и Валахии воспрепятствовать этому⁸³⁰. Обеспокоенность недостаточно энергичной австрийской политикой высказывалась неоднократно⁸³¹. В результате возникал страх поглощения этой области Россией, опасение, что княжества станут жертвой «нависающего северного колосса», в то время как Европа бездействует⁸³².

На этом фоне даже власть Турции могла изображаться – снова пером румынских корреспондентов – как более предпочтительная⁸³³. Одновременно высказывалось непонимание, почему на происходящее равнодушно смотрят Англия и Франция⁸³⁴. Однако – уже голосом «известного дипломата» – подчеркивалось, что если Турция по каким-либо причинам распадется, дунайская область должна отойти к Венгрии: «на юге

⁸²⁶ См. подробнее: Михеев М. Г. «Русские, саранча и холера»: «Прессе» о присутствии России в Дунайских княжествах (1848–1854 гг.) // Человеческий капитал. 2024. № 5(185). С. 23–32.

⁸²⁷ Der Lloyd. 16. August 1848. S. 1.

⁸²⁸ Die Presse. 12. August 1848. S. 3.

⁸²⁹ Ibid., S. 4.

⁸³⁰ Die Presse. 25. August 1848. S. 3.

⁸³¹ Die Presse. 1. September 1848. S. 3.

⁸³² Die Presse. 26. August 1848. S. 3.

⁸³³ Die Presse. 7. September 1848. S. 4.

⁸³⁴ Der Lloyd. 19. September 1848. S. 4.

речь идет о свободе Дуная и Черного моря, а также об обеспечении наших флангов, которое требует от нас никогда не допустить попадания княжеств в русские руки»⁸³⁵.

Мысль о флангах и окружении Австрии звучит рефреном: Адрианопольский мир, утверждал автор одной из публикаций, фактически поставил княжества «под русское господство, оформил похожее положение Сербии, предоставил России ключ к Дунаю и в стратегическом отношении завершил охват Австрии от Силезии до Боснии»⁸³⁶. Такой взгляд на географию неминуемо должен был привести к выводу, что главная внешняя угроза для Австрии исходит именно от России.

Утверждалось, что по приказу русских расширяется дорога из Фокшан к границе с Трансильванией, что указывает на намерение России прочно обосноваться у австрийской границы и с этой стороны⁸³⁷. Еще большее возмущение вызывало видимое безразличие к этому со стороны обеих германских держав и Франкфуртского национального собрания. Должна ли Германия, спрашивали читателя, «примириться... с потерей своих подлинных и единственных колоний?»⁸³⁸.

При обосновании тезиса о законности австрийских интересов на нижнем Дунае авторы публикаций апеллировали к давнему прошлому, вспоминая, что по Пожаревацкому миру 1718 г. Австрия приобрела и в течение двадцати лет удерживала Малую Валахию, и сопровождая эти рассуждения lamentациями о последующем прекращении Веней активной политики в регионе, где ее место заняла Россия⁸³⁹. Самосохранение требовало от Австрии «либо взять эти земли себе, либо воспрепятствовать тому, чтобы они стали русскими, то есть, добиться их сохранения за Портой»⁸⁴⁰. Австрия при этом воспринималась как «сильное укрепление цивилизации Запада против варварства Востока»⁸⁴¹. Декларировалось, что со стороны Австрии «самое серьезное противодействие России всегда будет на Дунае»⁸⁴². Как отметили в одном издании, «Дунай с его княжествами Господь отдал Австрии»⁸⁴³. А пока утверждалось, что

⁸³⁵ Die Presse. 8. September 1848. S. 2.

⁸³⁶ Die Presse. 11. November 1848. S. 2.

⁸³⁷ Der Lloyd. 4. Oktober 1848. S. 3–4.

⁸³⁸ Der Lloyd. 12. September 1848. S. 4.

⁸³⁹ Die Presse. 12. November 1848. S. 1.

⁸⁴⁰ Ibid. S. 2.

⁸⁴¹ Die Presse. 19. November 1848. S. 1.

⁸⁴² Die Presse. 17. November 1848. S. 1.

⁸⁴³ Цит. по: Heppner H. Op. cit. S. 152.

Россия уже стремится на правый берег Дуная и с этой целью работает в направлении разрыва с Портой⁸⁴⁴.

На страницах газет этого периода можно встретить критику французской и британской политики из-за недостаточной твердости по отношению к России⁸⁴⁵. «Ллойд» в одной из публикаций дошел до того, что британскому посланнику в Константинополе Стрэтфорду Каннингу приписал репутацию человека «дружелюбного по отношению к русским»⁸⁴⁶. В другом выпуске утверждалось, что лорд Пальмерстон сознательно отдает княжества «на милость русской диктатуре», чтобы воспрепятствовать развитию торговли и росту влияния Германии на нижнем Дунае⁸⁴⁷.

При подобной обеспокоенности вполне логично, что охотно публиковалась информация о недовольстве западных держав «эксцессами», связанными с русским военным присутствием в княжествах⁸⁴⁸. Тем самым давалось понять, что действиями России возмущена вся Европа. В то же время, избегая прямой речи, издатели предупреждали возможные нарекания со стороны властей в период, когда именно из Валахии русские войска по запросу австрийских военных вошли в Трансильванию для борьбы с венгерскими революционными отрядами. Последнее обстоятельство должно было лишь усугубить опасения из-за присутствия России в княжествах. Фактически как бы подтверждалось убеждение, что Россия окружает Австрию.

На фоне повторявшейся как мантра формулы «Дунай – немецкая река» контрастно выглядит публикация «Ллойда», где высказана мысль, что лишь небольшая часть судоходного Дуная находится в Германии, в то время как треть – в Венгрии, и еще треть – в славянских провинциях Турции. Поэтому можно было бы равным образом назвать Дунай славянской рекой. Кроме того, важным стратегическим участком реки владеет Россия⁸⁴⁹. В тексте опровергается распространенное мнение о том, что Россия чинит препятствия немецкой торговле на Дунае. Автор отмечает, что именно с 1829 г., когда Россия получила контроль над устьем реки, немецкая торговля в этом регионе значительно выросла, поскольку Россия обезопасила эту территорию от разного рода

---

⁸⁴⁴ Die Presse. 5. Dezember 1848. S. 3.

⁸⁴⁵ Der Lloyd. 30. September 1848. S. 4.

⁸⁴⁶ Ibid.

⁸⁴⁷ Der Lloyd. 5. Oktober 1848. S. 4.

⁸⁴⁸ Die Presse. 26. Dezember 1848. S. 3; 20. Februar 1849. S. 3; 10. März 1849. S. 4.

⁸⁴⁹ Der Lloyd. 20. Juli 1849. Morgen-Ausgabe. S. 3.

разбойников⁸⁵⁰. Далее следует критика «немецких публицистов демократической школы», которые поносят Россию и стремятся вовлечь в войну с ней Австрию, Пруссию и Германию в целом. Упоминается роль России в освобождении Германии от власти Наполеона и то, что в период своих новейших внутренних неурядиц Австрия нигде не находила такого участия и симпатии, как в России⁸⁵¹. Эта статья представляет собой редкое исключение в немецкоязычной публицистике. Ее автор и вдохновитель неизвестны. Возможно, появление текста было инспирировано Россией, либо стало своеобразным «комплиментом» Петербургу за помощь в Венгрии⁸⁵².

Вскоре после подавления венгерской революции открытая критика русской политики продолжилась. На фоне конфликта между Веной, Петербургом и Константинополем из-за революционеров, бежавших в Турцию, в выпусках «Прессе» октября-ноября 1849 г. были опубликованы статьи, вызывающие особый интерес тем, что как бы предвосхищают политику венского кабинета и ряд других событий периода Крымской войны⁸⁵³. Турция названа здесь одним из «естественных союзников» Австрии, а также утверждается, что в возможной войне России и Австрии с Портой, чреватой новыми революционными потрясениями, Австрия «оказалась бы в неестественной борьбе против всей Европы» и «в самом благоприятном случае служила бы только основанием для чудовищной силы и гигантского тела своего врага»⁸⁵⁴. Таким образом, австрийское правительство еще не успело казнить лидеров восстания, подавленного с помощью русских войск, а Россия на страницах газеты уже объявлялась врагом⁸⁵⁵. Причем основанием для вражды являлись именно противоречия на Балканах.

В отношении России высказывалось пожелание, что она не будет настолько неблагоприятна, чтобы избыточным давлением на Порту настроить против себя весь «цивилизованный мир»⁸⁵⁶. При этом проявились ожидания будущей войны с Турцией⁸⁵⁷.

---

⁸⁵⁰ Ibid. Abend-Ausgabe. S. 4.

⁸⁵¹ Ibid.

⁸⁵² В качестве одного из немногих примеров позитивного упоминания о России можно привести заметку «Прессе» о финансовой помощи лично Николая I и русских офицеров, находящихся в Бухаресте, австрийским подданным, бежавшим из охваченной революцией Трансильвании в Валахию. См.: Die Presse. 13. März 1849. S. 3; 22. April 1849. S. 3.

⁸⁵³ См. подробнее: Михеев М. Г. «Русские, саранча и холера»: «Прессе» о присутствии России в Дунайских княжествах (1848–1854 гг.) // Человеческий капитал. 2024. № 5(185). С. 23–32.

⁸⁵⁴ Die Presse. 3. Oktober 1849, S. 1.

⁸⁵⁵ Анализировавший международную ситуацию Ф. И. Тютчев отмечал: «Австрия в глазах Запада не имеет иной ценности, кроме своей антирусской направленности, и тем не менее она не могла бы существовать без помощи России». См.: Тютчев Ф. И. Указ. соч. Т. 3. С. 194.

⁸⁵⁶ Die Presse. 9. Oktober 1849, S. 1.

⁸⁵⁷ Die Presse. 26. Oktober 1849, S. 1.

Ее можно было лишь отсрочить, но вряд ли – избежать. Предполагалось, что в этой войне Англия и Франция будут противостоять России с целью не допустить ее дальнейшего усиления⁸⁵⁸. Преобладание России в Европе стало бы «господством самой грубой силы», которое «окутало бы мир духа ночью и варварством»⁸⁵⁹. Авторов издания страшила перспектива возможного союза Вены и Петербурга в этом конфликте. Поэтому прокламировалась необходимость союза Австрии с Англией в восточном вопросе, несмотря на существующие между ними противоречия⁸⁶⁰. Формулировалось убеждение в солидарности европейских держав в неприятии присутствия России на Балканах⁸⁶¹.

Русскому правительству приписывались планы постепенного поглощения всех дунайских земель с целью «охватить с этой стороны границы Австрийской и Османской империй на всем их протяжении своими длинными щупальцами спрута»⁸⁶². Такая угроза ощущалась не только либеральными публицистами, но и некоторыми военными. Например, участник австрийской оккупации Молдавии и Валахии в 1854–1856 гг. граф Ф. Вимпффен писал, что дальнейшее продвижение России на юго-запад подвергало бы половину австрийской монархии русскому влиянию и окружению Россией, напрямую и через подчиненные ей государства⁸⁶³. В этот же период можно встретить утверждения о зависимости Австрии от России⁸⁶⁴. Можно с осторожностью предположить, что выражение соответствующих страхов в прессе соответствовало реальным опасениям правящего слоя габсбургской монархии.

Тирольский историк Якоб Фальмерайер писал, что по завоевании Константинополя русские «в полном смысле слова станут господами старого мира», в то время как Австрия будет втянута «в круг новой всемирной империи»⁸⁶⁵. В этом контексте султан Абдул Меджид становился «последним пристанищем европейской свободы»⁸⁶⁶, а образ России приобретал роковые черты. Фальмерайер писал о «темном предчувствии», что

⁸⁵⁸ Die Presse. 25. November 1849, S. 1.

⁸⁵⁹ Die Presse. 26. Oktober 1849. S. 1.

⁸⁶⁰ Ibid.

⁸⁶¹ Die Presse. 24. Oktober 1849. S. 1.

⁸⁶² Die Presse. 22. Februar 1850, S. 2. Изображение России как спрута получило распространение в европейской карикатуре на рубеже XIX–XX вв. (См., напр.: <https://www.rbth.com/history/327285-russia-humorous-europe-maps?ysclid=lq2dof8127449881828> (Дата обращения: 12.12.2023), причем, естественно, в роли морского чудовища выступал Николай II. Благодаря публикациям «Прессе» выясняется, что образ использовался уже в середине XIX в., а морское чудовище олицетворял прадед последнего российского императора.

⁸⁶³ Wimpffen F. A. Op. cit. S. 55.

⁸⁶⁴ Die Presse. 18. Mai 1850, S. 1.

⁸⁶⁵ Europa und Russland... S. 327.

⁸⁶⁶ Ibid. S. 328.

«управление европейским будущим больше вообще не зависит от нас самих, а передано в руки наших восточных притеснителей»⁸⁶⁷.

Австрийские публицисты обращали внимание на использование «московитской дипломатией» религиозного рычага в балканской политике. Утверждалось, что даже римский папа не взаимодействует так близко с клиром католических стран, как император Николай – с иерархией Дунайских княжеств⁸⁶⁸. Беспокойство вызывала благотворительная деятельность Петербурга, направленная на православных жителей входивших в состав Австрии Воеводины и Баната. Эти действия истолковывались как преследование петербургским кабинетом подрывной цели, «полное достижение которой неизбежно должно будет окончиться политической смертью всех его соседей»⁸⁶⁹. Характерно, что совсем не клерикальная «Прессе» называла православных верующих «схизматической церковью»⁸⁷⁰. Для конструирования образа России либералы охотно использовали старые католические штампы. Впрочем, подозрение православные подданные австрийского императора могли вызывать и независимо от действий России. Шузелька, например, утверждал, что православное духовенство империи «открыто молится за русского царя»⁸⁷¹.

***

Австро-русские отношения в период после Венского конгресса основывались, в первую очередь, на антиреволюционной солидарности, определявшейся как консервативным внутренним устройством обеих империй, так и их обоюдной заинтересованностью в сохранении сложившейся расстановки сил в Европе. Различие позиций в восточном вопросе в 1820-е гг. лишь на время вызвало в отношениях охлаждение, на смену которому на фоне роста революционных движений в Европе в начале 1830-х гг. пришло повторное укрепление австро-русской связи.

Австрия в силу своей относительной слабости была больше заинтересована в этом союзе. Уже при заключении соглашений осени 1833 г., предусматривавших взаимную помощь в борьбе с внутренними беспорядками, стало ясно, что использование русской помощи Австрией в будущем более вероятно, чем обратная ситуация. Тогда же была

---

⁸⁶⁷ Ibid. S. 332.

⁸⁶⁸ Die Presse. 27. Februar 1850, S. 1.

⁸⁶⁹ Ibid.

⁸⁷⁰ Ibid.

⁸⁷¹ Schuselka F. Österreich über Alles... S. 6.

достигнута неформальная гарантия Россией австрийского престолонаследия. Поэтому перед революцией 1848 г. применительно к отношениям Вены и Петербурга в известной мере можно говорить о конфигурации «ведомый-ведущий». Одним из свидетельств этого стало присоединение Австрией Краковской республики, произошедшее в значительной степени по инициативе России.

В первые месяцы революции отношения пережили период неопределенности, однако консолидация антиреволюционных сил в Австрии к концу года внесла ясность в этот вопрос и позволила Вене рассчитывать на помощь восточного союзника. Будучи поглощенной решением внутренних задач, в крупных международных проблемах Австрия на протяжении 1848–1849 гг. занимала предельно осторожную позицию и, таким образом, набирала очки у Петербурга.

Помощь в Венгрии в 1849 г. принималась и оказывалась по необходимости, без энтузиазма с обеих сторон. В Петербурге долго надеялись, что Австрия справится самостоятельно. Австрия, в свою очередь, до последнего стремилась избежать обращения за помощью. Когда это стало неизбежным, Николай I настоял на официальном характере запроса. Для Австрии этот шаг был, вероятно, последней надеждой на спасение, тогда как для России он был продиктован необходимостью сохранения прежней расстановки сил в Центральной и Восточной Европе и недопущения очередного выхода на повестку дня польского вопроса. Монархическая солидарность при этом для Николая имела важное, но по сравнению с государственным интересом второстепенное значение. Репрессии австрийских властей в покоренной Венгрии вызвали осуждение в Петербурге и оставили неприятный осадок в отношениях.

Кроме того, помощь Вене способствовала укреплению у российского императора представлений о зависимости габсбургского правительства от России. Сформировались предпосылки, при которых Николай мог перестать воспринимать Австрию как полноценную великую державу, обладающую интересами, которые могут существенно отличаться от интересов России.

Революция 1848 г. и последовавший за ней период стали временем массовых проявлений русофобии в Австрии. Особенное возмущение в австрийском общественном мнении вызывала балканская политика России и, в частности, занятие русскими войсками Дунайских княжеств. Кажущееся укрепление позиций России на Балканах усиливало антипатии к ней, поскольку экспансия в этом регионе считалась неотъемлемой частью

исторической миссии Австрии. В качестве возможных сфер влияния рассматривались даже Греция и Турция.

Необходимость прибегнуть к русской помощи в 1849 г., будучи ярким свидетельством слабости Габсбургской монархии и ее зависимости от России, болезненно отозвалась на самолюбии австрийцев, что проявилось в публицистике. Россия воспринималась как угроза. Это ощущение усиливалось страхом перед панславизмом – опасностью, носившей вполне мифический характер. На Россию смотрели с нескрываемым чувством превосходства, как на недружелюбное, чуждое европейской цивилизации пространство. Формирование в австрийских изданиях образа России как отсталой, полуварварской страны выполняло задачу частичной компенсации страха перед ней.

Очевидную асимметрию между русофобией общественного мнения и сотрудничеством венского кабинета с Россией в это время можно объяснить, с одной стороны, безальтернативностью для Австрии России как помощника в преодолении революционного кризиса, с другой стороны – тем, что верхушка Габсбургской монархии в целом по-прежнему была носителем консервативного мировоззрения, до известной степени роднившего ее с правящим слоем Российской империи.

После подавления венгерского восстания оставались неясными перспективы Австрии в германском вопросе, где на передний план вышло противостояние с амбициозной Пруссией. В России опасались, что Вене не хватит ресурсов для успешного сопротивления Берлину. Эта трудность в положении Австрии была осознана в Петербурге еще до окончания венгерского похода⁸⁷². В то же время, благодаря решительному образу действий правительства Ф. Шварценберга в течение 1848–1849 гг. были заложены основы проявившегося впоследствии благожелательного отношения России к Австрии в ее борьбе с Пруссией за влияние в Германии.

---

⁸⁷² Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 315.

Глава 2. Австрия, Россия и германский вопрос в 1850–1851 гг.

§ 2.1. Австро-русские отношения в германском вопросе до австро-прусского конфликта 1850 г.

В центре Европы после Наполеоновских войн на смену упраздненной Священной Римской империи германской нации пришел Германский союз – конфедеративное объединение, состоявшее из почти 40 государств при формальном главенстве Австрии. Фактически в Германии сохранялся австро-прусский дуализм. По замыслу создателей, Союз должен был служить «своеобразной системой безопасности» в центре Европы и «непременным условием функционирования Венской системы»⁸⁷³. Объединение германских государств имело ярко выраженный оборонительный характер: будучи достаточно сильным для того, чтобы не допустить установления полного преобладания в центре Европы одной из великих держав, одновременно оно было недостаточно централизованным, чтобы представлять угрозу для соседей.

Для Австрии Германский союз также служил в качестве одной из опор для консервативной политики легитимизма. При этом Меттерних был склонен рассматривать Германию, подобно Италии, как «географическое понятие», воспринимая Союз, скорее, как европейское, чем как германское учреждение⁸⁷⁴. Т. Ниппердей характеризовал Германский союз как «инструмент реставрации, системы Меттерниха, противодействия либеральному и национальному духу времени»⁸⁷⁵. В этом смысле он отвечал интересам не только Австрии, но и России как одному из главных архитекторов послевоенного устройства Европы.

Вовлеченность России в германские дела берет начало с Тешенского мира 1779 г., завершившего Войну за баварское наследство между Австрией с одной стороны, Пруссией и Саксонией – с другой. Мир был заключен по инициативе России и гарантирован ей совместно с Францией⁸⁷⁶. Соглашение обеспечило сохранение относительного баланса сил между Австрией и Пруссией в Германии, выгодного России и Франции как фланговым державам континента. С этого времени Россия неоднократно

---

⁸⁷³ Медяков А. С. История международных отношений... С. 326–327.

⁸⁷⁴ Sked A. Europe's Balance of Power... P. 116–117.

⁸⁷⁵ Nipperdey Th. Op. cit. S. 356.

⁸⁷⁶ Подробнее об этом см.: Нерсесов Г. А. Указ соч.

выступала в роли арбитра в решении внутригерманских вопросов. Росту ее влияния в немалой степени способствовала матримониальная политика Романовых, связанных родственными узами с целым рядом германских правящих домов.

После вступления русских войск в Париж авторитет России в Европе достиг беспрецедентно высокого уровня. Германские государства, как ближайшие соседи, чувствовали это лучше других. По образному выражению Г. Лутца, к началу 1820-х гг. над Средней Европой широко распростерлась тень России⁸⁷⁷. Опосредованно русское влияние проявилось уже на Ахенском конгрессе европейских держав 1818 г., когда русский статский советник А. С. Стурдза издал записку, в которой призывал прусское и другие правительства отреагировать на распространение национальных и либеральных идей в германских университетах. В августе 1819 г. состоялась встреча Франца I и Фридриха Вильгельма III в Теплице, на которой были определены основы антилиберальных мер в университетской политике, цензурном и конституционном вопросах. За этой встречей последовали министерские конференции в Карлсбаде 6–31 августа 1819 г., итогом которых стало ограничение прессы, ужесточение цензуры и введение специальных мер контроля за немецкими университетами. Первичный импульс для конференций и принятых ими решений был дан убийством немецким студентом Карлом Зандом драматурга и журналиста Августа Коцебу, состоявшего на русской службе. Немецкие либеральные круги ставили в вину Коцебу прорусскую деятельность. Интересно, что эрцгерцог Иоганн Габсбург, имперский регент в 1848–1849 гг., после гибели Коцебу записал в дневнике, что ему не жаль убитого, так как он выступал в качестве русского эмиссара в Германии и использовал свое перо в интересах России⁸⁷⁸.

Окончательное устройство Германии было зафиксировано Венским заключительным актом 15 мая 1820 г. 8 июля этот расширенный основной закон Германского союза был принят союзным пленумом во Франкфурте. Венский заключительный акт ограничил полномочия ландтагов, существовавших в отдельных государствах-членах, и укрепил консервативные начала в Союзе. В комплексе эти решения способствовали росту австрийского влияния.

---

⁸⁷⁷ Lutz H. *Op. cit.* S. 14.

⁸⁷⁸ Wollé S. "Das Reich der Sklaverey und die teutsche Libertät...". Die Ursprünge der Rußlandfeindschaft des deutschen Liberalismus // *Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871)* (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. v. M. Keller. München, 1992. S. 419.

Второе наступление консервативных сил в Германии состоялось в начале 1830-х гг. как реакция на Июльскую революцию во Франции. Изданные сеймом летом 1832 г. «Шесть статей» ограничивали конституции отдельных государств-членов: учреждалась комиссия для определения степени вмешательства ландтагов в прерогативы исполнительной власти. Были введены дополнительные стеснения свободы прессы, союзов и собраний. Еще большее ужесточение цензуры произошло в результате министерской конференции в Вене в 1834 г.

Формирующееся либеральное общественное мнение Германии видело за этими событиями руку России. Знаменитый публицист К. Бёрне приписывал России решающее участие в возникновении июльских постановлений 1832 г. и характеризовал политическую ситуацию в Германии следующим образом: «Прусский король является полицейским комиссаром в Северной Германии, австрийский император – в Южной. Над обоими в качестве директора полиции стоит российский император»⁸⁷⁹. В течение предмартовского периода вместе с ростом национализма в Германии распространяется представление о том, что Россия, как оплот реакции, виновна в неудаче немецкого объединения после 1814–1815 гг.⁸⁸⁰.

Русская политика в германском вопросе в предреволюционный период была традиционно охранительной. Можно говорить о преемственности германской политики Александра I и Николая I. В отчете за 1847 г. Нессельроде писал: «Политика императорского кабинета в сношениях с германскими государствами в 1847 г. была такой же, какой она была с 1815 г., доброжелательной и беспристрастной. ...Ваше Величество всегда рассматривали Германский союз...как существенную часть европейской политической системы»⁸⁸¹. И весьма характерное добавление: чтобы Германский союз сохранял тот ранг, который ему полагается среди европейских держав, наряду с прочим необходимо, чтобы между Австрией и Пруссией царило совершенное согласие⁸⁸².

Австро-прусский дуализм был одним из факторов, обеспечивавших влияние России на германские дела. Как отмечал П. Мюллер, Вена и Берлин старались

⁸⁷⁹ Цит. по: Vaerst-Pfarr Chr. Stimmen der neuen Opposition: Börne, die „Hambacher“ und die Polen-Historiker // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. v. M. Keller. München, 1992. S. 580.

⁸⁸⁰ Pape W. Eispalast der Despotie. Russen- und Rußlandbilder in der politischen Lyrik des Vormärz (1830–1848) // Ibid. S. 435.

⁸⁸¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 36. Л. 218.

⁸⁸² Там же. Л. 219.

использовать русское влияние каждый в свою пользу⁸⁸³. Поддержание этого равновесия означало для России (но также и для западных держав) препятствие превращению Германии в единый центр силы. В этом пункте русские интересы сближались с австрийскими, ввиду относительной слабости Австрии и прусского влияния в Германии, укреплявшегося в предреволюционный период, в первую очередь, на экономической основе.

Вместе с тем, не менее важным, чем элемент конкуренции, для австро-прусских отношений было сотрудничество, направленное на борьбу с либерально-национальными, конституционными тенденциями, что было также исключительно важно для России, которая таким образом оставалась защищенной барьером от возможных революционных влияний с Запада. Николай I реагировал с энтузиазмом на проявление австро-прусской консервативной солидарности даже во второстепенных вопросах. Например, когда в конце 1847 г. Пруссия выразила готовность предложить Австрии военную кооперацию в решении внутривосточного конфликта в Швейцарии, российский император отреагировал на это известие восклицанием «Браво!»⁸⁸⁴.

В Германии Австрия при случае могла открыто опереться на авторитет России, не оглядываясь на мнение других правительств и не боясь реакции общественного мнения. Так, во время присоединения Кракова к австрийской монархии Меттерних предложил, чтобы соответствующая декларация, которой обменялись австрийский, прусский и русский кабинеты, была сообщена германскому сейму не только от имени двух германских дворов, но и от имени России⁸⁸⁵. Вплоть до своей отставки австрийский канцлер считал согласованные действия трех восточных монархий главным условием поддержания консервативного устройства на континенте⁸⁸⁶.

В русской столице понимали, что в практическом плане Австрия может сделать для защиты Германии немного⁸⁸⁷. Уже в ходе Июльской революции 1830 г. и Рейнского кризиса 1840 г. выяснилось, что Пруссия готова выставить большее число войск на защиту Германии от Франции, чем Австрия⁸⁸⁸. Поэтому, когда в марте 1848 г. во Франции

⁸⁸³ Müller P. Feldmarschall Fürst Windischgrätz... S. 220.

⁸⁸⁴ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 11(23).11.1847 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 21. Л. 208.

⁸⁸⁵ К. Меттерних – Ф. Коллоредо. 7.03.1847 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 12. Л. 291.

⁸⁸⁶ К. Меттерних – К. Буолу. 1.02.1848 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 6. Л. 54.

⁸⁸⁷ Meyendorff P. Op. cit. Bd. II. S. 39.

⁸⁸⁸ Sked A. Europe's Balance of Power... P. 118.

разразилась очередная революция, Николай I обратился с призывом защитить Германию к Берлину, а не к Вене.

В короткий промежуток времени между революциями в Париже и главных германских столицах русский поверенный в делах в Вене пишет о тенденциях, которые будут обращать на себя внимание русского правительства на протяжении следующих нескольких лет: Фонтон сообщает о распространении в Германии «унитарных демократических утопий»⁸⁸⁹. Эти «утопии» в качестве первоочередной цели провозглашали создание единого германского государства, что было полной противоположностью представлениям Петербурга об устройстве Германии, которая, в понимании Петербурга, согласно европейскому праву, являлась «коллективной державой», а не «политической единицей»⁸⁹⁰.

После мартовских событий в Вене Фонтон отмечал непростое положение австрийского правительства на фоне национального воодушевления по всей Германии. По его мнению, дополнительных сложностей австрийскому правительству добавляли речи прусского короля, заигрывавшего в тот период с немецким национализмом⁸⁹¹. На рубеже марта-апреля дипломат обращал внимание на публикации в официозной «Винер цайтунг», где говорилось о соединении с общим германским отечеством и необходимости проведения Веной германской в своей основе политики⁸⁹².

Если в первой половине марта Австрия и Пруссия были готовы для защиты законности и порядка объединить вокруг себя весь Германский союз⁸⁹³, то уже к концу месяца венский кабинет был вынужден занять крайне сдержанную позицию в германском вопросе. Австрия была не в состоянии повлиять на развитие событий за пределами собственных границ. На территории всей Германии в полный голос заговорили либерально-демократические силы, и было неясно, к каким последствиям во внешней политике германских государств это приведет. Эта неопределенность была одной из основных причин концентрации Россией значительной массы войск вдоль западной границы империи. Официально Николай I занял выжидательную позицию. О том, что

---

⁸⁸⁹ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 26.02(9.03).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 265.

⁸⁹⁰ Отчет по Германии за 1848 год. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 56. Л. 261.

⁸⁹¹ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 11(23).03.1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 376.

⁸⁹² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 384.

⁸⁹³ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 26.02(9.03).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 265.

политика России будет «выжидательной и оборонительной», было заявлено еще весной⁸⁹⁴, и в течение всего 1848 г. Петербург придерживался этой линии.

Неспособность венского кабинета воздействовать на ход событий в Германии находит отражение в дипломатической переписке. Когда летом 1848 г. эрцгерцог Иоганн Габсбург был избран Франкфуртским парламентом имперским регентом (*Reichsverweser*), исполняющий обязанности австрийского министра иностранных дел Лебцельтерн писал в Петербург, что это решение было принято, в первую очередь, правительствами Германии, а уже потом депутатами Паульскирхе⁸⁹⁵. Австрийское министерство стремилось сохранить хорошую мину при плохой игре и создать в русской столице впечатление, что контролирует положение дел. Этим же стремлением продиктовано имевшее место позднее сопровождение министром иностранных дел И. Вессенбергом эрцгерцога во Франкфурт⁸⁹⁶.

Русское правительство считало Франкфуртский парламент нелегитимным органом и, соответственно, не торопилось признать эрцгерцога Иоганна в его новой функции. Для этого, по мнению петербургского кабинета, было необходимо признание эрцгерцога законными германскими суверенами⁸⁹⁷. В то же время негласно, в депеше барону А. Ф. Будбергу, занимавшему в тот момент должность русского поверенного в делах во Франкфурте, было признано, что Германский союз в том виде, в котором он был создан с участием России и основан на публичном праве Европы, более не существует. Вместо него, отмечалось в депеше, формируется новое образование под названием Германской империи, стремящееся к расширению границ, не предусмотренному договорами 1815 г.⁸⁹⁸. При этом в частных письмах Нессельроде отмечал, что революционная Вена «еще отвратительнее Франкфурта» и заставляет сомневаться в будущем Австрийской монархии⁸⁹⁹.

***

---

⁸⁹⁴ Циркуляр русским представителям при немецких второстепенных дворах. 22.04(4.05).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 36. Л. 101.

⁸⁹⁵ Лебцельтерн – Э. Лебцельтерну. 18.07.1848 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 6. Л. 249–250.

⁸⁹⁶ Символическая выгода Австрии от назначения эрцгерцога имперским регентом была очевидна. Год спустя «Винер боте» отмечал, что, если не удастся удержать его в этой должности, руководство «немецким центральным правительством» неизбежно окажется в руках Пруссии. См.: *Der Wiener Bote*. 19. Juni 1849. S. 3.

⁸⁹⁷ К. В. Нессельроде – А. Ф. Будбергу. 10(22).08.1848 (копия) // ГАРФ. Ф. 1127. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

⁸⁹⁸ Там же. Л. 2.

⁸⁹⁹ Nesselrode Ch. Op. cit. T. IX. P. 145.

Отдельное место в австро-русских отношениях в рамках германского вопроса было суждено занять шлезвиг-гольштейнскому кризису, начавшемуся весной 1848 г. с конфликта Копенгагена и немецкого населения входивших в состав Дании герцогств Шлезвиг и Гольштейн, поддержанного Пруссией и рядом германских государств. Образование временного правительства в герцогствах и его внешнеполитическая активность поставили австрийское правительство в затруднительное положение: во второй половине апреля представитель временной администрации герцогств граф Эрнст Ревентлов прибыл в Вену, чтобы добиться признания этого органа австрийскими властями. Фикельмон не пошел на признание, однако не смог отказать Ревентлову в приеме, очевидно, опасаясь негативной реакции общественного мнения, активно выступавшего в пользу немецкого движения на севере Германии⁹⁰⁰.

Действия Пруссии и немецкого национального движения, направленные против Дании, вызвали резко отрицательную реакцию России по причине важного стратегического положения Шлезвига и Гольштейна между Балтийским и Северным морями⁹⁰¹. Однако из-за высокой релевантности этого вопроса для немецкого национализма у Певческого моста вынуждены были проявлять осторожность, особенно в течение весны 1848 г., когда было неясно, чем закончатся потрясения в Европе. 27 апреля Нессельроде писал, что, если бы Россия приняла в поддержку Дании сильные меры, например, отправила флот к берегам Пруссии, она рисковала бы поднять всю Германию против себя и возродить симпатии немцев к полякам, которые только-только исчезли. Канцлер намеревался подождать до тех пор, когда свое отношение к конфликту сформулирует Англия⁹⁰². Русский посланник в Берлине П. К. Мейендорф высказал по этому поводу весьма прагматичное, хотя и не вполне легитимистское соображение: «В ситуации, когда датчане входят в Шлезвиг, и немецкие подданные Дании обращаются с призывом к Германии, становится возможным, что защита Гольштейна займет тевтонский патриотизм и отвлечет от антирусской ярости»⁹⁰³.

---

⁹⁰⁰ К. Фикельмон – Э. Лебцельтерну. 25.04.1848 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 6. Л. 207.

⁹⁰¹ Сохранение целостности Датского королевства было в 1848 г. общим интересом всех негерманских держав Европы. В Англии, например, давление, оказываемое Россией на Пруссию в шлезвиг-гольштейнском конфликте, воспринималось в качестве «большой услуги» делу мира обеими политическими партиями (Ф. И. Бруннов – П. К. Мейендорфу. 7.06.1848 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 598. Л. 107–107 об.).

⁹⁰² Nesselrode Ch. Op. cit. T. IX. P. 88.

⁹⁰³ Meyendorff P. Op. cit. Bd. 2. S. 54.

В этот период венский кабинет отдал своего рода дань патриотическому подъему немцев. Министерство Фикельмона предложило разделить Шлезвиг, оставив населенный датчанами север Дании, а немецкий юг присоединить к Гольштейну и образовать из этой области составную часть Германии. Нессельроде расценил этот шаг как попытку предотвратить агрессивную политику Пруссии⁹⁰⁴. Характерно, что даже при таком революционном предложении в духе ненавистного консерваторам «принципа национальностей» симпатии российского канцлера оставались на стороне Вены. Тогда как для последней эта инициатива была, вероятнее всего, тактическим шагом, призванным отсрочить решение проблемы, на динамику развития которой Австрия в тот момент повлиять не могла.

В 1848–1849 гг. Австрия отмежевалась от участия в шлезвиг-гольштейнском конфликте вынужденно. Когда в начале февраля 1849 г. представитель датского правительства прибыл в Ольмюц с целью добиться присоединения Австрии к декларации великих держав о правах датского короля на Шлезвиг, Шварценберг ответил, что Австрия не может этого сделать вследствие деликатности ее положения в этом вопросе по отношению к Германии. Но одновременно князь обещал, что Австрия не примет участия в боевых действиях, которые могли бы возникнуть между Данией и германскими государствами, подчиняющимися решениям Франкфуртского национального собрания⁹⁰⁵. На обособленность венского кабинета в этом вопросе указывает и то, что в 1849–1851 гг. австрийский военный флот возглавлял датчанин Г. Б. Далеруп.

Со стороны такой курс воспринимался как признак слабости и полной потери Австрией влияния в Германии. В Лондоне, по свидетельству Ф. И. Бруннова, в конце 1848 г. полагали, что вследствие революций в центре Европы и внутреннего кризиса, переживаемого монархией Габсбургов, последняя «останется за пределами унитарной империи, в то время как германские государства 2-го и 3-го порядка в конце концов окажутся под господством Пруссии»⁹⁰⁶.

В то же время именно дистанцированность Австрии от шлезвиг-гольштейнского вопроса повышала доверие к ней Петербурга. Особенно выгодно такая политика выглядела на фоне действий Пруссии, пытавшейся использовать в собственных интересах

---

⁹⁰⁴ Отчет за 1848 год // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 56. Л. 213.

⁹⁰⁵ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 30.01(11.02).1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 87.

⁹⁰⁶ Ф. И. Бруннов – П. К. Мейендорфу. 1.12.1848 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 598. Л. 120.

немецкий национализм. Тем самым закладывалась одна из предпосылок для последующей поддержки Россией Вены в противостоянии с Берлином⁹⁰⁷.

***

К концу 1848 г. консервативные силы габсбургской монархии консолидировались и, за исключением Венгрии, сумели подавить очаги революции в империи. Назначение Ф. Шварценберга главой правительства и смена монарха свидетельствовали о готовности австрийских элит к более активным действиям. В контексте германского вопроса это означало решительный отказ как от принятого в октябре Франкфуртским национальным собранием решения, грозившего разделением Австрийской империи⁹⁰⁸, так и от последовавшего за ним проекта одного из лидеров Паульскирхе Генриха фон Гагерна, в рамках которого объединяющаяся Германия образовывала федеративное государство (*engerer Bund*), а с Австрией взаимодействовала на конфедеративной основе (*weiterer Bund*). Общенемецкий парламент и порожденную им центральную власть Австрия рассматривала как плод революции и считаться с их решениями не собиралась. 12 декабря на заседании совета министров Шварценберг представил альтернативную программу, ключевыми элементами которой стали идеи о централистском устройстве Австрийской империи и вхождении всех ее провинций в Германский союз⁹⁰⁹. 9 марта 1849 г. об этом плане объявили во Франкфурте. Одним из мотивов стремления включить все земли империи в Союз было гарантирование целостности габсбургской монархии, угрожаемой национальными движениями в Венгрии, Италии и ряде славянских земель. Опора на прочное германское основание позволила бы значительно снизить соответствующий риск.

К началу 1849 г. Шварценбергу удалось завоевать расположение Николая I на германском направлении⁹¹⁰. В австрийской столице, несомненно, обрадовались бы, узнав, как российский император воспринимает отношения между Берлином и Венной: «Король прусский просит меня его помирить с Австрией, но... Австрия основывает свои действия на правом, а Пруссия не хочет явного разрыва с революцией, как тут мирить можно?»⁹¹¹.

⁹⁰⁷ См. Гл. 2, § 2.

⁹⁰⁸ Немецкие провинции Австрии, согласно этому решению, должны были войти в единую Германию, остальные провинции – остаться в личной унии с последней.

⁹⁰⁹ Protokoll der Sitzung des österreichischen Ministerrates gehalten zu Olmütz am 12. Dezember 1848. URL: <https://mrp.oaw.ac.at/pages/show.html?document=MRP-1-2-01-0-18481212-P-0002.xml> (дата обращения: 09.11.2022).

⁹¹⁰ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 6. С. 272.

⁹¹¹ Письмо от 25 апреля 1849 г. Там же. С. 285.

Своему прусскому шурина Николай прямо писал, что результатом продолжения войны с Данией может стать антанга между Россией и Францией в датском вопросе, что не пойдет на пользу Германии⁹¹².

Русская дипломатия в Германии в этот период ориентировала второстепенные дворы на сотрудничество с министерством Шварценберга. Посланник в Штутгарте князь А. М. Горчаков сообщал вюртембергскому принцу Фридриху, что Австрия движется по пути к возвращению подобающего ей положения, находится на почве права и договоров, и германским суверенам следует придерживаться «пассивного ожидания» и дистанцироваться от франкфуртского парламента⁹¹³. Поскольку базовым принципом германской политики России оставалось поддержание австро-прусского дуализма, второстепенным государям Германии рекомендовалось сгруппироваться вокруг Вены и Берлина⁹¹⁴. Впрочем, последняя рекомендация носила преждевременный характер, поскольку согласия между Австрией и Пруссией в тот момент не существовало.

В отношениях с Россией Шварценберг во многом продолжал политику Меттерниха. Старый канцлер в предреволюционные годы методично напоминал Петербургу, что интересы обеих империй в поддержании порядка одинаковы. Теперь о том же не уставал писать Шварценберг⁹¹⁵. Роспуском австрийского рейхстага 7 марта он должен был еще больше повысить кредит доверия в русской столице. Решением того же порядка был отзыв австрийских депутатов из Франкфурта 5 апреля. Эти меры были тем более своевременными, что именно в апреле Нессельроде сообщил Меду, что в течение 1848 г. русское правительство хранило молчание в германском вопросе так долго, как было возможно, чтобы никого не раздражать, но теперь условия изменились⁹¹⁶.

На взаимопонимание венского и петербургского кабинетов сразу же обратили внимание в Берлине. Л. Герлах отмечал, что «Россия смотрит на Австрию, как если бы она преодолела революцию»⁹¹⁷. Пруссия же как раз переходила в Германии к политике, воспринимавшейся консервативными силами в качестве революционной.

Отказавшись от императорской короны, предложенной «революционерами» Паульскирхе, король Фридрих Вильгельм IV дал понять другим германским суверенам,

⁹¹² Николай I – Фридриху Вильгельму IV. 28.04(10.05).1849 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 1501. Л. 2 об.

⁹¹³ А. М. Горчаков – Принцу Вюртембергскому Фридриху. 4(16).01.1849 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 235. Л. 1.

⁹¹⁴ Там же. Л. 2.

⁹¹⁵ Ф. Шварценберг – К. Буолу. 13.03.1849 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 238.

⁹¹⁶ Meyendorff P. Op. cit. Bd. II. S. 199.

⁹¹⁷ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 273.

что готов встать во главе федеративного германского государства. Главным автором замысла и помощником в его осуществлении стал друг и советник короля генерал Йозеф Радовиц. Для Австрии реализация подобного сценария была неприемлема, поскольку низводила ее до подчиненного по отношению к Пруссии положения, либо вообще грозила изгнанием из Германии. Будучи в этот период поглощенной борьбой с венгерским восстанием, Вена апеллировала к Петербургу. Австрийские власти целенаправленно формировали у российского партнера представление о революционном характере прусской политики. Весной 1849 г. звучат жалобы Австрии на то, что Пруссия не отвечает на предложения действовать сообща для восстановления порядка и законности в Германии⁹¹⁸.

Берлин в этот период действительно стремился добиться односторонних преимуществ. В середине мая в Вену прибыл прусский уполномоченный барон Каниц, чтобы добиться согласия Австрии на формирование во Франкфурте временной центральной власти под главенством прусского короля. Чуть позже Австрии предложили заключить соглашение с Германским союзом, который возглавлял бы тот же Фридрих-Вильгельм IV. Шварценберг ответил, что идея отделить Австрию от Германии и поставить последнюю под главенство Пруссии неприемлема⁹¹⁹. Но дальше этой декларации Австрия в тот момент пойти не могла. Франц Иосиф жаловался Меду на то, что договариваться с Пруссией становится все труднее⁹²⁰.

17–26 мая в Берлине прошла конференция, посвященная рассмотрению вопроса о новой политической организации Германии, с участием Пруссии, Австрии, Баварии, Вюртемберга, Ганновера и Саксонии. Представители Австрии и южногерманских королевств уже на начальном этапе прекратили участие в конференции, которая завершилась заключением соглашения между Пруссией, Ганновером и Саксонией, так называемого «Союза трех королей»⁹²¹. 28 мая был предложен вариант конституции для проектируемого объединения. В течение следующих нескольких месяцев к проекту присоединился ряд малых германских государств. Прусская инициатива получила впоследствии известность как «Эрфуртская уния» по названию города, где с 20 марта по

---

⁹¹⁸ Ф. Шварценберг – К. Буолу. 13.03.1849 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 242.

⁹¹⁹ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 4(16).05.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 438.

⁹²⁰ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 21.05(2.06).1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 186. Л. 490.

⁹²¹ Саксония и Ганновер, впрочем, сразу оговорили, что имеющую быть разработанной конституцию примут только в случае ее одобрения всеми государствами Германского союза, кроме Австрии. Уже осенью 1849 г. Дрезден и Ганновер дистанцировались от этого проекта.

29 апреля 1850 г. заседал двухпалатный парламент из представителей государств, поддержавших прусское предложение.

Позиции Австрии в Германии весной-летом 1849 г. крайне ослабляла неурегулированность венгерской проблемы, что отмечал, в частности, австрийский посланник в Берлине А. Прокеш-Остен⁹²². Не имея возможности противостоять прусской политике собственными силами, Австрия обратилась к России, продолжая обращать внимание российского партнера на сопротивление Пруссии консервативной работе Австрии. «Союз трех королей» Шварценберг просто называл «опасным планом» по установлению прусской диктатуры в Германии «на революционных основаниях»⁹²³. Эти усилия приносили плод. В мае, когда прусский король выразил желание встретиться с Николаем I, последний отказался от встречи⁹²⁴.

В июле Шварценберг сообщил Меду, что венский кабинет высказался против эскалации конфликта с Данией и отказался посылать в Шлезвиг-Гольштейн свой контингент войск в качестве члена Германского союза и содействовать немецким войскам денежными субсидиями. К этому Шварценберг не забыл прибавить, что Австрия недовольна позицией Пруссии в датском вопросе⁹²⁵.

Одновременно он не оставлял попыток достичь компромисса с Берлином. Летом и осенью 1849 г. велись австро-пруссские переговоры об учреждении совместного исполнительного органа в Германии, который сменил бы исполнительную власть Паульскирхе, формально продолжавшую существовать. Это намерение встретило поддержку России, видевшей в нем движение к восстановлению австро-прусского консервативного сотрудничества⁹²⁶. Мейендорф дал понять прусскому министерству, «что оно не сможет заниматься европейской политикой, особенно вместе с Россией, пока не достигнет согласия с Австрией в германских делах»⁹²⁷.

30 сентября в Вене Шварценбергом и прусским посланником А. Бернсторфом была подписана конвенция об образовании во Франкфурте Центральной комиссии Германского союза (Bundeszentralkommission) – временной исполнительной власти со сроком

⁹²² Prokesch-Osten A. Aus den Briefen... S. 26–27; 29.

⁹²³ Ф. Шварценберг – К. В. Нессельроде. 5.06.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 11. Л. 9.

⁹²⁴ Buol an Schwarzenberg. 12. Mai 1849 // HHStA. PA X. K. 27. F. 15–16.

⁹²⁵ П. И. Меду – К. В. Нессельроде. 18(30).07.1849 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 187. Л. 267.

⁹²⁶ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 20.09.1849 // Meyendorff P. Op. cit. Bd. II. S. 217.

⁹²⁷ Ibid. S. 218.

полномочий до 1 мая 1850 г.⁹²⁸. Целью провозглашалось сохранение Союза и обеспечение внутренней и внешней безопасности Германии. В состав комиссии вошли барон К. Кюбек и генерал К. Шёнгалс с австрийской стороны, генерал Й. Радовиц и К. Бёттихер – со стороны Пруссии. Николай I выразил одобрение этому шагу германских держав и обещал им свою поддержку в деле поддержания договоров 1815-го и 1820-го гг., касающихся Германского союза⁹²⁹. 31 декабря 1849 г. Центральная комиссия (для ее обозначения также часто использовали термин «Interim») известила дипломатический корпус во Франкфурте, что 20 декабря она приняла полномочия от эрцгерцога Иоганна (формально Иоганн передавал полномочия австрийскому императору и прусскому королю).

Со стороны Австрии подписание соглашения было, скорее, оттягиванием определенного решения австро-прусского конфликта до более благоприятного момента. Существует, впрочем, альтернативное мнение. Р. Остенсен полагает, что Шварценберг был готов к компромиссу и рассматривал создание этого органа как возможный шаг к приемлемому для обеих сторон разграничению сфер интересов в Германии. И только впоследствии был вынужден прибегнуть к более решительным мерам – возродить сейм в его прежней форме, открыть путь для пропаганды проектов К. Брука по экономической интеграции центра Европы и обратиться за поддержкой к Николаю I⁹³⁰.

С прусской стороны соглашение также, очевидно, воспринималось в качестве временного компромисса, поскольку после его подписания Берлин не отказался от своих объединительных планов. 19 октября Управляющий совет Унии принял решение провести выборы в германский рейхстаг. Прокеш 28 ноября передал прусской стороне ноту протеста, в которой утверждалось, что инициатива Берлина противоречит существующим договорам, а имеющий быть созванным рейхстаг представляет опасность для не участвующих в нем государств. Австрия заранее отказывала этому собранию в любой действительности и предупреждала, что если вследствие выборов порядок в Германии будет нарушен, она отреагирует со всей решительностью⁹³¹.

Из Петербурга Пруссии также дали понять, что не потерпят нарушения баланса сил в Германии. 20 сентября Прокеш сообщил Шварценбергу, что Мейендорф во время

⁹²⁸ См. Михеев М. Г. Германская политика Австрии летом-осенью 1850 года и позиция России // Клио. 2022. № 11(191). С. 45–57.

⁹²⁹ Проект ноты австрийскому и прусскому посланникам. 31.12.1849(12.01.1850) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1849. Д. 7. Л. 486–489.

⁹³⁰ Austensen R. A. Austria and the “Struggle for Supremacy in Germany”... P. 212.

⁹³¹ Friedjung H. Fürst Felix Schwarzenberg... S. 546–548.

разговора с прусским министром иностранных дел бароном А. фон Шлейницем заметил, что Россия не вмешивается в германский вопрос, но, если дойдет до разрыва между Австрией и Пруссией, встанет на сторону Австрии⁹³².

У Певческого моста при этом руководствовались не симпатиями к Австрии (личные отношения между российской и прусской верхушками были традиционно более близкими), а логикой политической необходимости. К. В. Нессельроде формулировал это так: «Австрийское правительство наконец поняло, что его сила в Европе покоится, главным образом, на его тесном союзе с Россией. ...Печально сказать, что эта Австрия, которую мы подняли из руин...сегодня является единственной державой, которую мы могли бы рассматривать как подлинного союзника в Европе»⁹³³. В высших слоях Российской империи были и другие фигуры, скептически смотревшие на союз с монархией Габсбургов. И. Ф. Паскевич, например, полагал, что союз с Австрией для России «еще долго будет больше обузой, чем помощью»⁹³⁴.

Говоря о сотрудничестве двух империй, необходимо помнить, что во многом вынужденный характер оно носило для обоих участников. Для Габсбургов Россия являлась по сути единственным надежным гарантом целостности их владений, в то время как Николаю I принципиально важно было сохранить Австрию в качестве ключевой силы, удерживающей центр Европы в благоприятной для России конstellляции. Собственно, и участие русских войск в подавлении венгерского восстания – наиболее зримое проявление австро-русской антанты – не в последнюю очередь было обусловлено стремлением не допустить вытеснения Австрии из Германии. В обзоре внешней политики Российской империи за 1849 г. подчеркивается, что при принятии решения о содействии Вене среди прочих мотивов была «конкретная политическая цель: помочь Австрии выйти из ее затруднений, чтобы дать ей возможность вернуть в Германии роль и место, которые она потеряла исключительно в пользу прусского правительства»⁹³⁵.

Авторитет России в Центральной Европе в рассматриваемый период был почти непререкаем. Восприятие российского самодержца в Германии ярко охарактеризовал Ф. Бойст: в Берлине и при большинстве германских дворов он был «как существо высшего

---

⁹³² Prokesch-Osten A. Aus den Briefen... S. 92.

⁹³³ К. В. Нессельроде - И. Ф. Паскевичу. 11(23).01.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 100. Раздел «Ехр.». Без нумерации.

⁹³⁴ И. Ф. Паскевич – П. К. Мейендорфу. 6(18).02.1850 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 704. Л. 32 об.

⁹³⁵ ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 88.

порядка...в Вене необходимость дружбы с ним являлась твердым принципом...»⁹³⁶. Вена тяготилась доминирующей ролью Петербурга, однако реальность заставляла вновь и вновь прибегать к русской поддержке. Прусскому министру Отто Мантейфелю приписывают следующий отзыв о Ф. Шварценберге в конце 1849 г.: «Я думаю, что еще в тот момент, когда русские раненые лежали в лазаретах (после венгерской кампании – М. М.), он очень охотно пошел бы на все уступки Пруссии, если бы та заключила с ним союз против России»⁹³⁷. Формулировка звучит как очевидное преувеличение, однако вряд ли грешит против истины в том смысле, что для Шварценберга тесный союз с Россией был более вынужденным, чем желанным⁹³⁸.

Стремясь заручиться симпатиями Николая, Шварценберг в декабре 1849 г. инструктировал К. Буоля обратить внимание петербургского кабинета на опасную политику Пруссии и необходимость совместных действий Австрии, России и малых германских государств для защиты тронов и общественного порядка⁹³⁹. Методично создавая в русской столице негативный образ Пруссии, Шварценберг не брезговал откровенным вымыслом, когда писал Буолю в депеше, предназначавшейся, в том числе, для чтения в российском МИДе, что в глазах австрийского правительства начинают приобретать некоторое основание слухи о готовящемся союзе Англии, Франции и Пруссии⁹⁴⁰. Утверждение было голословным: указания на сближение Пруссии с западными державами отсутствовали.

Вместе с тем, цели унионистской политики Пруссии лежали на поверхности: «Вытеснить Австрию из внутреннего устройства Германии и изгнать ее, если представится возможность, за пределы конфедерации под предлогом того, что новая австрийская конституция отныне делает невозможным всякое слияние между немецкими провинциями этой монархии и остальной частью германской федерации – таков был план...которому следовало прусское правительство...»⁹⁴¹. Такая цель вступала в

⁹³⁶ Veust F. Op. cit. Bd. 1. S. 172.

⁹³⁷ Цит. по: Schwarz W. Op. cit. S. 254.

⁹³⁸ Поддержка Россией Австрии в ее отношениях с Пруссией не была безусловной. Например, когда Пруссия, стремясь вернуть свои права над швейцарским Невшателем, требовала от Австрии блокировать швейцарские границы со стороны Тироля и Ломбардии, и Австрия отказалась, из Петербурга указали Вене на ошибочность такого образа действий, поскольку Австрия, таким образом, нарушала консервативные принципы, которая сама же защищала в Италии и Венгрии (Обзор внешней политики Российской империи // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 106–107.).

⁹³⁹ Rock K. Felix Schwarzenberg, Military Diplomat... P. 93.

⁹⁴⁰ Ф. Шварценберг – К. Буолю. 27.01.1850 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 8. Л. 104.

⁹⁴¹ Обзор внешней политики Российской империи // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 100–101.

очевидное противоречие не только с австрийскими интересами, но и с задачами русской политики. Действия Берлина, кроме того, трактовались в Петербурге как революционные. В частности, Эрфуртский парламент, созванный Пруссией, характеризовался как «новая открытая арена революционных страстей»⁹⁴².

Поэтому, когда Вена обратилась к Петербургу с просьбой оказать воздействие на Пруссию, она была услышана. Во внутреннем документе российского дипломатического ведомства позиция была сформулирована так: «Разделяя мнение Австрии, которая видела в упорном стремлении Пруссии созвать Эрфуртское собрание новую преграду, воздвигнутую между двумя главными правительствами Германии, мы, по просьбе, выраженной венским кабинетом, донесли соответствующее наблюдение до берлинского кабинета и не скрыли от него наших опасений увидеть, как этот парламент станет новой открытой ареной политической борьбы и увидеть новую серию дебатов, лишенных практических результатов»⁹⁴³. Сам состав Эрфуртского парламента не мог внушить доверия в русской столице, поскольку наиболее активную часть его депутатов знали не просто как революционеров, но как людей, вынашивавших специально антирусские планы⁹⁴⁴.

Тревогу российского МИДа усиливала и традиционная подозрительность по отношению к Франции, которая, как предполагали в Петербурге, рассматривала возможность поддержать претензии Пруссии в Германии, чтобы сделать из нее плацдарм против Австрии и России⁹⁴⁵.

Таким образом, в 1850 г. Австрия вступила, не только преодолев главные внутренние вызовы, но имея все основания рассчитывать на содействие России в борьбе с амбициями Берлина. Как заявила газета «Ллойд», «Победоносное решение венгерского вопроса сделало возможным мирное решение германского вопроса»⁹⁴⁶. Под «мирным», разумеется, имелось в виду решение в интересах монархии Габсбургов.

---

⁹⁴² Там же. Л. 103.

⁹⁴³ Там же. Л. 37–38.

⁹⁴⁴ П. А. Крюденер – К. В. Нессельроде. 17.02.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 45. Л. 91 об.

⁹⁴⁵ Обзор внешней политики Российской империи // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 116.

⁹⁴⁶ Der Lloyd. 18. September 1849. Morgen-Ausgabe. S. 1.

§ 2.2. Дорога к Ольмюцу: «возвращение» Австрии в Германию в 1850 г. и политика России

Новости о внутреннем развитии Австрии, приходившие в Петербург в начале 1850 г., вносили успокоение. 4 марта в венском столичном соборе состоялась торжественная служба в связи с годовщиной октроирования конституции. На церемонии присутствовали члены правительства, представители гражданских и военных властей, однако Франц Иосиф и члены императорской фамилии воздержались от участия⁹⁴⁷. Тем самым было недвусмысленно продемонстрировано отношение правящей династии к конституции, что явилось предвестием ее отмены, состоявшейся в декабре 1851 г. Своеобразной оценкой усилий австрийского правительства во внутренней политике стало пожалование Николаем I Шварценбергу ордена Андрея Первозванного (формально – за усилия по поддержанию и укреплению отношений союзничества и дружбы между двумя империями). Военный министр Австрии получил от российского императора орден Александра Невского. Награждения офицерского корпуса и представителей бюрократии имели важное символическое значение в отношениях Австрии и России. Так, весной 1850 г. Нессельроде написал в Вену, что в венгерской кампании принимали участие пять императорских адъютантов, которые никак не были отмечены австрийской стороной. Медему поручалось поднять этот вопрос при встрече со Шварценбергом⁹⁴⁸. Эту символическую составляющую также необходимо учитывать при анализе элементов, из которых складывалось австро-русское сотрудничество.

Поддержка Австрии Россией была обусловлена не только консервативным внутренним устройством обеих империй, но и европейской ролью Габсбургской монархии. Контроль Австрией Германского союза при сохранении дуализма с Пруссией в целом соответствовал интересам всех негерманских держав. Не столь активно, как Россия, но в том же направлении действовала британская дипломатия. В частности, над восстановлением согласия между Австрией и Пруссией работал английский посланник в Берлине лорд Дж. Уэстморленд⁹⁴⁹.

---

⁹⁴⁷ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 21.02(5.03).1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 135. Л. 151.

⁹⁴⁸ К. В. Нессельроде – П. И. Медему. 7(19).04.1850 (копия) // ННStA. PA X. K. 32. F. 5.

⁹⁴⁹ Ф. И. Бруннов – П. К. Мейендорфу. 10(22).01.1850 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 599. Л. 51–52.

Однако внешне в этот период цели германской политики Австрии выглядели более амбициозными, не ограниченными лишь задачей восстановления партнерских отношений с Пруссией. В начале 1850 г. вюртембергская принцесса Ольга, урожденная великая княжна Ольга Николаевна, писала князю А. М. Горчакову о мыслях вюртембергского короля по германскому вопросу: «Король мне поведал, что в Вене заняты восстановлением Германской империи, и король бы ей подчинился, поскольку исторические воспоминания в этом случае не постыдны! А Пруссия!! Что она будет делать?»⁹⁵⁰. По всей видимости, мысль о возрождении империи была вызвана австрийским планом включения всех габсбургских провинций в состав Германского союза. Характерен и сразу возникающий у принцессы вопрос о реакции Берлина на планы Вены.

Шварценберг считал, что это требование стало справедливым после того, как австрийский император объявил о единстве всех частей империи. Кроме того, указывал министр-президент, в 1848 г. всей своей территорией в Германский союз вошла Пруссия и тем самым изменила существовавший прежде баланс сил⁹⁵¹. Усиление Австрии через указанную меру было необходимо и потому, что в Германии действовала «партия», стремящаяся к образованию немецкого федеративного союза, в который Австрия войти не должна⁹⁵². Поначалу эти доводы как будто возымели действие: в том же месяце в Вене узнали, что Николай не возражает против плана Шварценберга⁹⁵³. Существует мнение, что российский император не выдвинул возражений, полагая, что Германия под руководством консервативной Австрии будет для России надежной защитой от революции с Запада⁹⁵⁴. Однако представители России на ключевых дипломатических постах в Германии – Медем и Мейендорф – с самого начала указывали на риски, связанные с этим планом. Медем объяснял Шварценбергу, что эти изменения могли бы осложнить добрососедские отношения России и Австрии, поскольку в этом случае сугубо двусторонние вопросы должны были бы решаться не напрямую, а через посредство франкфуртского сейма⁹⁵⁵. Мейендорф, когда впервые услышал об этом, задался вопросом, что стало бы с европейским равновесием, если бы, например, Франция в качестве

---

⁹⁵⁰ Великая княжна Ольга Николаевна – А. М. Горчакову. 2(14).01.1850 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 626. Л. 3.

⁹⁵¹ Ф. Шварценберг – К. Буолю. 6.06.1850 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 8. Л. 372.

⁹⁵² Там же. Л. 374.

⁹⁵³ Ф. Шварценберг – Э. Лебцельтерну. 13.07.1850 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 8. Л. 418.

⁹⁵⁴ Mosse W. E. Op. cit. P. 41.

⁹⁵⁵ П. И. Медем – К. В. Нессельроде. 25.05(6.06).1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 135. Л. 339–340.

ответного шага потребовала Бельгию, а Россия – Дунайские княжества⁹⁵⁶. Уже в мае стало известно, что Петербург не поддерживает эту программу. Меттерних, сам считавший план Шварценберга ошибкой, полагал, что возражения России представляют политическую опасность⁹⁵⁷.

В Пруссии не слишком опасались этой инициативы, хорошо понимая, что не следует ожидать от России, Англии и Франции согласия на «образование срединноевропейского государства в 74 миллиона человек»⁹⁵⁸.

По мнению П. Катценштейна, австрийский план был нацелен на «увеличение политического веса австрийских немцев как необходимой предпосылки для консолидации единства централистки управляемой Австрийской империи»⁹⁵⁹. Существует интерпретация, согласно которой весь план создания «империи семидесяти миллионов» для самого Шварценберга был лишь средством давления на Берлин с целью отказа последнего от чрезмерных амбиций в Германии⁹⁶⁰. Однако это «пугало» устранило и высшую бюрократию Австрийской империи, полагавшую, что Австрия в случае реализации плана оказалась бы в подчинении у Германского союза и лишилась бы самостоятельности как европейская держава⁹⁶¹.

Вместе с тем, в этой политической линии венского кабинета мог быть и прагматический мотив: осуществление плана обеспечило бы Австрии надежное удержание за собой Ломбардии и Венеции, поскольку любое нападение на эти области со стороны Пьемонта или Франции автоматически включало бы всю Германию в конфликт. Реализация этого плана, усилив европейский вес Австрии, снизила бы ее зависимость от России. Э. Крзе выдвинул предположение, что весь проект был лишь попыткой использовать немецкие ресурсы для реализации частных интересов австрийской монархии, не давая ничего взамен⁹⁶².

В любом случае венскому кабинету, прежде всего, необходимо было восстановить свое дореволюционное положение в Германии и купировать прусские притязания. В решении этой задачи Шварценберг стремился заручиться поддержкой Петербурга.

---

⁹⁵⁶ Meyendorff P. Op. cit. Bd. II. S. 160.

⁹⁵⁷ Metternich an Kübeck, 27. Mai 1850. // Metternich K. Metternich und Kübeck. Ein Briefwechsel. Wien, 1910. S. 122.

⁹⁵⁸ Принц Прусский – Александре Федоровне. 26.02.1849 // Prinz Wilhelm von Preussen... S. 327.

⁹⁵⁹ Katzenstein P. J. Op. cit. P. 66.

⁹⁶⁰ Austensen R. A. Austria and the "Struggle for Supremacy in Germany"... P. 223.

⁹⁶¹ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 79–80.

⁹⁶² Krache E. E. Foreign Policy and the Nationality Problem... P. 27.

Учитывая консервативный характер этой программы-минимум, у него были все основания рассчитывать на русское содействие.

В феврале 1850 г. представлявший Россию в Штутгарте князь А. М. Горчаков в дополнение к уже занимаемой должности был назначен чрезвычайным и полномочным посланником при Германском союзе. Тем самым Николай I признавал временную исполнительную власть, сформированную Австрией и Пруссией, поскольку увидел, что она является следствием согласия между двумя германскими державами и признана другими членами Союза⁹⁶³. В то же время Горчаков мог вручить верительные грамоты только после того, как эта власть признает перемирие с Данией, заключенное 10 июля 1849 г. и примет верительные грамоты от посланника датского короля⁹⁶⁴.

23 февраля Горчаков, находившийся в Штутгарте, получил предписание немедленно отправиться во Франкфурт. На первой же встрече с Принцем Прусским он напомнил, что для крепости и благополучия Германии необходимо согласие между Веной и Берлином⁹⁶⁵. Этот тезис русские дипломаты не уставали повторять пруссакам и австрийцам при каждом удобном случае. Сам Горчаков свое новое назначение расценивал именно как средство оказать давление на Пруссию⁹⁶⁶.

Средние германские королевства Бавария, Вюртемберг, Саксония и Ганновер, опасавшиеся установления прусской гегемонии, все больше склонялись к сотрудничеству с Австрией. 27 февраля 1850 г. в Мюнхене эти государства, стремившиеся к тому же обеспечить себе более заметный голос в Германии, заключили соглашение, известное как «Союз четырех королей». Участники соглашения поддерживали идею вхождения всей Австрии в Германский союз, но при этом стремились к расширению компетенций последнего и укреплению взаимосвязей между его членами. В частности, предполагалось создание общей исполнительной власти и парламента. В Петербурге инициатива четырех королевств была встречена с пониманием, поскольку расценивалась как не нарушающая договоры 1815 г.⁹⁶⁷. Австрия осторожно выразила поддержку этому проекту, стремясь использовать его для срыва прусской политики. Тем более, становилось все более

⁹⁶³ К. В. Нессельроде – А. М. Горчакову. 1(13).02.1850 // АВПРИ. Ф. 198. Оп. 531. 1850. Д. 24. Л. 2.

⁹⁶⁴ Там же. Л. 5–6.

⁹⁶⁵ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 14(26).02.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 45. Л. 105.

⁹⁶⁶ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 16(28).02.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 45. Л. 123.

⁹⁶⁷ Обзор внешней политики Российской империи // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 38–39. Меттерних полагал, что план четырех королей «так же невыполним, как был невыполним Союз трех королей». Он был убежден, что единственный вариант устройства Германии – предмартовская конструкция. См.: Metternich K. Metternich und Kübeck... S. 130–131.

очевидным, что достичь эффективного взаимодействия с Берлином в рамках соглашения 30 сентября не удастся. Уже к концу марта Горчаков констатировал неэффективность австро-прусской комиссии⁹⁶⁸. Ввиду нежелания Пруссии сотрудничать Шварценберг решил добиваться восстановления австрийских позиций путем возрождения прежнего союзного сейма. При этом откровенно дав понять, что рассчитывает на помощь царя⁹⁶⁹. Формально венский кабинет выступил с идеей созыва пленума уполномоченных германских государств с целью реорганизации Германского союза. Прокеш объявил, что, если Пруссия не хочет созывать пленум вместе с Австрией, Австрия сделает это одна. 26 апреля Вена разослала циркулярную депешу германским правительствам с призывом собраться с целью образования нового временного центрального органа Союза и пересмотра союзной конституции⁹⁷⁰. Свою политику Шварценберг стремился представить как направленную на восстановление статус-кво, что должно было импонировать Николаю I⁹⁷¹. По наблюдению Мейендорфа, три четверти Германии поддерживали австрийскую инициативу⁹⁷².

В ответ Пруссия призвала членов Унии собраться в Берлине, что, по сообщению русского временного поверенного в делах во Франкфурте Д. Г. Глинка, было расценено как первый шаг на пути к разделению Германии⁹⁷³. Австро-прусское противостояние со страниц дипломатической переписки перешло в практическую плоскость. Фридрих Вильгельм IV пытался жаловаться Николаю I, что Австрия угрожает ему войной, если Пруссия не оставит проект Унии и не примет участия во франкфуртском «псевдосейме»⁹⁷⁴.

8 мая во Франкфурт прибыл представитель Австрии Фридрих Тун. Через два дня состоялось первое заседание пленума, в котором приняли участие уполномоченные от 10 государств: Австрии, Саксонии, Баварии, Ганновера, Вюртемберга, Кургессена, Гольштейна и Лауенбурга, Лимбурга, Лихтенштейна, Гессен-Гомбурга. Акцент на том, что изменения должны быть осуществлены в соответствии с соглашениями 1815 г., был явно адресован европейским державам и, в первую очередь, России.

⁹⁶⁸ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 15(27).03.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 45. Л. 160.

⁹⁶⁹ Ф. Шварценберг – К. Буолу. 30.04.1850 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 8. Л. 353.

⁹⁷⁰ Metternich K. Metternich und Kübeck... S. 110.

⁹⁷¹ См. Михеев М. Г. Германская политика Австрии летом-осенью 1850 года и позиция России // Клио. 2022. № 11(191). С. 45–57.

⁹⁷² Meyendorff P. Op. cit. Bd. 2. S. 287.

⁹⁷³ Д. Г. Глинка – К. В. Нессельроде. 24.04(6.05).1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 44. Л. 438.

⁹⁷⁴ Der Briefwechsel König Friedrich Wilhelms IV... S. 154.

По наблюдению Л. Герлаха, Николай I «очень обрадовался», узнав об этом шаге Австрии⁹⁷⁵. Во время визита Шварценберга в Варшаву в мае Николай I сказал ему, что в целом одобряет курс венского кабинета, однако своим врагом будет считать того, кто первый возьмется за оружие с целью нарушения договоров⁹⁷⁶. Тем самым был недвусмысленно указан ориентир, придерживаясь которого Австрия могла сохранить расположение России. В Берлине, впрочем, слова царя о том, что он обратится всеми силами на нападающего, некоторые интерпретировали своеобразно: Радовиц полагал, что Австрия, таким образом, не сможет начать войну против Пруссии⁹⁷⁷. Следовательно, можно было продолжать работать над проектом Унии.

В действительности русская дипломатия стремилась сбалансировать позиции германских держав, не допуская чрезмерного ослабления одной из них. Мейендорф писал в мае, что, если бы Вена уже теперь получила гарантию русской помощи, это могло бы спровоцировать ее на занятие слишком непримиримой по отношению к Берлину позиции⁹⁷⁸.

Обосновывая легитимность пленума, Тун утверждал, что прежний германский сейм не прекратил существовать, поскольку в решении 12 июля 1848 г. было объявлено лишь о том, что «его прежняя деятельность окончена». В то время как на самом деле его существование в качестве политической институции продолжалось, только без выполнения функций. Второй аргумент состоял в том, что отказ имперского регента от центральной власти привел к возвращению государств Германии к полноте суверенитета, из чего следовала необходимость возвращения к прежним союзным учреждениям⁹⁷⁹.

Несмотря на очевидные симпатии Петербурга к позиции Вены в Пруссии в конце мая по-прежнему надеялись, что Россия не будет категорически возражать против унионистской политики Берлина⁹⁸⁰. Отчасти ожидания основывались на уверенности во внутренней слабости Австрии⁹⁸¹. К тому же часть прусских правящих кругов была решительно настроена на оспаривание австрийского первенства в Германии. Принц

⁹⁷⁵ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 491–492.

⁹⁷⁶ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 44–45.

⁹⁷⁷ Radowitz J. Op. cit. S. 249.

⁹⁷⁸ Meyendorff P. Op. cit. Bd. II. S. 296.

⁹⁷⁹ Д. Г. Глинка – Л. Г. Сенявину. 5(17).06.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 44. Л. 393–394.

⁹⁸⁰ Prokesch-Osten A. Aus den Briefen... S. 142.

⁹⁸¹ Ibid. S. 141.

Прусский Вильгельм, будущий германский император, заявлял, что Пруссия никогда больше не уступит Австрии председательство в Германском союзе⁹⁸².

В австрийском общественном мнении были слышны голоса, считавшие, что Австрии и Пруссии следует найти решение германского вопроса самостоятельно, без вмешательства России⁹⁸³. Русские дипломаты учитывали этот фактор, однако отдавали приоритет собственному государственному интересу, в данном случае – возвращению Австрии позиций в Центральной Европе, утраченных в 1848–1849 гг. Горчаков полагал, что негативным общественным мнением⁹⁸⁴ можно пренебречь, если это будет способствовать укреплению австрийских позиций⁹⁸⁵.

21 июня 1850 г. Шварценберг снова попытался договориться с Пруссией, дав понять флигель-адъютанту прусского короля Эдвину Мантейфелю, что при условии остановки унионистского проекта готов рассмотреть возможность нового двустороннего соглашения наподобие договоренности 30 сентября⁹⁸⁶. В июле он предпринял еще одну попытку, предложив Бернstorфу в обмен на отказ Пруссии от Унии равный раздел центральной власти и чередование председательства в объединении германских государств, допуская образование в рамках этого объединения более узкого союза под руководством Берлина. Г. Фридьонг предполагал, что эти предложения могли быть сделаны венским кабинетом под русским влиянием⁹⁸⁷. Однако и на этот раз усилия Австрии не дали результата.

В этих обстоятельствах особую актуальность приобретал данный Меттернихом Шварценбергу совет представить австро-прусскую конфронтацию как конфликт между Германией и Пруссией, законной конфедерацией с одной стороны и стремлением Пруссии к расширению – с другой. По мнению экс-канцлера, это было бы не только правильно с принципиальной точки зрения, но и обеспечивало Австрии и Германскому союзу дополнительную политическую и дипломатическую поддержку, прежде всего, со стороны России и Великобритании⁹⁸⁸. В результате этих внушений или нет, Шварценберг объявил

---

⁹⁸² Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 42.

⁹⁸³ Heppner H. Op. cit. S. 171.

⁹⁸⁴ Австрии приходилось считаться с тем, что ее сотрудничество с Россией весьма критически воспринималось общественным мнением и в Германии. Так, одно франкфуртское издание весной 1850 г. писало, что «губительный союз» России с Австрией наполовину поработил последнюю. См.: Frankfurter Journal. 13 März 1850. S.1.

⁹⁸⁵ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 16(28).02.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 45. Л. 126.

⁹⁸⁶ Manteuffel O. Op. cit. Bd. 1. S. 209.

⁹⁸⁷ Friedjung H. Fürst Felix Schwarzenberg... S. 556–557.

⁹⁸⁸ Austensen R. A. Metternich, Austria, and the German Question, 1848–1851 // The International History Review, Vol. 13, № 1 (February, 1991). P. 33.

о созыве сейма в первых числах сентября. 21 июля Тун сообщил Глинке, что получил соответствующий приказ⁹⁸⁹. 14 августа Вена разослала государствам-членам циркуляр с предложением перейти к восстановлению сейма. Одновременно таким образом Шварценберг давал европейским державам понять, что стремится восстановить в центре Европы порядок вещей, зафиксированный Венским конгрессом.

В свою очередь, Петербургу было важно не допустить чрезмерного ослабления Берлина, что австрийскому союзнику ясно дали понять. На аудиенции у Франца Иосифа в Ишле 27 августа Нессельроде подчеркнул необходимость умеренности в переговорах с Пруссией и «умолял» кайзера проявить в переговорах дух примирения⁹⁹⁰.

В это же время Нессельроде провел три дня в переговорах со Шварценбергом, от которого узнал о планах Франца Иосифа встретиться с королями Баварии и Вюртемберга, но при этом, добавил министр-президент, точную дату он определит только когда будет знать время прибытия Николая I в Варшаву⁹⁹¹. Таким образом, очевидно, австрийская сторона намеревалась согласовать с российским императором свои действия, прежде чем фиксировать какие-либо договоренности с германскими союзниками⁹⁹².

Основными предметами для обсуждения на встрече глав австрийской и русской дипломатий были ратификация мирного договора с Данией от 2 июля, Лондонский протокол 2 августа 1850 г., фиксировавший целостность датской монархии, и переговоры между Австрией и Пруссией по германским делам⁹⁹³. Шварценберг заявил, что предпочитает коллективную ратификацию договора с Данией на общем пленуме сейма, а не государствами по отдельности, поскольку это придало бы решению большую легитимность⁹⁹⁴. Он также заверил, что, собравшись 1 сентября, сейм первым делом

⁹⁸⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 44. Л. 352.

⁹⁹⁰ К. В. Нессельроде – Николаю I. 21.08(2.09).1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 150. Л. 49 об.

⁹⁹¹ Там же. Л. 50.

⁹⁹² Следующий эпизод ярко иллюстрирует модальность отношений Габсбургов и Романовых в этот период. Выйдя с аудиенции у Франца Иосифа 27 августа, Нессельроде представился его матери эрцгерцогине Софии, которая со слезами на глазах говорила о «трогательной и действительно отеческой» заботе российского императора о ее сыне, о благодарности, которую она испытывает, и о том, что непрестанно молит Николая I не оставлять молодого суверена в тяжелых испытаниях, которым Провидение его по-прежнему подвергает (К. В. Нессельроде – Николаю I. 21.08(2.09).1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 150. Л. 32.).

⁹⁹³ К. В. Нессельроде – Николаю I. 21.08(2.09).1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 150. Л. 18.

⁹⁹⁴ Там же. Л. 18 об.

рассмотрит именно этот вопрос⁹⁹⁵. Канцлер в этих обстоятельствах делал вывод о целесообразности его признания⁹⁹⁶.

Авторитет созываемого сейма Австрия предполагала утвердить посредством обращения к двум ключевым в тот момент составляющим германского вопроса: кургессенскому и шлезвиг-гольштейнскому конфликтам. В гессенском курфюршестве имело место столкновение между консервативным правительством курфюрста и ландтагом, в ходе которого Берлин выступил на стороне последнего, а Вена поддержала курфюрста. Повышенное внимание Берлина к Кургессену объяснялось его географическим расположением между восточной частью Прусского королевства и Рейнской провинцией. Пруссия намеревалась воспрепятствовать запланированному введению в Кургессен союзных войск. Но поскольку союзную помощь затребовал курфюрст, позиция Берлина приобретала вызывающий характер, на что Фридриху Вильгельму IV указал Николай I, обычно избегавший вмешиваться в сугубо внутригерманские вопросы⁹⁹⁷.

Во втором случае речь шла о продолжавшемся с весны 1848 г. конфликте в Шлезвиге и Гольштейне. Последний при этом являлся членом Германского союза. Стратегически важное положение Шлезвига и Гольштейна вызвало резко отрицательную реакцию России, Англии и Франции на действия Пруссии в герцогствах. В течение 1848–1849 гг. Берлин под внешним давлением был вынужден останавливать возобновлявшиеся несколько раз боевые действия.

Для Австрии, как и для России, сохранение территориальной целостности Дании было важно с точки зрения поддержания существовавшего баланса сил в балтийском регионе и в Европе в целом. Специфическая озабоченность Вены состояла в том, что в случае отделения герцогств от Дании они почти автоматически попадали в сферу влияния Пруссии. В первое время Австрия из-за глубокого внутреннего кризиса занимала по отношению к происходившим на севере событиям пассивную позицию. Венский кабинет «аплодировал» стремлению России оказать давление на Пруссию, но не проявлял расположения к тому, чтобы присоединиться к демаршам Петербурга в Берлине⁹⁹⁸.

---

⁹⁹⁵ Там же. Л. 19.

⁹⁹⁶ Там же. Л. 22. Россия стремилась побудить малые германские правительства как можно скорее ратифицировать мир с Данией с момента его подписания (Проект циркулярной депеши послам России в Вене, Мюнхене, Штутгарте, Ганновере и Дрездене. 26.06(8.07).1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 20. Л. 69 об.).

⁹⁹⁷ Der Briefwechsel König Friedrich Wilhelms IV... S. 161.

⁹⁹⁸ Обзор внешней политики Российской империи за 1849 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 72.

Россия на протяжении 1850 г. подталкивала Австрию к занятию более активной позиции. 16 марта Горчаков получил депешу, в которой говорилось, что датский вопрос исключительно важен для России, поскольку может вовлечь ее в войну. Для ускорения решения этого вопроса в союзной комиссии русскому дипломату предписывалось воздействовать на Австрию⁹⁹⁹. Обращаясь к австрийским членам комиссии Кюбеку и Шёнгалъсу, Горчаков заметил, что победы австрийского оружия в Италии и Венгрии вернули Австрию на подобающее ей место, и пришла пора действовать. Примерно то же он высказал австрийскому уполномоченному при бывшей центральной власти графу Рехбергу, который пообещал обратить на это пристальное внимание австрийского кабинета¹⁰⁰⁰. В результате в германской политике Вены усилился акцент на необходимости восстановить законный порядок в герцогствах. Шварценберг при этом руководствовался целью продемонстрировать приверженность Австрии началам легитимизма, укрепить авторитет возрождаемого сейма и создать дополнительное давление на Пруссию.

В письме Николаю от 20 сентября Фридрих Вильгельм сообщил о назначении своего советника и инициатора Унии Й. Радовица министром иностранных дел, дав ему наилучшую характеристику как своему ближайшему другу и врагу революции. Это письмо ярко свидетельствует о роли, которую играл в германском вопросе царь: король почти оправдывался в выборе собственного министра¹⁰⁰¹. Назначение Радовица вызвало удовлетворение главы австрийского правительства, так как почти неизбежно вело к росту недовольства европейских держав¹⁰⁰².

По утверждению Шварценберга, для пресечения прусской политики и достижения поставленных Австрией и ее союзниками целей было необходимо признание Россией сейма. Он вновь и вновь подчеркивал, что своими действиями Австрия поддерживает принципы, санкционированные договоренностями 1815 г.¹⁰⁰³. Нессельроде в ответ дал понять, что для признания Россией сейма необходима ратификация им договора с Данией¹⁰⁰⁴. Булю канцлер также заявил, что до тех пор австрийский двор не должен

---

⁹⁹⁹ К. В. Нессельроде – А. М. Горчакову. 4(16).03.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 45. Л. 315–316.

¹⁰⁰⁰ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 17(29).03.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 45. Л. 166–168.

¹⁰⁰¹ Radowitz J. Op. cit. S. 315.

¹⁰⁰² Vitzthum von Eckstädt K. F. Berlin und Wien... S. 291.

¹⁰⁰³ К. В. Нессельроде – Николаю I. 14(26).09.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 150. Л. 4 об.

¹⁰⁰⁴ Там же. Л. 5 об.

рассчитывать на помощь России¹⁰⁰⁵. Над решением этой же задачи работал Мейендорф, значительно способствовав достижению согласия между первым министром Австрии и датским уполномоченным¹⁰⁰⁶.

В ответ в распоряжение русских дипломатов был передан документ под названием «Обзор взглядов венского кабинета на то, как следует действовать, чтобы решить датский вопрос». В нем акцентировалось внимание на стремлении Австрии к быстрому решению проблемы Шлезвига и Гольштейна¹⁰⁰⁷. 3 октября сейм ратифицировал мирный договор, заключенный между Данией и Пруссией, что вызвало одобрение Нессельроде¹⁰⁰⁸. Препятствие для признания сейма Россией отпало.

Наступательная политика Шварценберга в Германии осенью 1850 г. во многом опиралась на уверенность в русской поддержке. Без нее непростое финансовое положение Австрии едва ли позволяло начать полномасштабный конфликт с Пруссией. Достаточно сказать, что еще в июле, несмотря на рост напряженности в отношениях с Берлином, австрийское правительство объявило о сокращении армии с целью экономии¹⁰⁰⁹.

12 октября в Брегенце между Австрией, Баварией и Вюртембергом было достигнуто соглашение о вводе союзных войск в Кургессен для восстановления порядка и нейтрализации прусского влияния¹⁰¹⁰. 14 октября К. Кюбек отметил наличие в австрийском правительстве разных мнений о том, как следует действовать: «По германскому вопросу в министерстве два направления: первое за войну с Пруссией, второе – за мирное урегулирование»¹⁰¹¹. Николай I выразил поддержку Австрии и ее союзникам по Брегенцу¹⁰¹².

В октябре в Варшаве между Шварценбергом и прусским министр-президентом графом Фридрихом Бранденбургом состоялась встреча, в результате которой было решено наиболее спорные вопросы – разделение между Веной и Берлином председательства и исполнительной власти в Союзе – оставить на усмотрение всех германских правительств. Шварценберг более не требовал признания Пруссией сейма как предварительного

¹⁰⁰⁵ К. В. Нессельроде – Л. Г. Сенявину. 14(26).09.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 150. Л. 38.

¹⁰⁰⁶ Там же.

¹⁰⁰⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 150. Л. 27.

¹⁰⁰⁸ К. В. Нессельроде – Николаю I. 24.09(6.10).1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 150. Л. 40–41.

¹⁰⁰⁹ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 7(19).09.1850 // АВПРИ. Ф. 333. Оп. 576. 1850. Д. 394. Л. 117. Фонтон сообщал, что общая численность армии составляет 389380 чел., но под ружьем находилось всего 328658 чел. (Там же. Л. 119.).

¹⁰¹⁰ Г. Румплер считает, что Брегенцкий договор был заключен Австрией только для того, чтобы побудить Пруссию к двустороннему сотрудничеству. См.: Rumppler H. Felix Schwarzenberg und das "Dritte Deutschland"... S. 380.

¹⁰¹¹ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 51.

¹⁰¹² К. В. Нессельроде – А. М. Горчакову. 30.10(11.11).1850 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 600. Л. 52.

условия всякого соглашения и выразил согласие на созыв конгресса для пересмотра союзной конституции¹⁰¹³. Настаивал австрийский министр только на отказе Пруссии от конституции 28 мая и на том, чтобы Пруссия ничего не предпринимала против собрания во Франкфурте¹⁰¹⁴. Одновременно он запросил российский МИД, какой будет политика России в случае разрыва Австрии с Пруссией. Нессельроде ответил, что если разрыв произойдет из-за кургессенского вопроса, Россия не примет прямого участия в конфликте, но окажет Австрии моральную поддержку и направит в Берлин протест¹⁰¹⁵. Однако если для умиротворения Гольштейна сейм пошлет туда союзные войска, а Пруссия этому воспрепятствует, Россия сочтет это объявлением войны¹⁰¹⁶. Характерна расстановка приоритетов: целостность датского королевства считалась критически важной, тогда как кургессенский вопрос рассматривался в качестве второстепенного. В то время как для Вены он был не менее принципиальным, а гольштейнский вопрос использовался во многом как инструмент для обеспечения русской поддержки на других направлениях. Ответ Нессельроде в определенном смысле представлял собой международное обеспечение действий Вены: 7 ноября Шварценберг сообщил о нем в Париж и Лондон. Для России же было предпочтительно, чтобы прежнее положение вещей в Германии удалось восстановить без применения силы. В ноте Нессельроде Шварценбергу от 28 октября была выражена уверенность в том, что Австрия не ищет конфликта и не начнет его, не будучи прямо спровоцированной¹⁰¹⁷. О том, что Россия стремится помешать разрыву между Австрией и Пруссией, Буоль сообщал в Вену еще в июне¹⁰¹⁸.

Решая вопросы международной политики, Нессельроде не забывал об обязанностях придворного, а также человека, лично убежденного в пользе теснейшего австро-русского согласия. В Варшаве он намекал Буолю на желательность награждения молодых великих князей Николая и Михаила Николаевичей венгерским орденом святого Стефана, чтобы доставить удовольствие царю¹⁰¹⁹. В начале 1851 г. великие князья получили по ордену. В это же время Франц Иосиф присвоил И. Ф. Паскевичу звание

¹⁰¹³ К. В. Нессельроде – А. Ф. Будбергу. 17(29).10.1850 // АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514. 1850. Д. 16. Л. 11.

¹⁰¹⁴ Там же. Л. 11 об.

¹⁰¹⁵ К. В. Нессельроде – Ф. Шварценбергу. 16(28).10.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 10. Л. 122.

¹⁰¹⁶ Там же. Л. 123.

¹⁰¹⁷ Nesselrode an Schwarzenberg. 28. Oktober 1850 // HHStA. PA X. K. 32. F. 15–16.

¹⁰¹⁸ Buol an Schwarzenberg. 19. Juni 1850 // HHStA. PA X. K. 32. F. 2.

¹⁰¹⁹ Buol an Schwarzenberg. 31. Oktober 1850 // HHStA. PA X. K. 32. F. 20.

фельдмаршала австрийской армии. С учетом происходивших в Германии событий это решение можно трактовать и как направленное на обеспечение русской поддержки.

Необходимо отметить, не преувеличивая его значения, личностный фактор в рассматриваемых событиях. Александра Федоровна, урожденная Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Пруская, могла оказывать сдерживающее влияние на супруга, когда тот сердился на шурина¹⁰²⁰. Шварценберга царица называла «злым гением» Австрии¹⁰²¹. В определенном смысле примирение германских держав становилось для российского императора не только государственным, но и семейным делом. На этот фактор обращали внимание даже газеты. Сообщалось, например, что жена графа Бранденбурга собирается в Варшаву, чтобы убедить русскую императрицу насколько возможно настроить своего супруга в пользу берлинского кабинета¹⁰²². Когда в июле 1850 г. стало известно, что Мейендорф меняет место службы и переезжает из Берлина в Вену, находившаяся с ним в дружеских отношениях Александра Федоровна написала, что очень расстроена этим, выражая надежду только на то, что в Вене Мейендорф сможет быть полезнее для Пруссии. Она даже указала, как именно можно принести пользу: «Сделайте Шварценберга менее неподатливым и гордым»¹⁰²³.

Современники волей-неволей обращали внимание на близкое родство между российским и прусским монархами, причем некоторые были склонны делать из этого политические выводы. Жена Мейендорфа, урожденная австрийская графиня и сестра Буоля, в разговоре с Прокешем поделилась мыслью, которая, как пишет австрийский дипломат, соответствовала его собственным взглядам: «Император Николай может в высказываниях против Пруссии зайти настолько далеко, насколько захочет, – он ничего не сделает, пока жива императрица»¹⁰²⁴.

Тем не менее, твердая позиция Австрии привела к тому, что в первых числах ноября Радовиц подал в отставку. Принятие отставки королем указывало на готовность Берлина к более умеренной политике. На это решение также повлияла позиция царя. Полгода спустя Николай I признавался Л. Герлаху: «ему было очень больно, что отставка Радовица должна была быть осуществлена из Варшавы»¹⁰²⁵.

¹⁰²⁰ Nesselrode Ch. Op. cit. T. IX. P. 321.

¹⁰²¹ Prinz Wilhelm von Preussen... S. 351.

¹⁰²² Die Presse. 25. Oktober 1850. S. 1.

¹⁰²³ Meyendorff P. Op. cit. Bd. 3. S. 399–400.

¹⁰²⁴ Prokesch-Osten A. Aus den Briefen... S. 120.

¹⁰²⁵ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 632.

Берлинские консерваторы, противодействовавшие унионистской политике, апеллировали напрямую к Мейендорфу, полагая, что он способен повлиять на курс австрийского правительства. Прусский министр внутренних дел Отто фон Мантейфель, сообщив Мейендорфу об отставке Радовица и ее вероятном принятии, просил содействовать умеренности венского кабинета, в противном случае опасаясь затягивания конфликта и мобилизации в Пруссии¹⁰²⁶.

Мейендорф действительно сдерживал Шварценберга, когда действия последнего приобретали излишне, с точки зрения Петербурга, наступательный характер¹⁰²⁷. При этом он не уставал напоминать, что Россия не поддержит Австрию, если столкновение с Пруссией возникнет из-за Кургессена¹⁰²⁸. Из Берлина своего начальника к умеренности призывал Прокеш, настоятельно рекомендуя проявить терпение и осторожность в отношениях с новым составом прусского министерства, положение которого могло стать неустойчивым из-за требований общественного мнения, которое, как он выразился, 18 месяцев дразнили темой прусской гегемонии¹⁰²⁹.

Степень влияния России на происходящее проявилась и в том, что в конце октября Ф. Тун, прежде чем объявлять европейским державам о возвращении сейма к исполнению своих функций, запросил мнение об этом русского правительства¹⁰³⁰. 6 ноября он проинформировал Нессельроде о воссоединении сейма и подчеркнул, что этот орган опирается на договоры 1815 г.¹⁰³¹. В письме Николаю Тун подчеркнул, что возобновление сейма произошло вследствие приглашения австрийского императорского двора¹⁰³².

Усилия Австрии увенчались успехом: циркуляр российского МИДа от 31 октября (12 ноября) сообщал о дозволении Николаем I Горчакову вручить верительные грамоты во Франкфурте, поскольку сейм выполнил условие о заключении мира с Данией¹⁰³³. Нессельроде подчеркнул, что одной из причин, сделавших это решение возможным, были переговоры со Шварценбергом в Варшаве¹⁰³⁴.

¹⁰²⁶ Meyendorff P. Op. cit. Bd. 2. S. 325.

¹⁰²⁷ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 6.11.1850 // Meyendorff P. Op. cit. Bd. 2. S. 329.

¹⁰²⁸ Ibid.

¹⁰²⁹ П. К. Мейендорф – А. Ф. Будбергу. 8.11.1850 // Meyendorff P. Op. cit. Bd. 2. S. 333.

¹⁰³⁰ Д. Г. Глинка – К. В. Нессельроде. 15(27).10.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 44. Л. 217.

¹⁰³¹ Ф. Тун – К. В. Нессельроде. 6.11.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 36. Л. 8.

¹⁰³² Ф. Тун – Николаю I. 6.11.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 36. Л. 9.

¹⁰³³ АВПРИ. Ф. 198. Оп. 531. 1850. Д. 24. Л. 58–59.

¹⁰³⁴ К. В. Нессельроде – А. М. Горчакову. 18(30).10.1850 // АВПРИ. Ф. 198. Оп. 531. 1850. Д. 24. Л. 61.

Вручение Горчаковым верительных грамот 11 ноября стало важным прецедентом международного признания сейма. Тун предал его возможно более широкой огласке и опубликовал соответствующее сообщение во франкфуртской прессе¹⁰³⁵. Австрийская пресса расценила эту новость как проявление того, что сейм действует под русским покровительством, и вынесла свой вердикт: «Кажется, к сожалению, что мы променяем перспективу войны на перспективу нового Священного союза, и что в жертву договоренности между двумя великими германскими державами под русским влиянием должны быть принесены последние остатки свободы и надежды на национальное развитие в Германии»¹⁰³⁶.

Несмотря на удаление Радовица, 6 ноября в Пруссии, движимой стремлением сохранить престиж, было издано распоряжение о мобилизации. 8 ноября в кургессенском Бронцеле произошла стычка между союзным австро-баварским контингентом и прусскими войсками, в ходе которой были ранены пятеро австрийских егерей. Прокеш по телеграфу получил указание потребовать от Пруссии немедленного вывода войск из курфюршества и в случае неудовлетворительного ответа затребовать паспорта.

Ф. Энгель-Яноши полагал, что Прокеш сыграл немалую роль в предотвращении полномасштабного столкновения. Несмотря на категорическое предписание Вены, австрийский дипломат, рассчитывавший, что кабинет Мантейфеля способен сохранить мир, не затребовал немедленного вывода войск, а предоставил Берлину отсрочку и таким образом дал Пруссии возможность отступить с меньшей потерей престижа¹⁰³⁷. Тем более, что готовность к примирению теперь демонстрировал сам Фридрих Вильгельм IV¹⁰³⁸.

Представляется, впрочем, что первичный импульс к разрядке исходил все же из Вены. Когда после инцидента в Кургессене Тун на заседании сейма 9 ноября настоял на принятии постановления об объявлении Пруссии войны, Шварценберг по телеграфу передал Туну распоряжение остановиться¹⁰³⁹. Действия австрийского министра-президента, несмотря на импульсивность и возникающее иногда впечатление непоследовательности, позволяют интерпретировать его политику, как направленную на принуждение Пруссии к сотрудничеству посредством давления и угроз, но без

---

¹⁰³⁵ Ф. Тун – Ф. Шварценбергу. 12.11.1850 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 11. Л. 121.

¹⁰³⁶ Die Presse. 14. November 1850. S. 1.

¹⁰³⁷ Engel-Janosi F. Op. cit. S. 77–78.

¹⁰³⁸ Ibid. S. 78.

¹⁰³⁹ Д. Г. Глинка – К. В. Нессельроде. 29.10(10.11).1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 44. Л. 34.

пересечения последней грани, отделяющей мир от войны. Это подтверждает и донесение прусского поверенного в делах в Вене барона Розенберга, 12 ноября сообщившего Мантейфелю о заверениях Мейендорфа, что Шварценберг на всякий шаг Пруссии, имеющий целью сближение, готов ответить уступками¹⁰⁴⁰. Мейендорф также сообщил Розенбергу, что со своей стороны при каждой возможности обращает внимание Шварценберга на опасности войны Австрии с Пруссией¹⁰⁴¹. Русский посланник неоднократно упоминал о том, что дуализм Австрии и Пруссии должен быть доминирующим явлением в германских делах¹⁰⁴². Помимо призывов к умеренности со стороны России, Шварценбергу приходилось считаться с различными настроениями в Вене, где идея войны с Пруссией была непопулярна, в том числе, среди военной верхушки¹⁰⁴³.

Вместе с тем демонстративная решительность австрийской политики иногда вызывала легкое недоверие даже у благожелательного Николая¹⁰⁴⁴. Уже после урегулирования конфликта Шварценберг в разговоре с саксонским министром иностранных дел Бойстом заметил: «Вы бы предпочли, чтобы мы подрались. Я тоже»¹⁰⁴⁵. Сам Бойст впоследствии рассуждал так: «И, возможно, было бы лучше, если бы дошло до войны, которая была бы еще короче, чем война 1866 г. Если бы Пруссия...потерпела поражение, она не лишилась бы ни одной деревни. Порукой тому был тогдашний могущественный наблюдатель в Варшаве, император Николай. Зато двадцать или тридцать лет можно было бы оставаться спокойным насчет федеративного государства и его единого главы»¹⁰⁴⁶.

В России учитывали озабоченность Пруссии положением в Гессене. По свидетельству одного из участников ноябрьских встреч в Варшаве, Николай I говорил, что отправил Буоля в Берлин, чтобы устранить обеспокоенность Пруссии насчет Гессена, и утверждал, что союзный контингент в курфюршестве не должен превосходить 9000 чел. В противном случае он был готов ввести в Австрию 200 тыс. чел.¹⁰⁴⁷. В прусских политических сферах также ходил слух, что когда в 1850 г. Шварценберг выступил с

¹⁰⁴⁰ Manteuffel O. Op. cit. Bd. 1. S. 315.

¹⁰⁴¹ Ibid. S. 316.

¹⁰⁴² П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 21.11.1850 // Meyendorff P. Op. cit. Bd. 2. S. 336–337.

¹⁰⁴³ Manteuffel O. Op. cit. Bd. 1. S. 317.

¹⁰⁴⁴ Nesselrode Ch. Op. cit. T. IX. P. 323.

¹⁰⁴⁵ Beust F. Op. cit. Bd. 1. S. 122.

¹⁰⁴⁶ Ibid. S. 122–123.

¹⁰⁴⁷ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 601.

предложением отобрать у Пруссии часть Силезии и не встретил при этом возражений со стороны Франца Иосифа, Николай заявил: «Ни одной деревни, пока я еще российский император»¹⁰⁴⁸.

22 ноября в Берлин пришла основанная на союзном решении австрийская депеша, в которой указывалось, что союзные войска намереваются войти в Кургессен исключительно для восстановления законного правительства и, выполнив эту задачу, уйдут. Прокеш заявил, что отказ Пруссии пропустить войска будет означать начало войны¹⁰⁴⁹. При этом Мейендорфу удалось убедить Шварценберга дать пруссакам дополнительные три дня на принятие решения¹⁰⁵⁰. Назначение умеренного О. Мантейфеля министром иностранных дел внушало надежды на желаемый исход. Русская дипломатия в этой ситуации не только оказывала давление на Берлин, но и Австрию призывала к сдержанности. После инцидента в Бронцеле Горчакову предписывалось убедить австрийского и баварского посланников во Франкфурте «в необходимости избегать, насколько возможно, всего, что могло бы увеличить трудности, с которыми в этот момент приходится бороться господину Мантейфелю и его коллегам»¹⁰⁵¹. В то же время Горчакову следовало продолжать «проповедовать умеренность в гессенском вопросе и активизацию действий в вопросе Гольштейна»¹⁰⁵².

В решающие дни газета «Прессе» отмечала, что встречи русского посланника с князем Шварценбергом еще никогда не были так часты и продолжительны¹⁰⁵³. 28 ноября издание сообщило: «Господин фон Мейендорф вчера и сегодня очень много работал в кабинете князя Шварценберга»¹⁰⁵⁴. Подобные публикации были знаком смены эпох: теперь общественность знала, с кем, когда и как часто встречается глава правительства. Высокая политика в Австрии постепенно утрачивала характер секретности.

Миротворческие усилия русского посланника принесли плоды. Направленный в Вену прусский уполномоченный граф Вестфален после разговора со Шварценбергом 24 ноября написал в Берлин, что ни глава австрийского правительства, ни общественное мнение Австрии не стремятся к войне и готовы к примирению с Пруссией, если последняя

¹⁰⁴⁸ Ibid. Bd. 2. S. 173.

¹⁰⁴⁹ Manteuffel O. Op. cit. Bd. 1. S. 329.

¹⁰⁵⁰ П. К. Мейендорф – А. Ф. Будбергу. 12(24).11.1850 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 513. Л. 11.

¹⁰⁵¹ К. В. Нессельроде – А. М. Горчакову. 14(26).11.1850 // АВПРИ. Ф. 198. Оп. 531. 1850. Д. 24. Л. 67.

¹⁰⁵² К. В. Нессельроде – А. М. Горчакову. 14(26).11.1850 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 600. Л. 57.

¹⁰⁵³ Die Presse. 19. November 1850. S. 2.

¹⁰⁵⁴ Die Presse. 28. November 1850. S. 2.

не будет чинить препятствий в кургессенском и гольштейнском вопросах¹⁰⁵⁵. В ответ Мантейфель выступил с идеей добиваться личного свидания со Шварценбергом и получил одобрение короля¹⁰⁵⁶. Согласно позднейшим сообщениям Бернсторфа, Шварценберг вначале не выразил желания встречаться с Мантейфелем, и прусскому посланнику стоило немало труда убедить министр-президента передать соответствующий запрос Францу Иосифу. Последний приказал Шварценбергу ехать в Ольмюц. Не исключено, что в этом случае сказалось влияние матери молодого императора, сестра которой Елизавета была королевой Пруссии. В результате 27 ноября Шварценберг отправил франкфуртскому сейму призыв отложить выступление войск¹⁰⁵⁷. Мнение о личной воле Франца Иосифа к урегулированию подтверждает и переписка К. Фицтума¹⁰⁵⁸.

В день отъезда Мантейфеля в Ольмюц 27 ноября Прокеш написал Шварценбергу письмо, уговаривая его облегчить прусскому переговорщику достижение соглашения, чтобы министерство, стремящееся к миру, удержалось у власти¹⁰⁵⁹. В то же время прусские консерваторы продолжали рассчитывать на примиряющее содействие Мейендорфа в предстоящих переговорах¹⁰⁶⁰. Со своей стороны, Шварценберг предложил Мейендорфу принять участие в ольмюцкой встрече, на что последний согласился¹⁰⁶¹.

29 ноября 1850 г. в Ольмюце между Австрией и Пруссией были достигнуты договоренности о прекращении конфликта, известные как «Ольмюцкая пунктация». Вопрос о реформе Германского союза в соответствии с желанием Пруссии передавался на рассмотрение «свободных конференций». Урегулирование в Гольштейне, вместо предлагавшегося изначально Австрией союзного комиссара, должно было осуществляться австро-прусской комиссией. Решение кургессенского вопроса также передавалось австрийским и прусским уполномоченным. В ответ Пруссия соглашалась на проход союзных войск через военные коммуникации в Кургессене, связывавшие восточную и западную части королевства. В оккупации столицы курфюршества – Касселя – должны были принять участие прусские войска, против присутствия которых ранее

---

¹⁰⁵⁵ Friedjung H. Fürst Felix Schwarzenberg... S. 572.

¹⁰⁵⁶ Preussens auswärtige Politik... Bd. 1. S. 23.

¹⁰⁵⁷ Sybel H. Op. cit. Bd. 2. S. 56.

¹⁰⁵⁸ Vitzthum von Eckstädt K. F. Berlin und Wien... S. 302.

¹⁰⁵⁹ Hoffmann J. Op. cit. S. 68–69.

¹⁰⁶⁰ Preussens auswärtige Politik... Bd. 1. S. 28.

¹⁰⁶¹ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 29.11.1850 // Meyendorff P. Op. cit. Bd. 2. S. 347.

возражала Австрия. Шварценберг пошел на уступку и в том, что местом свободных конференций, вместо Вены, был избран предложенный Пруссией Дрезден. Мантейфель, в свою очередь, вынужден был отказаться от требования полного равенства Пруссии и Австрии. Кроме того, была достигнута договоренность о начале разоружения¹⁰⁶². Четвертый пункт пунктации гласил, что Австрия и Пруссия разошлют приглашения на Дрезденскую конференцию совместно¹⁰⁶³.

Сразу после переговоров Мейендорф отправил письмо Л. Герлаху, призывая сделать все возможное, чтобы ольмюцкие условия были приняты Пруссией, поскольку «еще три дня назад он бы посчитал невозможным провести подобное»¹⁰⁶⁴.

Накануне получения этих известий Николай I уже собирался последовать решениям, принятым ранее в Варшаве, т. е., поддержать Австрию угрозой применения вооруженной силы¹⁰⁶⁵. Однако, подписав соглашение, берлинский кабинет, в восприятии Петербурга, порывал с революцией и начинал делать общее дело с Австрией и государствами Германского союза¹⁰⁶⁶. Россия могла считать достигнутой главную цель своей германской политики.

В Берлине в конце 1850 г. и впоследствии многие воспринимали ольмюцкие соглашения как унижение. В то же время за пределами Пруссии придерживались иного взгляда на суть достигнутых договоренностей. В Австрии обращали внимание на то, что Вена в этот период могла бы добиться в Германии большего. Фельдмаршал Радецкий утверждал: «В военном отношении Австрия никогда больше не имела бы столь благоприятных шансов, как в ноябре 1850 г.»¹⁰⁶⁷. В России готовность австрийской стороны к уступкам подчеркивал Нессельроде¹⁰⁶⁸.

Схожее восприятие демонстрировали и некоторые германские политики. Бойст впоследствии вспоминал, что «Ольмюц был не прусским унижением, а австрийской слабостью»¹⁰⁶⁹. Долгосрочные последствия Ольмюцкой пунктации он определил так:

---

¹⁰⁶² Manteuffel O. Op. cit. Bd. 1. S. 337–338.

¹⁰⁶³ Ibid. S. 338–339.

¹⁰⁶⁴ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 565.

¹⁰⁶⁵ Обзор внешней политики Российской империи за 1850 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 214.

¹⁰⁶⁶ Там же. Л. 214–215.

¹⁰⁶⁷ Manteuffel O. Op. cit. Bd. 1. S. 415.

¹⁰⁶⁸ К. В. Нессельроде – А. М. Горчакову. 1(13).12.1850 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 600. Л. 54.

¹⁰⁶⁹ Beust F. Op. cit. Bd. 1. S. 120.

«неумолимая логика истории...распорядилась так, что путь из Ольмюца вел в Кёниггрец»¹⁰⁷⁰.

В историографии существует точка зрения, отрицающая русский фактор в достижении соглашений. И. Хоффманн утверждал, что указания на прямое участие русского правительства в исходе ольмюцкой встречи отсутствуют, как отсутствуют указания и на не прямое воздействие России посредством дипломатических представителей в Германии. По мнению исследователя, все указывает на то, что Австрия и Пруссия достигли компромисса без помощи России¹⁰⁷¹. Похожего вывода придерживался Г. Румплер, полагавший, что, несмотря на участие России, ольмюцкий компромисс Шварценберг организовал самостоятельно¹⁰⁷².

В то же время многочисленные свидетельства современников говорят о заметной, если не определяющей роли русской дипломатии и, прежде всего, П. К. Мейендорфа в выработке соглашения. Л. Герлах считал, что договоренность полностью обеспечила честь Пруссии, и выражал Мейендорфу «глубокую благодарность» за оказанные им услуги¹⁰⁷³. Э. Мантейфель утверждал, что договором конфликтующие стороны обязаны только Мейендорфу¹⁰⁷⁴. Похожее мнение высказал великий герцог Мекленбург-Стрелицкий¹⁰⁷⁵. Наконец, содействие Мейендорфа достижению соглашения отметил австрийский император¹⁰⁷⁶.

Спустя почти два года сам Петр Казимирович заметил, что оказал услугу России, «которая была бы втянута в войну, если бы в Ольмюце не договорились»¹⁰⁷⁷. Фельдмаршал Паскевич полагал, что соответствующие усилия русского посланника в Вене обладают общеевропейской значимостью¹⁰⁷⁸. Русский дипломатический корпус, имевший отношение к германским событиям, также придерживался мнения, что ольмюцкое соглашение – далеко не в последнюю очередь результат усилий

¹⁰⁷⁰ Ibid. S. 125. Еще С. С. Татищев обратил внимание на то, что именно в этот момент началось восхождение Отто фон Бисмарка. 3 декабря 1850 г. он произнес в палате депутатов прусского ландтага речь, в которой поддерживал – чуть ли не единственный – уступчивую политику Мантейфеля в Ольмюце. За это его назначили посланником во Франкфурт, с чего и началась его дипломатическая карьера. См.: Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого... С. 119.

¹⁰⁷¹ Hoffmann J. Op. cit. S. 71.

¹⁰⁷² Rumpel H. Felix Schwarzenberg und das "Dritte Deutschland"... S. 372.

¹⁰⁷³ Meyendorff P. Op. cit., Bd. 2. S. 348.

¹⁰⁷⁴ Цит. по: Scharff A. Op. cit. S. 256.

¹⁰⁷⁵ Meyendorff P. Op. cit. Bd. 2. S. 357.

¹⁰⁷⁶ Franz Joseph an Nikolaus I. 20. Dezember 1850. // HHStA. PA X. K. 32. F. 7.

¹⁰⁷⁷ ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 510. Л. 58–59.

¹⁰⁷⁸ И. Ф. Паскевич – П. К. Мейендорфу. 1.12.1850 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 704. Л. 33 об.

Мейендорфа¹⁰⁷⁹. В отчете российского МИДа за 1850 г. подчеркивалось, что к желанному результату в Ольмюце привели, главным образом, умеренность молодого австрийского императора и содействие представителя России¹⁰⁸⁰.

В письме брату Георгу 21 декабря 1850 г. Мейендорф указывал на идеологическую мотивацию действий России, скромно заметив, что Германия и Европа обязаны миром влиянию российского императора¹⁰⁸¹. Примечательно, что инициатор «революционной» прусской политики Й. Радовиц, рассуждая об агрессивном настрое Шварценберга осенью 1850 г., вспоминал, что Россия, употребив все свое влияние, потребовала, чтобы Австрия примирилась с Пруссией, и привел ходивший в Пруссии слух, согласно которому Мейендорф даже угрожал деятельной помощью Пруссии посредством занятия Галиции¹⁰⁸².

Добившись отказа Берлина от унионистской политики и восстановления австро-прусского сотрудничества, Россия заметно снизила активность в германском вопросе. Через неделю после встречи в Ольмюце Паскевич сообщил Нессельроде об адресованной ему Шварценбергом просьбе безотлагательно сконцентрировать в окрестностях Ченстоховы русскую дивизию (чтобы, как написал в ответ Нессельроде, сдержать Пруссию со стороны Силезии¹⁰⁸³). Фельдмаршал запросил указаний Николая I, который написал на этой депеше: «Я нахожу требование Шварценберга (в оригинале – «Schwarzen» – М. М.) несвоевременным и бесполезным»¹⁰⁸⁴.

Одним из важных аспектов достигнутых соглашений как для Австрии, так и для России было то, что они позволили погасить конфликт в Германии без вовлечения в процесс западных держав, поскольку, когда австро-прусские противоречия обострились, парижский кабинет направил в Петербург предложение коллективного вмешательства не только в имевшем международное измерение датском, но и в германском вопросе¹⁰⁸⁵. Ольмюцкое соглашение содействовало восстановлению статус-кво в Германии, в то время как общеевропейское вмешательство могло привести к непредсказуемому результату¹⁰⁸⁶.

¹⁰⁷⁹ А. Ф. Будберг – А. М. Горчакову. 4.12.1850 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 338. Л. 3 об.

¹⁰⁸⁰ Обзор внешней политики Российской империи за 1850 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 274.

¹⁰⁸¹ Meyendorff P. Op. cit. Bd. 2. S. 361.

¹⁰⁸² Radowitz J. Op. cit. S. 400.

¹⁰⁸³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 100. Л. 4.

¹⁰⁸⁴ И. Ф. Паскевич – К. В. Нессельроде. 7.12.1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 100. Л. 116.

¹⁰⁸⁵ Обзор внешней политики Российской империи за 1850 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 263.

¹⁰⁸⁶ А. П. Щербатов предполагал, что германские державы были побуждаемы к этому соглашению и тем, что Франция, руководимая Луи-Наполеоном, оправилась от революционных потрясений и наращивала военную мощь, угрожая, таким образом, западным границам германских государств. См.: Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. С. 13.

Нессельроде, помимо официальной дипломатической коммуникации, предпринимал усилия для улучшения климата австро-русских отношений частным порядком. 25 ноября, предвидя мирный исход австро-прусского противостояния, он советовал Мейендорфу способствовать тому, чтобы Франц Иосиф написал Николаю I письмо с благодарностью за помощь и отправил его в Петербург с одним из отличившихся в борьбе с революцией австрийских генералов¹⁰⁸⁷. Тогда же канцлер добился награждения Буоля орденом Белого орла¹⁰⁸⁸. Николай, в свою очередь, поблагодарил Франца Иосифа за усилия, предпринятые им для умиротворения Германии¹⁰⁸⁹.

Во Франкфурте австро-прусские договоренности, заключенные в обход средних и малых германских государств, произвели неблагоприятное впечатление¹⁰⁹⁰. Однако А. М. Горчаков был убежден, что «государства второго порядка не могут сделать ничего лучше, как проинструктировать своих уполномоченных принять статьи Ольмюца...и делегировать их выполнение от имени сейма венскому кабинету»¹⁰⁹¹. Это должно было стать еще одним шагом, подчеркивающим восстановление первенствующего положения Австрии в Германии.

Одновременно русская дипломатия продолжала целенаправленно использовать австрийского союзника, стремясь ускорить восстановление порядка в Шлезвиге и Гольштейне. Рассуждая о решении датского вопроса, когда союзные войска уже находились на пути в герцогства, Мейендорф писал Шварценбергу: «Все, что вы сделаете для быстрого прекращения войны, подавления демократического гнезда в Киле и восстановления законной власти суверена Гольштейна, будет рассматриваться как новая услуга, оказанная Австрией делу европейского порядка»¹⁰⁹². Нессельроде, описывая содержание ольмюцких соглашений в датском вопросе, подчеркнул до некоторой степени менторский характер русского воздействия: «Наш августейший повелитель очень конкретно привлек внимание венского и берлинского дворов к необходимости окончить это дело образом, соответствующим правам и интересам датского короля как легитимного суверена герцогств»¹⁰⁹³. Вскоре русский посланник в Берлине А. Ф. Будберг мог сообщить

¹⁰⁸⁷ Nesselrode Ch. Op. cit. Т. X. P. 14–15.

¹⁰⁸⁸ Ibid. P. 15.

¹⁰⁸⁹ Николай I – Францу Иосифу I. 28.11(10.12).1850 (черновик) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 9. Л. 10.

¹⁰⁹⁰ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 23.11(5.12).1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 45. Л. 251.

¹⁰⁹¹ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 27.11(9.12).1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 45. Л. 279.

¹⁰⁹² ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 551. Л. 1 об.

¹⁰⁹³ К. В. Нессельроде – И. Ф. Паскевичу. 7(19).12.1850 (проект) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 100. Раздел «Ехр.». Л. 10–10 об.

в Петербург о согласных действиях австрийских и прусских уполномоченных как в Кургессене¹⁰⁹⁴, так и в Гольштейне¹⁰⁹⁵.

Как только отношения между Берлином и Веной нормализовались, Николай приказал вернуть русские войска в Польше на мирное положение¹⁰⁹⁶. А будущий канцлер Российской империи А. М. Горчаков мог вновь сосредоточиться на выполнении своих обязанностей посланника при вюртембергском дворе¹⁰⁹⁷.

§ 2.3. Восстановление дореволюционного статус-кво в результате Дрезденской конференции 1850–1851 гг.

К концу 1850 г., в значительной степени благодаря поддержке России, Австрия подошла, существенно укрепив позиции как внутри империи, так и в Европе. Возросшую уверенность австрийской верхушки в своих силах хорошо выразила эрцгерцогиня София: «Какой прекрасный и славный момент для Австрии и наших войск, разместившихся от Кронштадта в Трансильвании до Рейна и от Анконы до Эльбы и Дании исключительно с целью восстановления повсюду порядка и законности, без всякой мысли о завоеваниях или посягательстве на чужие права»¹⁰⁹⁸. В этом высказывании обращает на себя внимание отчетливо выраженная умеренность австрийских внешнеполитических интересов и их охранительная природа.

Особое место России во внешних связях Австрии в этот период было очевидно многим заинтересованным наблюдателям. Согласно одному из свидетельств, в то время как двор и высший свет Вены плохо обращались с дипломатическим корпусом, П. К. Мейендорф составлял в этом правиле единственное исключение¹⁰⁹⁹.

В начале 1851 г. Паскевич¹¹⁰⁰ с удовлетворением отмечал тенденцию к «откровенной реакции», проявляющуюся в австрийских государственных деятелях, которую, согласно его источникам, следовало приписать влиянию Мейендорфа на

¹⁰⁹⁴ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 26.12.1850(7.01.1851) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 2 об.

¹⁰⁹⁵ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 10(22).01.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 49–50.

¹⁰⁹⁶ И. Ф. Паскевич – П. К. Мейендорфу. 12.02.1851 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 704. Л. 36.

¹⁰⁹⁷ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 22.12.1850(3.01.1851) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 45. Л. 298.

¹⁰⁹⁸ Reinöhl F. Op. cit. S. 134.

¹⁰⁹⁹ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 606–607.

¹¹⁰⁰ В этот период Франц Йосиф назначил Паскевича шефом пехотного полка, носившего прежде имя великого князя Михаила Павловича (П. К. Мейендорф – И. Ф. Паскевичу. 10(22).02.1851 // АВПРИ. Ф. 333. Оп. 576. 1851. Д. 396. Л. 10.).

Шварценберга и доверию последнего советам русского посланника¹¹⁰¹. В отношениях с Россией царил полная сердечность. В начале января за обедом у эрцгерцогини Софии мать австрийского императора сказала Мейендорфу, что Николай I должен служить Францу Иосифу примером во всем¹¹⁰².

Положение в Германии настолько успокоилось, что циркуляром 28 января 1851 г. австрийское правительство осуществило сокращение армии, коснувшееся более 60 тыс. чел. и обеспечившее казне экономию в 15 млн флоринов¹¹⁰³.

Ольмюцское соглашение вполне успокоило и Россию. Нессельроде теперь мог на голубом глазу заявить французскому посланнику в Петербурге Бартеlemi де Кастельбажаку, что внутригерманские дела не подлежат русской компетенции, и он не считает себя призванным принимать в них активное участие¹¹⁰⁴.

Устранив непосредственную угрозу австрийским позициям в Германии, Шварценберг мог сконцентрироваться на постреволюционном обустройстве Германского союза. Этот вопрос поглотил его внимание настолько, что остальные дела в Вене пребывали в «совершенной стагнации»¹¹⁰⁵. 23 декабря 1850 г. в Дрездене начала работу конференция по реформе Германского союза. Столицу Саксонии в качестве места для встречи по германским делам предлагал еще Меттерних накануне бегства из Вены¹¹⁰⁶. 10 марта 1848 г. Меттерних и Радовиц в Вене подписали пунктацию, созывавшую правительственную конференцию в Дрездене для обсуждения реформы Союза. Из-за революционных событий это решение не было реализовано. То, что в Ольмюце снова остановились на Дрездене, символически подчеркивало преемственность в решении германского вопроса с дореволюционной эпохой. Вместе со Шварценбергом представлять Австрию на конференции приехал из Петербурга Буоль.

Австрия, по-видимому, пыталась привлечь Россию к прямому участию в этой встрече. А. Шарфф приводит письмо прусского посланника в Петербурге Т. Рохова от 22 декабря 1850 г., в котором тот сообщает, что Россия ответила отказом на предложение Буоля послать в Дрезден Мейендорфа с мотивировкой, что это может вызвать приезд туда

¹¹⁰¹ И. Ф. Паскевич – П. К. Мейендорфу. 12.02.1851 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 704. Л. 35–36.

¹¹⁰² П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 26.12.1850(7.01.1851) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 144. Л. 2 об.

¹¹⁰³ П. К. Мейендорф – И. Ф. Паскевичу. 25.01(6.02).1851 // АВПРИ. Ф. 333. Оп. 576. 1851. Д. 396. Л. 2.

¹¹⁰⁴ Lebzelttern an Schwarzenberg. 8. Januar 1851 // HHStA. PA X. K. 33. F. 5.

¹¹⁰⁵ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 4(16).01.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 144. Л. 562.

¹¹⁰⁶ Radowitz J. Op. cit. S. 11.

английского и французского представителей¹¹⁰⁷. В Петербурге полагались на то, что германские державы смогут устроить дела в центре Европы, избежав внешнего вмешательства. За работой конференции из русской столицы наблюдали с полным спокойствием, поскольку, по мнению Нессельроде, не было оснований опасаться, что спорные вопросы там вновь приведут Австрию и Пруссию к столкновению¹¹⁰⁸. С канцлером соглашался Мейендорф: договорятся в Дрездене по большинству спорных вопросов или лишь по небольшому числу – это Россию интересует много меньше, писал он, чем видеть две германские державы, согласно идущие путями монархической и консервативной политики¹¹⁰⁹. 21 января дипломат повторил, что «лучше не вмешиваться в вещи, которые идут сами собой»¹¹¹⁰.

Ключевой задачей Шварценберга на конференции было окончательное преодоление последствий революции. Тайная инструкция австрийским уполномоченным от 20 декабря 1850 г. гласила: «Ведущей мыслью во время переговоров должно быть обеспечение открытого разрыва всех правительств с революцией. Если это удастся, все остальное легко осуществимо...»¹¹¹¹. Этот внутренний документ свидетельствовал об умеренном характере австрийских планов.

Под разрывом с революцией понималось, главным образом, торможение развития парламентаризма. Петербургский кабинет приветствовал это стремление Австрии. В преддверии конференции Нессельроде обращал внимание представлявшего Россию во Франкфурте А. М. Горчакова на то, что в баварской и саксонской столицах придают большое значение созданию общегерманского парламента (Volkshaus). Канцлер напоминал, что Берлин и Вена не приветствуют эту идею, и добавлял, что они правы¹¹¹². Впрочем, осторожный Нессельроде делал оговорку, призывая Горчакова рассматривать эти слова как его частное мнение, поскольку, указывал он, император не любит вмешиваться в чисто германские дела¹¹¹³. Несмотря на демонстративную дистанцированность России, наблюдатели ощущали ее присутствие во внутригерманском политическом процессе. Супруг британской королевы Виктории принц Альберт в январе

¹¹⁰⁷ Scharff A. Op. cit. S. 282.

¹¹⁰⁸ Обзор внешней политики Российской империи за 1850 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 285.

¹¹⁰⁹ Meyendorff P. Op. cit. Bd. II. S. 364.

¹¹¹⁰ Ibid. S. 368.

¹¹¹¹ Цит. по: Austensen R. A. Felix Schwarzenberg: "Realpolitiker" or Metternichian?.. S. 104.

¹¹¹² К. В. Нессельроде – А. М. Горчакову. 1(13).12.1850 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 600. Л. 55.

¹¹¹³ Там же. Л. 55 об.

1851 г. в связи с Дрезденской конференцией высказал мысль, что реальным «повелителем Европы» является Николай I, тогда как Австрия – только инструмент¹¹¹⁴.

Главной целью Пруссии на конференции было добиться от Австрии равенства в исполнительной власти Союза. Хотя такое развитие событий означало для Вены утрату формального лидерства в Германии, на ранней стадии переговоров Шварценберг не возражал, вероятно, из тактических соображений, а также в надежде добиться взамен включения всех провинций Австрийской империи в Союз. В первой половине января, общаясь с Мантейфелем, он выразил согласие на паритет с Пруссией и чередующееся председательство в будущем исполнительном органе¹¹¹⁵.

Русский посланник в Дрездене А. А. Шрёдер сообщал, что в начале января Вена и Берлин совместно предложили формат исполнительной власти, который предполагал 9 членов и 11 голосов: по два голоса у Австрии и Пруссии и по одному – у четырех королевств. Оставшиеся 3 голоса распределялись между малыми государствами¹¹¹⁶.

Будберг доносил из Берлина, что, по всей видимости, берлинский кабинет готов согласиться на все, что ему предложат, при условии обеспечения равенства с Австрией¹¹¹⁷. При этом в переговорах друг с другом германские державы продолжали ссылаться на позицию России. В середине февраля Мантейфель во время очередной дискуссии со Шварценбергом апеллировал к русской депеше от 29 октября 1850 г., где говорилось, что вопрос о разделении председательства в Германском союзе будет оставлен на усмотрение всех германских правительств¹¹¹⁸. Из чего, по мнению прусского министр-президента, следовало, что Австрия в этом пункте уступит. Как сообщил Мантейфель Л. Герлаху, несогласный с этим Шварценберг «очень разозлился и сказал, что российский император ничего не понимает в германских делах»¹¹¹⁹. В результате австрийский министр категорически отказался ставить этот вопрос на обсуждение конференции. Уже ко второй половине февраля в германских дипломатических кругах возникло предположение, что если Пруссия не добьется своего, она предложит восстановить сейм в прежнем виде, выведет свои восточные провинции из состава Союза и равным образом потребует от

¹¹¹⁴ Ernst II Herzog von Sachsen-Coburg-Gotha. Op. cit. Bd. 2. S. 11.

¹¹¹⁵ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 3(15).01.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 15 об.

¹¹¹⁶ А. А. Шрёдер – К. В. Нессельроде. 31.12.1850(12.01.1851) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 40. Л. 41–42.

¹¹¹⁷ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 12.(24).01.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 58.

¹¹¹⁸ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 598.

¹¹¹⁹ Ibid.

Австрии отказаться от идеи включения в Союз негерманских провинций монархии¹¹²⁰. Вместе с тем, официально еще 23 февраля на пленарном заседании конференции было заявлено о намерении Австрии и Пруссии войти в Германский союз всеми землями¹¹²¹.

В рамках дискуссии о распределении полномочий в имеющих быть образованными центральными органами реформируемого Союза Шварценберг по-прежнему предлагал сформировать союзную исполнительную власть из 11 голосов, но ввиду оппозиции большинства участников конференции признал этот проект провалившимся¹¹²². Мантейфель пригрозил, что, если через 15 дней не будет достигнуто соглашение, Пруссия предложит восстановление Союза с прежним законодательством и территориальным делением¹¹²³. Шварценберг в ответ заявил, что идея неприемлема, поскольку средние и малые государства этого больше не хотят, и, кроме того, такой вариант больше не подходит Австрии. Николай I напротив этого места в депеше поставил три вопросительных и три восклицательных знака¹¹²⁴. Слабость аргументации Шварценберга была очевидна, в то время как для Петербурга именно возвращение к дореволюционному положению было наиболее понятным и приемлемым вариантом. Одновременно Будберг указывал на консервативную партию в Пруссии, которая действовала в смысле возвращения к прежнему сейму с двойной целью: «вернуть Пруссию к консервативным принципам и в то же время вернуть ей симпатии иностранных держав...»¹¹²⁵. В том числе благодаря действиям этой партии у русской дипломатии сохранялась возможность продолжать дистанцироваться от работы конференции.

Шварценберг продолжал заявлять, что Австрия должна либо со всеми провинциями войти в Германский союз, либо выйти из него¹¹²⁶. Такая категоричность не убедила русского посланника в Вене, заметившего, что полный выход из Союза – дело не одной

¹¹²⁰ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 10(22).02.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 176–177.

¹¹²¹ А. А. Шрёдер – К. В. Нессельроде. 12(24).02.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 40. Л. 109.

¹¹²² А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 14(26).02.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 181–182.

¹¹²³ Там же. Л. 183.

¹¹²⁴ Там же. Л. 183 об. Вообще в Петербурге не переоценивали профессиональных качеств Ф. Шварценберга. Так, русский экономист Л. В. Тенгоборский в конфиденциальной записке, подготовленной в решающий период австро-прусского противостояния осенью 1850 г., весьма скептически оценивал внутреннее состояние Австрии, а об австрийском министр-президенте писал, что он «не знает ситуации в стране и не может ее знать, так как не хочет слушать людей, которые могли бы ему ее прояснить...он занимается самыми серьезными вопросами с большим упрямством и в то же время с непостижимой легкостью» (Л. В. Тенгоборский – К. В. Нессельроде. 20.09(2.10).1850 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 130. Л. 70.). Кроме того, Шварценберг, по словам Тенгоборского, был полностью поглощен внешней политикой, а во внутренних делах слепо доверял А. Баху и А. Шмерлингу – людям с репутацией либералов, которые уже по одной этой причине не могли вызывать доверия в Петербурге (Там же. Л. 76.). Русский наблюдатель отмечал нехватку в Австрии государственных людей (Там же. Л. 71.).

¹¹²⁵ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 14(26).02.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 189.

¹¹²⁶ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 25.02(9.03).1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 144. Л. 580 об.

только Австрии, поскольку его целостность гарантирована договорами, а вступление в Союз всеми провинциями зависит от единодушного согласия других германских государств¹¹²⁷. При этом формально Николай I не возражал против расширения конфедерации, выразив лишь ожидание, что соответствующие изменения не повлияют на характер отдельных договоров, заключенных Россией с Австрией как европейской державой, и не лишат действительности взаимные права и обязательства, установленные этими договорами¹¹²⁸.

В самой Германии идея Шварценберга встречала понимание лишь у отдельных политиков. Так, Бойст считал, что включение всех габсбургских провинций в Союз желательно с политической точки зрения. Учитывая возражения Англии и Франции, он полагал целесообразным не говорить открыто о территориальных изменениях. Вместо этого, по его мнению, имело смысл представить этот шаг в форме обязательств, которые Австрия брала бы на себя перед Германией¹¹²⁹. В то же время Франция оказывала давление на Саксонию и другие германские государства, которые, как казалось, поддерживали австрийский план¹¹³⁰.

Для достижения своих целей австрийский первый министр не останавливался перед прямым запугиванием представителей средних и малых государств угрозой возвращения революции в случае провала австрийских предложений. Однако убедить их ему не удалось¹¹³¹. «Третья Германия» знала по недавнему опыту, что справиться с революцией поможет, скорее, Пруссия, чем Австрия¹¹³². Кроме того, перспектива безоговорочного доминирования любой из германских держав традиционно вызывала обеспокоенность представителей второстепенных германских государств. В результате уже 8 марта Мейендорф предположил, что конференция будет иметь результатом возвращение к прежнему положению вещей¹¹³³. 3 апреля он повторно высказал эту мысль¹¹³⁴.

¹¹²⁷ Там же. Л. 581.

¹¹²⁸ Обзор внешней политики Российской империи за 1851 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 400.

¹¹²⁹ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 25.01(6.02).1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 145 об.

¹¹³⁰ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 27.02(11.03).1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 225.

¹¹³¹ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 18.02(2.03).1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 211 об.

¹¹³² Очевиднее всего этого проявилось при подавлении с помощью прусских войск восстаний в Саксонии и Бадене в мае-июле 1849 г.

¹¹³³ Meyendorff P. Op. cit. Bd. II. S. 385.

¹¹³⁴ Ibid. S. 397.

Тем не менее, до конца марта Шварценберг надеялся на поддержку России, пытаясь убедить Петербург, что расширение Союза пошло бы на пользу общему миру в Европе¹¹³⁵. Однако уже тогда у Николая I появились основания задуматься о дальнейшей поддержке австрийских намерений, так как против них выступили Франция и Англия. Коммуникация по этому поводу имела место между Парижем и Петербургом еще в 1850 г. Поскольку вначале из России не было слышно возражений против австрийского плана, во Франции подозревали, что Петербург рассчитывает за такую позицию получить что-то взамен¹¹³⁶. Франция, со своей стороны, заявляла, что намерение Вены противоречит трактатам 1815 г.¹¹³⁷.

В начале 1851 г. из Парижа Вену проинформировали, что вхождение всех австрийских провинций в Союз стало бы нарушением 53-й статьи Акта Венского конгресса, и для легитимных изменений необходимо согласие всех сторон, подписавших договор¹¹³⁸. Прибегая к подобной «легитимистской» аргументации, во Франции, возможно, рассчитывали на поддержку Петербурга. Однако в депеше посла в Петербурге Б. Кастельбажака от 15 февраля французский министр иностранных дел А. Бренье «с истинным сожалением обнаружил...формальное заявление господина графа Нессельроде, что петербургский кабинет признает за германскими правительствами право менять границы Германского союза, зафиксированные венским актом, без согласия всех правительств, подписавших этот акт»¹¹³⁹. В Пруссии французский посланник Лефевр предпринимал немалые усилия, чтобы разъяснить берлинскому кабинету и представителям Великобритании и России опасности, которыми грозило бы для европейского равновесия осуществление австрийского плана. По мнению Будберга, одной из задач Лефевра было внушить прусскому правительству недоверие к Австрии, убедить в том, что осуществление плана низвело бы Пруссию до державы второго ранга¹¹⁴⁰. Будберга, во всяком случае, французский дипломат не убедил¹¹⁴¹. Так же, как не удалось это его коллеге в Дрездене, сообщившему А. А. Шрёдеру о протесте французского МИДа против плана Австрии от 23 февраля¹¹⁴².

¹¹³⁵ Ф. Шварценберг – Э. Лебцельтерну. 23.03.1851 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 5. Л. 44–45.

¹¹³⁶ Обзор внешней политики Российской империи за 1850 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 265.

¹¹³⁷ Там же. Л. 267.

¹¹³⁸ А. Бренье – Б. Кастельбажаку. 1.02.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 48. Л. 9.

¹¹³⁹ А. Бренье – Б. Кастельбажаку. 1.03.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 48. Л. 118.

¹¹⁴⁰ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 14(26).02.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 203–204.

¹¹⁴¹ Там же. Л. 203.

¹¹⁴² А. А. Шрёдер – К. В. Нессельроде. 18.02(2.03).1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 40. Л. 133.

Однако считаться с французской точкой зрения было необходимо. У Певческого моста еще в конце января получили официальную французскую депешу с категорическим несогласием на план Шварценберга. Ответ Нессельроде, что он не разделяет французской точки зрения и не видит оснований противиться австрийскому плану¹¹⁴³, производит впечатление стремления попросту отмежеваться от спора. Проявить осторожность имело смысл и потому, что ранее против австрийского плана высказался Пальмерстон. Интересную интерпретацию позиции британского правительства предложил Ф. И. Бруннов. По его мнению, английский кабинет мог бы пойти на австрийскую комбинацию в том, что касается Венгрии и Галиции, так как идея сделать Дунай на всем его протяжении немецкой рекой и дать Германскому союзу определенное влияние на земли, прилегающие к Висле, в некоторой степени соответствовала интересам и политическим видам самой Англии. Однако Великобритания не согласилась бы на расширение Союза в сторону Италии, поскольку ей совсем не выгодно укреплять позиции Австрии по южную сторону Альп. Последнее соображение и вызывало протест Лондона¹¹⁴⁴.

В середине апреля Луи-Наполеон отправил в Петербург специальную миссию с целью сделать русскому правительству разъяснения французской позиции. В результате Мейендорфу сообщили, что российский император не может закрывать глаза на возражения, которые венский кабинет встретил со стороны других держав. А что касается Франции и Англии, в этом случае им была предоставлена возможность проявить перед лицом всей Европы «сердечное согласие». Этот факт препятствовал бы германским государствам достичь между собой солидарности, в которой ощущается острая необходимость¹¹⁴⁵. Аргументы были более, чем убедительными: перспектива совместных действий Великобритании и Франции на международной арене должна была вызвать настороженность как России, так и Австрии. 15 апреля Лебцельтерн доносил в Вену, что с разных сторон до него доходит информация, что по мнению петербургского кабинета в интересах Австрии было бы не включать в состав Германского союза Ломбардо-Венецианское королевство¹¹⁴⁶. Немного позднее Нессельроде отметил, что и в Петербурге

---

¹¹⁴³ Lebzelttern an Schwarzenberg. 15. Februar 1851 // HHStA. PA X. K. 33. F. 23–24.

¹¹⁴⁴ Доклады за 1851 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 39. Л. 48.

¹¹⁴⁵ К. В. Нессельроде – П. К. Мейендорфу. 31.03(12.04).1851 (проект) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 145. Л. 236.

¹¹⁴⁶ Lebzelttern an Schwarzenberg. 15. April 1851 // HHStA. PA X. K. 33. F. 65.

раздались «могущественные голоса» против идеи вхождения всей Австрийской империи в германскую конфедерацию¹¹⁴⁷.

В Дрездене позиция Берлина оставалась неизменной: Мантейфель продолжал настаивать на том, что Пруссии необходимо равенство с Австрией в руководстве Союзом. Россия при открытии конференции не возражала против австро-прусского паритета. Однако уже в начале апреля Л. Герлах зафиксировал изменение позиции Николая I в этом вопросе в пользу Австрии, связав это с неприятием в Петербурге прусского конституционализма¹¹⁴⁸. Будберг, общаясь с Мантейфелем, сказал, что возражения Вены против идеи чередования председательства Австрии и Пруссии в сейме носят справедливый характер¹¹⁴⁹.

По мнению немецкого историка Г. Бёме, Пруссия вынуждена была сопротивляться австрийскому проекту предельно осторожно, потому что в противном случае рисковала быть обвиненной в небрежении немецким национальным чувством, и в этой ситуации Берлин выбрал тактику затягивания¹¹⁵⁰. Это заводило переговоры в тупик, но парадоксальным образом привело к тому, что в российском МИДе стали высказывать большее удовлетворение прусской политикой. По мнению Нессельроде, между Веной и Берлином произошла своего рода смена ролей. Если годом ранее Пруссия стремилась изменить соотношение сил в свою пользу, а Австрия этому сопротивлялась, то теперь Австрия со своим проектом вхождения всей монархии в Германский союз выступала в роли нарушителя статус-кво, в то время как Пруссия уже была согласна на восстановление конфедерации в прежнем виде¹¹⁵¹. Шварценберг надеялся использовать инерцию прежней русской поддержки¹¹⁵². Россия же стремилась к укреплению австро-прусского сотрудничества в формате, по возможности близком к дореволюционному.

Несмотря на то, что проект Шварценберга был одним из главных камней преткновения в переговорах, некоторые источники указывают на то, что этот план мог

¹¹⁴⁷ Nesselrode Ch. Op. cit. Т. X. P. 45.

¹¹⁴⁸ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 615.

¹¹⁴⁹ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 24.03(5.04).1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 335 об.

¹¹⁵⁰ Böhme H. Op. cit. S. 23–24.

¹¹⁵¹ К. В. Нессельроде – П. К. Мейендорфу. 4(16).03.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 145. Л. 204–207.

¹¹⁵² Достаточно спорным представляется утверждение Э. Крэе, согласно которому одним из побудительных мотивов князя Шварценберга для вхождения всех провинций Австрии в Германский союз была защита монархии на случай возможного конфликта с Россией, поскольку и при той конфигурации Союза, которая была зафиксирована в 1810-е гг., гипотетическое нападение России на Австрию (в то время представлявшееся, к тому же, практически невозможным) почти автоматически означало вступление государств Союза в войну на стороне последней. См.: Kraehe E. E. Foreign Policy and the Nationality Problem... P. 27.

быть лишь средством запугивания Пруссии, самое большое – попыткой наудачу в подвижных постреволюционных обстоятельствах укрепить австрийское влияние в Германии, в то время как на самом деле глава венского кабинета с самого начала был согласен на восстановление Союза в дореволюционном варианте. В инструкции, данной Шварценбергом австрийским представителям на Дрезденской конференции 20 декабря 1850 г., говорилось, что Австрия может надеяться не только на содействие малых германских государств, но и на поддержку европейских держав, поскольку последние понимают, «какую гарантию мира им предоставляет Германский союз в его настоящей форме, (и какой опасностью стало бы для них милитаризованное государство, которое было бы создано Пруссией)»¹¹⁵³. В этом же документе говорилось о необходимости сохранить как можно больше от прежней союзной конституции.

Буоль в условиях пробуксовки переговоров писал Шварценбергу из Дрездена 26 марта 1851 г., что сейм 1815 г. был, возможно, кораблем с течью, но таким, в котором Австрия, по крайней мере, была капитаном¹¹⁵⁴. В эти же дни Шрёдер констатировал, что конференция находится в состоянии полной стагнации, а согласие между двумя германскими державами исчезло¹¹⁵⁵.

Неспособность участников Дрезденской конференции прийти к согласию вызывала определенную обеспокоенность в Петербурге, где отмечали, что «Отсутствие всеми признаваемой союзной власти делало еще более опасной ситуацию ожидания и неопределенности»¹¹⁵⁶. Поэтому, когда Шварценберг выразил несогласие с прусским предложением вернуться к прежнему сейму, Мейендорфу поручили напомнить в Вене, что сейм – учреждение, основанное на договорах 1815 г.¹¹⁵⁷. Несогласие Шварценберга было вызвано сохраняющейся надеждой достичь для Австрии чего-то большего, чем просто возвращения к дореволюционному положению. В этом стремлении Вена была одинока. Представление русской дипломатии о том, каким должно быть место Австрии в Германии, лаконично изложено в одном из писем Рохова: «Здесь хотят, чтобы Австрия была сильной и организованной прочно, как надежная консервативная опора для Европы,

---

¹¹⁵³ Цит. по: Austensen R. A. Austria and the “Struggle for Supremacy in Germany”... P. 206.

¹¹⁵⁴ Цит. по: Austensen R. A. Felix Schwarzenberg: «Realpolitiker» or Metternichian?.. S. 117.

¹¹⁵⁵ А. А. Шрёдер – К. В. Нессельроде. 10(22).03.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 40. Л. 276.

¹¹⁵⁶ Обзор внешней политики Российской империи за 1851 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 389.

¹¹⁵⁷ Там же. Л. 390–391.

но не более сильной, чем необходимо, и ни в коем случае не так, чтобы пострадали сила и авторитет Пруссии»¹¹⁵⁸.

Сопrotивление Берлина, отсутствие поддержки средних и малых государств, а также внешней помощи лишали надежды Шварценберга какой-либо перспективы. 17 апреля Мейендорф сообщил в Берлин, что Австрия готова отказаться от идеи включения всех провинций империи в Союз¹¹⁵⁹. На следующий день между Австрией и Пруссией было достигнуто согласие относительно восстановления сейма, по крайней мере, временного¹¹⁶⁰.

Важным элементом восстановления австро-прусского дуализма стал двусторонний оборонительный договор, заключенный при участии русских дипломатов. Одним из мотивов плана вхождения всех австрийских провинций в Германский союз было обеспечение безопасности негерманских областей монархии. Когда стали очевидными трудности в осуществлении этого проекта, Петербург, вероятно, чтобы убедить Австрию отказаться от этого плана и одновременно снизить ее озабоченность собственной безопасностью, побудил Берлин предложить Вене заключить договор, согласно которому любое нападение на итальянские провинции Австрии Пруссия рассматривала бы как направленное на себя. Прусский кабинет принял эту идею¹¹⁶¹. В Вене прусское предложение было поддержано русским посланником¹¹⁶². Мейендорф предложил вернуться к высказанной в 1840 г. Фридрихом Вильгельмом IV идее считать возможное нападение на итальянские провинции Австрии как направленное против Германского союза¹¹⁶³. В Берлине Мантейфель в результате общения с Будбергом обратился к Прокешу с предложением заключить формальное соглашение о гарантии Пруссией итальянских провинций Австрии, и австрийский дипломат передал это предложение Шварценбергу, сопроводив его положительным отзывом¹¹⁶⁴. Со стороны Пруссии эта инициатива, вероятно, также была продиктована стремлением снять с повестки дня вопрос о расширении Союза. Кроме того, Берлину в определенном смысле было выгодно

---

¹¹⁵⁸ Preussens auswärtige Politik... Bd. 1. S. 243–244.

¹¹⁵⁹ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 618–619.

¹¹⁶⁰ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 6(18).04.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 361–362.

¹¹⁶¹ Обзор внешней политики Российской империи за 1851 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 395.

¹¹⁶² Там же. Л. 396.

¹¹⁶³ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 29.03(10.04).1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 348 об.

¹¹⁶⁴ Там же. С. 353.

сохранение за Австрией итальянских земель, так как это отвлекало внимание и ресурсы Вены от германского направления.

18 апреля Будберг сообщил, что Шварценберг принял предложение Мантейфеля, взамен гарантируя Рейнскую провинцию Пруссии¹¹⁶⁵. Вскоре глава венского кабинета предложил Берлину проект секретного оборонительного и наступательного договора, однако считал, что договор должен вступить в силу, только если станет невозможным вхождение всей Австрийской империи в Союз¹¹⁶⁶. Мантейфель настаивал, что документ должен быть совершенно независим от австрийского плана¹¹⁶⁷. Более того, он предлагал ограничить прусские гарантии Ломбардией¹¹⁶⁸. В итоге был согласован компромиссный вариант, и 16 мая стороны подписали секретный договор, по которому две державы гарантировали владения друг друга от внешнего нападения. При этом России предложили присоединиться к договору. В Петербурге посчитали, что, учитывая тесные отношения с Австрией и Пруссией, новая гарантия безопасности со стороны России была бы избыточной, к тому же подобный шаг лишал бы договор внутригерманского характера¹¹⁶⁹. Последнее обстоятельство было особенно важным, учитывая возможную позицию Англии и Франции. Нессельроде прямо говорил, что участие России могло бы вызвать «франко-английский контр-союз»¹¹⁷⁰.

15 мая 1851 г., за день до подписания австро-прусского договора, Дрезденская конференция завершила работу восстановлением Германского союза в прежнем, дореволюционном виде. Для России это стало оптимальным исходом¹¹⁷¹. Предстоящее открытие франкфуртского сейма в Петербурге расценили как «хорошее предзнаменование»¹¹⁷².

В начале июня представители Франции и Великобритании вручили Ф. Туноу свои верительные грамоты¹¹⁷³. Тем самым было оформлено международное признание восстановленного статус-кво.

¹¹⁶⁵ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 6(18).04.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 364.

¹¹⁶⁶ А. Ф. Будберг – К. В. Нессельроде. 13(25).04.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 17. Л. 385–386.

¹¹⁶⁷ Там же. Л. 386.

¹¹⁶⁸ Там же. Л. 387–388.

¹¹⁶⁹ Обзор внешней политики Российской империи за 1851 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 397.

¹¹⁷⁰ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 629.

¹¹⁷¹ К. В. Нессельроде – А. М. Горчакову. 18(30).09.1851 // АВПРИ. Ф. 198. Оп. 531. 1851. Д. 25. Л. 33 об.

¹¹⁷² К. В. Нессельроде – А. А. Шрёдеру. 8(20).05.1851 (проект) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 40. Л. 492.

¹¹⁷³ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 28.05(9.06).1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 51. Л. 14 об.

В определении результатов конференции для Австрии мнения исследователей расходятся. К. Рок писал, что, если при оценке применять стандарты *Realpolitik*, Дрезденская конференция была крупным поражением Австрии¹¹⁷⁴. Но с этим можно согласиться, только приняв за несомненный факт твердую нацеленность Вены на реализацию амбициозных планов в Германии. Если же считать, – а ряд приведенных источников указывает именно на это – что изначальным приоритетом Австрии было восстановление дореволюционного положения, итог конференции выглядит иначе. Р. Остенсен полагал, что Австрия в рассматриваемый период не стремилась к безусловному доминированию в Германии и порой даже была готова на раздел сфер влияния с Пруссией, утверждая, кроме того, что отставка Меттерниха не вызвала коренных изменений в германской политике Австрии. В последующие шестнадцать лет цели Вены оставались, по сути, теми же: сохранить традиционное влияние среди членов Союза и предотвратить реализацию объединительных схем, которые исключили бы Австрию из Германии или вызвали разделение габсбургских владений¹¹⁷⁵. Одной из главных причин этого, по мнению исследователя, было то, что кресло министра иностранных дел, а также ключевые дипломатические посты занимались в этот период людьми, «воспитанными» Меттернихом¹¹⁷⁶. Отдельного внимания заслуживает тезис Остенсена, согласно которому в течение XIX в. в обычных ситуациях германские дела не занимали главенствующего положения во внешней политике Австрии, поскольку в первую очередь австрийские государственные деятели были заинтересованы в общеевропейских делах и сохранении европейских позиций монархии. И только когда они видели, что ситуация, сложившаяся в Германском союзе, угрожает миру в Европе или статусу Австрии как великой державы, австрийские дипломаты начинали вплотную заниматься германским вопросом¹¹⁷⁷. При этом приоритетом оставалось достижение согласия с Пруссией. Эта точка зрения представляется более убедительной.

Индикатором общей удовлетворенности венского кабинета полученным результатом стало проведенное в мае второе за год сокращение численности армии¹¹⁷⁸. Еще одним показателем стабилизации положения стало принятое в ходе конференции

---

¹¹⁷⁴ Rock K. Felix Schwarzenberg, *Military Diplomat...* P. 96.

¹¹⁷⁵ Austensen R. A. *Austria and the "Struggle for Supremacy in Germany"...* P. 199.

¹¹⁷⁶ *Ibid.* P. 202.

¹¹⁷⁷ *Ibid.* P. 205.

¹¹⁷⁸ Позднее, 12 октября, было проведено третье сокращение (П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 22.10(3.11).1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 145. Л. 46–47.).

решение о переводе Буоля посланником в Лондон¹¹⁷⁹. К этому времени Австрия использовала помощь России везде, где была наиболее острая необходимость. Теперь на континенте было достигнуто относительное спокойствие, в то время как отношения Австрии с Англией оставались напряженными. Вероятно, поэтому в Лондон и был отправлен Буоль, как один из наиболее опытных австрийских дипломатов.

После конференции Австрия сняла вопрос о полном вхождении в состав Союза с повестки дня, но не отказалась от идеи полностью, оговорившись, что не будет торопиться, чтобы не вызывать лишних подозрений¹¹⁸⁰. Несмотря на это, Англия и Франция продолжали протестовать против австрийского плана, а также против инкорпорации восточных прусских провинций, вошедших в состав Союза в 1848 г. Видимо, в этот момент Шварценберг решил полностью отказаться от своей идеи, рекомендовав Туну поддержать намерение Пруссии вывести восточные земли из состава Союза¹¹⁸¹. После выхода прусских провинций Австрии было бы трудно настаивать на включении своих. В октябре сейм одобрил это решение Берлина¹¹⁸². Тем самым, как с удовлетворением подчеркнул Шрёдер, положение в Германии стало еще ближе к дореволюционному¹¹⁸³. К концу года вопрос о расширении Союза считался в Петербурге окончательно решенным и более не подлежащим обсуждению. В начале ноября Лебцельтерн сообщил в Вену, что Нессельроде сделал русскому экономисту Л. В. Тенгоборскому серьезный выговор за публикацию брошюры, в которой, наряду с прочим, присутствовали рассуждения об инкорпорации австрийской монархии в Германский союз. Канцлер дал автору совет как можно меньше распространяться об этой публикации¹¹⁸⁴.

Дрезденская конференция подвела итог революции в Германии. Именно в Дрездене Шварценберг и Мантейфель подготовили принятые в августе 1851 г. решения об отмене «основных прав немецкого народа» революционного Франкфуртского парламента и обеспечили сейму определенный контроль над конституциями отдельных германских государств. В Петербурге с удовлетворением отмечали возвращение Вены и Берлина к сотрудничеству, проявившемуся и в ответе сейма на протесты Франции и Англии против инкорпорации всей Австрийской империи в Союз. Ответ состоял в том, что этот вопрос

¹¹⁷⁹ Ф. Шварценберг – Э. Лебцельтерну. 14.02.1851 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 5. Л. 17.

¹¹⁸⁰ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 28.05(9.06).1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 51. Л. 13.

¹¹⁸¹ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 29.06(11.07).1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 51. Л. 46.

¹¹⁸² А. А. Шрёдер – К. В. Нессельроде. 3(15).10.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 40. Л. 440 об.

¹¹⁸³ Там же.

¹¹⁸⁴ Lebzelttern an Schwarzenberg. 3. November 1851 // HHStA. PA X. K. 32. F. 87–88.

является внутренним делом Германии¹¹⁸⁵. Урегулирование германского вопроса в реставрационном формате дало некоторым историкам основание утверждать, что к середине 1851 г. Священный союз снова функционировал в полную силу¹¹⁸⁶.

При этом отношения Австрии и Пруссии во многом продолжали определяться позицией России. 12 августа Прокеш писал из Берлина: «Сегодня Пруссия еще связана с Австрией только через Россию; взгляд здесь постоянно направлен на Петербург, и переписка между господином Мейендорфом и господином Мантейфелем является ведущей силой. Это следовало бы постепенно заменять прямым пониманием»¹¹⁸⁷. Комментарий примечателен тем, что показывает недовольство австрийского дипломата русским влиянием в германских делах.

Тем не менее, периодически Вена продолжала апеллировать к Петербургу. Франц Иосиф, например, писал своему августейшему союзнику, что если берлинский кабинет, благодаря «мудрым советам» Николая Павловича, продолжит и дальше оказывать содействие Австрии в «наведении порядка», то удастся воздвигнуть в центре Европы прочный барьер против «покушений революционного духа»¹¹⁸⁸. Таким образом, австрийские ресурсы для самостоятельного решения задач в Германии оставались весьма ограниченными.

§ 2.4. «Естественный враг Германии»: влияние России в Центральной Европе глазами австрийцев

До революции 1848 г. об австрийских представлениях о влиянии России на развитие Германии судить затруднительно вследствие особенно жесткой цензуры в пределах габсбургской монархии. Восприятие этого предмета лучше прослеживается в общественном мнении других частей Германии. Событием, подтолкнувшим немцев к размышлениям в этом направлении, было подавление польского восстания 1830–1831 гг. Уже на Гамбахском празднестве в мае 1832 г. отчетливо звучала критика в адрес России¹¹⁸⁹. Отныне одним из лейтмотивов немецкого либерально-демократического

¹¹⁸⁵ Обзор внешней политики Российской империи за 1851 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 394.

¹¹⁸⁶ Schwarz W. Op. cit. S. 255–256.

¹¹⁸⁷ Prokesch-Osten A. Aus den Briefen... S. 225.

¹¹⁸⁸ Франц Иосиф I – Николаю I. 10.11.1851 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 4. Л. 5.

¹¹⁸⁹ См. об этом подробнее: Vaerst-Pfarr Chr. Op. cit. S. 578.

движения становится отрицательная оценка России, которой приписывалось стремление подавить любые национальные движения. О. В. Заиченко отмечает, что деятели немецкой оппозиции считали империю на Востоке главным препятствием для объединения Германии¹¹⁹⁰. К 1840-м гг. эта тенденция усиливается настолько, что именно на Германии все больше концентрируется духовное столкновение с Россией как проблема европейского самосознания¹¹⁹¹.

У австрийских немцев представление о России как факторе развития Германии артикулируется с приходом революции. Характерно, что в одном из первых австрийских изданий, посвященных России, в одном ряду перечисляются Карлсбадские постановления 1819 г. и международные конгрессы в Троппау, Лайбахе и Вероне¹¹⁹². Решения, принятые в Карлсбаде, касались исключительно Германии, и с постановлениями европейских конгрессов их роднила лишь антиреволюционная направленность. Однако получалось так, что тень России, игравшей одну из ведущих ролей на конгрессах, падала и на внутригерманскую конференцию, затормозившую либеральное и объединительное движение.

Всплеск немецкого национализма в Австрии в 1848 г. сразу же обратил на себя внимание русского посольства. Уже в апреле Фонтон писал в Петербург: «Австрийская немецкая партия, которая также недавно назначила своих представителей в национальный парламент (Франкфуртское национальное собрание – М. М.), предлагает, чтобы быть способной преследовать свои цели немецкого единства, отказаться от всей Италии и Галиции»¹¹⁹³.

Как уже говорилось, к середине XIX в. на фоне усиления объединительных стремлений в Германии среди немцев Австрии становится заметным представление о себе как о народе, находящемся во враждебном окружении. Шузелька обращал внимание на то, что устье всех крупных немецких рек (к ним он относил Рейн, Вислу, Одер, Эльбу, Везер и, естественно, Дунай) контролируется соперничающими с Германией державами¹¹⁹⁴. Представление об «окруженности» немцев нашло отражение в австрийской прессе и в контексте германского вопроса. Прозвучала идея о том, что благо

---

¹¹⁹⁰ Заиченко О. В. Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2004. С. 15.

¹¹⁹¹ Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas... S. 194.

¹¹⁹² Lambert. Op. cit. S. 4.

¹¹⁹³ Ф. П. Фонтон – К. В. Нессельроде. 24.03(5.04).1848 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 179. Л. 469.

¹¹⁹⁴ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 122.

Германии не достижимо в каком-либо внешнем союзе. Это благо – в согласии, национальной самостоятельности, внутренней собранности немцев¹¹⁹⁵.

Хорошо сознавалось несоответствие потенциального объединения Германии интересам остальных великих держав¹¹⁹⁶. Прозвучала идея о включении Хорватии и Далмации в состав Германского союза¹¹⁹⁷. Имелось в виду, что это не только сохранит названные области для Австрии, но и укрепит общий немецкий потенциал. Греция в этом контексте также рассматривалась в качестве возможной зоны немецких интересов. В статье «Ллойда» под характерным заголовком «Немецкие жизненные вопросы» указывалось, что Триест является единственной немецкой гаванью в Средиземном море, с учетом чего Германии было важно поддерживать хорошие отношения с Грецией и не допустить преобладания там России или Англии¹¹⁹⁸. В другой статье, опубликованной без указания автора, было высказано мнение о вынужденной необходимости союза Австрии и России, если Австрию исключат из Германии. Редакция газеты высказала по поводу этого тезиса собственное мнение, согласно которому такой союз вовсе не естественен по причине конфликта интересов. Под последним подразумевались Балканы. Утверждалось, что естественным союзником Вены является Лондон, поскольку «Австрия и Великобритания стремятся к своему величию на различных путях и имеют общего противника»¹¹⁹⁹. Неназванный противник в данном случае – Россия, а препятствие для взаимопонимания между Австрией и Англией – политика Пальмерстона. В сознании части австрийцев периодически проявлялась своего рода фрустрация, обусловленная антиавстрийской политикой Пальмерстона в Италии на фоне их симпатий к Англии.

Статья продолжается критикой «агрессивных держав» – России и Франции, – которым мог бы успешно противостоять союз государств в центре Европы¹²⁰⁰. Ощущение угрозы немцам одновременно с двух сторон в этот период становится все более выраженным. Венский радикальный демократ А. Визнер утверждал, что война может исходить только от России и Франции¹²⁰¹. О возможности такой войны писал Ф.

¹¹⁹⁵ Der Lloyd. 4. August 1848. S. 2.

¹¹⁹⁶ Der Lloyd. 30. September 1848. S. 4.

¹¹⁹⁷ Der Lloyd. 10. August 1848. S. 2.

¹¹⁹⁸ Der Lloyd. 11. August 1848. S. 1.

¹¹⁹⁹ Der Lloyd. 7. April 1849. S. 1.

¹²⁰⁰ Der Lloyd. 7. April 1849. S. 2.

¹²⁰¹ StB. Bd. 2. S. 798.

Шузелька, убежденный, что немецкий народ вышел бы из нее победившим и обновленным¹²⁰².

Призрак франко-русского союза преследовал и одного из ранних представителей «геополитического мышления»¹²⁰³ Карла Мёринга. Россия, в его представлении, стремилась бы посредством такой комбинации получить контроль над Зундом и Дарданеллами, в то время как амбиции Франции были направлены на Италию и Рейн¹²⁰⁴. Для противодействия такому сценарию Мёринг полагал необходимым тесное единение Австрии и Германии, а также заключение союза между Средней Европой и Англией¹²⁰⁵. Кроме того, он выступал за активное развитие военно-морских сил Австрии и Германии. Всемирное призвание Австрии, писал он, связано с всемирным призванием Германии¹²⁰⁶. При наличии сильного флота к их союзу захочет присоединиться Дания, а также Швеция, которая будет рада уйти от «московитского кнута»¹²⁰⁷. Для того, чтобы приступить к развитию немецкой и австрийской «морской мощи», следовало укрепить восточные рубежи Средней Европы и таким образом «произвести впечатление на русское пугало»¹²⁰⁸.

Шузелька писал о враждебности России, Англии и Франции к Австрии и Германии в 1853 г., на фоне разгоравшегося восточного кризиса, когда Лондон и Париж стремились привлечь Австрию и Германию на свою сторону¹²⁰⁹. Тогда же о возможности союза между Францией и Россией писала австрийская пресса в связи с началом строительства Петербурго-Варшавской железной дороги: при возникновении франко-русской связи возможность быстрой переброски русских войск на запад становилась бы угрожающей¹²¹⁰. В русской столице имели представление о подобных опасениях. В апреле 1848 г. К. В. Нессельроде писал послу в Париже Н. Д. Киселеву, что имеет смысл предоставить страху франко-русского союза «давить на настроение немцев, хотя бы для того, чтобы умерить их злобу по отношению к нам»¹²¹¹.

¹²⁰² Schuselka F. Deutsche Worte... S. 202.

¹²⁰³ Wandruszka A. Grossdeutsche und kleindeutsche Ideologie... S. 114.

¹²⁰⁴ Moering K. Op. cit. Bd. 1. S. 111–112.

¹²⁰⁵ Ibid. S. 111–112; S. 113.

¹²⁰⁶ Ibid. Bd. 2. S. 217.

¹²⁰⁷ Ibid. S. 216.

¹²⁰⁸ Ibid. S. 265.

¹²⁰⁹ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 103.

¹²¹⁰ Die Presse. 13. August 1853. S. 5.

¹²¹¹ Авербух Р. А. Австрийская революция... С. 187.

Несмотря на иллюзорность в тот период подобной перспективы, опасения перед возможностью возникновения франко-русской связи внесли свой вклад в формирование концепции Средней Европы (Mitteleuropa). Это понятие употреблялось и ранее, но именно в середине века оно стало наполняться тем содержанием, которое сохранялось вплоть до Первой мировой войны¹²¹². Имелась в виду не только политическая, но и тесная экономическая интеграция региона с последующим распространением немецкого влияния за его пределы.

В Австрии частью этого комплекса представлений была идея вхождения монархии в Германский таможенный союз¹²¹³. Предтечей концепции был немецкий экономист Фридрих Лист, обосновывавший необходимость экономической и политической интеграции немцев. Мёринг публично сформулировал свои представления о Средней Европе в июле 1848 г. в Паульскирхе. Для него основой идеи также служило географическое положение территорий, населенных немцами, а одной из основных задач объединенного центра Европы было успешное противостояние России: «...в России, я говорю это открыто, Германия имеет очевидного, страшного врага, так как в России господствует деспотия веры и военщины, крест и меч объединены в одной руке... Вы видите, как слаб немецкий элемент... я спрашиваю вас, почему... вы не хотите образовать сильную Среднюю Европу, которая предлагает вам преимущество четырех морей... тогда не мы будем искать союзов, но народы будут принуждены искать нашего союза; ...как сказал Фридрих Великий: «Тогда в Европе не раздастся и пушечного выстрела без позволения Германии». Тогда к такой сильной Средней Европе присоединятся другие народы германского происхождения – Англия, Голландия, Норвегия, Швейцария, а равным образом и свободные штаты Северной Америки; и от 120 до 130 миллионов человек будут определять законы всему миру»¹²¹⁴. Для осуществления этого замысла Мёринг предлагал начать с немедленного заключения союза с Венгрией и прилегающими землями¹²¹⁵. Планы подобного объединения в целях противодействия панславизму и России разрабатывал и представитель левого крыла Франкфуртского парламента богемец Райтер¹²¹⁶. Венгры при этом многими рассматривались как естественный и наиболее

---

¹²¹² См. подробнее: Михеев М. Г. Образ России во внешнеполитических представлениях австрийских либералов середины XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 3. С. 3–15.

¹²¹³ Der Lloyd. 20. September 1848. S. 1.

¹²¹⁴ StB. Bd. 2. S. 1113–1114.

¹²¹⁵ Ibid. S. 1114.

¹²¹⁶ StB. Bd. 4. S. 2783.

надежный союзник немцев, поскольку сами были окружены славянскими народами. Австрийский левый либерал К. Гискра был убежден, что в случае войны восточная часть Австрии неизбежно была бы союзником Германии против России, так как и той, и другой движет «одинаковая цель самосохранения от московитов»¹²¹⁷. Того же мнения придерживался венец А. Визнер¹²¹⁸.

Приведенные цитаты показывают, что значительную роль на первом этапе формирования концепции Средней Европы сыграли именно австрийские немцы. Они выступали за тесный союз между германскими государствами и австрийской монархией, в котором последняя выполняла бы роль проводника немецких интересов на Юго-Востоке Европы, а также в Северной Италии. Весьма типичной в этом отношении представляется речь австрийца Фрича, где он перечисляет потери, которые понесла бы Германия, если бы Национальное собрание при составлении имперской конституции одобрило план, по которому Австрия оказывалась за пределами немецкого национального государства: «...вы потеряете влияние на Италию...связь с Молдавией, Валахией и землями нижнего Дуная...Наконец, господа, давайте посмотрим туда, куда в течение веков была направлена задача Германии, в чем состоит ее мировое положение (Weltstellung)! Задача Германии состоит в том, чтобы быть носителями и посредниками в передаче культуры, науки и свободы на Восток, а именно в те земли Европы, которые лежат за линией Дуная, принести им свет свободы и просвещения, которых эти земли еще лишены. Для выполнения этой высокой задачи Провидение создало государство, которое должно быть носителем и посредником, голосом этого просвещения; это государство – Австрия...»¹²¹⁹. Идея о «восточной миссии» Австрии была тесно переплетена с представлениями о Средней Европе. В середине XIX в. в этом направлении начинают все чаще обращаться взгляды австрийских торговых и финансовых кругов, и общественное мнение решительно выступает за разворот австрийской внешней политики в направлении Балкан. С этим был связан и вопрос о потенциальной эмиграции немецкого населения. «Австрия до Балкан!»¹²²⁰ – этот призыв был выражением настроения многих. Но для его осуществления было необходимо вступить с Россией в решающую борьбу¹²²¹.

---

¹²¹⁷ Ibid. S. 2792.

¹²¹⁸ StB. Bd. 2. S. 798.

¹²¹⁹ StB. Bd. 4. S. 2773.

¹²²⁰ Schuselka F. Deutsch oder Russisch?.. S. 58.

¹²²¹ Ibid. S. 58.

Представления об особой роли Австрии были распространены в Германии в целом. Осенью 1848 г. «Ллойд» опубликовал анализ брошюры приезжавшего в Вену немецкого революционера-демократа Юлиуса Фрёбеля, обращая особенное внимание на его слова о том, что «Вена должна стать центральным пунктом системы союзных государств, простирающейся от Рейна до устья Дуная»¹²²². В статье также приводится мысль Фрёбеля о том, что ослабление и расчленение австрийской монархии пошло бы на пользу России¹²²³. Для Шузельки также единственным выбором для Австрии во внешней политике был выбор между ориентацией на Германию или на Россию. Эту программную мысль он вынес в заголовок одной из публикаций – «Немецкая или русская? Жизненный вопрос Австрии»¹²²⁴. На этом фоне сотрудничество Меттерниха с Россией воспринималось как губительное. Мёринг писал, что тридцать лет после Венского конгресса «монархия варваров на Востоке использовала, чтобы опутать великую империю и сделать выполнение ею своего призвания почти невозможным, т. е., исторически уничтожить монархию»¹²²⁵.

«Малогерманские» решения Франкфуртского парламента октября 1848 г. вызвали обеспокоенность австрийских немцев. Прозвучало утверждение, что ненемецкие области империи в случае ее раздела неизбежно попадут в зависимость от России. Будет ли это – спрашивал автор послания к президенту Паульскирхе – «приобретением для Германии, ее дунайской торговли, потока ее населения в Юго-Восточную Европу, будет ли это приобретением для цивилизации, гуманности и свободы народов?»¹²²⁶. Приведенная мысль, помимо переживаний за судьбу империи, демонстрирует убежденность в неспособности народов Юго-Восточной Европы к самостоятельному существованию.

«Прессе» предостерегала, что распад Австрии стал бы исчезновением давнего укрепления Запада против Востока¹²²⁷. В представлении австронемецкой публицистики монархия представляла собой единственное государство, имеющее задачей быть «апостолом цивилизации на Востоке»¹²²⁸. По убеждению Шузельки, «Как восточная

¹²²² Der Lloyd. 29. September 1848. S. 2.

¹²²³ Ibid.

¹²²⁴ Schuselka F. Deutsch oder Russisch?..

¹²²⁵ Moering K. Op. cit. Bd. 1. S. 32.

¹²²⁶ Der Lloyd. 22. November 1848. S. 2.

¹²²⁷ Die Presse. 19. November 1848. S. 1.

¹²²⁸ Der Lloyd. 3. Dezember 1848. S. 3.

империя (Ostreich) Европы, она должна быть надежным стражем образования и свободы и одновременно апостолом, который возвещает евангелие свободы другим народам»¹²²⁹.

26 октября 1848 г. богемец граф Дейм представил в Паульскирхе свое видение будущего: «...миссия Германии – срединно-европейское государство-гигант...наша цель состоит в том, чтобы создать гигантскую империю из семидесяти, а если возможно, из восьмидесяти или ста миллионов, и водрузить в этой империи знамя Арминия, и быть вооруженными против Востока и Запада, против славянских и латинских народов, отобрать морское господство у англичан, стать величайшим и могущественнейшим народом на этом земном шаре – это будущее Германии!»¹²³⁰. Идея Средней Европы позволяла одновременно создать тесную и прочную связь Австрии с Германией и в то же время сохранить государственный механизм Дунайской монархии, над созданием которого немцы Австрии работали в течение нескольких столетий¹²³¹.

Непосредственное соприкосновение с Россией влияло на формирование их самосознания. Перед лицом России острее чувствовалась общность с Германией. В декларации, изданной в 1848 г. одним из подразделений Союза немцев в Австрии, говорилось: «Мы хотим великой, сильной, единой Австрии, проникнутой немецким духом и находящейся в теснейшем не только политическом, но и национальном союзе с Германией...Почему мы хотим этого, спросите у грозового облака, которое с Востока угрожающе нависает над нашими головами, чтобы заслонить зарю свободы»¹²³². Для части австрийских немцев именно противостояние с Россией на Балканах и распространение на Юго-Восток Европы немецкого влияния явилось оправданием существования Дунайской монархии в глазах остальных немцев, когда даже во Франкфурте, в дружественном окружении, прозвучала мысль о том, что империя Габсбургов устарела и не имеет будущего¹²³³.

¹²²⁹ Schuselka F. Deutsch oder Russisch?... S. 45. Даже далекий от либерализма и русофобских настроений граф Фикельмон считал, что Австрийская империя объективно, уже по своему географическому положению и по своему размеру, имеет назначение «служить преградой против Севера». См.: Ficquelmont C. L. Die religiöse Seite... S. 129.

¹²³⁰ StB. Bd. 4. S. 2881–2882.

¹²³¹ Историк М. Бах так охарактеризовал не лишённые противоречивости национальные представления австрийских немцев в 1848 г.: «германское единство, но без ограничения самостоятельности Австрии». См.: Бах М. Австрия в первую половину XIX века... С. 357.

¹²³² Цит. по: Sieber E. K. Op. cit. S. 87.

¹²³³ В России эти представления не остались незамеченными. Ф. И. Тютчев писал через несколько лет после революции: «В самом деле, популярность Австрии в Германии, столь странная, но столь же реальная, ведет по существу к следующему: благодаря ей и через нее германская раса чувствует себя вправе господствовать, отбирать в свою пользу, полностью или частично уничтожать еще более нравственно, чем политически, две другие великие расы Европы — латинство в Италии и славянство всюду, где она может его настигнуть...». См.: Тютчев Ф. И. Указ. соч. Т. 5. С. 297–298.

Тревога от ожидавшегося столкновения с восточным соседом усугублялась фактом обладания Россией Царством Польским, делавшим уязвимой большую часть Габсбургской монархии. Звучали утверждения, что Россия вклинилась в самое сердце Германии и угрожающе нависает над Австрией¹²³⁴. В качестве противовеса этому обосновывалась необходимость обладания Богемией и рядом других земель, где преобладало ненемецкое население. Австрийский депутат Паульскирхе Райтер говорил, что Богемия обязательно должна войти в состав единой Германии еще и потому, что является опорным пунктом немцев в близящейся войне с Россией¹²³⁵.

Рассуждая о состоянии германского вопроса в марте 1850 г., «Прессе» признавала, что если царь захочет двинуть войска на Запад, остановить его возможно только соединенными силами Германии, но единства нет: «Русский кабинет имеет на своей стороне неоспоримое преимущество располагать всеми средствами рафинированного деспотизма над инертной массой из 60 миллионов, которые по первому мановению неограниченного самодержца могут...наводнить земли Запада», в то время как его соседи бездеятельны и растеряны¹²³⁶. Газета предупреждала, что зависит «только от произвола великого калифа в Санкт-Петербурге превратить блаженной памяти Священную Римскую империю в московитский уезд»¹²³⁷. Упомянув о высокой концентрации русских войск в Польше, задавались вопросом: «против какого врага направлены эти бесчисленные толпы современного Чингисхана?»¹²³⁸. Предполагая, что причиной является германская политика короля Фридриха Вильгельма IV, автор публикации делал следующий вывод: «Если бы Фридрих Вильгельм смог преодолеть себя и поднять русскую перчатку, Берлин стал бы столицей Германии. Не только демократия, вся нация, как в 1813 г., встала бы, как один человек, и с воодушевлением последовала бы за прусским знаменем против России. Война с царем была бы самым коротким и надежным способом объединить все противоречивые элементы и все малогерманские устремления разом ввести в Великую Германию»¹²³⁹. Эти слова напечатаны в газете государства, глава правительства которого в этот самый момент, борясь с прусскими притязаниями, стремился заручиться

---

¹²³⁴ Schuselka F. Die orientalische das ist russische Frage... S. 18.

¹²³⁵ StB. Bd. 4. S. 2783.

¹²³⁶ Die Presse. 17. März 1850. S. 1.

¹²³⁷ Ibid.

¹²³⁸ Die Presse. 5. April 1850. S. 1.

¹²³⁹ Ibid.

поддержкой Петербурга в германском вопросе. Примечательно также, что в тексте проводится параллель с освободительной войной немцев против французов, которая стала возможной во многом благодаря России.

Периодически Петербург обвиняли в закулисной поддержке реакционных сил в Германии. Например, было опубликовано сообщение, что А. М. Горчаков ссудил консервативного министра курфюршества Гессен Л. Гассенпфлуга суммой в 80000 талеров¹²⁴⁰. Также можно встретить утверждение, что направленную против немецких национальных интересов политику Россия проводила еще со времен Александра I. Согласно одной из публикаций, в 1813 г. «народы Германии» боролись за свою свободу и победили, но император Александр лишил немцев плодов победы, обеспечив лишь освобождение князей¹²⁴¹. Шузелька в список претензий к России добавлял нежелание петербургского кабинета в 1814 г. признать «действительное национальное право Германии на Эльзас»¹²⁴².

Исключение в этом ряду комментариев представляют эпизодические публикации периода австро-прусского противостояния, когда венский кабинет стремился обеспечить содействие России. Так, после предложения Франкфуртским парламентом германской короны Фридриху Вильгельму IV «Винер боте» со ссылкой на одно северогерманское издание опубликовал информацию о том, что посланец российского императора передал прусскому королю письмо, в котором царь прямо заявлял, что «является надежнейшим союзником императора Австрии и предоставит в его распоряжение всю требуемую им помощь против любой попытки ущемления прав Австрии»¹²⁴³. Использованная формулировка подчеркивает личную роль в этом вопросе Николая I – «рыцарственного монарха»¹²⁴⁴.

«Прессе» в августе 1849 г. сделала интересное утверждение, что между кабинетами Петербурга, Вены и Парижа существует сердечное согласие, из которого «могут развиваться основания тесного союза. Центральный пункт существенных интересов этих держав, как

¹²⁴⁰ Die Presse. 30. März 1850. S. 2.

¹²⁴¹ Lambert. Op. cit. S. 11–12.

¹²⁴² Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 54–55. Ф. И. Тютчев в статье «Россия и революция», написанной весной 1848 г., обратил внимание на взаимосвязь между ролью России в освобождении Германии и распространившейся в Германии русофобией: «В самом деле, тяготясь оказанными Россией благодеяниями, Германия не могла не питать к ней неистребимой неприязни. Сейчас этот приступ ненависти, кажется, достиг своей кульминации; он восторжествовал не только над рассудком, но даже над чувством самосохранения». См.: Тютчев Ф. И. Указ. соч. Т. 3. С. 148.

¹²⁴³ Der Wiener Bote. 14. April 1849. S. 2.

¹²⁴⁴ Der Wiener Bote. 17. April 1849. S. 3.

кажется, лежит, прежде всего, в Германии...»¹²⁴⁵. Пассаж явно был направлен против Пруссии.

«Ллойд» в период подавления венгерского восстания сообщал, что как в австрийских, так и в русских воинских рядах «царит большое ожесточение против пруссаков»¹²⁴⁶. Этот комментарий был сделан в контексте, не имеющем никакого отношения к германскому вопросу. Очевидно, в расчете сформировать у читателей представление, что и в этом вопросе Петербург поддержит Вену.

«Винер боте» в конце 1849 г. высказал мнение, что русских войск в Царстве Польском вполне достаточно, «чтобы внушить уважение всем революционным движениям Средней Европы»¹²⁴⁷. Единственным кандидатом в «революционеры» в Германии к этому моменту был проводивший унионистскую политику берлинский кабинет.

«Прессе» в период нарастания австро-пруссских противоречий публиковала противоречивые тексты, характеризующиеся колебаниями между надеждой на помощь России и ожиданием затруднений, которые русская политика может принести Австрии. Например, с тревогой сообщали о бале, который русский посланник в Берлине якобы дал в стенах посольства «князьям унии» (имелись в виду представители союзных Пруссии государств – М. М.). Высказывалось предположение, что это могло быть свидетельством одобрения царем прусских планов в Германии¹²⁴⁸. Здесь же цитировался циркулирующий в Вене слух о русской депеше, сообщавшей, что вследствие октроирования централистской конституции в марте 1849 г. Австрия более не имеет права влиять на германские дела¹²⁴⁹. С горькой иронией «Прессе» отмечала влияние «могущественного московитского халифа» на германские дела¹²⁵⁰ и утверждала, что «при гегемонии России даже гегемония в Германии для Австрии была бы слишком печальным достижением»¹²⁵¹. От германской политики России, по мнению авторов газеты, Вене не приходилось ждать ничего хорошего, поскольку в интересах России было стравливать Австрию и Пруссию, а также поощрять устремления венгров и славян¹²⁵². Опыт подавления венгерского

¹²⁴⁵ Die Presse. 10. August 1849. S. 2.

¹²⁴⁶ Der Lloyd. 29. August 1849. Abend-Ausgabe. S. 1.

¹²⁴⁷ Der Wiener Bote. 21. Dezember 1849. S. 4.

¹²⁴⁸ Die Presse. 17. Mai 1850. S. 1.

¹²⁴⁹ Ibid.

¹²⁵⁰ Ibid.

¹²⁵¹ Die Presse. 14. April 1850. S. 1.

¹²⁵² Die Presse. 4. Juni 1850. S. 1.

восстания формировал болезненное ощущение подчиненности Вены Петербургу, положения, которое в одной из статей резюмировалось так: «Одним словом, Австрия должна стать Малой Россией! (Kleinrussland)»¹²⁵³.

Злонамеренность склонны были подозревать почти в любом действии восточного союзника. Например, опасались возможности проведения электрического телеграфа из Петербурга в Вену и Берлин, предполагая, что таким образом Николай I сможет получать больше информации о Германии и использовать ее в своих интересах¹²⁵⁴. Впрочем, выражалась надежда на то, что «железные дороги и телеграф могут и Россию постепенно цивилизовать»¹²⁵⁵.

Поглощенность внутренними проблемами не заслоняла от австрийских публицистов вопросы, обладавшие общегерманским звучанием. Обращая внимание на конфликт в Шлезвиг-Гольштейне, высказывали возмущение тем, что датчане якобы отдают в залог русским немецкие земли (остров Фемарн, входивший в состав Датского королевства – М. М.) за финансовую поддержку в войне против тех же немцев¹²⁵⁶. Тиражирование подобных слухов (на этот раз ожидали уступки Данией России острова Борнхольм – М. М.) было поддержано «Прессе», поспешившей сделать радикальный вывод: «Как и на юге Европы, на севере московитская политика также сумеет использовать слабость и растерянность соседей для того, чтобы неудержимо продвигаться со своими планами расширения против Запада»¹²⁵⁷. И если России удастся выдвинуть свои флоты к Зунду, вся немецкая торговля в проливах окажется в зависимости от царя. Проводилась параллель между потенциальной зависимостью северонемецкой торговли от России с зависимостью австрийской торговли от России на Дунае. Пока немцы, сокрушалась газета, занимаются своей германской политикой с «известной всему миру философской медлительностью», «император Николай с олимпийским спокойствием преследует свой далекоидущий план охвата всего Запада своими щупальцами спрута»¹²⁵⁸. В этой публикации акцент сделан на эксплуатации Россией отсутствия немецкого единства. В качестве инструмента подобной эксплуатации воспринималась и брачная

¹²⁵³ Die Presse. 4. Juni 1850. S. 1.

¹²⁵⁴ Die Presse. 10. April 1850. S. 1.

¹²⁵⁵ Ibid.

¹²⁵⁶ Der Lloyd. 1. Oktober 1848. S. 4.

¹²⁵⁷ Die Presse. 12. März 1850. S. 1–2.

¹²⁵⁸ Ibid. S. 2.

политика дома Романовых. Выдача русских великих княжон за немецких принцев расценивалась как ослабление и без того раздробленной Германии¹²⁵⁹.

Эпизодические упоминания шлезвиг-гольштейнского вопроса в австрийской периодике демонстрируют, в том числе, сознание второстепенной роли Австрии среди европейских держав. В сентябре 1850 г. прозвучало предположение, что, дабы избежать соперничества друг с другом, Англия и Россия могли бы доверить дело восстановления легитимной власти датского короля в герцогствах князю Шварценбергу, от которого они точно могут не опасаться обмана¹²⁶⁰. В то же время, при указании на угрозу интервенции со стороны Англии, России и Франции, утверждалось, что Австрия, дабы избежать подобного сценария, предпочла разоружение шлезвиг-гольштейнцев силами германских государств¹²⁶¹.

При этом в контексте противостояния между Веной и Берлином некоторые австрийские публицисты хотели бы обойтись без участия России и выражали сожаление, что сделать этого не получается. Отмечалось, что Николай I действительно желает примирения между Австрией и Пруссией, но такое примирение, как хочет он, может состояться только за счет «свободы и права Германии»¹²⁶². В то время как желательным являлось согласие между Австрией и Пруссией на основе свободного развития Германии и, прежде всего, ее сильного выступления вовне¹²⁶³.

Впрочем, в дни, предшествовавшие встрече в Ольмюце, подобные ламентации утихли, и русский фактор характеризовался уже в нейтрально-деловом стиле. Об участии Мейендорфа в ольмюцкой встрече писали: он поехал туда «не для того, чтобы быть каким-либо посредником, а чтобы своим присутствием поддержать требования здешнего кабинета и не оставить сомнений в том, что Россия в германской политике полностью согласна с нашим министерством и идет с ним рука об руку»¹²⁶⁴.

Исключительное влияние России вызывало неприятие самых широких кругов, включая аристократические. Герцог Саксен-Кобург-Готский Эрнст II называл «постыдным фактом» то, что осенью 1850 г. «царь снова решал судьбу Германии»¹²⁶⁵.

¹²⁵⁹ Moering K. Op. cit. Bd. 2. S. 260–261.

¹²⁶⁰ Die Presse. 5. September 1850. S. 1.

¹²⁶¹ Die Presse. 19. Oktober 1850. S. 1.

¹²⁶² Die Presse. 30. Oktober 1850. S. 1.

¹²⁶³ Ibid.

¹²⁶⁴ Die Presse. 30. November 1850. S. 1.

¹²⁶⁵ Ernst II Herzog von Sachsen-Coburg-Gotha. Op. cit. Bd. 1. S. 594.

Герцог оставил еще одно яркое свидетельство той роли, которую Россия сыграла в австро-прусском урегулировании: «Всем посвященным было ясно, что русские не посредничали при заключении мира, а в собственном смысле слова продиктовали его»¹²⁶⁶. Даже такой образцовый консерватор, как Меттерних, в одной из частных бесед в 1854 г. высказал скептическое отношение к действиям российского монарха, который, по мнению экс-канцлера, стремился «быть суфлером всей Европы»¹²⁶⁷.

Нейтральное отношение к влиянию России в Германии встречается, пожалуй, лишь в виде исключения. Так, И. Шпоршиль в рамках дискуссии об унионистских попытках Пруссии в 1849 г. выступил с пожеланием, чтобы Россия инициировала европейский конгресс по германскому вопросу, «который бы вновь поставил политическое положение Европы на прочные основания»¹²⁶⁸. По его мнению, для обеспечения устойчивого порядка в центре Европы было необходимо восстановление Германского союза, пусть и с некоторыми модификациями.

Интересно, что политика российских императоров воспринималась как национальная¹²⁶⁹. Полагали, что именно такого, национального, характера не доставало политике германских государств, включая Австрию. С подобной трактовкой петербургской политики тесно связаны представления об остзейских губерниях России. О господствующем положении там немецкого населения были неплохо осведомлены. Встречается даже обозначение этих территорий как «немецких земель Российской империи»¹²⁷⁰. Австрийский «Ллойд», использовавший эту формулировку, призывал прусское правительство не забывать, что перед ним стоит задача «утверждения немецкого влияния в Балтийском море против России»¹²⁷¹. В другом месте газета упоминает о «наших остзейских провинциях», которым угрожает потеря «последних остатков германских городских свобод» вследствие унификаторской политики русского правительства¹²⁷².

«Винер боте» осенью 1849 г. сообщал, что в России планируют образовать несколько новых учебных заведений для подготовки духовных лиц в латышских и

---

¹²⁶⁶ Ibid. S. 614–615.

¹²⁶⁷ Ibid. Bd. 2. S. 179.

¹²⁶⁸ Sporschil J. Op. cit. S. 48.

¹²⁶⁹ Moering K. Op. cit. Bd. 2. S. 324.

¹²⁷⁰ Der Lloyd. 18. April 1848. S. 2.

¹²⁷¹ Ibid.

¹²⁷² Der Lloyd. 10. Dezember 1848. S. 4.

эстляндских приходах, причем обращать внимание будут преимущественно на то, чтобы воспитанники знакомились с языком, обычаями и домашним устройством своих будущих прихожан¹²⁷³. Одновременно прозвучало утверждение, что отныне каждый, поступающий на учебу в Дерпте, должен будет доказать, что обладает достаточным знанием русского языка¹²⁷⁴. Последние слова в тексте выделены. Оба сообщения были призваны продемонстрировать стремление ограничить немецкое влияние в крае. В публицистических изданиях также обращалось внимание на опасность «полного оправославливания» (Gräcisirung) остзейских провинций¹²⁷⁵.

В Паульскирхе тиролоец Флир указывал, что, если бы существовало безусловное признание принципа национальности, немцы должны были бы потребовать возвращения, наряду с прочим, и Лифляндии с Курляндией¹²⁷⁶. Гипотетическую возможность Германии «потребовать обратно немецкие остзейские провинции» упоминал Шузелька¹²⁷⁷.

О немцах, живущих во внутренних губерниях России, представление также было достаточно отчетливым. В том числе, знали о немецких колонистах, приглашенных в XVIII в. императрицей Екатериной II. Отмечая их материальное благополучие, не забывали указать на опасности, грозящие им со стороны правительства, проводившего, как представлялось, унификационную политику. Рассуждая о перспективах немецкой эмиграции, авторы «Ллойда» не рекомендовали следовать примеру этих переселенцев: «Природная ненависть, духовный разрыв между русскими и немцами, прозелитизм, насильственное растворение всех чужеродных элементов царской империи в закоснелой русскости, и множество других причин заставляют нас отворотить взгляд от возможных новых колоний в России...»¹²⁷⁸.

Любопытно, что у австрийских авторов можно встретить своего рода претензии к немцам, отличившимся на поприще служения России. Так, например, Шузелька при описании зала славы выдающихся немцев «Вальхалла» указывал на графа И. И. Дибича и сокрушался о том, что некоторые немцы превратились в русских и служили России – «естественному врагу Германии»¹²⁷⁹. Что, впрочем, не мешало ему с удовлетворением

¹²⁷³ Der Wiener Bote. 11. Oktober 1849. S. 4.

¹²⁷⁴ Ibid.

¹²⁷⁵ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 56.

¹²⁷⁶ StB. Bd. 2. S. 1549.

¹²⁷⁷ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 54–55.

¹²⁷⁸ Der Lloyd. 5. August 1848. S. 1–2.

¹²⁷⁹ Schuselka F. Deutsche Fahrten. Bd. 1. S. 230.

отмечать немецкое происхождение правящей в России династии, а также происхождение Рюриковичей от скандинавов: «основатели русского государства и все выдающиеся личности, работавшие над его развитием, принадлежали к германскому племени»¹²⁸⁰. Идея о превосходстве немцев над русскими не вызывала сомнений: «в России живет от силы миллион немцев, и, несмотря на это, немецкий элемент играет решающую роль в государственной, военной, промышленной, научной и художественной жизни России»¹²⁸¹. Германия, отмечает автор, долгое время поддерживала рост России с «культурно-исторической точки зрения»¹²⁸².

Представления о стремлениях России к мировому господству и о ненасытной жажде увеличения территорий во многом покоились на собственном политическом бессилии немцев и австрийских немцев, в частности, на отсутствии среди них единства. Чтобы нейтрализовать страх перед Россией, публицисты внушали себе и читателям, что Россия в действительности – отсталая страна с низким уровнем культуры, которой не стоит опасаться.

Для понимания последующей истории международных отношений в Европе имеет определенное значение распространение в этот период страха перед возможным франко-русским союзом, характерное для австрийских немцев не в меньшей степени, чем для их соплеменников на севере.

Заметным отличием австрийской публицистики в восприятии России от остальной немецкой был страх за положение Австрийской империи и ее интересы на юго-востоке, которым, как представлялось, угрожает политика Петербурга. Одновременно Австрия воспринималась в качестве одного из главных препятствий на пути территориального расширения России. Эти представления, будучи сформулированными в середине XIX в., оставались константой немецкого сознания на протяжении гораздо более длительного исторического периода¹²⁸³. Даже после распада монархии Габсбургов можно встретить схожие формулировки: «соединение Австрии, Богемии и Венгрии в природой предначертанное укрепление было и до сегодняшнего дня является защитой Европы, в первую очередь Германии...от постоянной опасности с Востока»¹²⁸⁴.

¹²⁸⁰ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 48.

¹²⁸¹ Schuselka F. Deutsch oder Russisch?... S. 50.

¹²⁸² Ibid. S. 20–21.

¹²⁸³ Groh D. Russland im Blick Europas... S. 399.

¹²⁸⁴ Jaschke A. R. C. Op. cit. S. 87.

Революции 1848 г., казалось, безвозвратно сокрушили прежнее положение в центре Европы, основанное на конфедеративном устройстве Германского союза, обеспечиваемом австро-прусским дуализмом. В условиях вынужденного бездействия Австрии и выжидательной позиции России будущее Германии на некоторое время стало совершенно неопределенным.

Однако и здесь достаточно быстро стало проявляться сходство австрийских и русских интересов. Попытки Пруссии объединить часть Германии под своим главенством создали прочную основу для австро-русского взаимодействия в германском вопросе. Кроме того, в Петербурге было положительно оценено неучастие Вены в поддержке немецкого национального движения в Шлезвиге и Гольштейне.

В 1850 г., преодолев наиболее острые внутренние трудности, Австрия приступила к решению задачи не допустить своего вытеснения из Германии, что в целом совпадало с внешнеполитической линией Петербурга, стремившегося вернуть ситуацию в Центральной Европе к предмартовскому положению, по возможности без применения вооруженной силы. Добиваясь поддержки России, правительство Ф. Шварценберга подчеркивало консервативный характер собственных действий и «революционный» характер прусской политики. В свою очередь, петербургский кабинет, поддерживая Вену, стремился не допустить ее чрезмерного усиления и сохранить Пруссию в качестве противовеса Австрии. В определенном смысле можно говорить о том, что Россия проводила политику принуждения Австрии и Пруссии к сотрудничеству.

Действия главы австрийского правительства, несмотря на ряд воинственных жестов, показывают, что одной из его приоритетных задач было восстановление консервативного партнерства с Берлином. Для достижения этой цели он был готов идти на уступки. При содействии русской дипломатии Вене и Берлину удалось достичь компромиссных договоренностей в Ольмюце, которые подвели черту под первой объединительной попыткой Пруссии в Германии.

В ходе Дрезденской конференции Пруссия стремилась обеспечить формальный паритет с Австрией в Германии, в то время как Шварценберг предпринял попытку добиться включения всех территорий Габсбургской монархии в состав Германского союза. Достичь компромисса Вене и Берлину не удалось, и в мае 1851 г. было оформлено

возвращение Германии к дореволюционному положению, что в целом устраивало Австрию и полностью удовлетворяло петербургский кабинет.

В то же время, принципы устройства региона, зафиксированные в 1815 г., все меньше соответствовали интересам ряда субъектов европейской политики, в число которых наряду с правительствами вошли национальные движения, что было ярко продемонстрировано в ходе революционных событий 1848–1849 гг. В этом контексте возвращение к прежнему положению в Германии стало лишь отсрочиванием неизбежных перемен. Русский дипломат Д. Г. Глинка, наблюдавший за происходящим в германском сейме в начале 1852 г., сделал прогноз, что Пруссия не смирится с неудачей 1850 г., а положение вещей в Германии приведет к кризису худшему, чем предыдущий¹²⁸⁵.

В урегулировании германского вопроса в очередной раз проявилась зависимость Австрии от России, поскольку без помощи Петербурга Вене едва ли удалось бы вернуть прежние позиции. У наиболее активной части австрийской общественности это обстоятельство вызывало раздражение, поскольку в случае с консервативной Россией речь шла о зависимости от идеологического противника.

В середине XIX в., когда между Россией и германскими державами существовало взаимопонимание, и немногим более тридцати лет прошло после Наполеоновских войн, в среде людей, формировавших немецкое общественное мнение, в том числе, в пределах Австрии, начала получать все большее хождение мысль о возможном союзе монархической России и демократической Франции, направленном против немцев. Знакомство с подобными идеями помогает понять истоки внешней политики Германской империи и Австрии в последующие десятилетия. Отчасти как реакция на эти представления при активном участии австрийских немцев начала формироваться концепция Средней Европы – объединенного пространства между Россией и Францией с проецированием немецкого влияния за его пределы.

---

¹²⁸⁵ Д. Г. Глинка - К. В. Нессельроде. 16(28).01.1852 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1852. Д. 48. Л. 54 об.

Глава 3. Балканы – роковой вопрос австро-русских отношений

§ 3.1. Традиции австро-русских отношений в восточном вопросе

Взаимодействие Австрии и России в решении турецкого вопроса уходит корнями в конец XVII в., когда оба государства в составе т. н. «Священной лиги» вели войну с Османской империей. Этот конфликт, начавшийся осадой турками Вены, завершился в 1699 г. Карловицким миром (для России – отдельным подписанием Константинопольского мирного договора год спустя), который положил конец турецкой экспансии в Европе. Следующей вехой австро-русских отношений на этом направлении стала война России с Турцией 1735–1739 гг., к которой Австрия присоединилась в 1737 г. Для Вены эта война оказалась неудачной: были потеряны земли, приобретенные Австрией у Турции в 1718 г. по Пожаревацкому миру: часть Сербии с Белградом, Банат и Малая Валахия.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1768–1774 гг., ярко продемонстрировал переход ведущей роли на Балканах от Австрии к России. Помимо территориальных приращений, Россия по условиям мира получила право покровительства христианским подданным султана – право, которому суждено было приобрести большое значение в дальнейшем развитии восточного вопроса.

В этот же период обозначился потенциальный конфликт интересов двух держав на Балканах. Уже в 1730-е гг. Вена начинает рассматривать Молдавию и Валахию как сферу своего влияния¹²⁸⁶. В это же время интерес к Дунайским княжествам проявляет Россия. Быстрый территориальный рост последней в Причерноморье вызвал у австрийцев опасения дальнейшего движения России на юго-запад. После Кючук-Кайнарджийского мира австрийский интернунций в Константинополе Иоганн Тугут высказывал опасение в связи с возможным проникновением России к Адриатике¹²⁸⁷.

Тем не менее, в 1781 г. был заключен австро-русский союз, предшествовавший второй турецкой войне Екатерины II 1787–1791 гг. Выполняя обязательства по этому договору, в 1788 г. Австрия вступила в войну, которая оказалась для нее практически безрезультатной. Испытывавшая давление со стороны Пруссии, Австрия была вынуждена

---

¹²⁸⁶ Beer A. Op. cit. S. 15–16.

¹²⁸⁷ Ibid. S. 26–27.

заклучить Систовский мир, принесший ей, несмотря на военные успехи, лишь символические территориальные приобретения. В то время как Россия по Ясскому мирному договору приобрела земли между Южным Бугом и Днестром.

В XIX в. восточный вопрос в австро-русских отношениях превращается в главный источник противоречий. Если в войне с Турцией 1787–1791 гг. русские и австрийские войска сражались бок о бок, то в период греческого кризиса 1820-х гг. Австрия заняла по отношению к России позицию плохо скрываемого недоброжелательства. Меттерних, называвший Турцию «лучшим из наших соседей», несмотря на захлестнувшую Европу волну филэллинизма, пожертвовал престижем Австрии, пытаясь предотвратить вмешательство России и западных держав в пользу восставших греков¹²⁸⁸.

Г. Лутц отмечал, что в этот период Австрия натолкнулась на границу консервативной солидарности в отношениях с Россией, и, более того, именно в период греческого восстания возникла трещина в консервативном союзе Австрии, России и Англии, ослаблявшая основы системы Меттерниха в Европе¹²⁸⁹. Враждебное отношение Австрии проявилось не только в дипломатической сфере. А. Скед указывает на документы в венских архивах, свидетельствующие, что в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Меттерних негласно позволял импортировать оружие из Австрии в Турцию¹²⁹⁰. В России в это же время, по некоторым сведениям, существовал план войны с Австрией, если бы последняя помешала переходу русских войск через Балканы¹²⁹¹.

Адрианопольский мир, завершивший русско-турецкую войну 1828–1829 гг., был встречен в Австрии с заметным неудовольствием. Главной причиной этого стал приобретенный Россией контроль над устьем Дуная. Победа России воспринималась как поражение Австрии и оставалась болезненным воспоминанием вплоть до Крымской войны. Об этом свидетельствует звучавшая даже четверть века спустя критика австрийской публицистикой положений договора¹²⁹². Далекоидущие выводы из этого события сделал фельдмаршал Й. Радецкий, утверждавший, что Адрианопольский мир

¹²⁸⁸ Политика Меттерниха периода греческого восстания 1820-х гг. вызвала недовольство не только в Петербурге, но впоследствии и в самой Австрии. Шузелька писал, что, заняв в греческой освободительной борьбе протурецкую позицию, Меттерних «вызвал ненависть к Австрии всего греческого населения...и связал его симпатии и надежды с Россией». См.: Schuselka F. *Deutsch oder Russisch?*... S. 24.

¹²⁸⁹ Lutz H. *Op. cit.* S. 20.

¹²⁹⁰ Sked A. *Metternich and Austria*... P. 71.

¹²⁹¹ Бутковский Я. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 212.

¹²⁹² См., напр.: *Die Presse*. 7. März 1854. S. 6.

низвел Австрию до уровня державы второго ряда, и теперь от России будет зависеть «благополучие и будущее Габсбургской монархии»¹²⁹³.

Пика русское влияние в восточном вопросе достигло летом 1833 г., когда после оказания Россией помощи султану в борьбе с египетским пашой Мухаммедом Али граф А. Ф. Орлов подписал в Ункяр-Искелеси союзный договор, по которому Турция обязывалась закрыть черноморские проливы для всех иностранных военных судов, кроме русских. Наиболее резкая критика договора прозвучала в Англии и Франции, однако и Австрия была обеспокоена столь заметным укреплением позиций России¹²⁹⁴. Стремясь не допустить возможного сближения Австрии с западными державами на этой почве и избежать изоляции в восточном вопросе, Николай I пошел на подписание 18 сентября 1833 г. Мюнхенгрецкой конвенции, статьи которой предусматривали, что Австрия и Россия будут поддерживать существование Османской империи под управлением существующей династии, а в случае ее распада будут действовать согласованно¹²⁹⁵. Оригинальную точку зрения на сущность Мюнхенгрецкой конвенции высказывал русский исследователь начала XX в. С. М. Горяинов. По его мнению, Россией двигало стремление облегчить бремя поддержания целостности Османской империи, взятое ею в одиночку в Ункяр-Искелеси. Теперь же к несению этого бремени была «приобщена» и Австрия¹²⁹⁶. Мюнхенгрецкая конвенция способствовала интернационализации восточного вопроса – тенденции, позднее закреплённой Лондонскими конвенциями 1840 и 1841 гг., согласно которым Турция в мирное время закрывала черноморские проливы для всех нетурецких военных кораблей.

Благодаря этим международным договоренностям удалось на некоторое время законсервировать восточный вопрос, что соответствовало интересам венского кабинета, глава которого противился любым изменениям в регионе. Австрия, по мнению Меттерниха, не входила в число наследников Османской империи, а борьбы за это наследство могли желать только «враги общества»¹²⁹⁷.

---

¹²⁹³ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. С. 254.

¹²⁹⁴ По мнению некоторых позднейших исследователей, договор в Ункяр-Искелеси носил не только антианглийскую и антифранцузскую, но и антиавстрийскую направленность. См.: Unckel V. *Op. cit.* S. 42. А, например, немецкий историк В. Баумгарт полагает, что этот договор обеспечил России протекторат над Турцией. См.: Baumgart W. *The Crimean War...* P. 6.

¹²⁹⁵ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 446.

¹²⁹⁶ Горяинов С. М. Указ. соч. С. 55–56.

¹²⁹⁷ Metternich K. *Briefe des Staatskanzlers...* S. 81–82.

В течение 1840-х гг. австрийская дипломатия стремилась подчеркнуть единство интересов Вены и Петербурга на Востоке. Например, в период ухудшения отношений между Турцией и Грецией в 1847 г. Меттерних обращал внимание на идентичную позицию Австрии, России, Пруссии и Франции¹²⁹⁸. Австрийский канцлер стремился убедить русского союзника и в том, что единственным условием сохранения законной власти в Греции является «союз двух императорских миссий в Афинах»¹²⁹⁹. Меттерних демонстрировал предупредительность даже во второстепенных вопросах: летом 1847 г. Турция обратилась к Австрии с просьбой заменить существующее обращение к султану «Ваше высочество» на «Ваше величество» на том основании, что Франция уже обращается «Ваше высочество» к бею Туниса, который формально является подданным султана. И Меттерних, стремясь действовать с Россией «в полном согласии во всем, что касается Востока», пожелал, прежде чем давать Турции ответ, узнать, что думают об этом в Петербурге¹³⁰⁰.

Австро-русская солидарность в восточном вопросе проявлялась и применительно к борьбе с революционным движением. В январе 1847 г. Медем, сообщая Нессельроде о пропаганде польских эмигрантов в Турции, предлагал сделать в Константинополе коллективный демарш для нейтрализации польского влияния. Дипломат добавлял, что Меттерних готов присоединиться к этому демаршу¹³⁰¹. Польский вопрос в целом более остро стоял для России, чем для Австрии, поэтому в настоящем случае согласие Меттерниха в определенном смысле представляло собой услугу России. Сотрудничество по этой линии продолжалось и в период министерства Шварценберга, когда австрийская сторона информировала Петербург о деятельности беглых польских революционеров в Турции¹³⁰².

Многочисленное подчеркивание единства позиций двух империй на Востоке, по-видимому, способствовало постепенному убеждению Николая I в том, что подобное единство в самом деле существует. На это, в частности, указывает уверенность, проявленная российским императором во время знаменитых впоследствии бесед с британским послом Г. Сеймуром, когда Николай заявил, что, говоря о позиции России в

¹²⁹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 12. Л. 189.

¹²⁹⁹ К. Меттерних – Ф. Коллоредо. 19 марта 1847 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 12. Л. 241.

¹³⁰⁰ Доклады за 1847 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 36. Л. 104.

¹³⁰¹ П. И. Медем – К. В. Нессельроде, 9(21).01.1847 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 125. Л. 31.

¹³⁰² Ф. Шварценбергу – Э. Лебцельтерну. 14.12.1851 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851. Д. 5. Л. 318 и далее.

восточном вопросе, говорит и об Австрии. Участие России в подавлении венгерского восстания содействовало укреплению в Петербурге представления об определенной зависимости Австрии от России. Некоторые заявления австрийских государственных деятелей также вносили в это свой вклад. Так, австрийский комиссар во Франкфурте К. Кюбек в начале января 1850 г. говорил временно представлявшему Россию во Франкфурте П. А. Криденеру о «вечных обязательствах», которые услуги России наложили на Австрию¹³⁰³. Читая подобные донесения, в русской столице действительно могли подумать, что эти обязательства существуют. Укреплению иллюзии непротиворечивости австрийских и русских интересов на Балканах способствовало и совместное выступление в вопросе польско-венгерских беженцев осенью 1849 г. Тем более, что первой урегулировавшая отношения с Портой Россия продолжала оказывать содействие Австрии: послу в Константинополе В. П. Титову было поручено продолжать поддерживать австрийского интернунция, чтобы ускорить окончание конфликта¹³⁰⁴.

В начале 1850 г. Австрия и Россия снова действовали на Балканах солидарно, на этот раз выступив против британской политики давления на Грецию в ходе так называемого «дела Пасифико», когда по мнению Лондона были нарушены права британского подданного¹³⁰⁵. Интересно, что А. Прокеш придавал этому эпизоду далеко идущее скрытое значение: «греческая история – это вторая наживка, которую забрасывает лорд Пальмерстон, чтобы оттянуть русские силы с Запада на Юг. Я считаю, что он может быть готов отказаться от европейской Турции, если у него есть намерение посредством этого разорвать союз между Австрией и Россией. Он полагает, что к этому должен привести дунайский вопрос при завоевании европейской Турции русскими»¹³⁰⁶. При этом дипломат был уверен, что в случае возникновения конфликта на Балканах Россия не откажет Австрии в гарантиях относительно Дуная¹³⁰⁷.

Даже незначительные расхождения в позициях Вены и Петербурга воспринимались австрийцами чувствительно. Когда в 1847 г. при рассмотрении частного вопроса о займе Греции Россия выступила солидарно с Англией, тот же Прокеш, представлявший

¹³⁰³ П. А. Криденер – К. В. Нессельроде. 25.12.1849(6.01.1850) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 45. Л. 9–10.

¹³⁰⁴ Отчет Азиатского департамента МИД за 1849 г. (копия) // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 21.

¹³⁰⁵ Ф. Шварценберг – К. Буолю. 8.02.1850 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850. Д. 8. Л. 159.

¹³⁰⁶ Prokesh-Osten A. Aus den Briefen... S. 115.

¹³⁰⁷ Ibid.

Австрию в Греции, сразу заявил, что русская миссия тем самым поставила себя в «ложное положение союзницы английской миссии»¹³⁰⁸.

В годы перед Крымской войной Россия так же, как и Австрия, выступала за поддержание статус-кво на Востоке. Когда боснийские сербы уведомили Николая I о притеснениях со стороны турок и особенно католиков, и просили или принять их под покровительство России, или разрешить им при содействии России поднять восстание, царь поручил ответить передавшему прошение, что «преступный замысел его соотечественников о восстании с оружием в руках против турецкого правительства не только не будет одобрен, но даже лишит их всякого права на внимание» российского императора¹³⁰⁹. Такой же ответ последовал на аналогичное прошение болгар¹³¹⁰.

Русская дипломатия не останавливалась и перед предупреждением балканских христиан против действий, могущих носить антиавстрийский характер. Например, венский кабинет неоднократно жаловался, что в Сербии проявляется враждебное Австрии настроение. Неудовольствие Вены вызывало, в частности, присутствие на территории княжества венгерских перебежчиков. В результате русский консул в Белграде Д. С. Левшин поддержал австрийские представления¹³¹¹.

Впоследствии в отечественной историографии почти традиционной стала точка зрения об ошибочности русской политики в восточном вопросе применительно к Австрии. Например, М. А. Таубе в начале XX в. писал о длинном ряде «бесполезных уступок австрийскому германизму» и о традиционной зависимости «старой «петербургской» дипломатии» в восточном вопросе от Вены, приведшей к мировой войне, начавшейся именно с русско-австрийского конфликта¹³¹². Позднее о подверженности внешней политики Николая I чужому влиянию писал М. Н. Покровский¹³¹³.

Несмотря на внешне безоблачные отношения, отдельные представители австрийской элиты еще до кризиса 1853 г. не скрывали недовольства русской политикой на Балканах. В октябре 1849 г. австрийский министр торговли Карл Брук говорил агенту прусского правительства, что, чем дольше Пруссия медлит достичь соглашения с

¹³⁰⁸ Докладная записка, представленная генералом бароном Прокешем, Вена, 8 марта 1847 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 12. Л. 247.

¹³⁰⁹ Доклады за 1847 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1847. Д. 36. Л. 153.

¹³¹⁰ Там же. Л. 155.

¹³¹¹ Отчет по Азиатскому департаменту за 1850 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 172–173.

¹³¹² Таубе М. А. Указ. соч. С. 6–7.

¹³¹³ Покровский М. Н. Указ. соч. С. 108–109.

Австрией, тем Австрия ближе сходится с Россией, что Австрии совершенно не нравится, учитывая «злоупотребления» России в Дунайских княжествах¹³¹⁴. Именно на этот период пришелся рост внимания Вены к Молдавии и Валахии. Одним из свидетельств этого стало повышение статуса австрийских представительств в Бухаресте и Яссах до генеральных консульств¹³¹⁵. Однако в Петербурге, по-видимому, не считали, что это может повлиять на отношения с Австрией, в том числе, полагаясь на сильное влияние России в княжествах.

Заинтересованность Вены Восточными Балканами во многом определялась экономическим значением Дуная для монархии Габсбургов. Устье реки было одним из постоянных предметов австро-русских дипломатических коммуникаций. В ноябре 1850 г. Буоль передал Нессельроде ноту с предложением начать переговоры по дунайскому торговому пути. Россия не проявляла большой заинтересованности. Десятью годами ранее, летом 1840 г., в Петербурге была составлена конвенция по навигации на Дунае, впоследствии продленная до конца сентября 1851 г. В конце этого года Лебцельтерн сообщил российскому канцлеру, что Австрия отказывается возобновлять конвенцию. Реакция России была мягкой: в Петербурге решили не только ни в чем не ограничивать австрийского судоходства по Дунаю, но и заверили, что продолжат предпринимать усилия для улучшения судоходства по каналам в устье реки¹³¹⁶.

Одна из претензий Вены состояла в том, что Австрия не пользуется ни одним преимуществом в этом районе, которым не обладали бы и другие страны, не заключавшие с Россией никаких специальных соглашений. Учитывая дружественные отношения между двумя империями, Австрия ожидала, что Россия обеспечит ей особые права, однако этого не произошло. Неудовольствие вызывалось и тем, что расходы по расчистке Сулинского гирла были возложены фактически только на австрийскую сторону.

В этой связи неудивительно, что в Австрии начинала приобретать популярность мысль о замене исключительного русского покровительства над Дунайскими княжествами общим европейским протекторатом. Примечательно, что идея была сформулирована за несколько лет до Крымской войны. Так, «Ллойд» распространял слух,

---

¹³¹⁴ Manteuffel O. Op. cit. Bd. 1. S. 176.

¹³¹⁵ Der Lloyd. 16. Oktober 1849. Abend-Ausgabe. S. 1.

¹³¹⁶ К. В. Нессельроде – П. К. Мейендорфу. 31.12.1851(12.01.1852) // АВПРИ. Ф. 172 (Посольство в Вене). Оп. 514. 1851. Д. 57. Л. 1 об.

что Порты якобы готова отказаться от верховной власти над княжествами, если там будет установлено общеевропейское покровительство¹³¹⁷.

Рост внимания Вены к Балканам определялся также постепенным ослаблением австрийских позиций в Германии и пониманием, что Юго-Восток – единственное направление, в котором империя хотя бы теоретически может рассчитывать на укрепление влияния или даже экспансию. Кроме того, существовало мнение, что дунайское пространство и Балканы «могли играть для Австрии ту же роль, что Индия играла для британской короны»¹³¹⁸, соединяя в себе функции выгодной военно-стратегической позиции, источника сырья и рынка сбыта.

Активизации австрийской политики в регионе способствовали брожения среди южных славян, начавшиеся в 1848 г. и приведшие к напряжению на южной границе империи. Ситуация усугубилась вследствие назначения Портой в мае 1850 г. военным губернатором Боснии Омера-паши, жестокость действий которого по отношению к христианам привела к тому, что в Австрию хлынул поток беженцев. Количество турецких войск в провинции постоянно увеличивалось. В феврале 1852 г. Шварценберг, получив информацию о намерении Омера-паши двинуть 10000 человек на Северо-Запад Боснии, велел объявить в Константинополе, что если эти силы немедленно не будут оттуда удалены, Австрия выдвинет такую же силу навстречу¹³¹⁹. Действия турок вызывали беспокойные движения среди южных славян Австрии. В апреле администрация Далмации предложила, чтобы Вена усилила военное присутствие на южной границе. Дополнительным раздражающим фактором было присутствие в армии Омера-паши польских и венгерских политических беженцев.

В мае Вены достигли сведения о скоплении турецких войск и на границе с Черногорией, вызванном тем, что Данило Петрович Негош, в начале 1852 г. провозглашенный князем Черногории, не стал запрашивать в Константинополе подтверждение своего вступления в должность. Кроме того, была изменена черногорская конституция: если раньше князь объединял в своем лице светскую и духовную власть, теперь у него была только светская власть, а духовную он делил с сенатом. Это вызвало раздражение Порты, не контролировавшей территорию Черногории, но в то же время не

---

¹³¹⁷ Der Lloyd. 9. November 1849. Abend-Ausgabe. S. 1.

¹³¹⁸ Görlich E. J. Op. cit. S. 14.

¹³¹⁹ Kempfen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 244.

признававшей ее самостоятельность. В меморандуме к пяти великим державам турецкий министр иностранных дел Фуад-эфенди объявил, что его правительство считает изменение конституции в Черногории нарушением своих прав, которое оно не может принять. Положение еще более обострилось, когда в ноябре 1852 г. 30 черногорцев напало и захватило турецкую крепость Жабляк.

Россия стремилась предотвратить эскалацию. Осенью 1852 г. Фонтон советовал черногорскому князю воздержаться от антитурецких выступлений, однако его рекомендациям не последовали¹³²⁰. В то время как Нессельроде дал русскому поверенному в делах в турецкой столице А. П. Озерову поручение указать турецким министрам на желательность скорейшего восстановления добрососедских отношений между Константинополем и Веной¹³²¹.

Эти усилия оказались безрезультатными: Порта стремилась утвердить власть над Черногорией и обеспечить себе свободный доступ к Клеку и Суторине¹³²². В Вене это вызвало опасения, что Клек и Суторина могут быть использованы турками в военных целях, что уничтожило бы исключительный контроль Австрии на побережье Далмации. В декабре 1852 г. Франц Иосиф высказал намерение в ближайшее время решить вопрос двух турецких анклавов. Й. Кемпен, к которому были обращены эти слова, посоветовал отправить в турецкую столицу военного¹³²³. Не исключено, что именно этот совет послужил причиной организации австрийской миссии в Константинополь в начале 1853 г., получившей известность как «миссия Лейнингена».

30 декабря 1852 г. военный министр Австрии проинформировал министерскую конференцию о том, что Франц Иосиф отдал приказ отправить дополнительные войска в Далмацию. Помимо решения вопроса об анклавах, Вена была намерена предотвратить карательную экспедицию турок против черногорцев. Н. И. Хитрова считает, что первой в поддержку Черногории выступила Россия, привлекая затем Австрию к решению этого вопроса¹³²⁴. Это же мнение повторяется в сборнике «Международные отношения на Балканах»¹³²⁵. Как пишет Хитрова, Ф. П. Фонтон до получения каких-либо инструкций из

¹³²⁰ А. П. Озеров – Ф. П. Фонтону. 11(23).12.1852 // АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514. Д. 53. Л. 16.

¹³²¹ К. В. Нессельроде – А. П. Озерову. 20.10(1.11).1852 (копия) // ННStA. PA X. K. 34. F. 8–9.

¹³²² Австрия полагала подход чьих-либо кораблей к изолированным турецким мысам на юге Далмации Клек и Суторина возможным только со своего разрешения, поскольку считала омывающие их воды австрийскими. Турция же настаивала, что к своим землям имеет право подплывать беспрепятственно.

¹³²³ Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 270.

¹³²⁴ Хитрова Н. И. Указ. соч. С. 180.

¹³²⁵ Международные отношения на Балканах... С. 298.

Петербурга предложил венскому кабинету более активно выступить в поддержку черногорцев и 1 января 1853 г. сообщил, что Вена согласилась сделать демарш в Константинополе¹³²⁶.

Опубликованные австрийские документы позволяют предположить, что Австрия могла предпринять эти действия независимо от России. Так, Вена тайно поддерживала Д. Негоша деньгами и вооружениями, и даже пыталась через военного и гражданского губернатора Далмации Л. Мамулу прозондировать вопрос австрийского протектората над Черногорией¹³²⁷. Весной 1853 г. Австрия выделила деньги на восстановление черногорских церквей и монастырей. Кроме того, предлагалось отменить таможенные пошлины между южными провинциями империи и Черногорией, чтобы привязать страну к Австрии экономически¹³²⁸. Помимо сдерживания турецкой агрессии, Вена стремилась изменить недоброжелательное отношение черногорцев к Австрии, отмечавшееся ранее¹³²⁹. Поддержкой черногорцев могли рассчитывать повысить престиж монархии среди населения Балкан в целом.

Момент для австрийского выступления был сравнительно благоприятным: обстановка в Германии и Италии была спокойной. При этом Австрия рассчитывала на поддержку России. Австрийскому посланнику в Петербурге Менсдорфу было поручено выразить надежду австрийского правительства, что его усилия в Константинополе будут соединены с усилиями российского двора¹³³⁰.

В январе 1853 г. Австрия отправила в Константинополь специальную миссию, которую возглавил граф Кристиан Лейнинген, и в задачи которой входило: потребовать у Порты официальных объяснений о цели вооружений в провинциях, граничащих с Австрией; объявить туркам об опасности жестокого обращения с христианами; потребовать удаления всех политических беженцев от австрийских границ; потребовать, чтобы турецкие войска не вступали на черногорскую территорию, ограничившись преследованием черногорцев до границы; обеспечить прекращение Портой попыток подчинить Черногорию. Кроме того, Лейнинген должен был добиться сохранения выгодного для Австрии статус-кво в районе Клека и Суторины. В случае невыполнения

---

¹³²⁶ Хитрова Н. И. Указ. соч. С. 181–182.

¹³²⁷ Grünne an Mamula. 11.01.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 56–57.

¹³²⁸ Unckel V. Op. cit. S. 80–81.

¹³²⁹ Отчет по Азиатскому департаменту за 1849 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 155.

¹³³⁰ К. Буоль – А. Менсдорфу. 21.01.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 20 об.

требований временный австрийский поверенный в делах барон Эдуард Клецль должен был покинуть Константинополь. Миссию сопровождали военные демонстрации¹³³¹.

Параллельно с миссией Лейнингена Фонтон предлагал австрийскому министерству совместные действия для сдерживания Омера-паши. В письме Буолю 2 февраля он выразил опасение, что дальнейшее обострение между турками и черногорцами может закончиться истреблением последних. Чтобы не допустить этого, он предлагал проект коллективной ноты от имени Л. Мамулы и русского консула в Рагузе¹³³².

Поддержка России для Австрии была так желательна, что Буоль отправил в русскую столицу копию письма, в котором Франц Иосиф извещал турецкого султана о предстоящем приезде Лейнингена. 23 февраля австрийский министр предупредил Петербург, что в случае неудачи миссии Австрия введет войска в Боснию и Черногорию, выразив при этом надежду на поддержку России, если вследствие этого возникнет восстание христиан против турецкого господства¹³³³. Очевидно, предполагалось использование Россией своего влияния для удержания балканских христиан от выступлений. Таким образом Вена незавуалированно предлагала союзнику содействовать укреплению австрийского влияния на Западе Балкан.

11 (23) февраля 1853 г. Николай I написал Францу Иосифу письмо, в котором обещал Австрии прямую военную поддержку, если миссия Лейнингена приведет к войне с Турцией. Князю А. С. Меншикову, готовившемуся отбыть в Константинополь, было предписано объявить об этом Порте¹³³⁴. Российский император при этом указывал на нежелательность подобного исхода из-за непредсказуемости последствий в случае возможного распада Турции¹³³⁵.

А. П. Озеров заявил, что Россия рассматривает австрийское требование о прекращении действий против черногорцев как собственное. Петербург поддержал эту миссию не только в Константинополе: Нессельроде передал британскому послу

¹³³¹ Г. Ротенберг высказывает точку зрения, что мобилизация Австрией обсервационного корпуса на южной границе в начале 1853 г. была нацелена не столько на помощь черногорцам, сколько на предотвращение возможного русского вмешательства, и являлась сигналом Белграду воздержаться от возможной эскалации конфликта. См.: Rothenberg G. E. Op. cit. P. 50. Доказательств в поддержку этого утверждения историк не приводит. Если придерживаться этой логики, можно и саму миссию Лейнингена интерпретировать как действие на опережение возможного выступления России на Балканах.

¹³³² Ф. П. Фонтон – К. Буолю. 21.01(2.02).1853 // АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514. Д. 53. Л. 20.

¹³³³ Buol an Mensdorf. 23.02.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 95–96.

¹³³⁴ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. Приложения. С. 369.

¹³³⁵ Там же.

вербальную ноту, в которой говорилось, что Россия и Австрия не могут допустить уничтожения Черногории¹³³⁶.

3 февраля Лейнинген потребовал у Порты предоставить ответ на его требования до 9-го числа. Турки просили продлить срок ультиматума, и Лейнинген согласился, но, не получив положительного ответа, объявил миссию оконченной и сел на корабль. Австрийское посольство также начало демонстративно готовиться к отъезду, чем вызвало обеспокоенность представителей Франции и Англии. Последние предложили свое посредничество, которое было отвергнуто австрийцами. Столь решительный образ действий привел к согласию Порты на австрийские условия¹³³⁷. 14 февраля Фуад-эфенди принял требования. На следующий день, побывав на прощальной аудиенции у султана, Лейнинген покинул Константинополь, после чего сообщил о результатах в Вену¹³³⁸.

Одновременно русский комиссар в Черногории Е. П. Ковалевский и австрийский подполковник Заячек прибыли в Скутари к Омеру-паше и объявили, что если до 14 марта он не отведет свои войска от границы, то будет побужден к этому открытым вмешательством обеих держав¹³³⁹. 28 февраля 1853 г. в Подгорице при русском и австрийском посредничестве между Турцией и Черногорией было подписано соглашение об окончании боевых действий, уходе османов из Черногории и восстановлении *status quo ante bellum*. После этого Австрия отвела бóльшую часть войск, сконцентрированных на южной границе.

Категоричность австрийского уполномоченного и его отказ от посредничества западных держав стали возможны благодаря уверенности в русской поддержке. Б. Ункель обращает внимание на то, что благоприятный для австрийцев поворот наступил именно в тот день, когда Константинополя достигло известие о миссии Меншикова, а Озеров повторно выступил в поддержку австрийских требований¹³⁴⁰. Авторы коллективной монографии «Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг.» считают, что совместное выступление Австрии и России вызывало беспокойство в Лондоне и Париже, которые дали Порте совет уступить¹³⁴¹.

¹³³⁶ Доклады за 1853 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 30. Л. 21.

¹³³⁷ Докладная записка М. Д. Горчакова И. Ф. Паскевичу. 16(28).02.1853 // АВПРИ. Ф. 333. Оп. 576. 1853. Д. 35. Л. 33–34.

¹³³⁸ Leiningen an Grünne. 26.02.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 103.

¹³³⁹ Die Presse. 12. März 1853. S. 6.

¹³⁴⁰ Unckel В. Op. cit. S. 77.

¹³⁴¹ Международные отношения на Балканах... С. 299.

В черногорском вопросе Австрия и Россия стремились координировать действия и после миссии Лейнингена. Так, Меншиков, находясь в Константинополе, обсуждал с австрийским поверенным в делах возможные способы дальнейшей нормализации отношений между Черногорией и турецким правительством¹³⁴².

В Вене не склонны были акцентировать внимание на русском содействии. В частности, Франц Иосиф был особенно доволен тем, что миссия Лейнингена «проведена Австрией в одиночку»¹³⁴³. В газете «Прессе» сообщения о завершении миссии сопровождались комментарием, что этим успехом Австрия обязана только себе. О содействии русских дипломатов и Е. П. Ковалевского также не было сказано ни слова. Выражалась уверенность, что теперь «освобожденное христианство» Востока будет благословлять страну, которая столь бескорыстно предложила ему свою защиту и помощь¹³⁴⁴. В определенном смысле Австрия и на религиозном поле проявила себя в качестве конкурента России, вступив, вслед за Россией и Францией, в ряд держав, покровительствующих турецким христианам.

При этом в непубличном пространстве венский кабинет выразил признательность Петербургу. Буоль благодарил за содействие: «Я никогда не сомневался в благородной поддержке, которую император Николай окажет своему союзнику – и это добавило мне храбрости. Эта обоюдная убежденность в возможности рассчитывать друг на друга поистине бесценна с теми расстояниями, которые делают предварительное согласие столь трудным, если вообще возможным»¹³⁴⁵. Это письмо было написано в момент, когда Меншиков уже находился в Константинополе, и должно было добавить Петербургу уверенности в том, что Австрия поддержит русское выступление в Турции.

Многие современники были убеждены, что две миссии связаны друг с другом, что именно австрийская акция повлекла за собой выступление России. А. Гюбнер писал, что успех австрийского демарша родил в уме императора Николая идею о миссии Меншикова¹³⁴⁶. Добавляя, что миссия Лейнингена противоречила традиционной австрийской политике сохранения Турции. Мнения об обусловленности миссии Меншикова визитом в Константинополь Лейнингена придерживался К. Фицтум¹³⁴⁷. В

¹³⁴² А. С. Меншиков – Ф. П. Фонтону. 9(21).04.1853 // АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514. Д. 53. Л. 36.

¹³⁴³ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 109.

¹³⁴⁴ Die Presse. 1. März 1853. S. 4.

¹³⁴⁵ К. Буоль – П. К. Мейендорфу. 7 марта 1853 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 604. Л. 45.

¹³⁴⁶ Hübner J. A. Op. cit. Bd. 1. S. 112.

¹³⁴⁷ Vitzthum von Eckstädt K. F. St. Petersburg und London... Bd. 1. S. 39.

этом же видел причину активизации русской политики Меттерних. При этом саму австрийскую инициативу бывший канцлер называл «неумной»¹³⁴⁸. Его супруга княгиня Мелани, обычно комментировавшая политические события со слов мужа, записала в дневнике, что успешно оконченная миссия Лейнингена еще будет дорого стоить империи¹³⁴⁹.

К. Кюбек после аудиенции у Франца Иосифа 3 марта оставил следующую запись: «От генерала Грюнне я узнал, что российский император направил нашему императору особенно дружественное письмо и заметил ему, как он готов поддержать Австрию в турецком вопросе и поэтому посылает князя Меншикова в Константинополь с одновременным передвижением армии»¹³⁵⁰. В этом заявлении Николая I Кюбек предполагал уловку¹³⁵¹.

Во Франкфурте многие также обращали внимание на общий характер действий Вены и Петербурга в Турции. Нельзя исключать того, что широкая распространенность этого мнения способствовала стремлению Австрии дистанцироваться от России в восточном вопросе по мере обострения последнего в течение 1853 г.

Необходимо отметить, что фактический, а не формальный успех австрийской миссии может быть подвергнут сомнению. При планировании этой акции в Вене надеялись на усиление австрийского влияния в регионе, в то время как свидетельства подобного усиления отсутствуют. Была подтверждена фактическая независимость Черногории¹³⁵², но к какой-либо зависимости ее от Австрии это не привело. При этом принципиальное требование письменной гарантии относительно турецких анклавов дано не было, и давний спор между Австрией и Турцией из-за Клека и Суторини остался нерешенным. Соответственно, цель миссии – урегулировать все спорные моменты – достигнута не была¹³⁵³.

Если же говорить о международных последствиях, они были противоположны тому, чего желали как Австрия, так и Россия. В Великобритании многие были склонны видеть связь между австрийским и последовавшим сразу за ним русским выступлением и

---

¹³⁴⁸ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 115.

¹³⁴⁹ Metternich K. Mémoires, documents... Т. 8. P. 141.

¹³⁵⁰ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 109.

¹³⁵¹ Ibid.

¹³⁵² С юридической точки зрения Австрия в тот момент, в отличие от России, независимость Черногории не признавала (Buol an Klezl. 10.01.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 54.).

¹³⁵³ Unckel B. Op. cit. S. 78.

полагали, что Вена сговорилась с Петербургом насчет раздела Турции. Это с неизбежностью должно было повлечь за собой сближение Англии и Франции¹³⁵⁴.

Миссия Лейнингена стала отходом от предшествующей осторожной австрийской политики на Балканах. Как писал Меттерних Буолю в период пребывания Лейнингена в Константинополе, на Востоке для Австрии не было «съедобных плодов»¹³⁵⁵. Единственным приемлемым путем для Австрии, по мнению экс-канцлера, было поддержание существующих договоров и избегание европейской войны из-за восточных дел¹³⁵⁶. Однако в сознании многих современников австрийский демарш начала 1853 г., по сути, стал прологом к Крымской войне.

В Петербурге были несклонны видеть в австрийском выступлении какую-либо угрозу русским интересам. Более того, вояж Лейнингена был воспринят как пример усилий Буоля по укреплению являющегося прочной основой спокойствия в Европе «благотворного союза» Австрии и России¹³⁵⁷. За организацию и успешное проведение миссии Николай наградил Буоля орденом Александра Невского. При такой оценке ожидание Николаем поддержки Австрией запланированного русского выступления в Константинополе было только естественно¹³⁵⁸.

При этом сами австрийские дипломаты не испытывали иллюзий относительно перспектив австро-русского сотрудничества на Востоке. Еще в апреле 1849 г., когда, казалось, было не время думать о балканских делах, Буоль писал Шварценбергу о восточной политике России: «Без сомнения, однажды это может вызвать серьезные осложнения в отношениях двух императорских дворов. Будем надеяться, что мы окажемся способны обратить все наши силы и энергию на защиту своих политических и торговых интересов перед лицом экспансионистских намерений могущественного соседа»¹³⁵⁹. Буоль в этом случае проявил замечательную дальновидность. Еще красноречивее эта

---

¹³⁵⁴ Представляется вполне убедительным комментарий А. М. Зайончковского об отсутствии у России скрытых планов при поддержке миссии Лейнингена: «Разрыв между Австрией и Турцией был бы прекрасным предложением для выполнения таких планов, но Император Николай, с своей стороны, сделал все, чтобы его предупредить». См.: Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. С. 397.

¹³⁵⁵ Metternich K. Briefe des Staatskanzlers... S. 64.

¹³⁵⁶ Ibid.

¹³⁵⁷ Рескрипт Николая I на имя Буоля от 22 марта 1853 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 2. Л. 3.

¹³⁵⁸ Интересную интерпретацию миссии Лейнингена дает Э. Сааб. По мнению исследовательницы, Буоль, хотя и запугивал Турцию, в действительности не имел враждебных намерений. Но в результате эта тактика привела Петербург к ошибочным выводам относительно истинных намерений Австрии и содействовала наступлению войны, поскольку Николай I посчитал, что Австрия стремится к укреплению влияния на Западных Балканах, даже ценой риска войны. См.: Saab A. P. Op. cit. P. 22.

¹³⁵⁹ Цит. по: Austensen R. A. Count Buol... P. 182.

мысль звучит у Й. Радецкого, причем высказана она была за четверть века до Крымской войны. Фельдмаршал, которого никак нельзя отнести к недоброжелателям России, понимал, что в этом регионе интересы двух империй пересекаются, потому что «ее (Австрии – М. М.) собственный путь к расширению указывает на юго-восток»¹³⁶⁰.

§ 3.2. Реакция Вены на миссию Меншикова

Активное выступление России в восточном вопросе в 1853 г. было вызвано рядом причин. С одной стороны, значительно возрос международный престиж Петербурга вследствие того, что Россия, оставшись не затронутой революционными потрясениями 1848–1849 гг., выступила в роли вершителя судеб Центральной Европы. Уверенность в собственных силах в русской столице достигла, пожалуй, наибольшего уровня с момента вступления русских войск в Париж. С другой стороны, на протяжении 1840-х гг. русское влияние в Турции ослабевало и неуклонно крепло влияние Великобритании¹³⁶¹. Уже эти два фактора подталкивали Николая I к активизации восточной политики. Не менее значимыми были традиционные задачи обеспечения безопасности черноморского побережья и установления благоприятного режима Проливов.

На этом фоне в 1850 г. началось скрытое противоборство между Францией и Россией из-за контроля католического или, соответственно, православного духовенства над святыми местами Палестины. Французы потребовали предоставить католикам управление всеми святынями, которые были им обещаны по капитуляциям 1740 г. Эти требования были поддержаны рядом католических государств, включая Австрию. Шварценберг приветствовал учреждение комиссии для обсуждения этого вопроса и в марте 1851 г. поручил Э. Клецлю действовать в согласии с французским посланником, однако, ввиду позиции России, проявлять сдержанность¹³⁶². Принять подобное решение австрийскому министру было несложно, поскольку интересы монархии в данном случае не стояли на карте, в то время как, активно поддерживая Францию, Австрия рисковала бы лишиться русской поддержки в остальных европейских вопросах.

---

¹³⁶⁰ Цит. по: Bilger F. Op. cit. S. 27.

¹³⁶¹ Международные отношения на Балканах... С. 257.

¹³⁶² Unckel B. Op. cit. S. 53.

В Петербурге сделали вывод, что Австрия действует независимо от Франции, основывая свои рекламации не на французских капитуляциях, а на истории собственных отношений с османским правительством¹³⁶³. У Певческого моста уже давно существовало убеждение в достаточной близости интересов Австрии и России на Востоке. Еще в меморандуме Нессельроде британскому правительству 3 декабря 1844 г. британской стороне предлагалось договориться об общем политическом курсе на случай кризиса в Османской империи, и при этом добавлялось, что подобное сходство принципов между Россией и Австрией уже существует¹³⁶⁴. В то время как это сходство существовало лишь до тех пор, пока неизменной оставалась ситуация на Балканах. Тот же Нессельроде, считавшийся едва ли не главным сторонником австро-русского союза, в докладе, сделанном императору в конце 1852 г., высказывал предположение, что если спор о святых местах приведет к войне, не только Англия может обратиться против России, но и Австрия, несмотря на ее близость к России и напряженность отношений с Турцией, не поддержит Петербург и займет позицию вооруженного нейтралитета, «поскольку, будучи католической державой, смогла ли бы она поддерживать дело, враждебное интересам католичества на Востоке?»¹³⁶⁵. Последующие события показали справедливость прогноза Нессельроде, однако к его голосу не прислушались¹³⁶⁶.

В начале 1853 г. «Прессе» сообщила, что австрийское правительство окончательно выплатило России компенсации за помощь в Венгрии¹³⁶⁷. Было своего рода символическим совпадением, что накануне восточного кризиса Австрия как бы освобождалась от обязательств перед Россией. По крайней мере, с финансовой стороны.

Николай I, наоборот, при планировании миссии в Константинополь рассчитывал на содействие Австрии, а при гипотетическом распаде Османской империи предполагал возможным не только передачу ей территорий, прилегающих к Адриатике, но и занятие австрийским гарнизоном Дарданелл¹³⁶⁸. Расчеты царя строились не только на ожидании «благодарности» Австрии. Отправляя Меншикова в Турцию, русское правительство

¹³⁶³ Обзор внешней политики Российской империи за 1851 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 553. Л. 292.

¹³⁶⁴ Anderson M. S. Op. cit. P. 67.

¹³⁶⁵ Всеподданнейший доклад 20 декабря (ст. ст.) 1852 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1852. Д. 40. Л. 128–129.

¹³⁶⁶ Утверждение Т. Шимана, что провал миссии Меншикова обусловлен инструкциями Нессельроде, на которые якобы даже Николай I согласился неохотно, не подкреплено ссылками на источники. См.: Schiemann Th. Op. cit. Bd. IV. S. 292.

¹³⁶⁷ Die Presse. 4. März 1853. S. 3.

¹³⁶⁸ Собственноручная заметка императора Николая I о Восточном вопросе перед миссией Меншикова 1853 г. // Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. Приложения. С. 358.

полагало, что Австрия поддержит Россию по необходимости, потому что замены союзу с Россией у Вены попросту нет. Это представление подкреплялось и заявлениями самих австрийцев. 28 января Буоль писал Менсдорфу, что Петербург может рассчитывать на помощь Австрии в его справедливых требованиях к Порте касательно святых мест, и что Вена призовет Париж к «умеренности и примирению»¹³⁶⁹.

Возможно, к активизации действий на Востоке Николая I подвигло и провозглашение империи во Франции 2 декабря 1852 г. Занятием трона племянник Наполеона Бонапарта видимым образом нарушал существующие между великими державами договоренности. Этот шаг остался без последствий. Могло возникнуть ощущение текучести международной обстановки и соблазн воспользоваться этим обстоятельством.

В историографии распространено мнение о наличии у Николая «агрессивного плана» в отношении Турции и Балкан¹³⁷⁰. Однако в источниках не обнаруживается прямых свидетельств подобных намерений императора, и этот тезис остается предметом профессиональной полемики. С утверждением об агрессивности планов России не согласен, в частности, В. Н. Виноградов¹³⁷¹.

В инструкции Меншикову от 24 января (5 февраля) 1853 г. Нессельроде выразил уверенность, что русский чрезвычайный посол встретит со стороны Австрии поддержку, в том числе, потому, что «венский кабинет, руководясь свойственной ему проницательностью, легко мог усмотреть, что в этом вопросе для Франции дело шло не столько о религиозном сомнении, сколько о политической цели, и мы должны были заключить, что Австрия, именно как держава католическая, никогда не признает исключительного покровительства, которое домогается присвоить Франция над всеми христианами одного с нею исповедания»¹³⁷². Вторая инструкция предполагала несомненную поддержку Лейнингеном русских требований¹³⁷³.

Отправляя Меншикова в Константинополь, Петербург просил Вену задержать там до его прибытия Лейнингена, так как присутствие обоих специальных посланников должно было усилить давление на Порту. Однако австрийский дипломат покинул

¹³⁶⁹ К. Буоль – А. Менсдорфу. 28.01.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 34–35.

¹³⁷⁰ См., напр.: Никитин С. А. Указ. соч. С. 29.

¹³⁷¹ Виноградов В. Н. Восточный вопрос... С. 117.

¹³⁷² Цит. по: Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы... С. 114–115.

¹³⁷³ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. Приложения. С. 382.

турецкую столицу, не дождавшись прибытия Меншикова. Буоль объяснил это тем, что Лейнинген заранее назначил срок, до которого будет ждать ответа на предъявленную Порте ноту, и Вена в любом случае не успевала уведомить его о пожелании российской стороны задержаться в Константинополе дольше запланированного срока¹³⁷⁴.

28 февраля на фрегате «Громоносец» А. С. Меншиков прибыл в Константинополь. В течение марта имели место его переговоры с турецкой стороной, в ходе которых он добивался удовлетворения требований России касательно святых мест и официально закрепленного права покровительства христианским подданным султана. Последнему требованию со временем было суждено выйти на первый план и сыграть определяющую роль в разрастании конфликта.

Пока же этого не произошло, внимание дипломатов было сконцентрировано на вопросе о святых местах. Некоторые австрийские наблюдатели сходились в том, что спор Франции и России в религиозных вопросах, в сущности, скрывал борьбу за политическое влияние в Турции¹³⁷⁵. Однако существовало и другое мнение. Например, такой знаток восточного вопроса, как А. Прокеш, писал Буолю 7 апреля 1853 г.: «По моему мнению, вопрос о святых местах не может быть решен на почве конфессионального спора. Россия и Франция находятся там друг против друга не просто как восточная церковь и католицизм, но как государства, в которых для одного религия является неприкосновенным условием жизни, а для другого – только поводом и средством. То, что французские и английские газеты не понимают значения этого вопроса для России, в миссии князя Меншикова изыскивают Бог знает какую подоплеку, и рассылают об этом по миру нелепейшие заявления, это при существующем уровне религиозности в Париже и Лондоне совершенно естественно. Насколько я знаком с ситуацией, могу сказать: российский император достаточно силен, чтобы отказаться от полдюжины провинций своей империи, но допустить отнятие чего-либо у православной церкви – этого он не может»¹³⁷⁶. В том же письме Прокеш высказал интересное соображение о причинах упадка Турции. По его мнению, европейские революционеры и ряд государственных деятелей долгое время инициировали в Турции реформы, губительные для последней: «Только один кабинет всегда верно понимал турецкие обстоятельства, русский кабинет.

---

¹³⁷⁴ К. Буоль – А. Менсдорфу. 23.02.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 43.

¹³⁷⁵ Ficquelmont an Buol. 24.05.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 155.

¹³⁷⁶ Prokesch-Osten A. Aus den Briefen... S. 307–308.

Со времен Адрианопольского мира ни один кабинет не сделал столько для сохранения Турецкой империи, сколько сделал русский. Но он не мог поставить преграду потоку, который разрушительным образом врывался из Англии и Франции, и к которому мы по временам тоже присоединялись...»¹³⁷⁷.

П. К. Мейендорф, проведенный зиму в Петербурге, в этот период готовился возвратиться к своим обязанностям посланника в Вене, откладывая отъезд до получения информации о результате миссии в Константинополь. Дипломат понимал проблематичность поручений, данных Меншикову, и критиковал линию поведения князя в Турции. В частном письме брату 7 (19) апреля он отмечал: «Речь шла о том, чтобы избежать войны, даже рискуя при этом потерять в популярности и на непродолжительное время вызвать недовольство императора. Как же государям плохо служат...Когда они отдают недостаточно продуманный приказ, всегда находится кто-нибудь, чтобы его выполнить, но когда требуется угадать их намерения и взять ответственность на себя, — никто не хочет действовать»¹³⁷⁸. Мейендорф уже в апреле 1853 г. был убежден, что усиление дипломатического давления на Турцию и стягивание войск к границам княжеств навредит «европейскому положению» России и не усилит ее позиций на Востоке¹³⁷⁹. Таким образом, в окружении российского императора были люди, способные достаточно точно спрогнозировать возможные последствия политики угроз и оккупации Молдавии и Валахии. Однако Мейендорф, по-видимому, оставил это мнение при себе, не предприняв попыток переубедить царя.

Тем временем Меншиков, продолжая переговоры, был убежден, что инструкции Клеция предписывают интернунцию воздействовать на Порту в пользу русских требований¹³⁸⁰. Тем более, что Буоль в этот момент оценивал требования России относительно святых мест как умеренные и справедливые¹³⁸¹. Вместе с тем австрийский министр иностранных дел высказывал опасение попытками России обеспечить влияние на православное духовенство Турции путем формального договора, что, по его мнению, далеко выходило за проблематику святых мест, но главное - могло привести к объединению Турции с Англией и Францией¹³⁸².

¹³⁷⁷ Ibid. S. 308.

¹³⁷⁸ ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 510. Л. 73.

¹³⁷⁹ Там же. Л. 73 об.

¹³⁸⁰ А. С. Меншиков – К. В. Нессельроде. 14(26).04.1853 // Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. Приложения. С. 406.

¹³⁸¹ К. Буоль – Э. Лебцельтерну. 6.05.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 119.

¹³⁸² Buol an Lebzeltern. 6.05.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 141–142.

В этой оценке он сходил с Меттернихом, считавшим, что если бы султан уступил лишенным всякого правового основания требованиям Николая I, это открыло бы последнему «бесконечный простор для произвола»¹³⁸³. По мнению Меттерниха, было непонятно, чего хочет российский император: если церковного протектората, то это вне компетенции султана; если же светского – это было нарушением турецкого суверенитета¹³⁸⁴. Требования России в вопросе покровительства христианам порождали в Австрии недоумение и заставляли предполагать за официальными формулировками скрытые намерения. Меттерних не исключал даже, что в планы российского императора могло входить совершение «последнего шага, направленного против существования Порты»¹³⁸⁵.

Клецьль сообщал в Вену об аналогичной австрийской позиции турок, согласно которой право покровительства над православными подданными султана, закрепленное отдельным договором, нарушило бы суверенитет Турции, создав государство в государстве¹³⁸⁶.

В свою очередь, Николай в случае отказа Порты от требований России продолжал рассчитывать, по крайней мере, на моральное содействие Франца Иосифа, а возможно и на материальную помощь, которая состояла бы в оккупации Сербии¹³⁸⁷. Тем временем, проявились два фактора, которые впоследствии во многом определяли ход событий. Во-первых, 19 мая британский посол в Константинополе С. Каннинг пригласил на встречу дипломатических представителей Франции, Австрии и Пруссии. На совещании была одобрена позиция турок, состоявшая в отказе от русского условия о покровительстве, а также сформулирована необходимость изменения требований Меншикова. Австрийскому представителю поручили довести это мнение до сведения России¹³⁸⁸. Вторым фактором была проявившаяся в этом эпизоде посредническая функция Австрии в назревающем конфликте. В разных вариациях эту функцию Австрии предстояло выполнять почти до конца Крымской войны. При этом участники процесса стремились превратить Австрию из простого посредника в своего сторонника. 15 июня 1853 г. Нессельроде писал

¹³⁸³ Metternich K. Briefe des Staatskanzlers... S. 82–83.

¹³⁸⁴ Ibid.

¹³⁸⁵ Ibid. S. 85.

¹³⁸⁶ Klezl an Buol. 9.05.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 143.

¹³⁸⁷ Доклады за 1853 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 30. Л. 134.

¹³⁸⁸ В. Н. Виноградов в связи с этим пишет: «Так выявилось, пусть еще контурами, неофициально, формирование антирусской коалиции и лидерство Великобритании в этом процессе». См.: Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы... С. 258–259.

Мейендорфу: «Бруннов пишет мне, что без Австрии Англия и Франция ничего против нас не сделают; поэтому они не жалеют усилий, чтобы привлечь ее в свои ряды. Предложение о конференции четырех сделано именно с этой целью»¹³⁸⁹.

Особенно большие усилия для вовлечения Австрии в русло политики морских держав прикладывала Франция. Одним из первых это почувствовал Гюбнер. В частном письме 29 мая он писал Буолу, что французский министр иностранных дел Друэн де Люис был бы рад разделить Австрию и Россию и сблизить Австрию с Францией, поэтому он, Гюбнер, должен быть очень осторожен¹³⁹⁰. Предложение Франции созвать в Вене конференцию четырех европейских держав для обсуждения миссии Меншикова Буоль посчитал преждевременным¹³⁹¹. В этот период в Вене, по-видимому, еще рассчитывали, что Россия и Турция смогут урегулировать разногласия без прямого вовлечения западных держав.

Таким образом, уже в начале кризиса австрийская дипломатия полностью осознала сложность положения монархии: с одной стороны, потребность противодействовать активной политике России, с другой – необходимость сохранить тесную связь и взаимодействие с той же Россией и не попасть в зависимость от Франции. Венский кабинет прикладывал усилия для недопущения перерастания русско-турецкого спора в крупный международный конфликт. С этой целью Буоль пытался предотвратить вход английского и французского флотов в Дарданеллы, который неминуемо вел к усилению напряженности, и поручил австрийскому представителю при Порте воздействовать на турок в этом смысле¹³⁹².

В западноевропейской прессе в это время распространялись слухи об агрессивных планах России в отношении Турции. Нессельроде вынужден был официальным путем рассеивать эти подозрения и, в частности, указывал на то, что если бы у России существовали подобные планы, она не преминула бы воспользоваться революционными беспорядками в Европе в 1848–1849 гг., поглощавшими внимание западноевропейских правительств, чтобы воплотить их в жизнь¹³⁹³. Депеша эта, впрочем, произвела обратный эффект. Бывший коллега русского канцлера Меттерних нашел в документе «противоречия

¹³⁸⁹ Nesselrode Ch. Op. cit. T. X. P. 234.

¹³⁹⁰ Hübner J. A. Op. cit. Bd. 1. S. 78.

¹³⁹¹ Buol an Hübner/Colloredo. 31.05.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 162.

¹³⁹² Buol an Klezl. 30.05.1853 // Ibid. S. 160.

¹³⁹³ Циркуляр русским миссиям за границей. 30.05(11.06).1853 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 16. Л. 22.

с общим правом» и посчитал, что он «будет фигурировать в истории как вечный памятник извращения нравственности и заносчивости»¹³⁹⁴.

В мае отставной «кучер Европы» писал Буолю, что если бы мог давать Порте советы, то порекомендовал бы ей опереться на великие державы¹³⁹⁵. Кроме того, его удивлял выбор князя Меншикова в качестве главы миссии, поскольку последний, как указывал Меттерних, никогда ранее не выполнял крупных дипломатических поручений¹³⁹⁶. Впрочем, старый канцлер высказывал надежду на то, что чрезвычайная русская миссия в Константинополь является результатом ошибочного расчета возможностей Турции к сопротивлению, а не амбициозного внешнеполитического плана¹³⁹⁷. Такая оценка представляется во многом справедливой, однако к концу весны 1853 г. России едва ли возможно было отступить уже из соображений престижа.

Согласие турок на русские требования касательно святых мест не удовлетворило Меншикова, а уступить в вопросе покровительства турецким христианам Порты, поддерживаемая английским и французским послами, отказалась. Это привело к тому, что Меншиков объявил о разрыве отношений с Турцией и 21 мая покинул Константинополь. 31 мая Нессельроде издал ноту, в которой ответственность за произошедшее возлагалась на турок, и в восьмидневный срок требовалось принять русские условия. Бескомпромиссной позиции Петербурга способствовал оптимистичный прогноз одного из наиболее авторитетных русских дипломатов Ф. И. Бруннова, полагавшего, что Англия не станет предпринимать активных действий без Австрии¹³⁹⁸. 16 июня в ответной турецкой ноте русский ультиматум был отвергнут.

Перед отъездом П. К. Мейендорфа в Вену, Николай I снабдил его собственноручной запиской с соображениями о дальнейших действиях. Согласно документу, в период 20 июня – 13 июля император рассчитывал занять Молдавию и Валахию. При неуступчивости турок до конца июля, по мысли Николая, австрийцы должны были занять Герцеговину и Сербию. В случае дальнейшего упорства турок 13 сентября должно было последовать «объявление о признании независимости 4 княжеств»¹³⁹⁹. В инструкции 16 (28) мая конкретизировалась возможность признания независимости Сербии. С Австрией

---

¹³⁹⁴ Metternich K. Mémoires, documents... Т. 8. P. 355–356.

¹³⁹⁵ Metternich K. Briefe des Staatskanzlers... S. 85.

¹³⁹⁶ Ibid. S. 88.

¹³⁹⁷ Ibid. S. 89.

¹³⁹⁸ Ф. И. Бруннов – П. К. Мейендорфу. 1(13).06.1853 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 599. Л. 78 об.

¹³⁹⁹ ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 499. Л. 5.

предполагалось действовать согласованно, поскольку, был уверен Николай, интересы Австрии и России «как соседей и только соседей идентичны»¹⁴⁰⁰. Из текста следует, что Николай не только не сомневался в согласии Австрии на действия России, но и не считался с возможностью возражений и препятствий других великих держав против занятия приграничных провинций Турции и признания их независимости. Убеждение в идентичности австрийских и русских интересов на Балканах могло сложиться только в результате игнорирования сигналов австрийской дипломатии и взгляда австрийского общественного мнения на балканскую политику России в течение предшествующих лет¹⁴⁰¹.

7 июня Мейендорф прочел Францу Иосифу меморандум, предлагавший Австрии оказать давление на Порту с целью принятия требований Меншикова. Русский посланник оставил записи, свидетельствующие об отсутствии у царя действительно продуманной программы действий и каких-либо связанных с этим сомнений. 18 (30) мая в разговоре с Мейендорфом по поводу перспективы провозглашения независимости нескольких балканских областей он сказал: «Конечно, я ничего не сделаю без Австрии»¹⁴⁰². И добавил: «Скажите австрийскому императору, что в этих обстоятельствах я полностью рассчитываю на его дружбу, будучи убежденным, что он вспомнит, чем я был для него в венгерском деле. Если же вследствие нашей общей политики в отношении Турции он будет атакован в Италии, скажите ему, что среди войск в княжествах у меня есть еще 6 армейский корпус в его распоряжении»¹⁴⁰³. Маловероятно, чтобы напоминание о венгерском восстании произвело желаемое впечатление на адресатов в Вене: в 1849 г. для Австрии речь шла о самом существовании монархии, чего нельзя сказать о положении России весной 1853 г. Кроме того, готовность предоставить войска для удержания австрийских позиций в Италии (чего Россия не планировала делать даже в 1848 г., когда конфликт на Апеннинах был вполне реальным, а не гипотетическим) выглядит как предложение платы за услуги, которых ждали от Австрии на Балканах. Энергичную поддержку Меншикова австрийским представителем при Порте в Петербурге, по-

---

¹⁴⁰⁰ Там же. Л. 7.

¹⁴⁰¹ См. Гл. 1, § 6.

¹⁴⁰² ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 499. Л. 10.

¹⁴⁰³ Там же.

видимому, считали чем-то само собой разумеющимся. То, что этого не произошло, вызвало в русской столице непонимание¹⁴⁰⁴.

Несмотря на непубличный характер дипломатических коммуникаций, в июне возможная договоренность Австрии и России, согласно которой Австрия должна была получить Боснию и Сербию, стала предметом слухов в дипломатических кругах Европы¹⁴⁰⁵. 9 июня Франц Иосиф с осуждением высказался о «поспешности» России в турецком вопросе, поскольку из-за этого потребуются дорогостоящее выставление армейского корпуса на боснийской границе, «так как для раздела еще не время»¹⁴⁰⁶. Т. е. теоретически идея раздела турецкого наследства в Вене не отвергалась. Неудачным считался лишь выбор момента.

Таким образом, активное выступление России было воспринято в Вене как несвоевременная актуализация восточного вопроса, несмотря на то что, отправляя в Константинополь Лейнингена, Австрия сама поспособствовала этой актуализации. Тогда как требования России, касавшиеся покровительства турецким христианам, просто воспринимались как несправедливые и нарушающие суверенитет султана.

Примечательно, что, получив сообщение об отъезде Меншикова из Константинополя, Николай выразил сожаление, что воздержался от угроз Турции войной, подобно тому, как действовали австрийцы незадолго перед тем¹⁴⁰⁷. Такая тактика, по мнению царя, скорее привела бы к успеху¹⁴⁰⁸.

§ 3.3. Эволюция политики Австрии в ходе восточного кризиса 1853 г.

Усилия Вены в момент разрыва русско-турецких отношений были направлены на деэскалацию конфликта. Вступившему в должность австрийского интернунция в Константинополе Карлу Бруку Буоль поручал предостеречь Турцию от присоединения к политике морских держав¹⁴⁰⁹. В то же время, русское требование протектората над православными Турции австрийский министр расценивал как политически слишком

¹⁴⁰⁴ Lebzelttern an Buol. 11.06.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 183.

¹⁴⁰⁵ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 2. S. 44.

¹⁴⁰⁶ Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 291–292.

¹⁴⁰⁷ Ставшее притчей во языцех «неуважение», проявленное главой русской миссии по отношению к турецким сановникам, интерпретировалось некоторыми исследователями как следование угрожающему тону графа Лейнингена в период его пребывания в Константинополе. См., напр.: Жомини А. Г. Указ. соч. С. 75.

¹⁴⁰⁸ Николай I – И. Ф. Паскевичу, 17(29).05.1853 // Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. Приложения. С. 437.

¹⁴⁰⁹ Buol an Bruck. 31.05.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 163–166.

агрессивное¹⁴¹⁰. Пытаясь в некотором смысле удовлетворить соответствующую амбицию Петербурга, в начале июня Австрия выступила с идеей издания Портой фирмана с уступками православному исповеданию, который бы она составила в согласии с Россией и сообщила остальным великим державам¹⁴¹¹.

Тем не менее, уже в июне Мейендорф отмечает противное России влияние западных держав на венский кабинет¹⁴¹². Тяготение Австрии к позиции Англии и Франции отметил и Меттерних, предположивший 18 июня, что если начнется война, одним из ее следствий будет «моральное объединение четырех западных держав»¹⁴¹³.

Австрия пыталась предотвратить занятие русскими войсками Молдавии и Валахии, указывая петербургскому кабинету на возможные отрицательные последствия этого действия¹⁴¹⁴. Это не обескуражило даже осторожного Мейендорфа, писавшего, что «если разразится война, Австрия по необходимости и в своих собственных интересах сделает все, о чем мы у нее попросим»¹⁴¹⁵. В действительности Австрия демонстрировала значительно более осторожную политику. Франц Иосиф сообщил Николаю, что, если Россия займет Дунайские княжества, он всего лишь употребит усилия, чтобы Англия и Франция не рассматривали этот шаг как *casus belli*¹⁴¹⁶.

В середине июня русская дипломатия предприняла последнюю попытку избежать движения русских войск через Прут. Мейендорф просил у австрийского МИДа помощи в Константинополе, и соответствующие указания были направлены Бруку: он должен был склонить Порту к принятию требований России. Однако первоочередной задачей Буоля было убедить Николая вообще отказаться от намерения занять княжества. 16 июня он писал, что Франция и Англия уже предложили Австрии организовать конференцию четырех держав по восточному вопросу. Австрия эти предложения отклонила, но, подчеркивал Буоль, если Россия оккупирует Молдавию и Валахию, Австрии будет трудно продолжать занимать эту позицию¹⁴¹⁷. Действие этой депеши было противоположно задуманному: Николай расценил ее как разновидность угрозы¹⁴¹⁸. Нессельроде в частной

¹⁴¹⁰ Ibid.

¹⁴¹¹ Buol an Bruck. 6.06.1853 // Ibid. S. 173.

¹⁴¹² Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 30.

¹⁴¹³ Metternich K. Briefe des Staatskanzlers... S. 91.

¹⁴¹⁴ К. Буоль – Э. Лебцельтерну. 9.06.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 140.

¹⁴¹⁵ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 19–20.

¹⁴¹⁶ Franz Joseph I. an Nikolaus I. 15.06.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 196.

¹⁴¹⁷ К. Буоль – Э. Лебцельтерну. 16.06.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 165.

¹⁴¹⁸ Nesselrode Ch. Op. cit. T. X. P. 243.

переписке не скрывал раздражения австрийской политикой, противопоставляя ее поддержке Россией миссии Лейнингена¹⁴¹⁹. Канцлер предположил, что по окончании восточного кризиса Россия вполне могла бы удалиться из общих европейских дел и предоставить державы самим себе¹⁴²⁰. После Парижского мира нечто подобное и произошло.

В первых числах июля русские войска вошли в Молдавию и Валахию. То, что Николай I принял это решение после всех предостережений и просьб Австрии, в Вене должно было восприниматься как неуважение. По собственноручным заметкам Николая, составленным незадолго до миссии Меншикова, известно, что агрессивных планов император не вынашивал. Более того, в качестве меры давления на Турцию Николай считал нежелательной даже оккупацию княжеств¹⁴²¹. Трудно объяснить, почему он не прибегнул к способу, испытанному осенью 1849 г., во время спора из-за польских революционеров, бежавших в Турцию. Тогда разрыв отношений с Константинополем, не сопровождавшийся какими-либо угрозами, как раз заставил Порту искать примирения, и оно достаточно быстро было найдено. Возможно, в 1853 г. Николай поступил иначе потому, что теперь в русско-турецкий конфликт были напрямую вовлечены западные державы.

Один из участников оккупации Молдавии и Валахии впоследствии вспоминал, что в офицерском корпусе русских войск не было ясного представления о целях происходившего движения¹⁴²². Недоумение возникало даже у тех русских наблюдателей, которые неплохо ориентировались в восточном вопросе¹⁴²³.

Вводя войска в Молдавию и Валахию, Россия буквально толкала Австрию к Великобритании и Франции. Уже после отъезда из Вены, летом 1854 г., Мейендорф писал о том, что именно оккупация княжеств привела к войне¹⁴²⁴. Неясно, какое дополнительное давление в Петербурге рассчитывали оказать на Порту, занимая земли, над которыми и

---

¹⁴¹⁹ Ibid.

¹⁴²⁰ Ibid. P. 243–244.

¹⁴²¹ Доклады за 1853 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 30. Л. 5.

¹⁴²² Алабин П. В. Указ. соч. Т. 2. С. 9.

¹⁴²³ См., напр.: Граббе П. Х. Указ. соч. С. 526.

¹⁴²⁴ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 185.

так осуществляли протекторат. Тогда как в восприятии остальных держав этот шаг означал лишь угрозу применения силы по отношению к Турции¹⁴²⁵.

Заняв княжества, Россия ограничила судоходство вверх по Дунаю для иностранных государств. Исключение составила Австрия, которой сделали преференцию как державе, владеющей частью течения реки¹⁴²⁶. Это исключение делалось с целью поддержания добрососедских отношений, однако в действительности должно было дать Австрии еще один повод для раздражения, поскольку Россия выставляла условия навигации по Дунаю государству, в котором очень многие считали эту реку «исконно» своей. Кроме того, в Вене беспокоились из-за возможных волнений среди румын Трансильвании.

В Петербурге озабоченность Вены не замечали или просто сбрасывали со счетов, поэтому к началу лета Николай еще довольно спокойно смотрел на начавшееся англо-французское сближение, по-прежнему будучи уверенным в германских союзниках. Известна его фраза, адресованная французскому послу: «Вчетвером вы могли бы диктовать мне условия, но этого никогда не произойдет. Я могу рассчитывать на Вену и Берлин»¹⁴²⁷. Эту уверенность подкреплял Мейендорф, писавший, что если бы Австрия вынуждена была отойти от нейтралитета, то выбрала бы союз с Россией¹⁴²⁸.

В действительности Австрия прикладывала немалые усилия для предотвращения конфликта. Губнер в конце июня убеждал в Париже французского министра иностранных дел дать французскому послу в Турции указание объяснить Порте, что ввод русских войск в княжества не является «актом явной враждебности»¹⁴²⁹. Аналогичное выступление стремился вызвать со стороны Англии Коллоредо. В то же время австрийский посол в Лондоне сообщал об очевидном стремлении Франции к опасному для европейской стабильности союзу с Великобританией¹⁴³⁰. И венский кабинет не упускал случая довести это мнение до русского союзника. В депеше Прокешу Буоль вполне откровенно писал, что главной задачей Австрии является недопущение европейского конфликта, груз которого

¹⁴²⁵ По мнению некоторых исследователей, занятие княжеств имело долгосрочные последствия для всей европейской политики. Так, Мосс считал, что оно явилось «отдаленным источником» последующих успехов Бисмарка. См.: Mosse W. E. *Op. cit.* P. 53.

¹⁴²⁶ Отчет по Азиатскому департаменту за 1853 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 30. Л. 444.

¹⁴²⁷ Цит. по: Taylor A. J. P. *The struggle for Mastery in Europe...* P. 54.

¹⁴²⁸ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 45–47.

¹⁴²⁹ А. Губнер – К. Буолю. 30.06.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 63 об.

¹⁴³⁰ Ф. Коллоредо – К. Буолю. 29.06.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 82.

лег бы, прежде всего, на Австрию, в то время как она «не в состоянии выдержать подобную борьбу»¹⁴³¹.

Общественное мнение Западной Европы отреагировало на занятие княжеств крайне негативно. Наполеон III посчитал это нарушением международных договоров и пригрозил, что если Россия и в последующем продолжит их нарушать, Франция будет считать себя свободной от обязательств, наложенных на нее европейскими договоренностями¹⁴³². Вена не случайно снабжала Петербург копиями донесений своих послов в Париже и Лондоне, стремясь показать, что занятие русскими войсками княжеств повсюду вызывает отрицательную реакцию. Но у Певческого моста этот сигнал, по сути, игнорировали. Некоторые русские дипломаты старшего поколения продолжали смотреть на вещи, отталкиваясь от реалий давно минувших лет. Ф. И. Бруннов, например, с ностальгией вспоминал о Мюнхенгреце¹⁴³³.

Франция, со своей стороны, стремилась использовать интерес Австрии к Восточным Балканам. Друэн де Люис конфиденциально предложил Австрии сконцентрировать войска в Буковине или Трансильвании, если она не хочет занять Валахию, подталкивая Вену к оказанию давления на Россию¹⁴³⁴. Губнер ответил на это предложение отрицательно, однако чуть менее года спустя Австрия действовала именно в этом направлении. Представитель Пруссии в австрийской столице сообщал в конце июня, что там существует две партии: одна полагает, что следует подчиниться императору Николаю из-за опасности революции, другая думает, что все приобретенное благодаря переговорам Лейнингена будет потеряно, «если пойдут в фарватере России»¹⁴³⁵.

Молодой австрийский император, по-видимому, испытывал растерянность, признав при обсуждении русской политики: «Мы ничего не можем сделать»¹⁴³⁶. В то же время более проникательный Меттерних сравнил положение России в это время с положением попавшего в болото человека, каждое движение которого еще больше погружает его в трясину¹⁴³⁷.

¹⁴³¹ Buol an Prokesch. 1.07.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 233.

¹⁴³² А. Губнер – К. Буолю. 12.07.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 268–269.

¹⁴³³ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 32.

¹⁴³⁴ Hübner an Buol. 12.07.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 244–245.

¹⁴³⁵ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 2. S. 51.

¹⁴³⁶ Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 298.

¹⁴³⁷ Metternich K. Briefe des Staatskanzlers... S. 107.

Франца Иосифа, как и его деда когда-то, больше всего беспокоила возможность того, что восточные осложнения приведут к революционным беспорядкам¹⁴³⁸. 15 июля он писал своему прусскому дяде, что считает опасность революции более значимой, чем переустройство на Востоке, и по-прежнему рассчитывает в этом вопросе на согласие с императором Николаем¹⁴³⁹. Самому царю Франц Иосиф также писал, что распад Османской империи пошел бы на пользу революции¹⁴⁴⁰. В то же время его генерал-адъютант К. Грюнне, инструктируя отправленного со специальной миссией в Петербург графа Ф. Дьюлу, указывал, что в случае распада Турции Франц Иосиф не исключал частичного включения отдельных провинций в состав Австрии и России, и Дьюле предписывалось выяснить взгляды Николая на этот вопрос¹⁴⁴¹. Такими противоречивыми сигналами Вена питала иллюзии Петербурга насчет возможности договориться и побуждала продолжать оказывать давление на Турцию, что вело к еще большему вовлечению в конфликт западных держав¹⁴⁴².

К. Брук также считал, что в случае войны Австрия, тайно договорившись с Россией, могла бы занять Сербию, Боснию и Герцеговину, но предлагал представить это как оборонительную меру против России и одновременно стремление оказывать на Россию давление, чтобы она не заходила слишком далеко¹⁴⁴³.

В конце июня имел место момент откровенности между обычно уклончивым главой австрийской внешней политики и его русским шурином. В ответ на слова Мейендорфа о том, что от его решений может зависеть будущее отношений между двумя империями, Буоль со слезами на глазах сказал: «Положа руку на сердце, могу Вас заверить, что политика, которая нам наиболее подходит... — это быть в согласии с Россией по всем вопросам и иметь одну политику на двоих. Но если честно – как Вы с нами обращаетесь? Вы принимаете решения в Петербурге, исполняете их, а когда они становятся известны, наша роль состоит в том, чтобы их поддержать... Не является ли

¹⁴³⁸ Память о революционных потрясениях в Австрии была свежа. В ряде ключевых городов и провинций монархии сохранялось осадное положение. В Вене, Граце и Праге – до сентября 1853 г., в Венгрии и Ломбардо-Венецианском королевстве – до мая 1854-го, в Трансильвании – до конца 1854 г.

¹⁴³⁹ Franz Joseph I. an Friedrich Wilhelm IV. 15.07.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 251.

¹⁴⁴⁰ Franz Joseph I. an Nikolaus I. 21.07.1853 // Ibid. S. 263–264.

¹⁴⁴¹ Grünne an Gyulai. 21.07.1853 // Ibid. S. 266.

¹⁴⁴² Впоследствии Ф. Бойст оценил осторожный курс Вены летом 1853 г. и стремление по возможности сохранять равноудаленность от всех участников процесса как ошибочные, полагая, что, если бы сразу по пересечении русскими войсками Прута Австрия заняла Малую Валахию и объявила, что очистит ее, когда то же самое сделает Россия в Молдавии, то вначале это могло бы произвести плохое впечатление в Петербурге, но убергло бы от долгосрочных отрицательных последствий. См.: Veust F. Op. cit. Bd. 1. S. 181–182.

¹⁴⁴³ Bruck an Buol. 23.07.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 269.

роль, которую Вы нам предназначаете, жалкой и неблагодарной?»¹⁴⁴⁴. На то, что отношения с Россией воспринимаются как неравноправные, указывал О. Бисмарк, писавший из Франкфурта, что некоторые слова Прокеша свидетельствуют об опасении, что Австрия «в дружеских объятиях северного медведя может потерять всякую способность к самостоятельному движению»¹⁴⁴⁵. Очевидно, что одним из мотивов австрийской политики должно было стать стремление изменить это положение вещей.

В депеше Лебцельтерну 6 июля Буоль выразил «глубокие сожаления» в связи с занятием Россией княжеств, снова указав на отрицательный эффект, который это действие должно произвести на общественное мнение Европы¹⁴⁴⁶. Глава австрийского МИДа выражал пожелание, чтобы оккупация была максимально ограничена по времени, подчеркивая, что вопрос о святых местах был урегулирован в соответствии с требованиями России, и, по его мнению, Петербургу больше ничего не оставалось желать¹⁴⁴⁷.

24 и 27 июля в Вене состоялась созванная Буолем конференция послов великих держав, результатом которой стал документ от 31 июля, получивший название Венской ноты. В соответствии с ним Турция должна была соблюдать все права православной церкви, предусмотренные Кючук-Кайнарджийским и Адрианопольским договорами, однако в тексте ничего не говорилось о правах России на покровительство турецким христианам. 1 августа нота была отправлена в Петербург. Через несколько дней Нессельроде сообщил в Вену, что Россия принимает документ, и если Турция не потребует каких-либо изменений в нем, посол султана будет без всяких затруднений принят в Петербурге¹⁴⁴⁸. В частной переписке Нессельроде назвал Венскую ноту «австрийским ультиматумом», который Россия приняла исключительно из любви к миру и по дружбе к молодому императору¹⁴⁴⁹.

Одновременно Буоль поручил представителям в Париже и Лондоне добиваться, чтобы сразу после объявления об очищении русскими войсками княжеств, на которое он продолжал рассчитывать, морские державы отвели свои флоты из Безикской бухты¹⁴⁵⁰.

¹⁴⁴⁴ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 35.

¹⁴⁴⁵ Bismarck O. Op. cit. S. 82–83.

¹⁴⁴⁶ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 48.

¹⁴⁴⁷ Там же. С. 49.

¹⁴⁴⁸ Там же. С. 54.

¹⁴⁴⁹ Nesselrode Ch. Op. cit. T. X. P. 267.

¹⁴⁵⁰ Buol an Hübner/Collredo. 10.08.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 292–293.

Губнер пошел еще далее, пытаясь убедить Друэна, что Англия и Франция должны отвести свои флоты, как только Турция примет Венскую ноту, не дожидаясь движения русских войск¹⁴⁵¹.

С другой стороны, Буоль направил в Петербург депешу, в которой выразил разочарование тем, что Россия довела оккупационный корпус в княжествах до 50 тыс. человек вместо 30 тыс., о которых ранее сообщал Лебцельтерн, а также запретила господам сообщаться с Портой и направлять султану дань. Нессельроде отложил прочтение этой депеши Николаем, понимая, что она лишь раздражит царя¹⁴⁵². Мейендорфу же предписал напомнить в Вене о поддержке Россией миссии Лейнингена¹⁴⁵³. Австрийский министр в этой ситуации все более открыто демонстрировал недовольство. Спустя всего неделю он запросил Петербург, когда русские войска уйдут из Молдавии и Валахии¹⁴⁵⁴. Мейендорф уже вполне осознал эффект от занятия княжеств и советовал объявить о выводе войск, как только турецкий посол будет принят в Петербурге¹⁴⁵⁵.

Главным стремлением Австрии в этот момент было скорейшее окончание кризиса и успокоение у ее южных и восточных границ. Изменения, сделанные Турцией в Венской ноте, Буоль посчитал «слишком незначительными», чтобы отказываться представить их на рассмотрение петербургского кабинета¹⁴⁵⁶. Несколько дней спустя он повторно высказал надежду, что император Николай не придаст большого значения требуемым Портой изменениям¹⁴⁵⁷.

7 сентября Нессельроде написал Мейендорфу, что изменения, сделанные Портой в Венской ноте, Россия считает неприемлемыми¹⁴⁵⁸. Действия Австрии после внесения Портой изменений в Венскую ноту Нессельроде считал наносящей вред ей самой. По его мнению, К. Бруку в Константинополе следовало сказать, что он примет ноту только без изменений. Действуя подобным образом, полагал канцлер, Буоль повел бы за собой

¹⁴⁵¹ Hübner an Buol. 10.08.1853 // Ibid. S. 294–295.

¹⁴⁵² Nesselrode Ch. Op. cit. T. X. P. 264.

¹⁴⁵³ Ibid. P. 265.

¹⁴⁵⁴ К. Буоль – Э. Лебцельтерну. 10.08.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 302 об.

¹⁴⁵⁵ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 62.

¹⁴⁵⁶ К. Буоль – Э. Лебцельтерну. 25.08.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 334 об.

¹⁴⁵⁷ Buol an Lebzelttern. 28.08.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 306.

¹⁴⁵⁸ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 60.

Англию и Францию, примирился с российским императором и обеспечил Австрии выгодную позицию¹⁴⁵⁹.

Австрийская сторона пыталась сыграть на консервативных убеждениях царя. 14 сентября Франц Иосиф напомнил Николаю, что близость войны оживила надежды революционеров Европы, просил союзника проявить сдержанность и сообщил, что, со своей стороны, призывал Турцию учесть мирные намерения России¹⁴⁶⁰. Высшим приоритетом Вены была деэскалация и устранение угрозы военного конфликта на своих границах¹⁴⁶¹. Убеждая Россию не отвергать внесенных Турцией в ноту изменений, Буоль одновременно предписывал Бруку продолжать добиваться ее принятия в первоначальном виде¹⁴⁶². Однако лорд Стрэтфорд, по мнению Буоля, препятствовал делу умиротворения¹⁴⁶³. К тому же, согласно донесениям Брука начала сентября, заявления английских министров в парламенте убедили турок, что морские державы не применят против Турции силу, какие бы решения ни приняла Порта¹⁴⁶⁴.

26–27 сентября во время маневров австрийской армии в Ольмюце состоялась встреча Франца Иосифа и Николая I. В период формирования на Западе антироссийской коалиции это событие должно было вызвать недоверие Англии и Франции. В Австрии, разумеется, это хорошо понимали, и, тем не менее, Вена решилась на эту встречу, что свидетельствует о стремлении Австрии сохранить отношения с Россией и попытаться уладить конфликт. Во время общения двух императоров у Буоля сложилось впечатление, что Россия действительно хочет мира, о чем он писал послам в Лондоне и Париже¹⁴⁶⁵. Такая оценка побудила его разработать новый документ, получивший впоследствии название «проект Буоля». Этот текст от 28 сентября подчеркивал мирные намерения России, утверждал, что принятие Венской ноты не означало бы нарушения суверенных прав султана, и указывал на то, что Россия, в соответствии с Кючук-Кайнарджийским

¹⁴⁵⁹ Письмо П. К. Мейендорфу 10 сентября 1853 г. // Nesselrode Ch. Op. cit. Т. X. P. 286.

¹⁴⁶⁰ Franz Joseph I. an Nikolaus I. 14.09.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 321–322.

¹⁴⁶¹ В историографии существуют иные оценки политики Австрии. Например, авторы «Истории дипломатии», говоря о политике Вены осенью 1853 г., приходят к выводу, что Буоль «вел оживленные переговоры на два фронта: он старался, с одной стороны, убедить царя в необходимости поскорее прийти к соглашению с Турцией и очистить дунайские княжества, а с другой – интриговал в Париже и Лондоне, желая узнать, что можно получить от западных держав за политику, враждебную России... Франц Иосиф уже с 1853 г. стал занимать антирусскую позицию». См.: История дипломатии... Т. 1. С. 650. Нам представляется, что источники не дают оснований согласиться с утверждением, будто осенью 1853 г. Буоль хотел что-то получить от Парижа и Лондона за антироссийскую политику, равно как и с утверждением об антирусской позиции Франца Иосифа в этот период.

¹⁴⁶² К. Буоль – К. Бруку. 19.09.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 2. Л. 15.

¹⁴⁶³ Там же. Л. 20.

¹⁴⁶⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 2. Л. 34 об.

¹⁴⁶⁵ Buol an Hübner/Collredo. 28.09.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 345–346.

договором, требует, чтобы греки и в дальнейшем сохраняли свои духовные привилегии под защитой султана¹⁴⁶⁶. Четыре державы обсуждали этого документ, но в итоге Англия и Франция его отвергли¹⁴⁶⁷. Буоль, впрочем, не оставлял надежды на реализацию модифицированного ольмюцкого проекта¹⁴⁶⁸. Прокеш отмечал, что венский кабинет делает все возможное для сохранения мира, и, если это не удастся, виновных следует искать, прежде всего, в Лондоне¹⁴⁶⁹.

Кризис еще не считался необратимым. Вплоть до конца сентября даже люди, искушенные в политической интриге, были уверены, что вопрос удастся урегулировать мирным путем. Княгиня Д. Х. Ливен писала из Парижа: «Вот слова Гизо. До сих пор он настаивал на том, что война невозможна»¹⁴⁷⁰. В австро-русских отношениях, казалось, по-прежнему сохранялась доверительность. 3 октября в Варшаве состоялась встреча Франца Иосифа, Фридриха Вильгельма IV и Николая I, участникам которой казалось, что между монархами царит прежняя дружба¹⁴⁷¹. В то же время присутствовавший на встрече Д. А. Милютин писал, что «слыша их взаимные приветствия, можно было думать, что... заветный «священный» союз сохранял полную свою силу. Никому не приходило на мысль, что союз этот в то время был уже подорван...»¹⁴⁷². Интересно также свидетельство прусского очевидца маневров в Ольмюце, писавшего о русских и австрийцах, сопровождавших двух императоров: «Они ненавидят друг друга как люди, обязанные друг другу благодарностью и требующие благодарности»¹⁴⁷³.

Продолжающееся взаимодействие Вены с Петербургом вызывало резкую реакцию французской дипломатии, стремившейся перетянуть Австрию в свой лагерь. В Париже хорошо понимали, что Австрия уязвима не только на балканском направлении, но и в Италии, и эксплуатировали соответствующие опасения Вены. 21 сентября Губнер сообщил Буолю об утверждении Друэн де Люиса, что в случае начала войны две морские державы с самого начала принудят Австрию занять определенную позицию, и что

¹⁴⁶⁶ AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 345.

¹⁴⁶⁷ См., напр.: Colloredo an Buol. 6.10.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 358.

¹⁴⁶⁸ Buol an Nesselrode. 6.10.1853 // Ibid. S. 358.

¹⁴⁶⁹ Prokesch-Osten A. Aus den Briefen... S. 339.

¹⁴⁷⁰ Д. Х. Ливен – П. К. Мейендорфу. 27.09.1853 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 665. Л. 65–66.

¹⁴⁷¹ Милютин Д. А. Воспоминания: 1843–1856... С. 215.

¹⁴⁷² Там же.

¹⁴⁷³ Manteuffel O. Op. cit. Bd. 2. S. 332.

нейтралитет этой державы исключается¹⁴⁷⁴. Чуть позже Гюбнер написал, что, если Австрия не присоединится к западным державам, Франция угрожает войной в Италии¹⁴⁷⁵.

Пока Париж делал намеки о возможной войне на Западе, началась война между Турцией и Россией на Востоке. 8 октября Порты потребовала у Петербурга очистить княжества в течение пятнадцати дней, а 16 октября, не дожидаясь окончания срока ультиматума, объявила войну.

Несмотря на переход конфликта в новую фазу, 9 октября в Вене состоялась министерская конференция, на которой было принято решение о сокращении австрийской армии. Буоль выступил в поддержку этой меры как из финансовых, так и из внешнеполитических соображений, поскольку не считал очень вероятной перспективу европейской войны¹⁴⁷⁶. Для австро-русских отношений это постановление было значимо тем, что укрепляло в Петербурге уверенность в нейтралитете Австрии. Более того, в российском МИДе по-прежнему рассчитывали на посреднические услуги Вены. Нессельроде писал, что было бы хорошо, если бы Буоль смог добиться – желательно в одиночку, без участия других держав, – чтобы турецкое правительство отправило в русскую генеральную квартиру уполномоченного для переговоров¹⁴⁷⁷. Даже такой трезвый наблюдатель как А. Ф. Будберг в конце октября высказывал уверенность, что Австрия, ввиду угроз, исходящих от революции и Франции, не сможет обойтись без России¹⁴⁷⁸. Подобная убежденность основывалась на недооценке способности Австрии к самостоятельным действиям и игнорировании австро-русских противоречий на Балканах.

При этом Николай I иногда принимал во внимание австрийский интерес, по крайней мере, к западной части полуострова. В частности, Россия способствовала сохранению нейтралитета Сербией. Чтобы успокоить брожение в княжестве, вызванные русско-турецким конфликтом, царь еще в июле решил отправить Фонтону со специальной миссией к князю Александру Карагеоргиевичу¹⁴⁷⁹. В то время как Мейендорф неоднократно встречался с находившимся в Вене влиятельным сербским политическим деятелем И. Гарашаниным и внушал ему, что Сербии необходимо поддерживать хорошие отношения как с Турцией, так и с Австрией. В этом, по его мнению, был залог мирного

---

¹⁴⁷⁴ Hübner J. Op. cit. Bd. 1. S. 89.

¹⁴⁷⁵ Hübner an Buol. 3.10.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 354–356.

¹⁴⁷⁶ AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 360.

¹⁴⁷⁷ К. В. Нессельроде – К. Буолью. 5(17).10.1853 (черновик) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 2. Л. 7.

¹⁴⁷⁸ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 87–88.

¹⁴⁷⁹ Nesselrode Ch. Op. cit. T. X. P. 257–258.

существования Сербии¹⁴⁸⁰. Таким образом, накануне войны Россия *de facto* продолжала выступать за сохранение существующего положения на Балканах, что имело большое значение для Австрии. Одна из лаконичных формулировок, отражающих австрийское восприятие проблемы, принадлежит Меттерниху: «Австрия может желать лишь сохранения турецкой империи в Европе; – не из любви к ней, а потому, что всякое другое соседство было бы ей вредно, а территориальное расширение за ее счет ничего бы не принесло»¹⁴⁸¹.

В конце октября Буоль предложил Англии, Франции и Пруссии передать Порте разработанную сообща ноту, целью которой было прекращение военных действий на Дунае. В этот период Австрия еще считала возможными прямые русско-турецкие переговоры без участия представителей остальных держав¹⁴⁸². Однако в русском дипломатическом корпусе к этому моменту начали проявлять раздражение отсутствием австрийской поддержки, считая простое посредничество недостаточным¹⁴⁸³.

При этом даже посредничать австрийским дипломатам становилось все труднее. Гюбнер обращал внимание на то, что русские послы в Лондоне и Париже неадекватно оценивают международную обстановку. Он был убежден, что в случае войны Англия будет действовать совместно с Францией, тогда как Киселев и Бруннов утверждали, что англо-французский союз является химерой, и вводили в заблуждение царя¹⁴⁸⁴. А Кюбек с озабоченностью отметил, что Франция и Англия находятся в открытом противостоянии России и Австрии, которая рассматривается как союзница России, зависимая от нее. При этом, по мнению Кюбека, в действительности Австрия не была тесно объединена с Россией и находилась почти в изоляции¹⁴⁸⁵.

Предотвратить изоляцию могла бы опора на Германский союз. Поэтому одним из первых действий венского кабинета после объявления Турцией войны было побуждение Пруссии к совместному заявлению о нейтралитете с предложением остальным членам Союза присоединиться к нему¹⁴⁸⁶. Пруссия, стремившаяся сохранить свободу действий, ответила отказом. Тогда Прокеш 10 ноября заявил во Франкфурте от имени одной

¹⁴⁸⁰ Никитин С. А. Указ. соч. С. 22.

¹⁴⁸¹ Metternich K. Briefe des Staatskanzlers... S. 145.

¹⁴⁸² Buol an Hübner/Colloredo/Crivelli. 27.10.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 382.

¹⁴⁸³ Metternich K. Briefe des Staatskanzlers... S. 146.

¹⁴⁸⁴ Hübner J. Op. cit. Bd. 1. S. 92.

¹⁴⁸⁵ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 127.

¹⁴⁸⁶ Buol an Crivelli. 18.10.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 376–377.

Австрии, что пока ее интересы не окажутся под угрозой, она будет держаться в стороне и в союзе с Англией, Францией и Пруссией будет выполнять посредническую миссию для окончания конфликта. Впрочем, заявление это было воспринято в сейме с недоверчивостью¹⁴⁸⁷.

Стремление Австрии не связывать себя обязательствами ни с одной из сторон встречало серьезные препятствия. На Вену продолжал оказывать давление Париж. 14 ноября Кюбека посетил французский посланник барон Ф.-А. Буркеней, заявивший, что австрийский нейтралитет ослабляет усилия западных держав по достижению мира¹⁴⁸⁸.

Когда в начале ноября было принято решение о замене в Петербурге большого Менсдорфа на графа Валентина Эстергази, Франц Иосиф сказал уезжающему в Россию дипломату, что его главная задача – освободить Австрию от обязательств, которые привязывают ее к России¹⁴⁸⁹. К этому моменту Николай I уже перестал рассчитывать на прямую поддержку со стороны Австрии, но еще ожидал, по крайней мере, строгого нейтралитета, который он готов был «извинить»¹⁴⁹⁰. Тем не менее, остаток доверия в отношениях еще сохранялся. Когда в середине ноября Франц Иосиф выразил желание отправить в русскую главную квартиру в княжествах своего офицера, Николай согласился, написав на австрийской депеше: «Этому нет препятствий, по причине дружбы, которая нас связывает, и по причине соседства с театром военных действий; но я не приму этой просьбы от других»¹⁴⁹¹. Проявлялись и другие свидетельства прежней дружбы. Например, на время войны Россия поручила Австрии защиту русских подданных в Турции, а также по запросу Вены предоставила австрийским судам максимально благоприятные по меркам военного времени условия для судоходства по Дунаю¹⁴⁹². Австрийский интернунций в Константинополе отстаивал интересы русских купцов в Средиземном море, за что получил от них благодарственный адрес¹⁴⁹³, а австрийский консул в Иерусалиме ходатайствовал перед турецкими властями о русских монахинях и священнослужителях¹⁴⁹⁴. Кроме того, австрийское правительство стремилось несколько

¹⁴⁸⁷ Unckel B. Op. cit. S. 105.

¹⁴⁸⁸ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 129.

¹⁴⁸⁹ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 2. S. 173.

¹⁴⁹⁰ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. С. 77.

¹⁴⁹¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 384.

¹⁴⁹² К. Буоль – Э. Лебцельгерну. 17.12.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 439.

¹⁴⁹³ Die Presse. 20. Dezember 1853. S. 7.

¹⁴⁹⁴ Die Presse. 3. Juni 1854. Abendblatt. S. 1. Вопросы, связанные с русской собственностью на территории Турции, в период войны также отслеживались при посредничестве Австрии. См., напр.: А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 5(17).12.1854 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1409. Л. 15.

сдерживать антирусский пыл либеральной периодики: в начале ноября 1853 г. Франц Иосиф поручил Й. Кемпену установить пристальное наблюдение за публикациями в газетах, которые касались действий русской армии в Молдавии и Валахии¹⁴⁹⁵.

С другой стороны, реагируя на русский манифест о войне с Турцией, опубликованный 1 ноября, Буоль жаловался, что в то время, как Вена пытается в умеренном направлении воздействовать на Англию и Францию, русский манифест о войне ставит у нее на пути препятствия¹⁴⁹⁶. Реакция носила сугубо эмоциональный характер, поскольку война была объявлена не Россией, а Турцией.

Тем временем, 13 ноября Гюбнер сообщил, что Друэн упрекает Буоля в призыве Порты к прекращению враждебных действий без согласия конференции держав. Кроме того, французский министр полагал, что Австрия совершила ошибку, не осудив с самого начала занятие Россией княжеств¹⁴⁹⁷. Франция пыталась привлечь на свою сторону Австрию и посулами сотрудничества в борьбе с революцией, предлагая, таким образом, заменить в этой сфере Россию¹⁴⁹⁸. Гюбнер ответил Друэну, что венский кабинет полагается на заверения Николая I относительно сохранения целостности Турции, и напомнил, что, несмотря на различие интересов на Востоке, в Европе Австрия и Россия представляют одни и те же идеи, традиции и интересы, поэтому австрийский монарх не заинтересован в унижении российского союзника¹⁴⁹⁹. Это не остановило Наполеона III от перехода к прямым угрозам: император французов повторил, что в войне Англии и Франции с Россией Австрия не могла бы остаться нейтральной¹⁵⁰⁰. Тем не менее, на французское предложение заключить тайный договор для противодействия якобы завоевательным планам России последовал ответ, что австрийский монарх считает подобное соглашение преждевременным, поскольку не ожидает завоевательной войны со стороны России¹⁵⁰¹. В конце ноября Буоль заявил о стремлении и дальше посредничать и достичь прекращения огня на Дунае. Впрочем, касаясь отношений с Россией, он отметил, что Австрия хотела бы действовать в союзе с Россией с целью сокращения влияния

¹⁴⁹⁵ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 91.

¹⁴⁹⁶ К. Буоль – Э. Лебцельтерну. 7.12.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 406.

¹⁴⁹⁷ Hübner an Buol. 13.11.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 421–422.

¹⁴⁹⁸ А. Гюбнер – К. Буолю. 13.11.1853 // Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 176.

¹⁴⁹⁹ Hübner an Buol. 13.11.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 422.

¹⁵⁰⁰ А. Гюбнер – К. Буолю. 20.11.1853 // Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 178.

¹⁵⁰¹ Buol an Hübner. 29.11.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 446–447.

западных держав в Турции, однако в невозможности такого союза в настоящий момент виновата не Австрия¹⁵⁰².

По мере приближения к концу 1853 г. все более осязаемой становилась перспектива войны между Россией и западными державами. Когда в Вене узнали о победе русского флота в Синопском сражении 30 ноября, Буоль поручил австрийскому поверенному в делах в Петербурге передать Нессельроде, что эта новость была принята австрийским правительством с живейшим удовлетворением, поскольку оно в каждом успехе русского оружия видит гарантию скорейшего окончания конфликта¹⁵⁰³. Австрийская пресса отозвалась похожим образом. Реакция представляется вполне искренней: в монархии действительно с удовлетворением воспринимали события, потенциально способные приблизить окончание войны. Австрийская точка зрения заметно контрастирует с реакцией западных держав, где Синопское сражение вызвало в общественности состояние, близкое к истерике, и было использовано для ускоренной подготовки к войне.

В то же время, в практической области Вена все больше дистанцировалась от России. В декабре 1853 г. командующий русскими войсками в Дунайских княжествах князь М. Д. Горчаков запросил Мейендорфа о возможности закупки в Австрии боеприпасов¹⁵⁰⁴, на что получил отрицательный ответ, так как Австрия боялась скомпрометировать свой нейтралитет¹⁵⁰⁵.

5 декабря «четверка» в Вене направила турецкому правительству коллективную ноту, в которой спрашивалось, на каких условиях Порты согласилась бы вести переговоры о мире. Таким образом, к этому моменту русско-турецкие отношения окончательно потеряли двусторонний характер, прежде столь оберегаемый Петербургом¹⁵⁰⁶. Участие Австрии в подписании документа представляло собой рубеж во внешней политике Австрии: Гюбнер считал, что нота изолирует Россию¹⁵⁰⁷.

Нессельроде высказал недовольство подписанием Австрией венского протокола¹⁵⁰⁸. Мейендорф также предостерег Буоля от дальнейшего сближения с западными державами,

¹⁵⁰² Buol an Bruck. 28.11.1853 // Ibid. S. 444–445.

¹⁵⁰³ К. Буоль – Э. Лебцельтерну. 12.12.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 437.

¹⁵⁰⁴ Речь шла о т. н. конгревовых ракетах.

¹⁵⁰⁵ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 101.

¹⁵⁰⁶ Именно так суть ноты 5 декабря воспринимали и современники. См., напр.: Милютин Д. А. Воспоминания: 1843–1856... С. 222.

¹⁵⁰⁷ Hübner J. A. Op. cit. Bd. I. S. 106.

¹⁵⁰⁸ Lebzelter an Buol. 15(3).12.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 467–469.

прогнозируя в этом случае возможность удаления России из Европы и опасный для Австрии рост влияния Франции¹⁵⁰⁹. Нечто похожее впоследствии и произошло.

На официальном уровне венский кабинет не признавал изменения собственной позиции. Буоль, наоборот, утверждал, что Австрии принадлежит заслуга в удержании английского и французского флотов от входа в Черное море¹⁵¹⁰. Узнав, что турки отклонили Бухарест как место возможных переговоров, австрийский министр выразил надежду, что в вопросе выбора альтернативного места и формы переговоров Россия не будет делать затруднений¹⁵¹¹. Николай I к этому моменту практически разуверился в возможности избежать конфликта с морскими державами. На австрийской депеше 7 декабря напротив слов о том, что Вена найдет средства воздействовать на политику Лондона и Парижа в мирном направлении, император написал: «Это иллюзия»¹⁵¹². Предложение австрийской столицы в качестве места возможной встречи русского и турецкого представителей он также счел неподходящим¹⁵¹³. Вероятно, потому, что разуверился в искренности намерений Австрии и опасался влияния английского и французского послов.

На происходивший поворот в австрийской политике указывает и то, что 17 декабря Гюбнер впервые высказался за сближение с Францией¹⁵¹⁴. Мейендорф, наблюдавший за этим процессом с близкого расстояния, 11 декабря советовал Нессельроде поторопиться с заключением мира и кончить дело еще зимой, пока условия могут быть почетными. Иначе, писал он, имея в виду возможность прямого выступления Англии и Франции на стороне Турции, придется приготовиться к затяжной войне, и обстоятельства могут измениться к худшему¹⁵¹⁵. В эти же дни, в предвидении дальнейшего ухудшения ситуации, был отдан приказ перевести русскую армию в Царстве Польском на военное положение.

В одной из последних попыток остановить сближение Австрии с Англией и Францией Николай использовал антиреволюционные аргументы. 24 декабря он обратил внимание Франца Иосифа на то, что в рядах турецких войск на правом берегу Дуная находятся польские и венгерские революционеры, и резюмировал: «наши успехи – это

¹⁵⁰⁹ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 108.

¹⁵¹⁰ Buol an Lebzeltern. 7.12.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 458–459.

¹⁵¹¹ Buol an Lebzeltern. 12.12.1853 // Ibid. S. 466–467.

¹⁵¹² К. Буоль – Э. Лебцельтерну. 7.12.1853 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 5. Л. 418 об.

¹⁵¹³ Помета императора на записке К. В. Нессельроде от 10(22).12.1853 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 30. Л. 244.

¹⁵¹⁴ Hübner an Buol. 17.12.1853 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 471.

¹⁵¹⁵ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 102.

гарантия и для тебя насчет спокойствия Венгрии и Трансильвании»¹⁵¹⁶. На случай французского нападения царь предлагал австрийскому союзнику помощь в размере от двух до трех армейских корпусов¹⁵¹⁷. Кроме того, он апеллировал к христианским чувствам Франца Иосифа¹⁵¹⁸.

В декабре русский историк М. П. Погодин представил в министерство иностранных дел записку о своем путешествии по славянским землям, которая интересна как свидетельство восприятия Австрии формирующимся в России общественным мнением. В записке Погодин отмечал, что если Австрия еще существует, то благодаря России. Николай на полях написал: «Неоспоримо»¹⁵¹⁹. Далее Погодин указывал на противоестественность союза с Австрией и давние антирусские настроения некоторых членов австрийского правительства, дипломатического корпуса и бюрократии. С последним утверждением император также не стал спорить, написав: «Это так, и одним словом каналов много»¹⁵²⁰.

Сложность положения Вены усугублялась нехваткой финансов. Кюбек, вернувшись с аудиенции у Франца Иосифа 2 декабря, отметил, что военные расходы сведут империю в могилу¹⁵²¹. В условиях надвигавшейся европейской войны рост этих расходов был практически неизбежен. Непростым было и положение монархии в Германском союзе, члены которого (и, в первую очередь, Пруссия) не спешили поддерживать восточную политику Австрии. Бисмарк полагал, что, подписывая протокол 5 декабря, Пруссия совершила ошибку, дав увлечь себя против России. От Австрии в сложившейся ситуации он ничего хорошего не ждал¹⁵²². В результате присоединения Пруссии к мерам давления на Россию Бисмарк опасался русско-французского сближения¹⁵²³. Австрия в этом случае, по убеждению будущего германского канцлера, уязвима в Италии и Венгрии, была бы очень слабым союзником для Пруссии¹⁵²⁴.

¹⁵¹⁶ Николай I – Францу Иосифу I. 12(24).12.1853 // Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 253.

¹⁵¹⁷ Там же. С. 254.

¹⁵¹⁸ Там же.

¹⁵¹⁹ Записка М. П. Погодина 7 декабря 1853 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1853. Д. 30. Л. 276.

¹⁵²⁰ Там же. Л. 277.

¹⁵²¹ Kùbeck von Kùbau С. F. Op. cit. S. 130.

¹⁵²² Письмо Л. Герлаху 18 декабря 1853 г. // Bismarck O. Op. cit. S. 113.

¹⁵²³ Письмо Л. Герлаху 19 декабря 1853 г. // Ibid. S. 115.

¹⁵²⁴ Ibid. Написанные почти за двадцать лет до объединения Германии, эти слова служат подтверждением вынужденного характера позднейшего союза Берлина с Габсбургской монархией. Герлах разделял обеспокоенность своего корреспондента высокой вероятностью русско-французского союза, причем писал об этом в самом начале Крымской войны. См.: Письмо Бисмарку 18 июля 1854 г. // Gerlach L. Briefe des Generals... S. 100–101.

7 января 1854 г. Франц Иосиф отправил Николаю письмо с заверением, что останется нейтральным. Однако здесь же откровенно просил о гарантии не вести завоевательной войны, т. е., остаться в оборонительном положении на левом берегу Дуная, и стремиться к сохранению Османской империи под управлением существующей династии¹⁵²⁵. При этом австрийский император апеллировал к соглашениям в Мюнхенграце, где Николай и дед Франца Иосифа договаривались именно о сохранении Турции¹⁵²⁶. Учитывая очевидную абсурдность призыва к воюющей стороне воздержаться от ведения активных боевых действий, просьба о такой гарантии приобретала характер завуалированной угрозы.

Принимая решение об оккупации княжеств летом 1853 г., Николай рассчитывал оказать психологическое воздействие на турок. Однако значительно большим оказалось психологическое действие этого шага на позицию европейских держав и, не в последнюю очередь, Австрии. В годы перед Крымской войной русская дипломатия стремилась не допустить сближения Англии и Франции и тем более союза между ними. Еще в декабре 1851 г. Нессельроде высказывал мысль, что война с Англией была бы для России худшей из всех войн¹⁵²⁷. Теперь же стремительно приближалась реализация обоих отрицательных сценариев. В течение второй половины 1853 г. возникла и начала нарастать опасность дрейфа Вены в сторону Лондона и Парижа. Венский кабинет стремился предотвратить разрастание конфликта, не ассоциируясь ни с одной из сторон, однако для выполнения этой задачи не хватало ресурсов, в то время как Англия с Францией, не брезгуя откровенными запугиваниями, стремились перетянуть Австрию на свою сторону. Австро-русские отношения стремительно утрачивали прежнюю доверительность, место которой грозила занять откровенная враждебность.

§ 3.4. Нота 3 июня 1854 г. как точка невозврата в отношениях

К началу 1854 г. в Петербурге уже не оставалось надежд на прямое содействие Вены в конфликте¹⁵²⁸, однако продолжали рассчитывать, что Австрия сумеет повлиять в

¹⁵²⁵ Franz Joseph I. an Nikolaus I. 7.01.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 491–492.

¹⁵²⁶ Ibid. S. 492.

¹⁵²⁷ Nesselrode Ch. Op. cit. Т. X. P. 72.

¹⁵²⁸ Пометы Николая на письме Паскевича М. Д. Горчакову от 29 декабря 1853 г. (10 января 1854 г.) говорят о том, что он уже не рассчитывал на помощь Вены даже в незначительных технических вопросах, касающихся, например, закупки в Австрии материалов для дунайской армии. См.: Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 299.

благоприятном для России смысле на политику Англии и Франции. В действительности позиция венского кабинета смещалась в сторону морских держав.

13 января в австрийской столице состоялась встреча четырех послов, обсуждавшая и одобрявшая турецкий ответ на декабрьский проект венской конференции¹⁵²⁹. В тот же день Буоль отправил в Петербург депешу с этой информацией. Позиция турок состояла в необходимости очищения княжеств, готовности возобновить договоры с Россией, сохранении религиозных привилегий подданных-немусульман и возможности отправки турецкого представителя в нейтральное место для заключения мира напрямую с Россией, но в присутствии представителей держав¹⁵³⁰. Несмотря на заведомую неприемлемость условий для России, Буоль призывал принять их¹⁵³¹.

Одновременно он представил Францу Иосифу записку с рассмотрением возможных действий Австрии при различных сценариях развития конфликта. Согласно этому документу, если бы Россия оставалась на левом берегу Дуная, Австрия сохраняла дружественный нейтралитет. В случае переведения боевых действий за Дунай нейтралитет становился вооруженным и сопровождался договоренностью с западными державами. При дальнейшем продвижении России Австрия была готова заключить с Англией и Францией союз и вступить в войну¹⁵³². 23 января австрийская министерская конференция одобрила предложения Буоля¹⁵³³. При этом особое внимание было обращено на желательность получения Австрией финансовой помощи от Англии и Франции¹⁵³⁴. Очевидно, что в условиях приближающейся войны¹⁵³⁵ готовность к принятию подобной помощи предполагала высокую степень солидарности с западными державами.

Вместе с тем ввод британского и французского флотов в Черное море 4 января поначалу был воспринят негативно, как событие, препятствующее восстановлению мира¹⁵³⁶. Буоль заверил Мейендорфа, что в случае столкновения России с Англией и

¹⁵²⁹ Соответствующая турецкая нота датирована 31 декабря 1853 г.

¹⁵³⁰ Buol an Lebzeltern. 13.01.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 500–501.

¹⁵³¹ Ibid.

¹⁵³² Buol an Franz Joseph I. 16.01.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 506–510.

¹⁵³³ AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 521–524.

¹⁵³⁴ Ibid.

¹⁵³⁵ В начале января Николай написал на докладе Нессельроде: «Я считаю войну неизбежной и готовлюсь к ней с покорностью Божественной воле и убеждением, что сделал все, чтобы ее избежать» (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 30. Л. 261.).

¹⁵³⁶ К. Кюбек отметил беспокойство Меттерниха, вызванное этим шагом. По мнению старого князя, для предотвращения войны на континенте Австрии теперь следовало теснее сплотиться с Пруссией и Германией и по возможности сблизиться с Францией в попытке отдалить ее от Англии. Сам Кюбек считал этот сценарий нереализуемым. См.: Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 133.

Францией Австрия сохранит дружественный нейтралитет, но не безусловно, а в убеждении, что Петербург будет придерживаться деклараций о существовании и целостности Турции¹⁵³⁷. Таким образом, венский кабинет устанавливал жесткие ограничения действий России, по сути лишая смысла ее гипотетические успехи на балканском театре военных действий.

Мейендорф характеризовал положение в австрийской столице следующим образом: внутреннее состояние Австрии и состояние ее финансов плачевны, боязнь войны с Францией крайне велика, и, чтобы избежать временных затруднений, она готова разорвать союзнические связи с Россией, закрыв глаза на опасности, которые возникнут у нее в будущем¹⁵³⁸. Опасение прямого столкновения с Францией, возможно, сознательно преувеличивалось австрийцами. Ситуация усугублялась растущими профранцузскими симпатиями Гюбнера¹⁵³⁹. Наполеон III использовал их, чтобы добиться австрийской поддержки своей политики. По-видимому, именно этим объясняется то, что в начале 1854 г. Гюбнер был окружен особенным вниманием императора французов и его супруги¹⁵⁴⁰. Эксплуатируя интерес Вены к Балканам, Наполеон высказывался в том смысле, что Дунайские княжества лучше всего было бы присоединить к Австрии¹⁵⁴¹.

Январь 1854 г., по-видимому, стал решающим периодом для эволюции взглядов Гюбнера. Еще 26 января он сообщал, что пытается предотвратить надвигающийся разрыв между Францией и Россией¹⁵⁴². Однако, всего несколько дней спустя, отмечая, что, поскольку Австрия и Россия являются оплотом консервативных принципов, и Вена не может желать морального унижения Петербурга, Гюбнер указывал на нецелесообразность объявления Австрией нейтралитета, так как, по его мнению, это было бы поощрением России двигаться дальше по пути конфликта, а кроме того, сковало бы действия Австрии в будущем¹⁵⁴³. Австрийский дипломат предлагал скоординированные действия с Пруссией и сближение с западными державами¹⁵⁴⁴.

¹⁵³⁷ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 26.12(7.01).1854 // Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 255.

¹⁵³⁸ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 22.01(3.02).1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 51 об.

¹⁵³⁹ Hübner J. A. Op. cit. Bd. 1. S. 117.

¹⁵⁴⁰ Ibid. S. 119.

¹⁵⁴¹ Friedjung H. Der Krimkrieg... S. 34–35.

¹⁵⁴² Hübner an Buol. 26.01.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 539.

¹⁵⁴³ Hübner an Buol. 30.01.1854 // Ibid. S. 548.

¹⁵⁴⁴ Ibid.

Не все в монархии Габсбургов были согласны с этой точкой зрения. Прокеш по-прежнему желал сохранения Австрией свободы действий, сформулировав 30 января оптимальный, по его мнению, сценарий: «Как за приятную мечту цепляюсь я за идею войны только между Россией и Англией, в которой обе друг друга обглодают и ослабят»¹⁵⁴⁵.

Подобно австрийской прессе¹⁵⁴⁶, венский кабинет был убежден в существовании при русском дворе особой группировки, преследующей агрессивные цели на Востоке. Инструктируя В. Эстергази, Буоль высказал убеждение в существовании «ультрарусской партии», толкающей российского императора к крайностям во внешней политике¹⁵⁴⁷. Дипломату предписывалось попытаться убедить Николая I, что война навредит русским интересам, а в случае завоевательного характера приведет к вмешательству Австрии¹⁵⁴⁸. В следующей инструкции Эстергази поручалось напомнить, что Австрия будет придерживаться строгого нейтралитета, пока не задеты ее интересы, и просить русское правительство о новой гарантии отсутствия у него завоевательных планов¹⁵⁴⁹. Помимо международных осложнений, начавшийся конфликт сохранял для Австрии важный внутривнутриполитический аспект. Франц Иосиф в эти дни снова высказал мнение, что из-за турецкой политики России «были разбужены все революционные группировки»¹⁵⁵⁰.

В этот момент Николай I инициировал поездку в Вену графа А. Ф. Орлова, в прошлом зарекомендовавшего себя как блестящего дипломата и пользовавшегося особым доверием императора. Задачей миссии было формально закрепить нейтралитет Австрии, а также Пруссии, которой были сделаны аналогичные предложения. Взамен Николай обязался поддерживать Австрию при нападении на нее извне, а также договориться касательно изменений, могущих быть предпринятыми в положении Турции. Январская инструкция Орлову завершается характерной мыслью, что если Австрия и Пруссия согласятся на комбинацию, предлагаемую Россией, они тем самым обеспечат сохранение монархического союза. Если же они откажут, этот союз будет потерян навсегда, и политика интересов возобладает над политикой принципов¹⁵⁵¹. Письмо аналогичного

¹⁵⁴⁵ Prokesch-Osten A. Aus den Briefen... S. 356–357.

¹⁵⁴⁶ См. Гл. 3, § 5.

¹⁵⁴⁷ Buol an Esterházy. 24.01.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 536.

¹⁵⁴⁸ Ibid.

¹⁵⁴⁹ Buol an Esterházy. 24.01.1854 // Ibid. S. 537–538.

¹⁵⁵⁰ Kempfen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 314–315.

¹⁵⁵¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 160. Л. 59.

содержания 18 января Николай I отправил Фридриху Вильгельму IV¹⁵⁵². В этих формулировках присутствовала определенная доля лукавства, поскольку проводимая Россией политика в тот момент и так диктовалась интересами в большей степени, чем принципами¹⁵⁵³.

Этот шаг со стороны Николая I носил откровенно вынужденный характер. Обстоятельства складывались для России столь неблагоприятно, что к моменту отправки Орлова в Вену Николай уже допускал мысль о разделении покровительства над Дунайскими княжествами с Австрией¹⁵⁵⁴. Не лишено доли справедливости замечание Т. Шимана, что за годы перед Крымской войной российский император привык рассматривать Пруссию и Австрию в качестве клиентов, зависящих от его благоволения, и теперь было унижительно выступать перед ними в роли просящего¹⁵⁵⁵.

В свою очередь, в Вене рассматривали различные варианты на случай войны России с Англией и Францией. При открытии флотами конфликтующих сторон военных действий Франц Иосиф допускал занятие Австрией Сербии¹⁵⁵⁶. В конце января он говорил об этом уже как об определенном намерении, чтобы там не могла закрепиться Россия¹⁵⁵⁷. Вскоре Австрия отдала приказ о концентрации войск на границе с княжеством¹⁵⁵⁸.

Во время первой аудиенции Орлова у Франца Иосифа молодой император несколько раз упомянул о нежелательности перехода русской армией Дуная¹⁵⁵⁹. Орлов ответил, что если Австрия обязуется соблюдать строгий нейтралитет, то может быть уверена, что все ее интересы будут учтены. На это Франц Иосиф возразил, что хотя и не сомневается в намерениях российского императора, боится, что если турецкие христиане придут в движение, в результате они могут не принять условий, которые им могли бы поставить Австрия и Россия. И, добавил он, этим условиям могут воспротивиться морские державы¹⁵⁶⁰. Первая аудиенция, таким образом, не принесла результата.

¹⁵⁵² Schieman Th. Op. cit. Bd. IV. S. 425.

¹⁵⁵³ Е. В. Тарле, анализируя этот эпизод, отмечает, что сам Орлов еще до отправки в Вену считал, что Австрия и Пруссия, несмотря на напоминания о принципах Священного союза, не пойдут навстречу Николаю в том, что касается Турции. См.: Тарле Е. В. Крымская война... Т. 8. С. 388.

¹⁵⁵⁴ Николай I – М. Д. Горчакову. 7 (19) января 1854 // Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 159.

¹⁵⁵⁵ Schieman Th. Op. cit. Bd. IV. S. 338.

¹⁵⁵⁶ Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 317.

¹⁵⁵⁷ Ibid. S. 318.

¹⁵⁵⁸ Grünne an Coronini. 31.01.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 550.

¹⁵⁵⁹ От перехода Дуная Россию отговаривали и некоторые австрийские военные, например, генерал Гесс. Наблюдатели высказывали предположение, что пересечение русскими войсками реки вызовет кардинальную перемену в австрийской политике. См.: Vitzthum von Eckstädt K. F. St. Petersburg und London... Bd. I. S. 91.

¹⁵⁶⁰ А. Ф. Орлов – К. В. Нессельроде. 22.01(3.02).1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 160. Л. 9.

В высшем слое австрийской аристократии и армии были сильны симпатии к России и раздавались голоса в пользу принятия предложений Орлова¹⁵⁶¹. В этом смысле высказывался А. Виндишгрец¹⁵⁶². В салонах княгинь Лихтенштейн и Шварценберг Россию, по словам историка Г. Фриджюнга, восхваляли как «оплот законности и феодального правления»¹⁵⁶³. Многие генералы помнили о военном товариществе 1849 г. и считали, что без опоры на Россию Австрии не удержать свои итальянские владения. Эти взгляды в значительной степени разделял и фельдмаршал Радецкий, представивший Францу Иосифу записку с предложением заключить договор с Россией, нацеленный на освобождение южных славян и раздел европейской Турции¹⁵⁶⁴.

Однако министерская конференция, рассмотревшая 31 января предложения Орлова, единогласно их отклонила. Буоль при этом высказал мнение, что договор с Россией о безусловном нейтралитете не обеспечил бы мира, а наоборот вызвал бы нападение Запада на Австрию, причем с участием революционных сил¹⁵⁶⁵. Начальник штаба генерального квартирмейстера Г. Гесс отметил, что силы, которые Россия могла бы предоставить в распоряжение Австрии для защиты западного направления, не соответствуют австрийским потребностям¹⁵⁶⁶. Франц Иосиф упомянул о намеке Орлова на решимость России побудить христианское население европейской Турции к восстанию, если не удастся избежать войны с западными державами¹⁵⁶⁷. Если такой намек действительно прозвучал, он должен был произвести впечатление, обратное целям русской чрезвычайной миссии. Впрочем, вероятнее, что это было выражением опасений кайзера, а не действительно произнесенными Орловым словами.

Из Парижа «парализовать русские влияния» пытался своими донесениями Гюбнер. Предложения русской стороны воспринимались им как «запугивание» Австрии¹⁵⁶⁸.

1 февраля Орлов имел вторую аудиенцию, на которой услышал, что Австрия может занять позицию вооруженного нейтралитета, если Россия даст гарантии целостности

---

¹⁵⁶¹ Симпатии к России в этой среде были настолько выраженными, что могли порой приводить к своего рода соревнованию за право посетить восточного соседа. В июле 1853 г. граф Ф. Вимпфен жаловался, что Франц Иосиф обещал отправить его в Петербург на маневры и осмотр русского флота, но в итоге туда послали фельдцейхмейстера графа Дьюлу. См.: Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 294.

¹⁵⁶² Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 134.

¹⁵⁶³ Friedjung H. Der Krimkrieg... S. 21.

¹⁵⁶⁴ Ibid. S. 22.

¹⁵⁶⁵ AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 552.

¹⁵⁶⁶ Ibid. S. 553.

¹⁵⁶⁷ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 135.

¹⁵⁶⁸ Hübner J. A. Op. cit. Bd. 1. S. 121.

Турции. От предложенного протектората над рядом турецких провинций Франц Иосиф отказался из-за религиозных симпатий их населения к России¹⁵⁶⁹. Позднее Мейендорф, предложивший Францу Иосифу разделить покровительство над Сербией, получил похожий ответ: симпатии сербов оказались бы всецело на стороне России, и Австрия бы от этого только проиграла¹⁵⁷⁰. Свою недоверчивость Франц Иосиф подкрепил действием, отдав приказ выставить в Воеводине армейский корпус в 25 тыс. человек, чтобы иметь возможность предупредить оккупацию Сербии русскими войсками¹⁵⁷¹.

Орлов, которого в высшем обществе Вены заверяли, что позиция Австрии не будет иметь враждебного России характера, выразил сомнение в способности Австрии удержаться на этой позиции¹⁵⁷². В этом же письме он высказал мысль, что, ввиду дальнейшей невозможности опираться на Австрию и Пруссию, имеет смысл подумать о соглашении с Францией¹⁵⁷³.

Николай I, однако, не оставлял попыток сыграть на страхе Австрии перед революцией. Эстергази сообщил о замечании царя, что влияние западных держав в Турции может привести к ее падению и превращению в очаг революции. Правильно понятый интерес России и Австрии состоит в том, чтобы этому помешать¹⁵⁷⁴. Николай также сказал, что русская армия имеет приказ о переходе Дуная, еще раз напомнил о предложении Францу Иосифу занять Малую Валахию, и выразил убеждение, что Франция и Англия не посмели бы атаковать договорившихся между собой Австрию и Россию¹⁵⁷⁵.

Франц Иосиф, дистанцируясь от России, испытывал не самые приятные чувства: на прощальной аудиенции он заверил Орлова в своей дружбе и признательности Николаю I со слезами на глазах¹⁵⁷⁶. И, тем не менее, отказался от русских предложений, дав понять, что его действия будут определяться интересами и достоинством его империи¹⁵⁷⁷. Не только цель миссии не была достигнута, но, наоборот, у Франца Иосифа и Буоля

¹⁵⁶⁹ А. Ф. Орлов – К. В. Нессельроде. 22.01(3.02).1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 160. Л. 18.

¹⁵⁷⁰ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 9(21).02.1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 106 об.

¹⁵⁷¹ Franz Joseph I. an Coronini. 2.02.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 558–560.

¹⁵⁷² А. Ф. Орлов – Николаю I. 23.01(4.02).1854 // Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 263.

¹⁵⁷³ Там же. С. 264.

¹⁵⁷⁴ Esterházy an Vuol. 12.02.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 583.

¹⁵⁷⁵ Ibid. S. 584.

¹⁵⁷⁶ А. Ф. Орлов – К. В. Нессельроде. 29.01(10.02).1854 // Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 271.

¹⁵⁷⁷ Фридьонг полагает, что эта позиция стала вехой в отношениях Австрии и России, когда были расторгнуты союзные отношения между ними. См.: Friedjung H. Der Krimkrieg... S. 18. Геппнер также считает миссию Орлова рубежным событием для австро-русских отношений. См.: Heppner H. Op. cit. S. 61.

усилилась подозрительность к политике России¹⁵⁷⁸. По мнению Буоля, последствия от продолжения войны между Россией и Турцией могли оказаться настолько «проблематичными», что Австрия не могла взять на себя обязательство абсолютного нейтралитета¹⁵⁷⁹. Монархи и дипломаты Австрии и России неоднократно повторяли, что консервативный союз между ними необходим для поддержания общественного порядка. Теперь Буоль выражал сомнение в способствовании политики России достижению этой цели¹⁵⁸⁰.

За месяц, прошедший с момента ввода британского и французского флотов в Черное море, Австрия изменила свое отношение к этому событию. Ранее в Вене считали, что этот акт затруднит восстановление мира. Теперь Буоль писал, что Англия и Франция хотели лишь защитить Турцию, «не нанося ущерба существующим отношениям с Россией»¹⁵⁸¹. Эстергази предписывалось вместе с прусским посланником Роховым попытаться изменить позицию царя¹⁵⁸². Буоль напомнил, что со времени занятия Россией княжеств Австрия указывала на то, что этот шаг сблизит ее с Англией и Францией. Теперь он предупреждал, что полномасштабная война с необходимостью и против воли Вены приведет последнюю в лагерь западных держав¹⁵⁸³. В этот же день Франц Иосиф написал Николаю письмо, в котором высказал неодобрение намерения России нарушить политическое равновесие в Османской империи и призвал не переходить Дунай¹⁵⁸⁴.

Неблагоприятное впечатление, оставленное миссией Орлова, широко распространилось¹⁵⁸⁵. Губнер высказал сожаление, что Австрия не повела себя тверже по отношению к России еще весной 1853 г.¹⁵⁸⁶. Интересное свидетельство оставил Й. Кемпен. Когда русский граф собирался возвращаться в Петербург, Франц Иосиф поделился с Кемпеном своим возросшим недоверием к России: «Невероятно, чтобы у него совсем не было полномочий, а я совсем не знаю, чего он хотел»¹⁵⁸⁷. По мнению Л. Герлаха, отправляя Орлова в Вену, Николай I «хотел сломить молодого австрийского императора,

¹⁵⁷⁸ На аналогичное предложение Берлину Николай также получил отказ, о чем прусский посланник в Вене Арним сообщил на Бальхаусплац 31 января. См.: Unckel В. Op. cit. S. 116.

¹⁵⁷⁹ К. Буоль – В. Эстергази. 5.02.1854 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 4. Л. 34.

¹⁵⁸⁰ Там же. Л. 35 об.

¹⁵⁸¹ Там же. Л. 39.

¹⁵⁸² Buol an Esterházy. 5.02.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 570.

¹⁵⁸³ Ibid.

¹⁵⁸⁴ Franz Joseph I. an Nikolaus I. 5.02.1854 // Ibid. S. 571.

¹⁵⁸⁵ Bismarck O. Op. cit. S. 151.

¹⁵⁸⁶ Hübner J. A. Op. cit. Bd. 1. S. 123–124.

¹⁵⁸⁷ Kempten von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 319.

что привело последнего в русоненавистнические руки Буоля»¹⁵⁸⁸. Во время посещения Мюнхена в марте 1854 г. Франц Иосиф сказал, что понял «истинные планы России» только вследствие миссии Орлова¹⁵⁸⁹. Позднее похожие слова услышал от него Гюбнер¹⁵⁹⁰.

Сообщая об отказе на русские предложения в Париж и Лондон, Буоль подчеркивал, что это решение было связано, в том числе, с ожиданием Австрии, что Англия и Франция воздержатся от поддержки революционных группировок и предоставят Австрии финансовую помощь¹⁵⁹¹. Венский кабинет по-прежнему рассчитывал достичь этих целей, не связывая себя военными обязательствами.

7 февраля о решении Австрии выставить на южной границе армейский корпус стало известно в печати¹⁵⁹². Позднее сообщили об удвоении его численности¹⁵⁹³. Эти шаги резко контрастировали с объявленным в конце 1853 г. сокращением армии. Одновременно Буоль предписал генеральному консулу в Белграде побудить сербского князя к строгому нейтралитету¹⁵⁹⁴. Австрийский консул в Бухаресте сообщал о раздражении командования русских войск в княжествах концентрацией австрийских войск в Воеводине¹⁵⁹⁵. Г. Фридьонг справедливо отметил, что действия Австрии, имея целью удержать балканских подданных Турции от выступления, обеспечивали этот регион за Турцией, позволяя последней в конфликте с Россией концентрировать силы на Дунае и в Азии¹⁵⁹⁶.

И. Ф. Паскевич, узнав о неудаче миссии Орлова, предлагал императору увеличить число войск на западной границе и изыскать средство для заключения мира с Турцией без вмешательства других держав¹⁵⁹⁷. Он также предполагал, что Австрия может быть подкуплена Англией и Францией, в том числе, обещаниями Бессарабии, Молдавии и

¹⁵⁸⁸ Gerlach L. *Denkwürdigkeiten...* Bd. 2. S. 164.

¹⁵⁸⁹ *Ibid.* S. 123.

¹⁵⁹⁰ Hübner J. A. *Op. cit.* Bd. 1. S. 139–140. А. Беер впоследствии сравнивал предложения Орлова Австрии с чечевичной похлебкой, за которую ветхозаветный патриарх Иаков купил у брата Исава первородство. См.: Beer A. *Op. cit.* S. 469. В этой трактовке первичное право на влияние в балканском регионе принадлежало Вене. Впрочем, тогда и Россия оказывалась в братских отношениях с Австрией. А. Г. Жомини считал, что отказ Австрии от предложений Орлова дал дополнительный толчок движению Англии и Франции к войне с Россией. См.: Жомини А. Г. *Указ. соч.* С. 153. В отечественной историографии также высказывалась точка зрения, объясняющая неудачу Орлова убежденностью Вены, что «после введения союзных эскадр в Черное море судьба Османской империи решится без участия России и при будущем разделе Австрия самостоятельно сможет обеспечить свои интересы на Балканах». См.: *Восточный вопрос во внешней политике России...* С. 138.

¹⁵⁹¹ Buol an Hübner/Collredo. 7.02.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 576.

¹⁵⁹² *Die Presse.* 7. Februar 1854. S. 6.

¹⁵⁹³ *Die Presse.* 23. Februar 1854. S. 6.

¹⁵⁹⁴ Buol an Radosavljević. 11.02.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 581.

¹⁵⁹⁵ Laurin an Buol. 21.02.1854 // *Ibid.* S. 610.

¹⁵⁹⁶ Friedjung H. *Der Krimkrieg...* S. 20.

¹⁵⁹⁷ Зайончковский А. М. *Указ. соч.* Т. 2. Ч. 1. С. 602–603.

Валахии¹⁵⁹⁸. В. Эстергази стало известно о стремлении фельдмаршала к мирному урегулированию, поэтому в конце февраля он добивался встречи с Паскевичем с целью повлиять на него в этом направлении¹⁵⁹⁹.

25 февраля Нессельроде сообщил Мейендорфу, что назначаемый главнокомандующим Дунайской армии фельдмаршал не планирует вести активные наступательные действия, пока нет уверенности в том, как поведет себя Австрия. Канцлер просил посланника попытаться «найти еще какую-нибудь форму, которая не была бы ни договором, ни протоколом, и посредством которой Австрия бы обуславливала, что ни в каком случае не направит оружие против нас»¹⁶⁰⁰. Неясно, как представлял себе подобную неформализованную гарантию Нессельроде, слова которого свидетельствуют о тупике, в котором оказалась русская дипломатия.

Происходившие в австро-русских отношениях перемены отражались и на атмосфере дипломатических салонов. По свидетельству людей, посещавших дом русского посланника в Вене в феврале, его супруга и одновременно сестра Буоля баронесса «Мими» Мейендорф называла своего брата «скотиной», а сам П. К. Мейендорф открыто обвинял Франца Иосифа в неблагодарности, а однажды отозвался о нем рифмой «Голова на месте, беспорядок – в сердце» (*Im Kopfe ist es recht, im Herzen schlecht*)¹⁶⁰¹.

Австрия, со своей стороны, руководствовалась не эмоциями, а соображениями безопасности: было важно как можно дольше сохранить свободу действий и по возможности воздержаться от прямого участия в конфликте. Попытки Франции принудить Австрию к вступлению в войну Буоль подвергал неприкрытой критике¹⁶⁰².

В то же время он заявил Мейендорфу, что охотнее вступил бы в соглашение с Францией, чем с Россией, потому что политика Франции более консервативна¹⁶⁰³. Россия, по мнению Вены, своими действиями дестабилизировала ситуацию в регионе, а Франция, по крайней мере, формально, выступала защитником статус-кво. Добиваясь поддержки австрийской политики средними германскими государствами, Буоль также подчеркивал, что именно Россия рвет с консервативными принципами¹⁶⁰⁴.

¹⁵⁹⁸ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. С. 113–114.

¹⁵⁹⁹ Esterházy an Buol. 22.02.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 612.

¹⁶⁰⁰ Nesselrode Ch. Op. cit. T. XI. P. 17.

¹⁶⁰¹ Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 321.

¹⁶⁰² Buol an Hübner. 25.02.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 621.

¹⁶⁰³ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 9(21).02.1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 103.

¹⁶⁰⁴ Buol an Kuefstein. 26.02.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 624.

Интересную трактовку австрийского посредничества между конфликтующими сторонами в 1853 г. предложил в это время Гюбнер. По его мнению, стремление Австрии к восстановлению доконфликтного положения в отношениях России и Турции, крайне невыгодного для Австрии, было отданием Веной долга благодарности Петербургу за предшествующую помощь, и теперь этот долг уплачен¹⁶⁰⁵. До сих пор, писал Гюбнер, Россия рассматривала Австрию почти как подопечную, и теперь, когда Вена будет отстаивать собственные интересы, в России неизбежно возникнет чувство недовольства. Но в итоге именно такая позиция способна восстановить подлинный союз между двумя державами, основанный на равенстве, поэтому следует оказать давление на Россию с целью очищения княжеств¹⁶⁰⁶. Примечательна оговорка Гюбнера: рассуждая о России, он ставит особняком «августейшую персону императора Николая»¹⁶⁰⁷, что служит очередным проявлением своего рода сепарации в сознании австрийцев России и фигуры российского самодержца, в результате которой последняя воспринималась не столь отрицательно. В этой депеше Гюбнера проявился и религиозный аспект восприятия австрийцами восточного вопроса: дипломата беспокоила перспектива исчезновения католической церкви на Востоке в случае триумфа «великой схизматической державы»¹⁶⁰⁸.

В области взаимного восприятия Францу Иосифу – с умыслом или нет – удалось создать у многих представителей русской стороны впечатление, что взгляды австрийского министра иностранных дел и австрийского монарха разнятся, и последний настроен к России более благожелательно¹⁶⁰⁹. Позже похожим образом рассуждал и сменивший Мейендорфа А. М. Горчаков¹⁶¹⁰. В Петербурге существовало убеждение, что Буоль является главным препятствием для налаживания отношений с Веной¹⁶¹¹. На его персоне концентрировалась большая часть негативных эмоций, связанных с Австрией¹⁶¹². Однако

¹⁶⁰⁵ Hübner an Buol. 14.02.1854 // Ibid. S. 596.

¹⁶⁰⁶ Ibid. S. 597.

¹⁶⁰⁷ Ibid.

¹⁶⁰⁸ Ibid.

¹⁶⁰⁹ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 9(21).02.1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 102 об.

¹⁶¹⁰ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 2(14).08.1854 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1405. Л. 79.

¹⁶¹¹ Я. Н. Бутковский высказывает предположение, согласно которому в Петербурге рассчитывали, что в решительную минуту Франц Иосиф скорее отставит своего министра иностранных дел, чем сделает враждебный шаг против России. См.: Бутковский Я. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 32.

¹⁶¹² А. М. Горчаков позднее отзывался о главе австрийского МИДа так: «Граф Буоль в Вене – то же, что лорд Рэдклифф в Константинополе, с той только разницей, что один обладает злым гением, а второй лишен всякого рода гениальности» (А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 2(14).08.1854 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1405. Л. 79.).

Нерасположение Николая I к Буолю было широко известным в русском обществе фактом. Автор «Петербургских очерков» П. В. Долгоруков характеризовал Буоля как человека, «ненавидящего Россию за то, что

представляется, что Буоль лишь откровеннее Франца Иосифа формулировал австрийские интересы.

Смещение акцентов в австрийском курсе этого периода стало заметным и по поведению отдельных служащих австрийского внешнеполитического ведомства. 21 февраля Бисмарк отметил антирусские настроения представителей Австрии во Франкфурте, особенно заметные на общем для дипломатической Германии нейтральном фоне¹⁶¹³.

Вместе с тем, во второстепенных вопросах австро-русское сотрудничество продолжалось, в частности, в деле защиты интересов русских подданных в Турции. Так, в середине марта Буоль поручил Эстергази проинформировать Петербург, что у берегов Румелии в декабре 1853 г. потерпело бедствие русское судно, которое теперь находилось в Константинополе, а пленный экипаж содержался в одном из населенных пунктов Малой Азии¹⁶¹⁴. Позднее Буоль неоднократно передавал А. М. Горчакову информацию, касающуюся русских военнопленных в Турции¹⁶¹⁵. Николай I по-прежнему считал способной на отдельные виды посредничества между Россией и Турцией исключительно Австрию¹⁶¹⁶.

У ряда ведущих дипломатов Австрии этого периода отчетливо прослеживается стремление воздержаться от прямого участия в конфликте, поскольку увеличение мощи как России, так и морских держав на Востоке для Габсбургской монархии невыгодно¹⁶¹⁷. Буоль постоянно подчеркивал, что Австрия вполне независима в своих решениях, однако его язык почти не оставлял сомнений насчет того, каким в результате окажется вектор усилий. 5 марта он отправил в Петербург очередной призыв очистить княжества¹⁶¹⁸. В

Незабвенный (Николай I – М. М.) в бытность графа Буля посланником в Петербурге не полюбил его и не скрывал своей к нему неприязни». См.: Долгоруков П. В. Указ. соч. С. 166–167. В первую очередь Буоля имел в виду Николай, когда в начале июля 1854 г. говорил В. Эстергази о советниках австрийского императора, которые «в его глазах единственные несут ответственность за враждебное поведение Австрии по отношению к России» (Esterházy an Buol. 6.07.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 2. S. 248.). Представление о персональной враждебности австрийского министра к Петербургу сохранялось в России и впоследствии. О «русобобстве» Буоля, преодолевавшем дружественные заверения Франца Иосифа, писал, например, Д. А. Милютин. См.: Милютин Д. А. Воспоминания: 1843–1856... С. 242. Сам австрийский министр во время первой встречи с А. М. Горчаковым в Вене иначе определил свое отношение к России: «Мой первый долг – сказал он, – защищать интересы моей страны, когда я считаю их угрожаемыми, но я никогда не сомневался в ценности союза с вами» (А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 26.06(8.07).1854 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1405. Л. 4.).

¹⁶¹³ Bismarck O. Op. cit. S. 132.

¹⁶¹⁴ К. Буоль – В. Эстергази. 14.03.1854 (копия) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 4. Л. 54.

¹⁶¹⁵ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде. 27.10(8.11).1854 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1406. Л. 44.

¹⁶¹⁶ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 23.02(7.03).1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 173.

¹⁶¹⁷ См., напр.: Prokesch-Osten A. Aus den Briefen... S. 364.

¹⁶¹⁸ Buol an Esterházy. 5.03.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 640.

отдельной депеше было высказано недовольство рекрутированием русской администрацией добровольцев в Дунайских княжествах и ее стремлением освободить подданных Турции из балканских христиан, поскольку все это угрожало целостности Османской империи¹⁶¹⁹.

Губнер к этому моменту уже открыто высказывался за переход Австрии на сторону западных держав и использование момента для возвращения Австрией себе места в мире, «которое ей подобает»¹⁶²⁰. В случае неограниченной войны он прогнозировал, что к концу конфликта либо Европа станет русской, либо Россия «надолго снова станет азиатской державой»¹⁶²¹.

Одним из факторов, влиявших в этот момент на постепенный дрейф Австрии в сторону западных держав, был сохранявшийся страх перед возможными намерениями Франции в Италии. Согласно полученной Мейендорфом в марте информации из Парижа, один из масштабных планов Наполеона III по переустройству Европы предполагал формирование итальянского королевства на Апеннинах, включавшего и австрийские владения¹⁶²².

Очередным индикатором сближения Вены с противниками России стала переданная в марте русским консулом в Марселе информация, что его австрийский коллега получил приказ содействовать фрахтованию австрийских торговых кораблей для транспортировки французских войск в Константинополь¹⁶²³. Тогда же русский военный атташе в Вене Э. Г. Стакельберг подал просьбу о своем отзыве, поскольку австрийские контрагенты полностью прекратили его о чем-либо информировать¹⁶²⁴.

В середине марта Мейендорф сообщил, что Австрия увеличивает численность вооруженных сил до 150 тыс. человек, и это значительно больше, чем необходимо для потенциальной оккупации Сербии, Боснии и Герцеговины¹⁶²⁵. Дипломат предполагал, что

---

¹⁶¹⁹ Ibid. S. 641.

¹⁶²⁰ Hübner an Buol. 5.03.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 649.

¹⁶²¹ Ibid. S. 650.

¹⁶²² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 279–280.

¹⁶²³ Nesselrode Ch. Op. cit. T. XI. P. 47.

¹⁶²⁴ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 131–132.

¹⁶²⁵ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 1(13).03.1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 209. Об увеличении численности австрийских войск в Банате еще в феврале сообщал находившийся там русский консул в Сербии. (Н. Я. Мухин – К. В. Нессельроде. 29.01(10.02).1854 // АВПРИ. Ф. 209 (Консульство в Белграде). Оп. 825. 1854. Д. 31. Л. 20.).

целью Буоля является удержание России в состоянии неопределенности относительно намерений Австрии¹⁶²⁶.

Когда 12 марта в Константинополе Турция, Англия и Франция подписали союзный договор, Брук заявил, что этот документ является посягательством на самостоятельность Порты, а Буоль сказал, что отныне считает Турцию переставшею быть независимым государством¹⁶²⁷. И все же, если исходить из реальных интересов, зависимость Османской империи от морских держав была в глазах австрийского правительства меньшим злом, чем ее зависимость от соседней России. Кроме того, Вена попросту ничего не могла поделать со свершившимся фактом.

По сообщениям Мейендорфа, австрийские славяне на границе империи и венгры открыто демонстрировали симпатии к России¹⁶²⁸. Дипломат писал, что значительное число бывших венгерских офицеров, которые не могли вновь интегрироваться в австрийскую армию, были бы счастливы служить под русскими знаменами¹⁶²⁹. Прежде передача подобного предложения посланнику российского императора, фактически восстановившего Габсбургов на венгерском троне, была бы немислима.

Едва ли представимым ранее было и сформулированное Францем Иосифом в марте требование у Николая I гарантий от каких-либо изменений в политических отношениях турецких провинций в Европе. Николай ответил, что ручаться за это не может никто, но он гарантирует, что если турецкие славяне захотят освободиться от турок, Россия ни при нем, ни при его преемниках не будет увеличиваться в этом направлении за счет Австрии¹⁶³⁰. Подобная гарантия едва ли могла успокоить австрийского императора, лояльность югославянских подданных которого в случае образования самостоятельных славянских государств на Балканах оказывалась под вопросом.

Тем не менее, у Певческого моста старались не давать Австрии поводов для недовольства в этой области. Когда М. Д. Горчаков подготовил прокламации к болгарам, призывающие к восстанию, Нессельроде посчитал, что их издание было несвоевременно¹⁶³¹. Переписка находившегося в Черногории русского агента полковника Е. П. Ковалевского с русской миссией в Вене свидетельствует, что весной 1854 г., когда

---

¹⁶²⁶ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 134.

¹⁶²⁷ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 20.03(1.04).1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 302–303.

¹⁶²⁸ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 12(24).03.1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 290 об.

¹⁶²⁹ Там же. Л. 293 об.

¹⁶³⁰ Николай I – Фридриху Вильгельму IV. 15(27).03.1854 // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 207. Л. 13/30.

¹⁶³¹ Доклады за 1854 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 42. Л. 141–142.

австрийцы подозревали Россию в провоцировании восстания балканских христиан, Ковалевский получал четкие указания избегать каких-либо действий, могущих вызвать движение среди черногорцев¹⁶³². Мейендорф давал соответствующие рекомендации и самим черногорцам¹⁶³³.

В середине марта русский посланник отозвал из граничившего с Белградом австрийского Земуна русского консула в Сербии Н. Я. Мухина¹⁶³⁴, поскольку его присутствие там вызывало беспокойство у австрийских властей. Русские дипломаты стремились устранить из отношений с Австрией все сколько-нибудь раздражающие факторы в надежде на то, что это изменит позицию Вены в пользу России. Буоль выразил удовлетворение, узнав о решении с русским консулом в Сербии, однако тут же поинтересовался, как русское правительство намеревается поступить с полковником Ковалевским, находившимся в Черногории¹⁶³⁵. Ранее австрийский министр не посмел бы делать замечание по поводу активности русских служащих на Балканах¹⁶³⁶.

То, что теперь Австрия, по крайней мере, больше не угрожала Сербии оккупацией, будучи удовлетворенной состоянием княжества, уже можно было считать изменением к лучшему¹⁶³⁷. В случае с Черногорией подозрительность Вены в результате все-таки вынудила Мейендорфа предписать Ковалевскому покинуть Цетинье¹⁶³⁸.

19 марта Мейендорф получил аудиенцию у Франца Иосифа, на которой передал ему корреспонденцию из Петербурга, причем сознательно сделал это в обход Буоля¹⁶³⁹. Он заверил императора, что Россия не будет подстрекать христианское население Турции к восстанию и вести боевые действия на территории Сербии, и даже если Паскевич пересечет Дунай, он не поведет войска далеко. Одновременно Мейендорф передавал в Петербург успокоительные известия о том, что австрийский кабинет укрепляется в нейтралитете, в пользу такой политики все больше высказывается пресса, и кроме того, невозможно сбрасывать со счетов благотворное влияние на императора большей части

¹⁶³² Письма Е. П. Ковалевского Н. И. Любимову. // Русская старина. Т. 109, кн. III, Март 1902 г. С. 669.

¹⁶³³ П. К. Мейендорф – Е. П. Ковалевскому. 9(21).04.1854 // АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514. Д. 53. Л. 120.

¹⁶³⁴ Мухин был переведен туда из Белграда еще осенью 1853 г.

¹⁶³⁵ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 9(21).03.1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 267.

¹⁶³⁶ По утверждению С. А. Никитина, в задачи Ковалевского входила подготовка восстания в Черногории. См.: Никитин С. А. Указ. соч. С. 18. Мнение спорное, учитывая приведенные выше данные.

¹⁶³⁷ П. К. Мейендорф – Н. Я. Мухину. 4(16).03.1854 // АВПРИ. Ф. 209 (Консульство в Белграде). Оп. 825. 1854. Д. 30. Л. 1.

¹⁶³⁸ П. К. Мейендорф – Е. П. Ковалевскому. 22.04(4.05).1854 // АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514. Д. 53. Л. 121.

¹⁶³⁹ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 7(19).03.1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 250 об. Подобным же образом, в обход австрийского министра иностранных дел, впоследствии старался действовать А. М. Горчаков.

австрийской аристократии и военной верхушки¹⁶⁴⁰. Восприятие Мейендорфом австрийской политики могло подвергаться некоторому искажению, поскольку он вращался преимущественно в кругах, традиционно расположенных к России. Буоль, имея в виду прорусски настроенных генералов, писал: «...Мейендорф не делает дела со *мною*, но привлек публику, которая его порой приводит к ошибочным выводам»¹⁶⁴¹.

В это время в Англии опубликовали записи разговоров британского посла в России Сеймура с Николаем I начала 1853 г. Рассуждая о перспективах восточного вопроса, Николай тогда заявил: «когда я говорю о России, то говорю и об Австрии: что пригодно одной, пригодно и другой, и интересы наши в отношении Турции совершенно тождественны»¹⁶⁴². Впечатление, произведенное этими материалами в Австрии, было крайне неблагоприятным¹⁶⁴³. Британцы выбрали психологически подходящий момент для публикации бесед, содержание которых, в том числе, наносило удар по самолюбию австрийцев.

Расклад сил между главными акторами европейской политики весной 1854 г., казалось, предоставил Австрии возможность продемонстрировать себе и другим способность монархии к самостоятельным действиям. В записке, поданной Францу Иосифу, Буоль обращал внимание на то, что международная ситуация предлагает Вене исключительно благоприятные шансы на соответствующее ее интересам решение восточного вопроса, «который постоянно висел над судьбами Австрии подобно Дамоклову мечу»¹⁶⁴⁴. Здесь же Буоль, по-видимому, впервые обозначает задачу оттеснения России от Дуная: если Австрия не выступит со всей решимостью против, сохраняющая контроль над устьем реки Россия продолжит довлеть над Австрией и остальной Германией подобно кошмару (Alp)¹⁶⁴⁵. В этом документе Буоль также вторит многочисленным германским голосам, опасавшимся¹⁶⁴⁶, что в результате текущего конфликта может возникнуть союз Франции и России, обращенный против Австрии¹⁶⁴⁷.

¹⁶⁴⁰ Там же. Л. 251.

¹⁶⁴¹ Buol an Thun. 9.05.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 2. S. 139.

¹⁶⁴² Цит. по: Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы... С. 114.

¹⁶⁴³ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 138.

¹⁶⁴⁴ Buol an Franz Joseph I. 21.03.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 693.

¹⁶⁴⁵ Ibid.

¹⁶⁴⁶ Опасения возникновения франко-русского союза высказывались в этот период, например, правительствами Вюртемберга и Баварии (Handel an Buol. 7.03.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 655; Arponyi an Buol. 23.03.1854 // Ibid. S. 704.).

¹⁶⁴⁷ Buol an Franz Joseph I. 21.03.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 691.

22 марта в Вене состоялась министерская конференция, где Буоль выступил за «возможную договоренность с морскими державами о совместных действиях»¹⁶⁴⁸. Он предлагал потребовать у России очистить княжества, а затем с разрешения турецкого правительства занять их австрийскими войсками¹⁶⁴⁹. Большинство участников конференции не поддержало это мнение. Немалое влияние на такой вывод оказало мнение министра финансов А. Баумгартнера, заявившего, что финансовое положение Австрии не позволяет в настоящий момент вступить в войну с Россией¹⁶⁵⁰.

Министерская конференция 25 марта рассматривала вопрос об инструкциях фельдцейхмейстеру Гессу, командируемому в Берлин для обсуждения условий оборонительного договора, предложенного Берлином. Буоль пытался обосновать необходимость активного выступления Австрии вместе с Пруссией и западными державами против поглощения княжеств Россией¹⁶⁵¹. По его мнению, в интересах Австрии было продолжать поддерживать у России впечатление о неопределенности позиции и намерений Вены¹⁶⁵². Однако Франц Иосиф полагал, что Австрия еще не готова к войне¹⁶⁵³. Сам Гесс выступил за то, чтобы отсрочить окончательные договоренности с западными державами на три месяца, необходимые Австрии для окончания вооружений¹⁶⁵⁴.

Аргументацию в пользу выжидательной позиции Гесс в более подробной форме изложил в записке, где отметил, что в случае войны с Россией существует опасность повторной вспышки революции в Австрии, в случае же успеха Австрии - возможность революции в русской Польше, которая, по убеждению Гесса, легко могла превратиться во вторую Францию в тылу Австрии и Германии¹⁶⁵⁵. Он также напомнил об одной из хронических сложностей стратегического положения монархии: чрезмерное отвлечение Австрии на Восток грозило отчуждением от нее Германии и ростом влияния в последней Франции¹⁶⁵⁶. Кроме того, в случае поражения России он опасался чрезмерного роста английского и французского влияния в Турции¹⁶⁵⁷.

---

¹⁶⁴⁸ AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 698.

¹⁶⁴⁹ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 138.

¹⁶⁵⁰ AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 701.

¹⁶⁵¹ AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 710.

¹⁶⁵² Ibid. S. 711.

¹⁶⁵³ Ibid. S. 711.

¹⁶⁵⁴ Ibid. S. 712.

¹⁶⁵⁵ Hess an Franz Joseph I. 25.03.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 1. S. 716.

¹⁶⁵⁶ Ibid.

¹⁶⁵⁷ Ibid.

Точка зрения Гесса возобладала, и он отправился в Берлин, посредством переговоров с которым Австрия надеялась обеспечить себе поддержку не только Пруссии, но и всей Германии. Вместе с тем австрийский император обозначил в письме прусскому королю возможную перспективу «неприятной ситуации», когда из-за «бесцеремонной» политики России он будет вынужден занять Дунайские княжества. При этом объявлять войну России или вступать на русскую территорию он не планировал¹⁶⁵⁸. В Петербурге надеялись, что Пруссия окажет сдерживающее влияние на Австрию, поэтому известие о готовящихся переговорах было воспринято с энтузиазмом¹⁶⁵⁹. Со своей стороны, представители Великобритании и Франции в Вене Дж. Уэстморленд и Ф.-А. Буркеней были крайне недовольны этими известиями¹⁶⁶⁰. В первый момент Буркеней даже угрожал Буолю покинуть Вену. Мейендорфу все это дало основание надеяться, что в скором времени Австрия оставит «политику 5 декабря», и между Веной и Парижем произойдет желательное для России охлаждение¹⁶⁶¹. Тогда же он сообщил, что в Вене растет недоверие к французскому правительству, следствием чего явилось усиление итальянской армии Радецкого на 15 тыс. человек, направленных в Италию из Галиции и Моравии¹⁶⁶². Эта новость могла быть воспринята в Петербурге с удовлетворением, поскольку Вена вынужденно отвлекалась от восточных дел. С другой стороны, именно стремление обезопасить границы со стороны Франции и Сардинского королевства подталкивало Австрию в направлении западных держав. Этот эпизод показывает, насколько сложным было международное положение Дунайской монархии: напряженность в том или ином виде существовала почти на всем протяжении ее границ.

Буоль писал находившемуся в Берлине Гессу, что было бы желательно добиться концентрации прусских войск на границе с Россией, что увеличило бы давление на Россию и приблизило мир¹⁶⁶³. Не исключено, что таким образом австрийский министр надеялся избежать отправки в Петербург прямого требования об очищении княжеств и тем самым не нанести австро-русским отношениям непоправимый удар.

В Пруссии, наоборот, стремились удержать Вену от дальнейшего ассоциирования с Лондоном и Парижем, которые в последних числах марта объявили России войну.

---

¹⁶⁵⁸ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 2. S. 132.

¹⁶⁵⁹ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 12(24).03.1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 276 об.

¹⁶⁶⁰ Там же.

¹⁶⁶¹ Там же. Л. 277.

¹⁶⁶² Там же. Л. 275.

¹⁶⁶³ Buol an Hess. 10.04.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 2. S. 106.

Преследуя именно эти цели, Фридрих Вильгельм IV пошел на заключение 20 апреля 1854 г. оборонительного договора с Австрией, по условиям которого стороны гарантировали территориальные владения друг друга¹⁶⁶⁴. В добавочных статьях оговаривалось, что русская оккупация Дунайских княжеств неопределенной продолжительности угрожала бы интересам двух договаривающихся сторон и всего Германского союза. Австрийское правительство должно было сделать представление петербургскому кабинету с целью добиться останова дальнейшего продвижения русской армии и гарантий относительно скорого очищения княжеств. Пруссия должна была это действие поддержать¹⁶⁶⁵.

Стремление Берлина удержать Австрию от выступления против России свидетельствовало лишь о нежелании ввязываться в конфликт. Еще в мае 1851 г. в разговоре с Мейендорфом Л. Герлах указывал на то, что Австрия вследствие противоречий с Россией на Востоке могла бы вынудить Пруссию к выступлению против последней¹⁶⁶⁶. Осенью 1853 г. Герлах отметил, что Пруссия, хотя и не затронута восточным вопросом напрямую, имеет в нем схожий с Австрией интерес, добавив, что «Австрия вследствие русских успехов находится под угрозой в самом своем существовании»¹⁶⁶⁷. В этом смысле утверждение В. Баумгарта, что договор 20 апреля стал мертвой буквой, «как только высохли чернила»¹⁶⁶⁸, представляется спорным, поскольку без этого соглашения Австрия едва ли решилась бы на отправку ультиматума в Петербург¹⁶⁶⁹.

Параллельно с австро-прусскими переговорами в Берлине шла работа венской конференции. 9 апреля ее участники подписали протокол, одним из основных условий которого также была эвакуация княжеств. Частью австрийской публики этот новый документ был воспринят как еще один шаг на пути к разрыву с Россией¹⁶⁷⁰. В то же время перспектива дальнейших отношений с Австрией не представлялась Мейендорфу предопределенной¹⁶⁷¹. Тем не менее, Николай I теперь был вынужден считаться с возможностью австро-русского конфликта¹⁶⁷². Тогда как у Паскевича на рубеже марта-

¹⁶⁶⁴ Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Bd. 2. Stuttgart, 1986. S. 12.

¹⁶⁶⁵ Ibid. S. 13–14.

¹⁶⁶⁶ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 630.

¹⁶⁶⁷ Ibid. Bd. 2. S. 71.

¹⁶⁶⁸ Baumgart W. The Crimean War... P. 19.

¹⁶⁶⁹ Здесь уместно вспомнить о том, что ровно 60 лет спустя объединенная Пруссией Германия выступила против России формально именно из-за австро-русских противоречий на Балканах.

¹⁶⁷⁰ П. К. Мейендорф – К. В. Нессельроде. 30.03(11.04).1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 159. Л. 341 об.

¹⁶⁷¹ Там же. Л. 343.

¹⁶⁷² Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. С. 377–378.

апреля возникла идея подтолкнуть Австрию к занятию Сербии, что, по его мнению, поспособствовало бы Вену с турками¹⁶⁷³.

В Черногории широко распространилось ожидание занятия австрийцами Боснии и Герцеговины¹⁶⁷⁴. Атмосферу среди населения Западных Балкан в тот момент хорошо иллюстрирует возникшее там предположение, что в случае разрыва Австрии с Россией Вена блокирует коммуникации, ведущие к Черногории, чтобы уморить ее население голодом¹⁶⁷⁵.

Прокеш в середине апреля убеждал Бисмарка, что в Вене нет окончательного намерения вести войну с Россией, «но есть намерение удерживать Россию в границах умеренности», показывая ей возможность такой войны¹⁶⁷⁶. Эта оценка действий Вены применима, пожалуй, ко всему периоду Крымской войны. Необходимо лишь уточнить, что представления австрийского руководства о границах умеренности для России менялись с течением конфликта в сторону все большего ужесточения¹⁶⁷⁷.

На рубеже марта-апреля в Петербурге приняли решение о смене посланника в Вене, что, возможно, было связано с состоянием здоровья Мейендорфа. Барон был переведен во 2-й класс Табели о рангах, назначен обер-гофмейстером и членом Государственного совета, что указывало на скорый отзыв из Австрии¹⁶⁷⁸. В мае Нессельроде проинформировал А. М. Горчакова о предстоящем назначении в Вену для временного управления посольством, также объясняя это решение состоянием здоровья Мейендорфа. Горчакову предписывалось приехать в Россию для получения инструкций лично от императора¹⁶⁷⁹. Существовало мнение, что в отзыве Мейендорфа сыграло роль его родство с Буолем¹⁶⁸⁰. И хотя смена посланника произошла, в том числе, вследствие

¹⁶⁷³ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 145.

¹⁶⁷⁴ Е. П. Ковалевский – П. К. Мейендорфу. 10(22).04.1854 // АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514. Д. 53. Л. 58.

¹⁶⁷⁵ Там же.

¹⁶⁷⁶ Bismarck O. Op. cit. S. 144.

¹⁶⁷⁷ По предположению Э. Крэе, у руководителей венской политики, вполне вероятно, присутствовало еще следующее соображение: сотрудничество с Россией не могло гарантировать Австрии ни удержания позиций в Италии, ни обеспечения австрийских интересов на Балканах, в то время как кооперация с западными державами могла с высокой долей вероятности стабилизировать ситуацию в Италии и, что было для Австрии не менее важно, оттеснить Россию дальше от устья Дуная и сохранить Османскую империю. См.: Kraehe E. E. Foreign Policy and the Nationality Problem... P. 29. Однако в действительности после Крымской войны Австрия потеряла позиции в Италии, а Османская империя продолжала распадаться.

¹⁶⁷⁸ Письмо П. К. Мейендорфа брату 8 апреля 1854 г. // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 510. Л. 74.

¹⁶⁷⁹ К. В. Нессельроде – А. М. Горчакову. 4(16).05.1854 // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 602. Л. 1.

¹⁶⁸⁰ Hohenlohe-Ingelfingen K. Op. cit. Bd. I. S. 261–262.

личных обстоятельств барона, специфический международный контекст придал этому событию политический характер¹⁶⁸¹.

В апреле в Австрии праздновали женитьбу Франца Иосифа на принцессе Елизавете Баварской, и Россия отправила на свадебные торжества генерал-адъютанта Р. Е. Гринвальда. Симптоматично, что ни один представитель императорской фамилии не поехал в Вену, тогда как прежде австрийские эрцгерцоги и русские великие князья обменивались визитами и по менее значительным поводам. Вероятно, чтобы улучшить настроение новобрачных, Гринвальд получил инструкцию передать Францу Иосифу заверения в отсутствии у России при планировании боевых действий каких-либо намерений относительно Сербии¹⁶⁸².

Австрийские генералы на этой свадьбе открыто высказывали неудовольствие отдалением Вены от Петербурга¹⁶⁸³. Радецкий заявил Францу Иосифу, что «не следует ссориться с Россией, которая является самым необходимым союзником и может стать самым страшным соседом Австрии»¹⁶⁸⁴. В логике австрийских консерваторов союз с Россией был необходим, в том числе, для противодействия демократическим тенденциям и революции в Габсбургской монархии¹⁶⁸⁵. В этой связи интересно, что Гринвальд благодарил главу австрийской полиции Й. Кемпена за строгость к прессе, позволяющей себе антирусские выступления¹⁶⁸⁶. В аристократических салонах Вены с удовольствием рассказывали, что А. Ф. Орлов называл Буоля «олухом», а считавшегося либералом министра внутренних дел Александра Баха – «просто-напросто канальей»¹⁶⁸⁷.

Осторожность части австрийского правящего слоя также была обусловлена экономическими трудностями монархии¹⁶⁸⁸. Чрезвычайные военные расходы легли тяжелым бременем на финансы, которые и в мирное время находились не в лучшем состоянии¹⁶⁸⁹. В 1854 г. неоднократно высказывались опасения близкого банкротства

¹⁶⁸¹ Еще в ноябре 1853 г. протестант Мейендорф считал целесообразным в случае начала переговоров в Вене об урегулировании конфликта отправить туда дипломата, не только разбирающегося в предмете, но и такого, который «по своему религиозному вероисповеданию принадлежит к поставленным на карту интересам» (Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 96.).

¹⁶⁸² Nesselrode Ch. Op. cit. T. XI. P. 50.

¹⁶⁸³ Ernst II Herzog von Sachsen-Coburg-Gotha. Op. cit. Bd. 2. S. 168.

¹⁶⁸⁴ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 151.

¹⁶⁸⁵ Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 331.

¹⁶⁸⁶ Ibid. S. 327.

¹⁶⁸⁷ Ernst II Herzog von Sachsen-Coburg-Gotha. Op. cit. Bd. 2. S. 186.

¹⁶⁸⁸ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 144.

¹⁶⁸⁹ В Париже и Франкфурте шли переговоры о займах, а в начале 1854 г. в самой Австрии был организован выигрышный заем. В мирном бюджете на 1854 г. на военные расходы было запланировано 112 млн гульденов, однако вследствие вооружений уже в первые три месяца года на эти цели было потрачено 115 млн. В мае власти оказались

империи из-за возросших военных расходов. Причем высказывались в этом смысле, в том числе, представители военной верхушки¹⁶⁹⁰.

Впрочем, в венском высшем обществе встречались и другие настроения. 6 (18) апреля фрейлина цесаревны Марии Александровны А. Ф. Тютчева зафиксировала впечатления приехавшего из Вены знакомого, рассказывавшего о свирепствующем там «антирусском озлоблении», которое разделяет и мать кайзера¹⁶⁹¹. Прибывший в Вену на свадебные торжества Гюбнер прямо склонял Франца Иосифа к сближению с Францией. Для понимания самооощущения австрийской верхушки показателен вопрос, заданный Францем Иосифом: «Не подвергаемся ли мы опасности, меняя русскую опеку на опеку западных держав?»¹⁶⁹². Из этих слов как бы следует, что обойтись без чьей-либо опеки монархия неспособна.

Николая I австрийский император по-прежнему заверял, что «ничто не сможет изменить» чувства дружбы между ними¹⁶⁹³. Царь в целях укрепления Франца Иосифа в этой уверенности наградил поверенного в делах в Петербурге Э. Лебцельтерна орденом Станислава 1-й степени. Любые известия, оставлявшие надежду на сохранение Австрией нейтралитета, Николай воспринимал с энтузиазмом. Совсем незадолго до отправки Веной ультиматума он был уверен, что со стороны Австрии опасность для России, скорее, отсутствует¹⁶⁹⁴. Вероятно, рассчитывая, что влияние консервативной части армии и двора возобладает.

Уверяя друг друга в благожелательности, Австрия и Россия, тем не менее, увеличивали численность войск. Гесс выступил за мобилизацию не менее, чем 100 тыс. человек в Трансильвании и Галиции¹⁶⁹⁵. Россия усилила армию в Польше и на Волыни. 15 мая Франц Иосиф распорядился о выставлении трех армейских и одного кавалерийского корпусов в Галиции¹⁶⁹⁶, в результате чего там образовалась 4-я армия под командованием

вынужденными организовать внутренний принудительный заем. А 26 июня Франц Иосиф подписал патент с указанием собрать от 350 до 500 млн. См.: Friedjung H. Der Krimkrieg... S. 60. В 1854 г. военные расходы монархии составили 198219783 флорина, или более 42 % всего бюджета. См.: Rothenberg G. E. Op. cit. P. 41.

¹⁶⁹⁰ Kempfen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 334, 348.

¹⁶⁹¹ Тютчева А. Ф. Указ. соч. С. 81. Антироссийскую позицию матери австрийского императора, принадлежавшей к клерикальным кругам и симпатизировавшей идее союза с Парижем, отмечает и Ч. Холлберг. См.: Hallberg Ch. W. Op. cit. P. 62–63.

¹⁶⁹² Hübner J. A. Op. cit. Bd. I. S. 140.

¹⁶⁹³ Франц Иосиф I – Николаю I. 30.04.1854 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1854. Д. 3. Л. 12.

¹⁶⁹⁴ Щербатов А. П. Указ соч. Т. 7. С. 151–152.

¹⁶⁹⁵ Hess an Franz Joseph I. 28.04.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 2. S. 122–123.

¹⁶⁹⁶ Franz Joseph I. an Buol. 15.05.1854 // Ibid. S. 147.

графа Шлика. 16 мая был опубликован приказ о дополнительном призыве в армию 95 тыс. человек для укрепления сил «в юго-восточных и северо-восточных землях империи»¹⁶⁹⁷.

Перемены в отношениях иллюстрирует и тот факт, что весной 1854 г. полкам русской армии, имевшим шефами особ австрийского императорского дома, было приказано больше не называться их именами, а русским подданным, имевшим австрийские ордена, было предписано не носить их¹⁶⁹⁸. 26 апреля в письме Мейендорфу Нессельроде с горечью признался, по сути, в крахе внешней политики, тщательно и осторожно выстраивавшейся им в течение многих лет: «В течение сорокалетней карьеры мои усилия были в основном направлены на укрепление союза с Австрией; я был здесь почти в одиночестве, пытаюсь поддержать союз, который я всегда считал наиболее полезным, наиболее отвечающим интересам двух империй. Вы знаете, что наша публика не испытывает симпатий к австрийцам. Таким образом, вы поймете, какую боль мне причиняет наблюдение того, как мои самые настойчивые усилия разбиваются о глупость и недобросовестность, которые возобладали в Вене...»¹⁶⁹⁹. Недоверие в отношениях возросло настолько, что русский посланник не доверял австрийской почте, боясь перлюстрации, а М. Д. Горчаков, планируя операции на Дунае, оглядывался на возможную реакцию Вены и ограничивал активность русских войск¹⁷⁰⁰.

Паскевич вновь высказал убеждение, что Австрия ангажирована западными державами и, возможно, получила субсидии от Англии¹⁷⁰¹. Мейендорф к этому моменту уже обладал информацией, что примерно к середине июня Австрия будет готова потребовать от России очистить Дунайские княжества и, в случае отказа, атаковать. Ввиду перспективы войны на два фронта Паскевич считал целесообразным покинуть княжества заблаговременно¹⁷⁰².

8 мая состоялось совещание под председательством Франца Иосифа, на котором в очередной раз обсуждалась необходимость очистить Молдавию и Валахию от русских войск, однако никакого конкретного решения принято не было¹⁷⁰³. Участвовавший в

¹⁶⁹⁷ Die Presse. 16. Mai 1854. Abendblatt. S. 1.

¹⁶⁹⁸ Милютин Д. А. Воспоминания: 1843–1856... С. 250.

¹⁶⁹⁹ Nesselrode Ch. Op. cit. T. XI. P. 54.

¹⁷⁰⁰ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 146–147.

¹⁷⁰¹ И. Ф. Паскевич – П. К. Мейендорфу. 9.05.1854 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 704. Л. 42.

¹⁷⁰² Там же. Л. 43. Пресловутая замедленность коммуникаций проявилась и в том, что новости о происходящем на Дунае нередко приходили в Петербург сначала посредством телеграфа через Вену, и только потом – курьерами русского командования в княжествах. См.: Милютин Д. А. Воспоминания: 1843–1856... С. 257.

¹⁷⁰³ Kübeck von Kübau C. F. Op. cit. S. 142.

совещании Кюбек пришел к выводу, что для Австрии почти все равно, выступит она за или против России, так как в обоих случаях столкнется с одинаковыми опасностями и непредсказуемыми последствиями¹⁷⁰⁴. Буоль, с другой стороны, стремился сгустить краски, убеждая окружающих, что Николай I стремится к господству в Европе¹⁷⁰⁵.

Переживая за целостность Турции, в Австрии одновременно рассматривали различные варианты территориальных изменений. В качестве компенсации за возможные приобретения англичан и французов на юге Османской империи изучались варианты оккупации Боснии и Герцеговины, чтобы укрепить Далмацию и создать для нее хинтерланд¹⁷⁰⁶. Некоторые австрийские политики считали желательным вариант замены русского протектората в Дунайских княжествах австрийским. Именно в этом смысле высказывался А. Бах¹⁷⁰⁷. В дипломатическом корпусе на фоне изоляции России также росли аппетиты. 14 июня Гюбнер отправил в Вену план решения восточного вопроса, в соответствии с которым Австрия должна была получить протекторат над турецкими христианами в районе от Черного до Адриатического морей, а Россия – лишиться устья Дуная. Таким образом, по его мнению, Черное море перестало бы быть «русским озером»¹⁷⁰⁸.

Эстергази отмечал стремление Нессельроде к скорейшему завершению конфликта, но его влияние, сообщал посланник, «затмевается происками русской партии», что доказывает и выбор императором князя Горчакова на пост в Вене¹⁷⁰⁹. Вместе с тем, Эстергази добавлял, что даже миролюбивый Нессельроде притворяется, будто не понимает, что у Австрии есть свои интересы на Востоке¹⁷¹⁰. Позднее посланник написал, что до сих пор Россия относилась к Австрии «как покровитель к своему протеже», без внимания к равенству их положения как европейских держав¹⁷¹¹.

Мейендорф в ожидании австрийского ультиматума предлагал готовиться к эвакуации, но не осуществлять ее, а использовать обещание очистить княжества как

---

¹⁷⁰⁴ Ibid. S. 143.

¹⁷⁰⁵ Ibid.

¹⁷⁰⁶ Ernst II Herzog von Sachsen-Coburg-Gotha. Op. cit. Bd. 2. S. 169.

¹⁷⁰⁷ Ibid. S. 186.

¹⁷⁰⁸ Hübner J. A. Op. cit. Bd. 1. S. 145.

¹⁷⁰⁹ Esterházy an Buol. 5.06.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 2. S. 200.

¹⁷¹⁰ Ibid.

¹⁷¹¹ Esterházy an Buol. 21.06.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 2. S. 226.

kozyрь в переговорах с западными державами и средство отдалить Пруссию и Германию от венского кабинета¹⁷¹².

29 мая на министерской конференции в Вене обсуждалась окончательная формулировка требований к Петербургу о выводе войск из Молдавии и Валахии. Гесс высказался в пользу уступки желанию России в ответ на очищение княжеств оговорить выход англо-французского флота из Черного моря¹⁷¹³. Буоль не согласился с этой идеей, подчеркнув, что ухода России из княжеств требуют австрийские интересы¹⁷¹⁴. Буоль и Бах в эти дни высказывали убежденность в том, что, если Австрия выступит против России, последняя заключит мир¹⁷¹⁵.

В результате в ноте от 3 июня 1854 г. Австрия потребовала от России не распространять военные действия дальше за Дунай и известить, когда окончится оккупация княжеств. Если бы Россия не назвала срок эвакуации или поставила неприемлемые для Австрии условия, Франц Иосиф был бы вынужден сам определять средства к обеспечению своих интересов¹⁷¹⁶. Кроме того, указывалось на ущерб политическим, торговым и промышленным интересам Австрии и Германии вследствие конфликта¹⁷¹⁷. Таким образом, выступая против России на Востоке, Австрия стремилась, в том числе, упрочить в Германии свое реноме защитницы общенемецких интересов. Требованием очистить княжества Австрия, по сути, повторяла условия ультиматума Англии и Франции 15 февраля, отсутствие ответа на который со стороны России формально и привело к вступлению западных держав в войну.

В депешах, сопровождавших ультиматум, Буоль выражал надежду, что после очищения Россией княжеств может быть установлено перемирие и состояться мирный конгресс, предостерегая при этом от выставления каких-либо встречных требований¹⁷¹⁸. При необходимости Эстергази предписывалось упомянуть о том, что на случай отказа России от австрийских требований Вена осуществляет военные приготовления, и к концу июля ее войска в Трансильвании и Галиции будут готовы действовать¹⁷¹⁹. Австрийский министр подчеркивал нежелание Австрии активно вмешиваться в конфликт, но признавал,

¹⁷¹² Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 166.

¹⁷¹³ AGKK. Serie I. Bd. 2. S. 178–179.

¹⁷¹⁴ Ibid. S. 179–180.

¹⁷¹⁵ Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 332.

¹⁷¹⁶ Jasmund J. Op. cit. S. 317–318.

¹⁷¹⁷ Ibid. S. 318.

¹⁷¹⁸ Buol an Esterházy. 3.06.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 2. S. 192–194.

¹⁷¹⁹ Ibid. S. 194–195.

что лучше война, чем бесконечное продолжение текущего состояния, которого, по его словам, не допускало политическое и финансовое положение монархии¹⁷²⁰. В этом случае Буоль прибегнул к откровенному блефу, заявив, что России решать, «хочет ли она ко всем своим врагам добавить еще и компактный блок (corps) в 70 миллионов»¹⁷²¹, имея в виду, помимо Австрии и Пруссии, весь Германский союз, который к тому моменту еще не присоединился к австро-прусскому договору 20 апреля.

Осторожность формулировок ультиматума, по-видимому, была результатом, в том числе, действий Мейендорфа, предпринявшего максимум усилий, чтобы повлиять на редакцию текста¹⁷²². По его утверждению, перед отправкой ноты Франц Иосиф держал ее у себя в течение пяти дней, чтобы смягчить то, что могло быть оскорбительным для России в форме документа¹⁷²³.

Принимая это решение и планируя занятие княжеств собственными войсками, Австрия стремилась, в том числе, не допустить разрастания конфликта и появления английской и французской армий у своих юго-восточных границ. В этом случае многократно усиливался бы эффект непредсказуемости, в частности, для Австрии возникала перспектива очередной национальной проблемы в населенной румынами Трансильвании¹⁷²⁴.

В Петербурге к этому времени ожидали враждебных шагов Австрии, хотя еще не было известно, какую именно форму они примут¹⁷²⁵. Николай выражал негодование «вероломными» действиями Вены и предрекал столкновение с ней¹⁷²⁶. Мейендорф в надежде избежать худшего рассчитывал, что Паскевич сможет повлиять на царя в сторону смягчения ответа австрийцам¹⁷²⁷.

¹⁷²⁰ Ibid. S. 197.

¹⁷²¹ Ibid.

¹⁷²² Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 168.

¹⁷²³ Ibid. S. 170–171.

¹⁷²⁴ Именно так оценивал значение австрийского ультиматума Р. Сетон-Уотсон: «...настояние Австрии на эвакуации русскими княжеств и затем принятие ею пассивной роли на самом деле предопределили крымскую экспедицию. Если бы не это, борьба неизбежно происходила бы на Дунае». См.: Seton-Watson R. W. Britain in Europe... P. 330.

Занимая княжества, Австрия объективно сужала физическое пространство конфликта. Последнее отчетливо сознавалось на Западе. 10 июля французские опасения зафиксировал Гюбнер. См.: Hübner J. Op. cit. Bd. I. S. 148–149. Таким образом, оккупируя княжества, Австрия вызывала раздражение как России, так и западных держав.

¹⁷²⁵ Nesselrode Ch. Op. cit. T. XI. P. 63–64.

¹⁷²⁶ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. С. 168. Для характеристики личности Николая I показательно, что, несмотря на возмущение политикой Австрии, он продолжал исключительно деликатно относиться к сестре Буоля, бывшей замужем за П. К. Мейендорфом. После смерти императора в 1855 г. Мейендорф вспоминал, как добр он был к его супруге: «Он никогда не произносил при ней имя Буоля, и запретил другим говорить ей об этом, потому что, говорил он, она больше, чем мы, страдает от того, что делает Австрия» (ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 510. Л. 91 об.).

¹⁷²⁷ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 175.

Общаясь с прусскими дипломатами на рубеже мая-июня, Буоль следующим образом объяснял политику давления на Петербург: «мы не хотим ослабления России, но именно чтобы этого избежать, мы хотим уже в этом году достичь мира. В следующем году, когда морские державы сделают обещания Швеции, полякам, будет уже вряд ли возможно, чтобы Россия обошлась без потери территории»¹⁷²⁸. Л. Герлах к этому добавил стремление Австрии освободить свои внутренние дела от влияния России¹⁷²⁹. Герцог Эрнст II говорил о Буоле, что «он был полон решимости разорвать узы, которые так долго тяготели над Австрией»¹⁷³⁰.

Меттерних, в канцлерство которого и возникли эти «узы», писал Буолю, что Австрии необходимо сохранять выжидательную позицию¹⁷³¹. В день утверждения ультиматума он добавил, что Австрия занимает единственно правильную позицию, состоящую в установлении мира, но так, чтобы Запад не использовал ее против Востока, а Восток – против Запада¹⁷³². Д. Ветцель полагает, что восточная политика Меттерниха и Буоля в своей основе была похожа: оба стремились к такому урегулированию восточного вопроса, которое сдержало бы Россию, но не унизило ее¹⁷³³. Тезис представляется справедливым, с уточнением, что Буолю повезло меньше: в период его министерства международная обстановка сложилась так, что сдержать Россию, не унизив ее, для Австрии оказалось невозможно. Существует, впрочем, альтернативная точка зрения, согласно которой в основе совершенной Австрией в 1854 г. переориентации внешней политики лежала «не оборонительная, а экспансионистская стратегия»¹⁷³⁴. Представляется все же более справедливым, что главным побудительным мотивом в действиях венского кабинета была именно консервативная установка, которая, разумеется, не предполагала заведомого отказа от улучшения позиций монархии, если бы представилась возможность.

Знаменитый военный теоретик генерал Г. В. Жomini, узнав о намерении Австрии занять княжества после выхода оттуда русских войск, интерпретировал это намерение как стремление Вены избежать боевых действий между воюющими сторонами на этой

¹⁷²⁸ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 2. S. 164.

¹⁷²⁹ Ibid. S. 165.

¹⁷³⁰ Ernst II Herzog von Sachsen-Coburg-Gotha. Op. cit. Bd. 2. S. 175.

¹⁷³¹ Metternich K. Briefe des Staatskanzlers... S. 157–158.

¹⁷³² Ibid. S. 158–159.

¹⁷³³ Wetzell D. Op. cit. P. 84.

¹⁷³⁴ Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. С. 21.

территории. По его мнению, это придавало «менее воинственный поворот намерениям венского кабинета»¹⁷³⁵.

14 июня между Австрией и Турцией была подписана конвенция о вводе австрийских войск в княжества. Причем если в австрийской ноте Петербургу не говорилось о перспективе открытия военных действий между Австрией и Россией, то вступительная часть договора с Турцией такую возможность предполагала¹⁷³⁶.

Вскоре после ультиматума 3 июня Нессельроде отметил закономерность в австрийской политике: на каждую уступку Австрии последняя обращивалась против России¹⁷³⁷. Поэтому прежде очищения княжеств российский канцлер твердо намерен был требовать письменных гарантий австрийского нейтралитета, а также обеспечения Австрией перемирия¹⁷³⁸.

В Берлине стремились повлиять на позицию России в духе умеренности. С этой целью в Петербург отправились флигель-адъютанты прусского короля с просьбой последнего дать такой ответ на ноту австрийского императора, который «король мог бы признать удовлетворительным для себя, а затем объявить Австрии, что после такого ответа у нее еще менее повода начинать с нами войну, а в противном случае он отказывается от Австрии»¹⁷³⁹. 26 июня царь сообщил Паскевичу, что ответ Австрии составлен в соответствующих формулировках¹⁷⁴⁰.

На аудиенции, данной графу В. Эстергази, Николай сказал, что оскорблен враждебной позицией Франца Иосифа, и что прежние близкие отношения между двумя монархиями никогда более не смогут существовать¹⁷⁴¹. Непросто определить, насколько искренен был российский император, повторяя прежде уже высказывавшуюся им мысль, что «интересы двух империй на Востоке общие»¹⁷⁴². Конкурентный характер австро-русских отношений на Балканах находился в очевидном противоречии с этим утверждением.

¹⁷³⁵ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 425.

¹⁷³⁶ Бутковский Я. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 51.

¹⁷³⁷ К. В. Нессельроде – А. М. Горчакову. 17(29).06.1854 // Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 358.

¹⁷³⁸ Там же. Позднее пришлось от этих предварительных требований отказаться.

¹⁷³⁹ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. С. 175.

¹⁷⁴⁰ Там же. С. 404–405.

¹⁷⁴¹ Esterházy an Buol. 6.07.1854 // AGKK. Serie I. Bd. 2. S. 247–248.

¹⁷⁴² Ibid. S. 247.

Первым практическим следствием австрийского ультиматума стали снятие осады Силистрии и отвод русских войск на левый берег Дуная 24 июня¹⁷⁴³. Начиная с 1853 г., Австрия систематически обращала внимание Петербурга на необходимость эвакуации княжеств. На это же, как на необходимое условие урегулирования кризиса, указывали Турция и морские державы. Николай, по всей видимости, не придавал особенного значения тому, что сразу четыре государства выступали единым фронтом по этому вопросу. Одной из причин мог быть тот факт, что в 1848 г. Россия занимала Молдавию и Валахию, к тому же на несколько лет, и тогда это действие не привело к международным осложнениям. Между тем, Паскевич еще в конце апреля 1854 г. призывал Николая вывести войска. Одним из решающих аргументов в пользу такого решения было, по мнению фельдмаршала, то, что Россия все равно будет вынуждена к этому, если Австрия вступит в войну¹⁷⁴⁴. Мейендорф своими письмами еще больше усиливал страх Паскевича перед ударом Австрии во фланг и тыл русской армии. 20 мая русский посланник выражал удивление, что в Петербурге еще мечтают о победах, невозможных в обстоятельствах, когда Россия уже имела против себя значительную часть Европы, и при этом рисковала увеличить число врагов¹⁷⁴⁵.

5 июля 1854 г. А. М. Горчаков прибыл в Вену. Месяц спустя он проинформировал Буоля о приказе Николая вывести войска из княжеств. В Вене могли констатировать, что русская угроза балканским интересам Австрии устранена, по крайней мере, временно. Франц Иосиф, получив это известие, выразил надежду, что по занятии этих областей австрийскими войсками мир вскоре будет достигнут¹⁷⁴⁶.

На некоторых современников наступательная политика Австрии производила сильное впечатление. Не думая о долгосрочных последствиях этих действий, видели их непосредственный результат. Казалось, будто Австрия укрепила собственные позиции в регионе. Л. Герлах полагал, что посредством оккупации княжеств Австрия возвращает

---

¹⁷⁴³ Переход через Дунай и осада Силистрии весной 1854 г. при полном понимании, что идти далее на юг невозможно, прежде всего, из-за позиции Австрии, – яркое свидетельство состояния растерянности и тупика, в котором оказалась восточная политика Николая I. Эти усилия диктовались во многом стремлением поддержать престиж империи. Генерал А. О. Дюгамель впоследствии приписывал Николаю I решающую роль в возникновении неудачной для России Крымской войны. См.: Дюгамель А. О. Указ. соч. С. 190.

В русской дунайской армии действия Вены вызывали сильнейшее возмущение. Один из участников кампании вспоминал: «Не так теперь ожесточены наши офицеры и солдаты против турок, несмотря на их кровавые обычаи, не так ожесточены против Франции и Англии, поднявших уже на нас оружие, как против австрийцев». См.: Алабин П. В. Указ. соч. Т. 2. С. 283.

¹⁷⁴⁴ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. С. 151.

¹⁷⁴⁵ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 164.

¹⁷⁴⁶ Briefe Kaiser Franz Josephs... S. 246.

свое положение на Востоке¹⁷⁴⁷. Настроение некоторых прежде умеренных австрийских дипломатов в этой обстановке стало воинственным. Изменения в риторике Прокеша отметил 14 июля Бисмарк: «Теперь он говорит: последствия Адрианопольского мира были для Австрии невыносимы; из этого рано или поздно должна была получиться война с Россией, сейчас благоприятный для этого момент...»¹⁷⁴⁸. В то же время, покидая Вену, П. К. Мейендорф произнес знаменательные в свете истории последующих десятилетий слова: «Мне лишь жаль молодого императора, поскольку его политика так глубоко нас оскорбила, что он может рассчитывать, пока он живет, не иметь ни одного спокойного часа»¹⁷⁴⁹.

Австрийский ультиматум действительно имел критическое значение для будущего австро-русских отношений. Австрия, несмотря на колебания своей крымской политики и то, что она так и не приняла участия в боевых действиях, заняла вполне определенную антирусскую позицию. В России этого не забывали никогда. В историографии высказывается мнение, что документ 3 июня является поворотным пунктом и в европейской истории, поскольку он положил начало «ожесточенной враждебности» между Австрией и Россией, кульминацией которой стал 1914 г. и крах империи Габсбургов¹⁷⁵⁰. По мнению И. Робертса, «предательская» политика Вены привела к перманентной вражде между Австрией и Россией, которая успешно эксплуатировалась Бисмарком в период объединения Германии¹⁷⁵¹. Однако пока что в Вене испытывали удовлетворение от результатов своих действий. Франц Иосиф с гордостью заявлял: «Прежде всего следует быть австрийцем, и поэтому я радуюсь, если оставить в стороне персону императора Николая, слабости, которую теперь демонстрирует Россия»¹⁷⁵². В октябре 1854 г. австрийский император писал матери, что будущее Австрии лежит на Востоке, а Россия там является ее «естественным врагом», поэтому необходимо вернуть ее влияние в регионе в те границы, из которых оно могло выйти лишь вследствие «прежней слабости и разъединенности»¹⁷⁵³. Говоря о «естественном враге», молодой монарх формулировал мысль, которой предстояло стать интегральной частью

¹⁷⁴⁷ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 2. S. 214.

¹⁷⁴⁸ Bismarck O. Op. cit. S. 160.

¹⁷⁴⁹ Цит. по: Lutz H. Op. cit. S. 406.

¹⁷⁵⁰ Rich N. Op. cit. P. 123.

¹⁷⁵¹ Roberts I. W. Op. cit. P. 228–229.

¹⁷⁵² Briefe Kaiser Franz Josephs... S. 232.

¹⁷⁵³ Ibid.

внешнеполитического мышления правящего слоя габсбургской империи до конца ее существования.

§ 3.5. Австрийская публицистика о России на Востоке накануне и в начале Крымской войны

При всей очевидности конкурентного характера австро-русских отношений на Балканах можно говорить о том, что использование только дипломатических источников при исследовании этой проблемы не дает достаточно рельефного представления о ней. Здесь на помощь приходят австрийские публицистические издания и периодика, вступившие в новую фазу развития незадолго до Крымской войны. Разные оттенки взглядов, проявляющихся в этих текстах, позволяют составить более многомерную картину того, как в монархии Габсбургов воспринимали место и роль России в восточном вопросе. Кроме того, уже современники отмечали периодические издания в качестве самостоятельного фактора международной политики. Русский дипломат и историк А. Г. Жомини вскоре после заключения Парижского мира писал: «Можно утвердительно сказать, что журналистика сделала более для взрыва восточного кризиса, чем все искусство европейской дипломатии...в особенности в Австрии все клеветы, направленные против нас, нашли отклик в органах либеральной партии, которая давно уже нас чуждалась»¹⁷⁵⁴. Доминирующее положение именно либеральных изданий на рынке австрийской периодики вело к быстрому распространению соответствующих представлений среди читающей публики.

Острота проблемы присутствия России на Востоке проявилась в первые же дни после отмены цензуры весной 1848 г. На страницах «Винер цайтунг», на время лишившейся присущей официозному изданию сдержанности, был опубликован развернутый текст, содержащий целый набор типичных представлений о восточном вопросе. В статье утверждалось, что Россия стремится приступить к турецкому наследству, и не как-нибудь, а через труп Австрии: «Осмыслите пророчество, существующее среди мусульман, что ровно через четыре столетия после завоевания Стамбула сыны Севера прогонят османов. Остается всего пять лет... Ваши гражданские

---

¹⁷⁵⁴ Жомини А. Г. Указ. соч. С. 161.

распри, ваша беспомощность и бездеятельность могут привести к осуществлению пророчества раньше времени»¹⁷⁵⁵. Одновременно автор провозглашал, что Дунай является жизненной артерией австрийского государства, его политической, военной и торговой основой. При этом подразумевалось, что Россия перекрывает эту артерию, и, таким образом, угрожает самому существованию Австрии. Русский сосед объявлялся «наследственным врагом европейской цивилизации», вследствие чего Австрия призывалась к объединению с Германией, чтобы не бояться России, а, наоборот, заставить ее дрожать и получить возможность выполнить свою всемирно-историческую миссию на Востоке¹⁷⁵⁶. Представление о восточной миссии Австрии, предопределенной уже ее названием, и о ее ответственности перед Германией в выполнении этого призвания, было широко распространено в Габсбургской монархии¹⁷⁵⁷. Контроль России над дельтой Дуная был наиболее ощутимой болевой точкой. Дунай называли «нашей отечественной рекой», устье которой, «к сожалению, по-прежнему находится под аргусовским взором северного автократа»¹⁷⁵⁸.

Одно из редких исключений в этом контексте представляет публикация статистики дунайского судоходства, полностью опровергающей частую критику австрийской прессой балканской политики России, включавшую тезис о затруднениях, чинимых Россией в дунайской торговле. Согласно этим данным, именно Адрианопольский мир отменил все препятствия для свободного судоходства по Дунаю и обеспечил многократный рост числа кораблей, проходящих через Сулинское гирло¹⁷⁵⁹. Оставалась, однако, зависимость Австрии от России в этом вопросе, которая вызывала раздражение.

«Ллойд» не ограничился критикой существующего положения, предложив конкретные меры для усиления австрийского влияния в регионе¹⁷⁶⁰. В частности, была высказана идея связывания нижнего Дуная с Адриатическим морем посредством железной дороги из Землина (совр. Земун) в Фиуме (совр. Риека). Предполагалось, что дорога будет иметь также политическое значение, так как с ее помощью Дунайские княжества получили бы новые пути сбыта для своей продукции и, вместо России и

¹⁷⁵⁵ Wiener Zeitung. Abend-Beilage. 2. April 1848. S. 2.

¹⁷⁵⁶ Ibid.

¹⁷⁵⁷ См., напр.: Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 70.

¹⁷⁵⁸ Der Lloyd. 3. August 1848. S. 1.

¹⁷⁵⁹ Der Lloyd. 20. November 1849. Morgen-Ausgabe. S. 1.

¹⁷⁶⁰ Т. М. Исламов отмечал, что в XIX в. стремление Австрии к расширению на Балканах уже не было, как прежде, преобладающе династическим, но во все большей степени буржуазно-капиталистическим. См.: Islamov T. The Balkan Policy... P. 32.

Турции, стали бы в торговом вопросе в большей степени ориентироваться на Австрию и Германию¹⁷⁶¹. Обращалось внимание на стратегическую значимость такой коммуникации: с ее помощью в случае войны с Россией австрийские войска в короткое время могли быть перемещены с Адриатического моря в южную Россию, не используя при этом Дарданеллы и Черное море¹⁷⁶².

Намерение России осуществлять дальнейшую экспансию на Балканах представлялось несомненным. В период обострения отношений Вены и Петербурга с Портой из-за польско-венгерских революционеров осенью 1849 г. в газетах был опубликован слух, согласно которому Петербург снимет претензии, если Турция откажется от суверенитета над Дунайскими княжествами и признает их самостоятельность под покровительством России¹⁷⁶³. В «Винер боте» было перепечатано сообщение из «Аугсбургер альгемайне цайтунг»¹⁷⁶⁴ о подготовке Россией в следующем году операций против Турции, якобы имеющих целью получить опорный пункт в районе Дарданелл¹⁷⁶⁵. В годы, предшествовавшие Крымской войне, в европейском общественном мнении крепло убеждение в том, что осуществление гегемонистских планов России в регионе становится все ближе. Существовало довольно устойчивое представление о неравноправных отношениях России и Турции, третировании Петербургом Стамбула. Укреплению этого представления служило распространение соответствующих слухов. Например, о готовности России провести флот через проливы силой после отказа Турции на соответствующий запрос¹⁷⁶⁶. Традиционную подозрительность вызывала поддержка Петербургом – как действительная, так и мнимая – балканских славян¹⁷⁶⁷. Ввиду как бы «нависающей» над Балканами России, Турция приобретала черты естественного союзника Австрии.

Для подкрепления тезиса о чрезмерности русских амбиций использовали публикации западноевропейской прессы, которые, кроме того, помогали

---

¹⁷⁶¹ Der Lloyd. 21. September 1848. S. 3.

¹⁷⁶² Ibid.

¹⁷⁶³ Der Wiener Bote. 9. November 1849. S. 4.

¹⁷⁶⁴ Издаваемая за пределами монархии «Augsburger Allgemeine Zeitung» имела особенное значение для австрийской аудитории: с ней сотрудничало австрийское правительство, там нередко публиковались австрийские авторы.

¹⁷⁶⁵ Der Wiener Bote. 25. Dezember 1849. S. 4.

¹⁷⁶⁶ Der Wiener Bote. 13. März 1849. S. 3.

¹⁷⁶⁷ Die Presse. 19. Januar 1850. S. 2.

продемонстрировать общее неприятие европейскими державами русского присутствия в регионе¹⁷⁶⁸.

В 1850 г., на фоне состоявшегося участия России в подавлении венгерского восстания и ожидавшейся помощи в германском вопросе, муссировались слухи о якобы ведущихся переговорах между русским и австрийским правительствами о передаче России австрийского Котора на адриатическом побережье¹⁷⁶⁹. Что подкрепляло страх дальнейшего «окружения» Австрии Россией, сопровождающегося занятием зон австрийского влияния.

Представление о нижнем Дунае как области австрийских и немецких интересов получило к рассматриваемому периоду широкое распространение также в среде высшей австрийской бюрократии. Активное продвижение немецкой культуры в дунайском пространстве считал императивом для Австрии К. Брук, занимавший в разные годы посты министра торговли, финансов и австрийского интернунция в Константинополе¹⁷⁷⁰. Одним из мотивов было недопущение преобладания России.

Не скованные должностными ограничениями публицисты откровенно писали уже не просто о желательности австрийского влияния в регионе, а о претензиях на часть турецкого наследства. Например, по мнению К. Мёринга, Австрия должна была расширить территорию до границ Венгрии накануне турецкого завоевания, куда, в его представлении, входили земли от Адриатики до Черного моря, включая Молдавию с границей по Пруту¹⁷⁷¹. То, что для реализации подобной цели придется воевать не только с Турцией, но и, в первую очередь, с Россией, Мёринга, очевидно, не смущало. Похожего взгляда придерживался Шузелька, включая в прежние венгерские территории Болгарию и напоминая, что, потеряв эти земли, Венгрия никогда не отказывалась от своего права на них. Поэтому было вполне естественно признать это право за австрийским императором, бывшим одновременно венгерским королем¹⁷⁷².

В атмосфере подобных ожиданий в марте 1853 г. пришло известие о прибытии в Константинополь А. С. Меншикова. Еще не успев составить представления о целях миссии, австрийские публицисты заподозрили Россию в стремлении получить в Турции

¹⁷⁶⁸ См., напр.: Der Lloyd. 9. März 1849. S. 4.

¹⁷⁶⁹ Die Presse. 22. Februar 1850. S. 2.

¹⁷⁷⁰ Bruck C. L. Die Aufgaben Oesterreichs... S. 27.

¹⁷⁷¹ Moering K. Op. cit. Bd. 2. S. 90–91.

¹⁷⁷² Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 110. Австрия, писал Шузелька, не желает распада Турции, но ее сохранение надолго невозможно, и на этот случай надо быть готовым (Ibid. S. 127.).

исключительные права, высказав предположение, что этой акцией Петербург стремится к подписанию трактата, подобного Ункяр-Искелесийскому¹⁷⁷³. Почти сразу прозвучала мысль об обусловленности русского демарша миссией Лейнингена. По мнению Шузельки, отправляя Меншикова в Константинополь, Россия пыталась превзойти успех Австрии¹⁷⁷⁴. Активизацию восточной политики России связал с успехом миссии Лейнингена видный австрийский журналист, редактор «Ллойда» Эдуард Варренс¹⁷⁷⁵. Была высказана гипотеза, что одна из задач миссии – добиться от Турции уступки порта Батум и прилегающей к нему территории за деньги¹⁷⁷⁶. Поскольку было хорошо известно о религиозном аспекте русско-турецких разногласий, предполагали, что Меншиков потребует исключительной зависимости греческого патриарха от петербургского Святейшего Синода¹⁷⁷⁷.

Персона главы миссии сразу стала обрастать легендами, тематически связанными с восточным вопросом. Утверждалось, что еще при Александре I он подал в отставку, потому что царь уклонился от того, чтобы оказать вооруженную помощь восставшим грекам¹⁷⁷⁸. Акцентировали внимание на самоуверенной манере, в которой чрезвычайный русский посол общался с турецкими сановниками: «Он приехал как посланник сюзерена к своему вассалу... чтобы требовать, а не чтобы вести переговоры»¹⁷⁷⁹. Политика, которую он представлял в Константинополе, характеризовалась как политика «раздраженных чувств», которая, каким бы ни был ее ближайший исход, будет вредна России в будущем¹⁷⁸⁰. Следует отметить определенную долю справедливости этой характеристики.

С подозрительностью воспринимая новости о русской миссии, австрийские газеты выражали надежду на мирное урегулирование разногласий¹⁷⁸¹. Эти надежды отражали стремление монархии избежать дестабилизации на Востоке, особенно после того, как она незадолго до этого внешне успешно решила там собственную задачу.

¹⁷⁷³ Die Presse. 31. März 1853. S. 3.

¹⁷⁷⁴ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. X.

¹⁷⁷⁵ Warrens E. Die orientalische Frage. Wien, 1854. S. 6.

¹⁷⁷⁶ Die Presse. 13. April 1853. S. 6.

¹⁷⁷⁷ Die Presse. 19. April 1853. S. 5.

¹⁷⁷⁸ Die Presse. 6. April 1853. S. 3.

¹⁷⁷⁹ Warrens E. Op. cit. S. 7.

¹⁷⁸⁰ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 66.

¹⁷⁸¹ Die Presse. 28. April 1853. S. 5.

В контексте русско-турецкого спора на первый план закономерно вышла тема Дунайских княжеств¹⁷⁸². Уже в начале мая была обозначена нежелательная для Австрии перспектива занятия Молдавии и Валахии русскими войсками¹⁷⁸³. На фоне неоднократных попыток венского кабинета отговорить Петербург от этого шага¹⁷⁸⁴, газеты призывали к сохранению мира в Европе¹⁷⁸⁵.

После вступления русской армии в княжества писали о протурецкой позиции их населения, не забывшего о присоединении Россией Бессарабии в 1812 г.¹⁷⁸⁶. Сообщалось об антирусских настроениях жителей Малой Валахии¹⁷⁸⁷, что, вероятно, объяснялось особым отношением австрийцев к области, в XVIII в. непродолжительное время бывшей частью державы Габсбургов. С другой стороны, бухарестский корреспондент «Прессе» не стеснялся сгущать краски, сообщая, что относительно своей конечной судьбы население настроено безропотно, и эту землю «уже давно считают русской собственностью»¹⁷⁸⁸. Говоря об угрожающем территориальном росте России, публицисты стремились придать своим рассуждениям более объективный характер, в результате чего могли появляться такие формулировки: «Стремясь расшириться во всех направлениях, Россия...лишь выполняет предназначенную ей обстоятельствами и природой вещей миссию»¹⁷⁸⁹.

Трактуя румынский сюжет, австрийские авторы затрагивали, в том числе, тему русско-германских отношений. Сообщая о русских войсках, обращали внимание на заметное присутствие немцев в офицерском корпусе, уточняя, что главные должности все же занимают русские¹⁷⁹⁰. Отмечалось, что между русским и немецким элементом войск, особенно среди старших офицеров, заметно «ревнивое напряжение»¹⁷⁹¹.

«Прессе» активно цитировала французские и английские издания, которые не сдерживались в оценках русской политики¹⁷⁹². На мысль о высказывании редакцией собственной позиции чужими устами наводит тот факт, что содержание особенно английской критики русской политики практически идентично тому, что сама «Прессе»

¹⁷⁸² См. Михеев М. Г. «Русские, саранча и холера»: «Прессе» о присутствии России в Дунайских княжествах (1848–1854 гг.) // Человеческий капитал. 2024. № 5(185). С. 23–32.

¹⁷⁸³ Die Presse. 8. Mai 1853, S. 7; 21. Mai 1853, S. 5.

¹⁷⁸⁴ Hübner J. A. Op. cit. Bd. I. S. 82.

¹⁷⁸⁵ Die Presse. 10. Juni 1853, S. 4.

¹⁷⁸⁶ Die Presse. 21. August 1853, S. 5.

¹⁷⁸⁷ Die Presse. 12. November 1853, S. 9.

¹⁷⁸⁸ Die Presse. 16. September 1853, S. 4.

¹⁷⁸⁹ Der russisch-türkische Streit... S. 1.

¹⁷⁹⁰ Die Presse. 21. Januar 1854, S. 12.

¹⁷⁹¹ Die Presse. 31. Juli 1853, S. 5.

¹⁷⁹² См., напр.: Die Presse. 9. August 1853, S. 5.

по этому вопросу писала в 1848–1849 гг. Так, 27 августа было опубликовано переложение статьи *The Times* об ответственности России в заиливании устья Дуная и вреде этого для европейской торговли¹⁷⁹³. Перед Крымской войной в Австрии и Европе в целом было распространено представление, что Россия сознательно препятствует нормальному осуществлению торговли по Дунаю¹⁷⁹⁴. Теперь указывали на трудности венских торговых домов, ведущих дела с Востоком, в условиях русско-турецкого конфликта¹⁷⁹⁵. Чувствительность в торговом вопросе не случайна, поскольку к этому моменту вывозная торговля хлебом в княжествах находилась по преимуществу в руках австрийских подданных¹⁷⁹⁶.

В то же время, летом 1853 г. газеты еще указывали на широкую распространенность в английских и французских изданиях «клеветы» о мнимых захватнических планах России¹⁷⁹⁷. Внимание публицистов было обращено на влияние Парижа и Лондона на Порту. В соответствии с прогнозом, сделанным «Ллойдом», исходом восточного кризиса должно было стать «унижение подстрекаемой Францией и особенно Англией Турции». Издание выражало надежду, что в будущем Порты будет осторожнее в выборе друзей¹⁷⁹⁸. Учитывая обстоятельства момента, этот комментарий может быть воспринят как намек на то, что более подходящим другом Турции могла бы стать именно Австрия.

Европейская констелляция середины 1853 г. предоставила Вене возможность выступить в качестве медиатора и, таким образом, укрепить авторитет как в Турции, так и среди великих держав, что представлялось особенно актуальным после удара, нанесенного по международному реноме Австрии в ходе событий 1848–1849 гг. Понимание этого было распространено у части публики и получило отражение в прессе, подчеркивавшей посредническую роль Австрии¹⁷⁹⁹. Надежда на мирное урегулирование кризиса сохранялась, но вместе с тем не забывали обращать внимание на необходимость вывода русских войск из княжеств¹⁸⁰⁰.

Многие в Австрии были склонны усматривать источник восточных затруднений в агитации русской «славянской партии» в пользу православной церкви в Турции. У

¹⁷⁹³ *Die Presse*. 27. August 1853, S. 5.

¹⁷⁹⁴ См. подробнее об этом: Водрачка К. Как измеряли дунайское русло // *Родина*, 2010, № 11. С. 105–109.

¹⁷⁹⁵ *Die Presse*. 1. Dezember 1853, S. 3.

¹⁷⁹⁶ Тарле Е. В. Крымская война... Т. 8. С. 259.

¹⁷⁹⁷ *Die Presse*. 11. August 1853. S. 4.

¹⁷⁹⁸ *Der Lloyd*. 11. August 1853. *Abendbeilage*. S. 2.

¹⁷⁹⁹ *Die Presse*. 2. Juli 1853. S. 4; 29. Juli 1853. S. 4.

¹⁸⁰⁰ *Die Presse*. 7. August 1853, S. 4.

российского императора воинственных намерений не обнаруживали. А вот, например, А. С. Меншиков, согласно этой интерпретации, представлял не только славянские, но преимущественно церковные интересы России, которые примерно совпадали с интересами «московитства»¹⁸⁰¹.

Гипотезу о существовании агрессивной фракции в высшем петербургском обществе разделяли не только журналисты. Меттерних в это время предполагал, что причина нежелательного выступления России в восточном вопросе – деятельность «ультрарусской партии», под влияние которой попал император¹⁸⁰². Франц Иосиф год спустя также говорил о пагубном влиянии на Николая I «одной влиятельной партии»¹⁸⁰³. А узнав о занятии княжеств, высказал убеждение, что царя «подталкивает партия православной церкви»¹⁸⁰⁴. Эта «партия» в сознании упоминавших о ее существовании, имела достаточно абстрактный характер: какие-либо имена почти не назывались. В качестве исключения, кроме уже упомянутого Меншикова, встречается утверждение о недружелюбности по отношению к Австрии великого князя Константина Николаевича¹⁸⁰⁵.

За требованиями Россией соблюдения прав турецких христиан подозревали вполне мирские интересы, отмечая, что «русские требования касательно гроба Господня были лишь плавным рычагом для повышения авторитета России на Востоке»¹⁸⁰⁶. Тем не менее, Австрии было бы выгодно добиться примирения Порты с Петербургом, чтобы обеспечить необходимый противовес влиянию Англии в Турции¹⁸⁰⁷. Таким образом, было желательно не допустить исключительного преобладания на Востоке любой державы, если, конечно, речь не шла об Австрии.

В том, что касается положения Молдавии и Валахии, своеобразный вариант урегулирования был сформулирован «Ллойдом», предложившим нейтрализацию княжеств под общей гарантией всех держав¹⁸⁰⁸. Подобный вариант действительно мог бы оказаться привлекательным для Австрии, поскольку блокировал путь России на Балканы, а для Вены исчезала угроза «охвата» Австрии Россией с юга, и появлялся большой простор для собственной экспансии в западной части полуострова.

¹⁸⁰¹ Die Presse. 5. Juli 1853. S. 5.

¹⁸⁰² Metternich K. Briefe des Staatskanzlers... S. 114.

¹⁸⁰³ Ernst II Herzog von Sachsen-Coburg-Gotha. Op. cit. Bd. 2. S. 171.

¹⁸⁰⁴ Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 294.

¹⁸⁰⁵ Ibid. S. 310.

¹⁸⁰⁶ Die Presse. 12. Juli 1853. S. 4.

¹⁸⁰⁷ Ibid.

¹⁸⁰⁸ Der Lloyd. 18. August 1853. Abendbeilage. S. 1.

В принятии русским правительством Венской ноты увидели доказательство миролюбия и осторожности Николая I¹⁸⁰⁹. Ответственность за то, что спокойствие на Востоке до сих пор не восстановлено, возлагали в этот момент на Турцию¹⁸¹⁰. На урегулирование конфликта продолжали надеяться даже после манифеста султана об объявлении войны. Последний объясняли как вынужденную уступку воинственному настрою турецкого населения, и полагали, что при возможности Порты готова снова «вложить меч в ножны»¹⁸¹¹. Даже действия британского посла в Константинополе С. Каннинга в этот момент интерпретировали как нацеленные на мирный исход¹⁸¹². Константинопольский корреспондент «Ллойда» отмечал, что в зимний период не следует ожидать активных боевых действий, «воинственный пыл» турок за это время охладится, они почувствуют нехватку денег, и тогда дипломатические переговоры получат более предсказуемый ход¹⁸¹³. «Прессе» снова подчеркивала, что, пока австрийское правительство прикладывает посреднические усилия, «от надежды на мирное решение вообще не следует отказываться»¹⁸¹⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что лидер австрийской журналистики «Прессе» в течение 1853 г. в целом выдерживал по отношению к России нейтральный тон. Ситуацию не поменял даже тот факт, что занятие Россией княжеств, в отличие от 1848 г., произошло без согласия Порты. Это обстоятельство особенно заметно на контрасте с антирусской риторикой газеты при освещении темы Дунайских княжеств в 1848–1850 гг., когда Австрия нуждалась в поддержке России. Трудно сказать определенно, была ли эта сдержанность в 1853 г. следствием указаний правительственных органов или настроением самой редакции, которая, как и правительство, не хотела стать свидетелем того, как боевые действия разворачиваются у австрийских границ. В пользу второго предположения говорит то, что даже «Ллойд», приобретший впоследствии репутацию ярко выраженной антирусской газеты¹⁸¹⁵, придерживался в это время умеренного курса при освещении сюжетов, связанных с Россией.

¹⁸⁰⁹ Die Presse. 16. September 1853. S. 4.

¹⁸¹⁰ Die Presse. 24. September 1853. S. 6.

¹⁸¹¹ Die Presse. 18. Oktober 1853. S. 4.

¹⁸¹² Die Presse. 19. Oktober 1853. S. 4.

¹⁸¹³ Der Lloyd. 17. Oktober 1853. Abendbeilage. S. 1.

¹⁸¹⁴ Die Presse. 22. Oktober 1853. S. 4.

¹⁸¹⁵ «Ллойд» занимал настолько русофобскую позицию, что в конце 1854 г. власти были вынуждены его закрыть, чтобы не разжигать в публике чрезмерные страсти и не осложнять обострившиеся отношения с Россией.

«Прессе» к концу года по-прежнему отмечала готовность Николая I к переговорам, если такая инициатива поступит от Турции¹⁸¹⁶. И выражала уверенность в личной честности царя, являвшейся, по мнению редакции, залогом сохранения европейского равновесия¹⁸¹⁷. В этот период вновь проявилось существовавшее в общественном мнении Австрии определенное разграничение между личностью российского императора и Россией. Корреспондент «Ллойда» в русской Польше сообщал, что в России «настроены совершенно против мира... Поэтому нельзя не видеть, что император заметно преодолевает себя, отвечая на посредничество и предложения европейских дворов в пользу мира...»¹⁸¹⁸. Николай I, таким образом, вызывал своего рода симпатию и доверие, что едва ли можно сказать о стране, которой он правил.

Дальнейшая эскалация конфликта в Австрии – как на правительственном, так и на общественном уровне – прочно связывалась с ростом революционной угрозы. «Ллойд» писал об этом прямо, причем возлагал ответственность за начало войны на сторонников Турции в Англии¹⁸¹⁹.

Реакция на уничтожение турецкого флота в Синопе была достаточно сдержанной. Делалось даже предположение, что это событие может способствовать заключению мира, поскольку, отстояв военный престиж, России будет легче согласиться на последнюю коллективную ноту четырех держав¹⁸²⁰. Ожидали, что следующий успех русских войск побудит султана к миру¹⁸²¹. В какой-то мере эта интерпретация соответствовала настроению Франца Иосифа, который был обрадован новостями о русских победах в Синопе и при Ахалцихе¹⁸²².

Участие Вены в подготовке коллективной ноты 5 декабря, ставшее несомненным свидетельством дистанцирования Вены от Петербурга, австрийская пресса не считала индикатором смены курса. Напротив, утверждалось, что «мы по-прежнему признаем в тесной дружбе между обоими великими монархами надежнейший залог мира и

¹⁸¹⁶ Die Presse. 25. November 1853. S. 6.

¹⁸¹⁷ Die Presse. 4. Dezember 1853. S. 6.

¹⁸¹⁸ Der Lloyd. 3. Dezember 1853. Abendbeilage. S. 1.

¹⁸¹⁹ Der Lloyd. 21. November 1853. Abendbeilage. S. 1. Шуфелька, с другой стороны, подчеркивал, что на руку революционерам играет политика России. По его мнению, своим выступлением против Турции Россия «наполнила радостью и поощрила к новым надеждам революционную партию во всей Европе. Это должно быть для нее несомненным указанием, что она сама находится на революционном пути, хотя, конечно, и с совершенно антиреволюционными целями». См.: Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 67.

¹⁸²⁰ Die Presse. 13. Dezember 1853. S. 6.

¹⁸²¹ Der Lloyd. 7. Dezember 1853. Abendbeilage. S. 1.

¹⁸²² Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 312.

консервативных интересов Европы»¹⁸²³. Действия венского кабинета оценивали, скорее, как миротворческие усилия, которые, к тому же, могли повысить международный авторитет Австрии¹⁸²⁴.

Но если пресса, вынужденная оглядываться на цензуру, проявляла осторожность, то, например, Ф. Шузелька, имевший возможность публиковаться за пределами Австрии, призывал к возврату утраченных Австрией в прошлом позиций, откровенно указывая на необходимость вступить в активную борьбу с Россией: «...как когда-то (1683) в турецкой напасти (Türkennoth), так теперь в русской напасти (Russennoth) искренний защитник Австрии должен подать сигнал: «Ради Бога, не терять больше времени!»¹⁸²⁵. Тогда Вена была осаждена турками, теперь вся Австрия осаждена русскими...Тогда защита воспринималась как заслуга, теперь же она влечет риск быть расцененной как преступление, поскольку теперь опасный враг рассматривается как благодетельный друг»¹⁸²⁶. Австрия, писал Шузелька, «должна открыть и удерживать открытыми пути на Восток самому талантливому народу Земли (dem berufensten Culturvolk der Erde), она должна не допустить того, чтобы и там, как в России, немецкие силы использовались против Германии»¹⁸²⁷. В пользу влияния немцев на Востоке на страницах публицистики этого периода можно встретить и более непосредственные аргументы. В одном из изданий утверждалось, что, поскольку Дунай впадает в Черное море, Германия обладает правом доступа в его акваторию¹⁸²⁸.

При рассмотрении международных вопросов в более широком контексте австрийские наблюдатели даже в это время, по мере приближения Франции и России к столкновению, не теряли из виду перспективу франко-русского союза. Парижский корреспондент «Ллойда» писал о внимании, которое привлек визит принца Наполеона в Вюртемберг, где он открывал бал вместе с великой княжной Ольгой Николаевной. По словам журналиста, это интерпретировалось, как попытка франко-русского сближения¹⁸²⁹. Шузелька отмечал возможность заключения между Парижем и Петербургом союза, по условиям которого Россия получала бы проливы, а Франция –

¹⁸²³ Die Presse. 23. Dezember 1853. S. 6.

¹⁸²⁴ Die Presse. 1. Januar 1854. S. 6.

¹⁸²⁵ Знаменитый призыв Э. Р. Штаремберга – коменданта Вены во время ее осады турками в 1683 г.

¹⁸²⁶ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 117.

¹⁸²⁷ Ibid. S. 121.

¹⁸²⁸ Der russisch-türkische Streit... S. 89.

¹⁸²⁹ Der Lloyd. 7. November 1853. Abendbeilage. S. 2.

«естественную границу» на Рейне. Автор напоминал, что незадолго до июльской революции 1830 г. между Францией и Россией велись подобные переговоры¹⁸³⁰. По его мнению, две державы были объединены общими особенностями национального самолюбия, проявлявшимися в том, что и для той, и для другой слава отечества была важнее его интересов, для обеих важно было господствовать над другими народами, обеим было присуще ненасытное стремление к расширению¹⁸³¹. Для предотвращения этой двусторонней угрозы публицист призывал Пруссию и Австрию защищать Германию на Рейне и на Дунае соответственно¹⁸³².

Скепсис по отношению к русской внешней политике прозвучал даже из консервативного лагеря Австрии, настроенного к России вполне комплиментарно и редко прибегавшего к публичному формулированию своей позиции. К. Фикельмон в период турецкого кризиса посвятил несколько публикаций роли России в восточном вопросе. Отталкиваясь от роста антирусских настроений в общественном мнении Запада, он начал с рассуждения о том, что русская угроза Европе преувеличена, и даже не потому, что русские не стремятся к завоеваниям, а потому, что они не смогут их осуществить¹⁸³³. Фикельмон писал о чрезмерной национальной гордости русских, развившейся вследствие военных побед до такой степени, что они даже объявили Россию святой землей¹⁸³⁴. В этом случае автор буквально истолковал понятие «Святая Русь». Проблема русского влияния в Турции существовала и для него. Самым надежным средством снизить ее остроту Фикельмону представлялся мир¹⁸³⁵. Даже этот симпатизирующий России государственный деятель считал ее естественной границей на Юго-Западе Днестр¹⁸³⁶. Таким образом, присоединение Россией Бессарабии и дунайского устья в 1812 и 1829¹⁸³⁷ гг. автоматически должно было расцениваться как противоестественное развитие событий. В вероятности его продолжения был убежден Франц Иосиф, в январе 1854 г. высказавший мнение, что стремление России играть роль державы-покровительницы христиан Востока – только первый шаг к обладанию покровительствуемыми¹⁸³⁸.

¹⁸³⁰ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 74.

¹⁸³¹ Ibid. S. 83.

¹⁸³² Ibid. S. 75.

¹⁸³³ Ficquelmont C. L. Russland's Politik und die Donaufürstenthümer. Wien, 1854. S. 30.

¹⁸³⁴ Ficquelmont C. L. Die religiöse Seite... S. 56.

¹⁸³⁵ Ibid. S. 80.

¹⁸³⁶ Ficquelmont C. L. Russland's Politik... S. 110.

¹⁸³⁷ Типичным было представление о том, что Адрианопольский мир превратил Турцию почти в вассала России. См., напр.: Die Presse. 4. September 1853. S. 5.

¹⁸³⁸ Kempen von Fichtenstamm J. F. Op. cit. S. 315.

Несмотря на подозрительность в отношении намерений России, отдаление от Петербурга и сближение с западными державами давалось Вене нелегко. Трудности этого процесса находили отражение и в публицистике. Переломной точкой в трактовке газетами восточного кризиса в известной степени можно считать редакционную статью «Прессе» 13 января 1854 г., в которой прямо говорилось, что в случае необходимости Австрия действительно «могла бы даже в ы н у д и т ь (разрядка в источнике – М. М.) у России заключение мира»¹⁸³⁹. Если бы Австрия бросила свой вес на чашу западных держав, у России настолько бы уменьшилась возможность реализовать свои требования, что разум потребовал бы от нее принять предложения противников¹⁸⁴⁰. Если бы этот временный триумф, писала газета, достигал всех целей и решал бы навсегда все жизненные вопросы Австрии, авторы ничего бы не имели против такой политики. Однако таким образом Австрия таскала бы каштаны из огня для Англии и Франции¹⁸⁴¹. Кроме того, Россия тогда из надежного друга стала бы непримиримым врагом Австрии, что последняя едва ли могла себе позволить из-за сложного финансового и внутривосточного положения. Поэтому авторы статьи советовали сдержанность в политике, исключаящую давление, направленное на очищение Россией Дунайских княжеств¹⁸⁴². Несмотря на примирительный тон публикации, в ней, по-видимому, впервые была открыто обозначена перспектива австро-русского конфликта. Причем по сценарию, включающему требование эвакуации княжеств, что и было реализовано впоследствии.

Постепенная метаморфоза в редакционной политике «Прессе» происходила вместе с изменениями в действиях венского кабинета, объявившего в начале февраля 1854 г. о размещении на границе с Малой Валахией 25-тысячного армейского корпуса, численность которого вскоре была удвоена. Газета отмечала, что эта мера является не угрозой одним и обещанием другим, а свидетельством того, что австрийскую политику должны и будут определять только австрийские интересы. Подчеркивалось, что нейтралитет будет сохраняться, пока война не приобретет завоевательный или революционный характер¹⁸⁴³. Обозначение такой перспективы было адресовано России. На изменение ситуации указывало упоминание статьи английской «Кроникл» (Chronicle),

---

¹⁸³⁹ Die Presse. 13. Januar 1854. S. 6.

¹⁸⁴⁰ Ibid.

¹⁸⁴¹ Ibid.

¹⁸⁴² Ibid.

¹⁸⁴³ Die Presse. 24. Februar 1854, S. 6.

где утверждалось, что Австрия требует от России согласия на очищение княжеств¹⁸⁴⁴. Вероятнее всего, эти публикации стали реакцией на миссию А. Ф. Орлова в Вену¹⁸⁴⁵.

В этот же период появляются публикации, утверждавшие, что Россия провоцирует выступления турецких христиан¹⁸⁴⁶. Распространялись непроверенные слухи, как, например, сообщение о якобы имеющем место подстрекании черногорцев открыть враждебные действия против турок¹⁸⁴⁷. В марте прозвучала констатация того, что миротворческие усилия и благожелательная к России позиция Австрии не дали результата. Возможная вовлеченность Вены в конфликт ставилась в зависимость, в том числе, от масштабов революционного брожения в турецких провинциях¹⁸⁴⁸. Этим снова подчеркивалось, что результатом действий России является рост революционной угрозы.

Общественное сознание быстро отреагировало восточный конфликт в качестве возможности для Австрии избавиться от того, что воспринималось как опека России. О подписании Австрией протокола конференции четырех от 13 января и призыве к России согласиться на его условия говорилось: «Австрия достаточно ясно указала на свою независимость от России и доказала, что она не намерена жертвовать своим европейским положением в пользу государства, по отношению к которому чувствует себя столь обязанной»¹⁸⁴⁹. В этом контексте вполне объяснимо внимание, которое было обращено на публикацию в Англии донесений британского посла в Петербурге Г. Сеймура о беседах с Николаем I по восточному вопросу в начале 1853 г.¹⁸⁵⁰. Слова Николая I об Австрии, произнесенные тогда, наносили удар по самолюбию австрийцев.

Как бы предупреждая упреки Австрии в «неблагодарности» России, оригинальный софистический прием использовал Э. Варренс. Признавая необходимость для Австрии русской помощи в борьбе с революцией, он интерпретировал успех России в войне с Турцией 1828–1829 гг. как результат совершенной «с тяжелым сердцем» уступки со стороны Австрии. В его формулировке это была «предоплата за будущие услуги»¹⁸⁵¹. К

---

¹⁸⁴⁴ Die Presse. 10. Februar 1854, S. 7.

¹⁸⁴⁵ См. Гл. 3, § 4.

¹⁸⁴⁶ Die Presse. 21. Februar 1854. S. 6.

¹⁸⁴⁷ Die Presse. 30. März 1854. Abendblatt. S. 1.

¹⁸⁴⁸ Die Presse. 8. März 1854, S. 6.

¹⁸⁴⁹ Der russisch-türkische Streit... S. 60.

¹⁸⁵⁰ Die Presse. 23. März 1854. Abendblatt. S. 1.

¹⁸⁵¹ Warrens E. Op. cit. S. 11–12.

тому же в начавшемся кризисе, по его мнению, Россия своим прежним союзникам могла принести революцию, а не защиту от нее¹⁸⁵².

В Австрии хорошо понимали свое во многом ключевое положение в нарастающем конфликте. Это давало основание для уверенности, что ни одна из сторон не будет столь безумна, чтобы «заставлять» Австрию принять то или иное решение¹⁸⁵³. Одновременно акцентировалась необходимость солидарного действия Австрии с остальной Германией: «Австрия, Пруссия и Германия, если они держатся вместе, представляют собой силу, которая в войне не присоединяется ни к той, ни к другой стороне, но в случае необходимости предлагает им свое посредничество и не принимает безразлично отклонение такового»¹⁸⁵⁴. Снова провозглашалось, что австрийские интересы в восточном вопросе одновременно являются и германскими интересами¹⁸⁵⁵.

Безуспешная миссия А. Ф. Орлова, а также ожидавшийся весной переход русских войск через Дунай способствовали дальнейшему отчуждению Вены от Петербурга, отразившемуся и в периодике. Теперь писали уже о том, что Австрия желает успеха западным державам, поскольку они действуют «в интересах Европы»¹⁸⁵⁶. Выражалась откровенная надежда на то, что они достигнут успеха без затрат со стороны Австрии. Однако здесь же допускалась возможность участия монархии в войне, если произойдут серьезные изменения не в пользу Англии и Франции или восстание в граничащих с Австрией турецких областях¹⁸⁵⁷. Приведенные формулировки показывают, что Россия теперь прямо объявлялась виновником кризиса, а ее сдерживание – защитой европейского интереса. Русская политика откровенно характеризовалась как ошибочная: «...мы убеждены, что русское правительство, совершенно без необходимости вызвав опасность европейской войны, помимо моральной неправоты, также совершило большую политическую ошибку, так как принесло свою истинную славу, состоящую в спокойном поступательном цивилизовании собственного народа, в жертву неверно понятому честолюбию»¹⁸⁵⁸. Одновременно с этим – по совпадению как раз накануне объявления

---

¹⁸⁵² Ibid. S. 12.

¹⁸⁵³ Die Presse. 1. März 1854. S. 6.

¹⁸⁵⁴ Der russisch-türkische Streit... S. 61.

¹⁸⁵⁵ Die Presse. 12. März 1854. S. 6.

¹⁸⁵⁶ Die Presse. 9. März 1854. S. 6.

¹⁸⁵⁷ Ibid.

¹⁸⁵⁸ Die Presse. 25. März 1854. S. 6.

Англией и Францией войны России – была заявлена претензия на участие Австрии в определении условий будущего мира¹⁸⁵⁹.

Обратили внимание и на неудобства сложившегося на Балканах положения для австрийской торговли. Высказывалось опасение, что введенный русской администрацией запрет на вывоз зерна и мяса из княжеств в Черное море будет распространен на движение товаров вверх по течению Дуная. Указывалось, что такое действие может повлиять на нейтралитет Австрии¹⁸⁶⁰, что было уже прямой угрозой России.

Не исключено, что изменение риторики газет было вызвано целенаправленными действиями правительства. Согласно Я. Н. Бутковскому, во второй половине марта 1854 г. австрийское министерство внутренних дел распространило по редакциям газет основания для руководства печати в восточном вопросе, где говорилось, что Австрия не одобряет русскую политику, а занятие княжеств является нарушением «народного права»¹⁸⁶¹. Об аналогичном документе упоминает А. Беер¹⁸⁶². Изменениям должна была также способствовать эволюция международной обстановки, когда стала очевидной неизбежность вступления в войну западных держав. Преимущество в разрастающемся конфликте было на стороне противников России, и газеты вслед за венским кабинетом дрейфовали в их сторону. Существовало и обратное влияние: общественность заставляла считаться с собой дипломатов. 26 марта Прокеш, анализируя возможные варианты австрийской политики, указал на то, что гипотетическое присоединение к России в этом конфликте, помимо вероятного столкновения с западными державами, повлекло бы за собой «парализующее давление общественного мнения»¹⁸⁶³. Э. Мантейфель, описывая ситуацию в Вене в это время, отметил страх Буоля «перед напором возбужденного против России общественного мнения»¹⁸⁶⁴.

Традиционная забота Российской империи о правах балканских христиан дала австрийской публицистике повод утверждать, что царизм подчинил православную церковь своим политическим целям¹⁸⁶⁵. В связи с приписывавшимся России православным мессианством снова всплыл на поверхность весенний манифест Николая I

¹⁸⁵⁹ Ibid.

¹⁸⁶⁰ Die Presse. 29. März 1854, S. 6.

¹⁸⁶¹ Бутковский Я. Н. Указ. соч. Т. 2, С. 43.

¹⁸⁶² Beer A. Op. cit. S. 471–472.

¹⁸⁶³ Prokesch-Osten A. Aus den Briefen... S. 368.

¹⁸⁶⁴ Gerlach L. Denkwürdigkeiten... Bd. 2. S. 128.

¹⁸⁶⁵ Die Presse. 11. April 1854. Abendblatt. S. 2.

1848 г., обращенный к Европе, в котором слово «языцы» из фразы «Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог»¹⁸⁶⁶ было – неясно, по ошибке или с умыслом – переведено как «язычники»¹⁸⁶⁷. В условиях занятия русской армией Молдавии и Валахии вновь вспомнили о религиозном родстве русских и румын, и о русской церковной благотворительности в этих землях, якобы направленной на их «моральное и религиозное завоевание»¹⁸⁶⁸. Выражалось возмущение тем, что с территории Молдавии и Валахии русские «православные попы» могут осуществлять агитацию в других районах Балкан¹⁸⁶⁹. Неприязнь к восточному христианству была издавна укоренена в Австрии, как части католического мира. Л. Герлах в письме Бисмарку 13 октября 1854 г. указывал на ненависть к православной церкви в окружении австрийского императора¹⁸⁷⁰. Эту особенность наследовал и далекий от религиозности австрийский либерализм.

В историческом обзоре восточной политики России, опубликованном «Прессе» в апреле, указывалось, что наступательная сила Османской империи была сломлена в последние десятилетия XVII в. «австрийско-немецкими» войсками, когда Россия была еще «полуварварской державой второстепенного значения»¹⁸⁷¹. Тем самым прозрачно намекалось, что последующими успехами в войнах с Турцией Россия в немалой степени обязана достижениям австрийского оружия. Затронуло Австрию и возвращение в европейскую печать периода Крымской войны темы так называемого «Завещания Петра Великого» – сфабрикованного текста, авторы которого приписывали России планы подчинения всей Европы, а затем и мира¹⁸⁷². Отмечая вероятную апокрифичность этого документа, все же подчеркивали, что значительная часть содержащихся в нем идей, «к несчастью остальной Европы», была осуществлена¹⁸⁷³. Для австрийского читателя документ обладал дополнительной актуальностью, поскольку в нем рекомендовалось противодействовать Австрии при внешне дружественной политике. Текущие действия России могли быть интерпретированы как следование именно этому «завету»:

¹⁸⁶⁶ Как в русском, так и в немецком переводах известного библейского высказывания (Ис. 8:9) используется слово «народы» (ihr Völker).

¹⁸⁶⁷ Der russisch-türkische Streit... S. 94.

¹⁸⁶⁸ Die Presse. 24. Mai 1854. Abendblatt. S. 1.

¹⁸⁶⁹ Die Presse. 6. Juni 1854. Abendblatt. S. 1.

¹⁸⁷⁰ Бисмарк О. фон. Указ. соч. Т. 1. С. 156.

¹⁸⁷¹ Die Presse. 13. April 1854. Beilage. S. 1.

¹⁸⁷² Подробнее о «Завещании» см.: Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института, Т. 2, М., 1946. С. 202–270; Blanc S. Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Vol. IX. № 3–4. P. 265–293.

¹⁸⁷³ Die Presse. 15. April 1854, S. 3.

союзнические отношения с Веной при поступательном движении на юго-запад, в ущерб австрийским интересам. В этой связи петербургский корреспондент «Прессе» указывал, что в русской столице считают Россию призванной к обладанию всей Турцией¹⁸⁷⁴.

Первым шагом на этом пути должен был стать захват проливов. Автор посвященного восточному вопросу издания, опубликованного вскоре после начала Крымской войны, указывал на необходимость Босфора для завершения оборонительной системы России. Получение контроля над этим проливом, писал он, было бы для Петербурга равнозначно господству над миром¹⁸⁷⁵. Шузелька считал, что, получи Россия контроль над Дарданеллами и Зундом, следом она вполне могла бы потребовать Кале и Гибралтар. При этом публицист выражал искреннее непонимание причин, заставляющих Россию увеличивать территории, поскольку, по его мнению, в России не было избытка населения и промышленной продукции, но зато было множество нерешенных внутренних задач¹⁸⁷⁶.

В начале 1854 г. могло казаться, что происходящее на Балканах и является началом поглощения Турции. Участник австрийской оккупации Дунайских княжеств в 1854–1856 гг. граф Ф. Вимпффен писал, что «над княжествами нависла угроза в скором времени стать чем-то едва ли большим, чем русские губернии под проконсульством князя Горчакова»¹⁸⁷⁷. Это поглощение, если верить газетам, происходило под непрерывные хлопки пробок от шампанского, потребляемого русскими офицерами в княжествах¹⁸⁷⁸.

Вступление Англии и Франции в войну несколько снизило степень тревоги австрийцев за судьбу Турции. С удовлетворением отмечалось, что на этот раз Петербург просчитался, и теперь нет оснований бояться «нового триумфа России»¹⁸⁷⁹. По мере выяснения неблагоприятного для Петербурга соотношения сил в конфликте австрийская пресса теряла сдержанность. Как и несколькими годами ранее, в поле зрения публицистики появляется образ монстра, грозящего задушить соседей: «Уже теперь Россия благодаря своим польским владениям нависает как кошмар над сердцем Европы и

¹⁸⁷⁴ Die Presse. 23. April 1854, S. 7.

¹⁸⁷⁵ Der russisch-türkische Streit... S. 11.

¹⁸⁷⁶ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 58–59.

¹⁸⁷⁷ Wimpffen F. A. Op. cit. S. 11.

¹⁸⁷⁸ Die Presse. 28. April 1854, S. 6.

¹⁸⁷⁹ Die Presse. 29. April 1854, S. 12.

охватывает оба важнейших моря, протянув одну руку к Балтийскому, а другую – к Средиземному»¹⁸⁸⁰.

Венский протокол 9 апреля 1854 г.¹⁸⁸¹ был истолкован следующим образом: учитывая, что «с правовой точки зрения» Австрия и Пруссия стоят на стороне западных держав, Россия должна понимать, что даже в том случае, если она нанесет своим текущим противникам поражение, «то своей победой достигнет лишь впутывания в новую и практически безнадежную борьбу»¹⁸⁸². Вскоре последовала прямая констатация того, что австрийское правительство «вынесло свой обвинительный приговор политике России»¹⁸⁸³. Когда в конце апреля Вены достигли слухи об отходе русских войск из Малой Валахии, ряд наблюдателей небезосновательно связал это с концентрацией Австрией войск на границе с Россией и княжествами, и страхом русского командования получить удар в спину¹⁸⁸⁴.

К концу весны в европейской прессе стала распространяться информация о готовящемся резком повороте в австрийской политике. 14 мая «Прессе» со ссылкой на «Таймс» (The Times) сообщила, что Австрия готовит ультиматум России с требованием очистить княжества¹⁸⁸⁵. Вскоре поступила информация, что согласно «Андепенданс бельж» (L'Indépendance belge) Австрия уже передала в Петербург соответствующую ноту¹⁸⁸⁶. Редакция, очевидно, была хорошо информирована о действиях австрийской дипломатии, поскольку уже на следующий день после фактической отправки ноты сообщила об этом, добавив, что аналогичный документ отправила в Петербург Пруссия¹⁸⁸⁷. Издание неоднократно подчеркивало, что в Дунайских княжествах и в целом на Востоке затронуты интересы не только Австрии, но всей Германии, и что вместе они обязаны «оградить свое право на будущее»¹⁸⁸⁸. В этом же ключе оценивался австро-пруссский договор 20 апреля 1854 г. Выражалась уверенность, что это соглашение станет общим достоянием Германии, которой в первый раз с момента возникновения

¹⁸⁸⁰ Der russisch-türkische Streit... S. 57.

¹⁸⁸¹ Был подписан Англией, Францией, Австрией и Пруссией и подтверждал провозглашенный ранее принцип сохранения территориальной целостности Турции.

¹⁸⁸² Die Presse. 5. Mai 1854. S. 6.

¹⁸⁸³ Die Presse. 20. April 1854. S. 6.

¹⁸⁸⁴ Die Presse. 27. April 1854, S. 6.

¹⁸⁸⁵ Die Presse. 14. Mai 1854, S. 1.

¹⁸⁸⁶ Die Presse. 16. Mai 1854, S. 1.

¹⁸⁸⁷ Die Presse. 4. Juni 1854, S. 1. Датой отправки было указано 2 июня, в то время как в действительности документ датирован 3-м числом.

¹⁸⁸⁸ Die Presse. 2. Juni 1854, S. 2.

Германского союза предоставлялась возможность выступить на поле европейских событий в качестве консолидированной силы¹⁸⁸⁹. Австрия изображалась здесь защитником Германии от опасностей, грозящих ей с Востока¹⁸⁹⁰. Об австрийском ультиматуме 3 июня говорилось как о документе, исходящем от обеих германских держав¹⁸⁹¹.

Как и в 1848 г., стали слышны жалобы населения княжеств на притеснения со стороны русских войск¹⁸⁹² и вообще недовольство румын их присутствием¹⁸⁹³. Подчеркивали несправедливость действий России как с точки зрения международного права, так и с точки зрения самого населения княжеств, стремясь при этом убедить читателей, что если возникнет столкновение между Петербургом и Веной, румыны встанут на сторону последней¹⁸⁹⁴. Утверждалось, что в провинциях сильны симпатии к Австрии, и с радостью была встречена новость о грядущем вступлении туда австрийских войск с целью обеспечения нейтралитета княжеств¹⁸⁹⁵. Публикации этого периода можно расценивать как информационную подготовку ноты 3 июня и занятия Молдавии и Валахии габсбургскими войсками.

На фоне этих событий в Австрии и Германии стали открыто высказываться мнения о желательности установления прочного австрийского контроля над княжествами. Во Франкфурте Бисмарк отмечал нарастание голосов в прессе в пользу установления австрийского протектората над Молдавией, Валахией и Сербией¹⁸⁹⁶. Шузелька скромно заявлял, что включение новых дунайских областей было бы для Австрии бременем, которое она несла бы «во имя защиты равновесия от России»¹⁸⁹⁷. Даже консервативный «русофил» Фикельмон считал, что австрийский ультиматум был сделан в русских же интересах¹⁸⁹⁸. При этом очищение русскими войсками княжеств было для него решением вопроса лишь наполовину. Окончательным решением стало бы обязательство никогда больше в княжества не вступать¹⁸⁹⁹.

---

¹⁸⁸⁹ Die Presse. 6. Juni 1854, Abendblatt. S. 1.

¹⁸⁹⁰ Ibid.

¹⁸⁹¹ Die Presse. 29. Juni 1854, S. 2.

¹⁸⁹² Die Presse. 25. April 1854. S. 9.

¹⁸⁹³ Die Presse. 6. Juni 1854. S. 2.

¹⁸⁹⁴ Die Presse. 19. Juni 1854. Abendblatt. S. 1.

¹⁸⁹⁵ Die Presse. 28. Juni 1854. S. 2.

¹⁸⁹⁶ Bismarck O. Op. cit. S. 158.

¹⁸⁹⁷ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 140.

¹⁸⁹⁸ Ficquelmont C. L. Russland's Politik... S. 111–112.

¹⁸⁹⁹ Ibid. S. 117.

Не лишенным справедливости представляется наблюдение, сделанное «Прессе» в начале июня, согласно которому у русской политики в этой войне была странная судьба: ей следовало больше опасаться успехов своего оружия, чем поражения. Синоп ускорил вступление в войну западных держав, а взятие Силистрии, если удастся, должно было стать отправной точкой к походу через Балканы, что привело бы в действие австро-пруссский договор 20 апреля¹⁹⁰⁰.

Анализ интересов двух империй в восточном вопросе приводил к неумолимому выводу: «Россия является и останется естественным противником Австрии; личная дружба не может этого изменить и не изменит...если бы в Петербурге правил отец, а в Вене – сын, в области политики интересов они были бы соперниками»¹⁹⁰¹.

С учетом ограниченности австрийских ресурсов противостояние с Россией автоматически предполагало сотрудничество с ее противниками. К этому многие были вполне готовы. Например, мнение в пользу союза Австрии и Англии звучало уже в предмартовский период¹⁹⁰². В этом контексте сближение Австрии с Англией в период Крымской войны не было неожиданным¹⁹⁰³.

Впрочем, в восприятии Англии присутствовала некоторая двойственность. По мнению Шузельки, ситуация в Европе даже в 1853 г. прямо указывала на возможный союз Англии и России, так как, писал он, обе признают в Австрии и Германии своего единственного действительно опасного соперника и противника¹⁹⁰⁴. Однако совсем немного спустя он легко поменял мнение, оценив начавшуюся Крымскую войну как борьбу «права против грубой силы...европейской цивилизации против азиатского варварства»¹⁹⁰⁵.

В этот же период получает оформление идея совместного противостояния Европы России. Э. Варренс в начале войны издал брошюру, в которой заявил: Европа не должна допустить, чтобы Константинополь достался России¹⁹⁰⁶. Он был убежден, что, если позволить России укрепить влияние на южном направлении, следом она снова двинется

¹⁹⁰⁰ Die Presse. 8. Juni 1854. S. 2.

¹⁹⁰¹ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 128.

¹⁹⁰² См., например: Moering K. Op. cit. Bd. 1. S. 114.

¹⁹⁰³ Закрепившееся впоследствии в историографии мнение, согласно которому в период, предшествовавший Крымской войне, русские дипломаты в Европе снабжали Петербург ошибочными оценками международного положения, было сформулировано в европейской печати уже во время конфликта. См.: Die Presse. 16. Februar 1854. Abendblatt. S. 1. со ссылкой на французскую «Constitutionnel».

¹⁹⁰⁴ Schuselka F. Das türkische Verhängniß... S. 100.

¹⁹⁰⁵ Schuselka F. Preussen als Grossmacht und die Nondum meridies-Politik. Leipzig, 1855. S. 12.

¹⁹⁰⁶ Warrens E. Op. cit. S. 2.

на Запад¹⁹⁰⁷. Следовательно, интерес всего мира состоял теперь в том, чтобы воспрепятствовать восстановлению русских прерогатив в Турции¹⁹⁰⁸. Шузелька отмечал, что успехи, которых в короткое время добилась Россия на Юге, Западе и Севере, стали возможными вследствие отсутствия единства Европы¹⁹⁰⁹. Расклад сил в Крымской войне указывал на возможность объединения Европы для совместного отпора тому, что воспринималось как русская угроза. Варренс почти открыто призывал к активному вступлению Австрии (а также Германии) в конфликт. Побед Англии и Франции на море, по его мнению, было бы недостаточно, чтобы навязать России условия мира, желаемые морскими державами. Из этого он делал недвусмысленный вывод: «Решающее влияние на теперешнюю борьбу будет оказано в Вене, Берлине, позже, возможно, во Франкфурте...Долгий нейтралитет во время долгой войны больше изматывает силы европейских государств, чем короткая борьба. В течение ближайших месяцев всю эту часть света охватит могучий импульс...Одно за другим придут решения и действия, которые мы с радостью будем приветствовать как и з б а в и т е л ь н ы е»¹⁹¹⁰.

Вместе с тем, для понимания восприятия Крымской войны в Австрии важно помнить о том, что одним из лейтмотивов австрийской публицистики к середине 1854 г., несмотря на рост враждебных России высказываний, оставалось стремление к сохранению Габсбургской монархией нейтралитета. Очень ярко это отражено в формулировке, опубликованной вскоре после вступления в войну Англии и Франции: «Европа движется навстречу тяжелым испытаниям. Пусть война с ее разрушениями пощадит наше отечество и скоро завершится, чтобы соответствующий правильно понятым интересам всех народов мир предотвратил гибель поставленных теперь под вопрос благ цивилизации!»¹⁹¹¹.

***

На балканском направлении Вена утрачивала инициативу в пользу Петербурга еще в XVIII в., однако войны, связанные с Французской революцией, вытеснили этот вопрос с первого плана австрийской внешнеполитической повестки. Заметным образом противоречия австрийских и русских интересов на Балканах впервые проявились в ходе

---

¹⁹⁰⁷ Ibid. S. 4.

¹⁹⁰⁸ Ibid. S. 16.

¹⁹⁰⁹ Schuselka F. Preussen als Grossmacht... S. 31.

¹⁹¹⁰ Warrens E. Op. cit. S. 14; 16.

¹⁹¹¹ Der russisch-türkische Streit... S. 107.

греческого восстания 1820-х гг. Адрианопольский мир, по которому Россия приобрела контроль над устьем Дуная, был воспринят в Австрии как собственное поражение.

Рост революционной угрозы в начале 1830-х гг. заставил Вену и Петербург искать в восточных делах компромисс, который был достигнут и оформлен в 1833 г. в Мюнхенграце. Оба кабинета согласились с целесообразностью сохранения статус-кво в Османской империи, и в течение следующих двух десятилетий успешно сотрудничали на этом направлении.

Однако одним из результатов сотрудничества стало то, что Николай I пришел к ошибочному выводу о непротиворечивости русских и австрийских интересов в Турции. В частности, этим пониманием диктовалась поддержка Петербургом миссии Лейнингена, в значительной степени обусловившая успех австрийской акции.

Отправляя в турецкую столицу князя А. С. Меншикова, российский император рассчитывал на ответное содействие Австрии. В действительности Вена сразу дала понять, что не намеревается поддерживать требование Петербурга о формальном покровительстве турецким христианам. А после занятия русскими войсками Дунайских княжеств во все большей степени стала демонстрировать недовольство.

Не заинтересованная в разрастании кризиса и опасаясь нового всплеска революционных движений как среди балканских христиан, так и в собственных пределах, Австрия в течение второй половины 1853 г. пыталась посредничать в русско-турецком споре, однако не смогла повлиять на динамику конфликта, в который все более открыто вовлекались Англия и Франция. В этих обстоятельствах Австрия постепенно отдалялась от России, не скрывая, что восточная политика Петербурга противоречит ее интересам. Неблагоприятная для России международная обстановка стимулировала австрийское правительство к освобождению от того, что воспринималось, как русская опека.

Постепенный дрейф в сторону западных держав и концентрация войск на юго-восточных границах Габсбургской монархии вынудили Россию отказаться от наступательных действий на балканском театре военных действий.

Результатом процесса дистанцирования Вены от Петербурга стала австрийская нота России 3 июня 1854 г. с требованием очищения Дунайских княжеств. Этот документ представлял собой ультиматум, по сути, свидетельствовал о солидаризации Вены с Лондоном и Парижем, объявившими войну России, и стал важнейшей вехой в истории отношений двух империй, положив конец длительной эпохе их тесного сотрудничества.

В освещении связанных с Турцией сюжетов австрийской публицистикой отчетливо был заметен страх окружения Австрии Россией и зависимыми от нее территориями, неминуемым результатом чего, как представлялось, должна была стать утрата монархией Габсбургов самостоятельности. Отмечалось использование Петербургом религиозного фактора при осуществлении политики в регионе с преобладающим православным населением.

При рассмотрении различных аспектов восточного вопроса Россия изображалась «варварским Востоком» и одновременно – «нависающим кошмаром», использующим изощренную дипломатию в целях поглощения Турции, а за ней – подчинения Европы. Формировался образ не просто политического конкурента, а чужеродного культурного явления, от которого исходит опасность самим основам европейской цивилизации. Австрия же воспринималась как барьер на пути этой угрозы.

На страницах австрийских изданий проявилось болезненное сознание успехов России и ослабления австрийского влияния на Балканах в предшествующий период. Не скрывалось, что в Вене тяготятся ролью младшего партнера Петербурга. Нередко публицисты апеллировали к критическому мнению Европы о восточной политике России. Подчеркивалось, что на Востоке Австрия призвана защищать интересы всех немцев.

Особую значимость содержание этих публикаций приобретало в связи с тем, что именно в этот период в Австрии отмечается рост влияния общественного мнения на решения, принимаемые дипломатами. Освещение восточного кризиса и русской темы применительно к нему в целом совпало с направлением официального внешнеполитического курса Вены, эволюционируя от доброжелательного отношения ко все более критичному и, в конце концов, враждебному. Представляется возможным с осторожностью утверждать, что в этот период русофобия общественного мнения облегчала венскому кабинету принятие направленных против России мер.

Заключение

Согласованная политика Австрии и России в ключевых европейских вопросах была краеугольным камнем системы международных отношений в том виде, в котором она сформировалась по итогам Венского конгресса. К середине века союзные отношения Вены и Петербурга представлялись обоим участникам почти безальтернативными. В этом взаимодействии постоянно переплетались две линии: идеологическая, обусловленная консервативным политическим строем империй, и «реальнополитическая», связанная с расстановкой сил на международной арене.

Революционная волна весны 1848 г., захлестнувшая Европу, поставила монархию Габсбургов на грань распада. Однако, несмотря на тяжелейший внутренний кризис, контакт австрийского двора с Петербургом не прекращался. При этом оба партнера не теряли из вида перспективу обращения Австрии к России за помощью. Консолидация консервативных сил в Австрии к концу года, подавление основных очагов революции в западной части монархии и формирование энергичного антиреволюционного правительства князя Ф. Шварценберга создали предпосылки для совместных австро-русских действий, направленных на восстановление предмартовского порядка.

Важными составляющими статуса Австрии как великой державы были ее владения в Северной Италии и опирающееся на многовековую традицию преобладание в Германии. Единственной из европейских держав, готовой дипломатическим, а в случае необходимости и военным путем поддержать Вену в сохранении этих позиций, была Россия. Кроме того, в условиях революционных потрясений только от Петербурга Габсбурги могли рассчитывать получить помощь в удержании земель «ядра» своей империи. С учетом этих обстоятельств союз с Россией был необходимостью, она становилась главной внешней опорой Дунайской монархии.

Анализ источников позволяет говорить о том, что участие России в подавлении венгерского восстания в 1849 г. было продиктовано, в первую очередь, государственным интересом, а уже потом – монархической солидарностью и принципами политического консерватизма, исповедуемыми Николаем I. Интерес России в этих обстоятельствах заключался в сохранении Австрии как союзника, недопущении выхода на европейскую повестку дня польского вопроса и купировании объединительных усилий Пруссии в

Германии. Вместе с тем, после подавления восстания австрийские репрессии в Венгрии оставили неприятный осадок в отношениях.

Совместное австро-русское выступление в Константинополе осенью 1849 г. в вопросе о бежавших в Турцию революционерах способствовало формированию у российского императора убеждения в близости позиций Австрии и России на Востоке.

Германская политика венского кабинета в период революции была вынужденно осторожной из-за внутренних проблем. Первое время Австрия, по сути, устранилась из Германии. Заявленный Ф. Шварценбергом на рубеже 1848–1849 гг. план по вхождению всей Австрийской империи в Германский союз носил во многом декларативный характер, поскольку для его осуществления отсутствовала необходимая поддержка как в «европейском концерте», так и среди самих германских государств. Тем не менее, венскому кабинету удалось использовать этот план для восстановления своего положения в Германии и торпедирования попыток Берлина укрепить прусские позиции. С другой стороны, дистанцированность Австрии от немецкого национального движения с присущими ему объединительными и русофобскими тенденциями была воспринята в Петербурге как достоинство и обеспечила содействие последнего Вене при ее «возвращении» в Германию в 1850 г.

В германском вопросе основой русской политики до, во время и после революции было стремление к сохранению австро-прусского дуализма, который практически исключал возникновение угрозы у западных границ России. Этим обстоятельством объясняется то, что, помогая Австрии вернуть пошатнувшееся в ходе революции влияние в Германии, Петербург не поддержал амбициозный план Ф. Шварценберга, так как это нарушило бы зафиксированную Венским конгрессом расстановку сил в центре Европы. Собственных ресурсов Вены для реализации этой программы было недостаточно. Таким образом, перспектива укрепления позиций в Германии была для Австрии на ближайшее время закрыта. При этом в ходе противостояния с Пруссией вновь проявилась зависимость от России, поскольку без ее содействия Вена едва ли смогла бы сдерживать наступательную политику Берлина.

В свою очередь, Николай I, оказав поддержку Австрии в решении важнейших для нее задач, сформировал ошибочное убеждение в том, что вправе рассчитывать на ответное содействие, когда ему это потребуется.

Одновременно в набиравшем силу общественном мнении Австрии формировался образ России, в котором доминировали негативные черты. В восприятии многих австрийцев Россия была деспотическим государством, использующим идеологию панславизма, ненасытном в стремлении к территориальному расширению и неуклонно продвигающимся на Балканы, лишая Австрию перспектив в регионе, воспринимавшемся не только как сфера австрийского влияния, но как территория осуществления исторической миссии Австрии. По мнению австрийских публицистов, внешнеполитическая активность России вела к окружению Австрии с обоих флангов и в перспективе грозила самому ее существованию. Консервативная Россия в их представлениях угрожала начинающемуся конституционному развитию Австрии и всей западной цивилизации в целом. Вместе с тем, в австрийском общественном мнении сформировалось сознание зависимости от России и вызванное этим сознанием недовольство, проявлявшееся как во время разногласий, так и в период сотрудничества официальных Вены и Петербурга.

Соседство с Россией содействовало укреплению среди австрийских немцев сознания общности с остальной Германией. В рассматриваемый период начала получать все большее распространение мысль о возможности формирования франко-русского союза. В том числе как ответ на подобные опасения при заметном участии австрийских немцев начала складываться концепция Средней Европы, как руководимого немцами центра континента между Россией и Францией. Параллельно с ней формировалось представление о неизбежной войне с Россией. Анализ состояния общественного мнения показывает, что русофобские стереотипы были широко распространены и обладали исключительной устойчивостью, становясь фактором внешнеполитических процессов, поскольку после 1848 г. даже в Австрийской империи общественная сфера и официальная политика перестали быть изолированными друг от друга сферами.

К 1853 г. можно говорить о формировании в Петербурге в известной степени покровительственного отношения к Австрии. Подобное отношение было недальновидным, поскольку, хотя Австрия была очевидно слабее и больше нуждалась в России, чем Россия в ней, она оставалась великой державой с собственными интересами и готовностью их отстаивать.

Восточный кризис 1853–1854 гг. и начавшаяся Крымская война с неблагоприятной для России расстановкой сил предоставили Австрии удобную возможность избавиться от

того, что воспринималось как российская опека. Таким образом, вопреки распространенному в историографии убеждению, что к враждебной России позиции Австрии в Крымской войне привели исключительно противоречия в восточном вопросе, можно констатировать, что весьма значительную роль играли и соображения общего политического порядка.

Вместе с тем противоречия непосредственно на Балканах играли ключевую роль, что исподволь проявилось еще на заре кризиса. Инициированная Веной миссия Лейнингена (успеху которой русская дипломатия содействовала) в качестве одной из целей имела укрепление австрийского влияния на Балканах именно за счет России. Однако в Петербурге этого не сознавали. Вояж Лейнингена имел к тому же тот негативный для России эффект, что способствовал более самоуверенному поведению русского дипломата А. С. Меншикова в Константинополе.

Особенное недовольство в Вене вызвало занятие русскими войсками Дунайских княжеств. Оно во многом способствовало дрейфу Австрии в сторону противников России, в то время как в Петербурге интерес Вены к нижнему течению Дуная был недооценен.

С другой стороны, австрийская верхушка проявила определенную устойчивость по отношению к антироссийскому давлению со стороны как западных держав, так и крепнущего общественного мнения внутри империи. В течение 1853 г. Австрия стремилась посредническими усилиями урегулировать русско-турецкие разногласия, но повлиять на динамику конфликта и все более открытое вовлечение в него западных держав не могла. В результате произошел постепенный разворот Австрии в сторону Англии и Франции, ярким выражением чего стал ультиматум 3 июня 1854 г., отправляя который, Австрия, по сути, солидаризировалась с военными противниками России.

То, что в Петербурге австрийская политика была воспринята как неблагодарность, свидетельствует о высокой степени эмоциональности в восприятии международной реальности и о неготовности попытаться взглянуть на государственные интересы Австрии с точки зрения Вены. Во многом именно недооценка степени австро-русских противоречий на Балканах привела к ошибочному прогнозу действий Вены при обострении восточного вопроса.

Используя язык шахмат, можно сказать, что международная конstellация 1854 г. поставила Австрию в положение цугцванга, когда любой шаг вел к ухудшению положения. На вопрос, могла ли Австрия в ходе восточного кризиса не занять в какой-то

степени антироссийскую позицию, следует ответить, скорее, отрицательно. Избранный Веной курс был обусловлен столкновением австро-русских интересов на Балканах, сформировавшимся в предшествующий период представлением о зависимости Австрии от России, а также давлением Франции и боязнью повторной активизации национальных движений в самой монархии как результата дестабилизации в европейских владениях Турции.

От удара, нанесенного в 1854 г., австро-русские отношения так и не оправались. Хотя фактор консервативной солидарности впоследствии продолжал действовать, разрыв австро-русской связи сообщил отношениям двух империй устойчиво враждебный характер, во многом определил сценарий, по которому происходило объединение Германии, и заложил одну из основ для последующего размежевания Европы на противостоящие друг другу военно-политические блоки и окончательного распада «европейского концерта», приведшего к Первой мировой войне.

Список использованных источников и литературы**Источники****Архивные материалы:**

Архив внешней политики Российской империи:

1. Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел).
2. Ф. 172 (Посольство в Вене).
3. Ф. 198 (Миссия во Франкфурте-на-Майне).
4. Ф. 209 (Консульство в Белграде).
5. Ф. 333 (Наместник Царства Польского).

Государственный архив Российской Федерации:

6. Ф. 547 (Ф. Ф. Берг).
7. Ф. 573 (Мейендорф).
8. Ф. 672 (Николай I).
9. Ф. 828 (А. М. Горчаков).
10. Ф. 1127 (А. Ф. Будберг).

Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Wien:

11. Politisches Archiv X Russland.

Опубликованные официальные и дипломатические документы:

12. Авербух Р. А. Николай I и европейская реакция 1848–1849 гг. // Красный архив. 1931. № 4–5. С. 3–49.
13. Авербух Р. А. Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. М., 1938. Т. 4–5 (89–90). С. 155–207.

14. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / сост. Т. П. Юзефович. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2005. 292 с.
15. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 4, ч. 1–2. Трактаты с Австрией. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1878.
16. Akten zur Geschichte des Krimkriegs [AGKK]. Serie I. Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Bd. 1–3. Hrsg. v. W. Baumgart. München, Wien: Oldenbourg, 1980.
17. Jasmund J. Aktenstücke zur orientalischen Frage. Nebst chronologischer Uebersicht zusammengestellt von Dr. J. von Jasmund. Berlin: Schneider, 1855. 478 S.
18. Preussens auswärtige Politik 1850 bis 1858. Unveröffentlichte Dokumente aus dem Nachlasse des Ministerpräsidenten Otto Frhrn. v. Manteuffel. Bd. 1–3. Berlin: Mittler und Sohn, 1902.
19. Russland 1852–1871. Aus den Berichten der bayerischen Gesandtschaft in St. Petersburg. Hrsg. von Barbara Jelavich. Wiesbaden: Harrassowitz, 1963. 156 S.

Парламентские материалы и документы государственных органов:

20. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Bd. 2. Stuttgart: Kohlhammer, 1986. 560 S.
21. Protokoll der Sitzung des österreichischen Ministerrates gehalten zu Olmütz am 12. Dezember 1848 // Die Protokolle des österreichischen Ministerrates 1848–1867 online. URL: <https://mrp.oeaw.ac.at/pages/show.html?document=MRP-1-2-01-0-18481212-P-0002.xml> (дата обращения: 09.11.2022).
22. Stenographischer Bericht über die Verhandlungen der deutschen constituirenden Nationalversammlung zu Frankfurt am Main. Bd. 1–8. Frankfurt am Main: Sauerländer, 1848.
23. Verhandlungen des österreichischen Reichstages nach der stenographischen Aufnahme. Bd. 1–2. Wien: K.-k. Hof- und Staatsdruckerei, 1848.

Публицистика:

24. Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Pamфлеты эмигранта, 1860–1867. М.: Новости, 1992. 560 с.
25. Энгельс Ф. Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. VIII. М.-Л.: ГИЗ, 1930. С. 448–475.
26. Andrian-Werburg V. Oesterreich und dessen Zukunft. Hamburg: Hoffmann & Campe, 1843. 204 S.
27. Auersperg A. Anton Auerspergs (Anastasius Grüns) Politische Reden und Schriften. Wien: Verlag des Literarischen Vereins in Wien, 1906. 533 S.
28. Bauer B. Russland und England. Charlottenburg: E. Bauer, 1854. 107 S.
29. Bruck C. L. Die Aufgaben Oesterreichs. Leipzig: Otto Wigand, 1860. 99 S.
30. Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses. Hrsg. von D. Tschizewskij und D. Groh. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1959. 576 S.
31. Ficquelmont C. L. Aufklärungen über die Zeit vom 20. März bis zum 4. Mai 1848. Leipzig: J. A. Barth, 1850. 130 S.
32. Ficquelmont C. L. Deutschland, Österreich und Preußen. Wien: Braumüller, 1851. 95 S.
33. Ficquelmont C. L. Die religiöse Seite der orientalischen Frage. Wien: Manz, 1854. 132 S.
34. Ficquelmont C. L. Russland's Politik und die Donaufürstenthümer. Wien: Manz, 1854. 119 S.
35. Fürst Schwarzenberg und die Aufgabe der Zeit. Berlin: Schultze, 1851. 63 S.
36. Goedsche H. Die Russen nach Konstantinopel! Ein Beitrag zur orientalischen Frage. Berlin: Bieler & Co., 1854. 78 S.
37. Hartig F. Genesis der Revolution in Oesterreich im Jahre 1848. Leipzig: Fleischer, 1850. 418 S.
38. Hase K. A. Preussen und Oesterreich (Juli 1849). Eine politische Denkschrift. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1849. 50 S.
39. Lambert. Ob und in wie fern Russland den März-Errungenschaften gefährlich sei? Prag: Gottlieb Haase Söhne, 1848. 13 S.

40. List F. Werke. Schriften, Reden, Briefe. Bd.7. Berlin: Hobbing, 1931. 686 S.
41. List F. Das nationale System der politischen Ökonomie. Berlin: Akademie-Verlag, 1982. 521 S.
42. Moering K. Sibyllinische Bücher aus Oestreich. In 2 Bde. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1848. 300 S.
43. Der neue Machiavel. Ein Buch für Fürsten aus den Papieren eines gefallenen Ministers. Manuscript aus Wien. Leipzig: Andrä, 1849. 78 S.
44. Pillersdorf F. X. Rückblicke auf die politische Bewegung in Oesterreich in den Jahren 1848 und 1849. Wien: Jasper, Hügel & Manz, 1849. 81 S.
45. Rüdigger F. Geschichte der Wiener März- und Mairevolution, bis zu den Ereignissen des 23. August 1848. Nach eigenen Erlebnissen und authentischen Quellen geschildert. Wien: Kaulfuß Witwe, Prandel & Co., 1848. 84 S.
46. Der russisch-türkische Streit und der Widerstand Europas gegen die russische Politik. Pest, Wien und Leipzig: Hartleben, 1854. 144 S.
47. Schuselka F. Die orientalische das ist russische Frage. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1843. 86 S.
48. Schuselka F. Deutsche Worte eines Oesterreichers. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1843. 212 S.
49. Schuselka F. Österreich über Alles, wenn es nur will! Hamburg: Hoffmann und Campe, 1848. 20 S.
50. Schuselka F. Deutsche Fahrten. In 2 Bde. Wien: Jasper, Hügel & Manz, 1849.
51. Schuselka F. Deutsch oder Russisch? Die Lebensfrage Oesterreichs. Wien: Jasper, Hügel & Manz, 1849. 56 S.
52. Schuselka F. Das türkische Verhängniß und die Großmächte. Historisch-politischer Beitrag. Leipzig: Brockhaus, 1853. 141 S.
53. Schuselka F. Preussen als Grossmacht und die Nondum meridies-Politik. Leipzig: Geibel, 1855. 62 S.
54. Schuselka F. Oesterreich und Russland. Ein Memorandum zur Beseitigung von Besorgnissen und zur Abwehr von Vorwürfen. Leipzig: Geibel, 1855. 88 S.
55. Sporschil J. Die Weltstellung Rußlands in der Gegenwart. Leipzig: Ignaz Jackowitz, 1849. 48 S.

56. Stricker W. Deutsch-russische Wechselwirkungen oder die Deutschen in Russland und die Russen in Deutschland. Leipzig: G. Mayer, 1849. 294 S.
57. Swoboda J. Der Kampf der Nationalitäten in Oesterreich und die Constituirung Deutschlands zu einem Staate, völkerrechtlich betrachtet. Freiberg: Engelhardt, 1848. 30 S.
58. Warrens E. Die orientalische Frage. Wien: Jasper's Witwe & Hügel, 1854. 16 S.
59. Wassilieff E. Die Russophobie in der orientalischen Frage. Berlin: Behr, 1877. 251 S.

Периодика:

60. Die Presse. 1848–1854.
61. Der Wiener Bote. Juni-Dezember 1849.
62. Der Lloyd. 1848–1849.
63. Wiener Lloyd. Abendbeilage. Juli-Dezember 1853.
64. Wiener Zeitung. 1848. Выборочно.
65. Frankfurter Journal. 13. März 1850.
66. Journal de St.-Pétersbourg. 1848. Выборочно.

Документы личного происхождения:

67. Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой, 1854–1855. СПб.: Огни, 1913. 174 с.
68. Алабин П. В. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 гг. В 3-х чч. Самара: тип. И. П. Новикова, 1888–1892.
69. Бисмарк О. фон. Воспоминания, мемуары. Т. 1–2. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002.
70. Граббе П. Х. Записная книжка графа П. Х. Граббе. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1888. 750 с.
71. Дараган М. И. Записки о войне в Трансильвании в 1849 году, составленные полковником Дараганом. СПб.: Я. А. Исаков, 1859. 278 с.
72. Дюгамель А. О. Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1885. 278 с.

73. Ковалевский Е. П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах: с планами и картой. СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1868. 295 с.
74. Корф М. А. Записки. М.: Захаров, 2003. 720 с.
75. Меньков П. К. Записки. В 3 т. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1898.
76. Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М.: Российский архив, 1999. 558 с.
77. Милютин Д. А. Воспоминания: 1843–1856. М.: Российский Архив, 2000. 527 с.
78. Николаи Л. П. Дневник барона Л. П. Николаи, веденный им во время Венгерской кампании 1849 г. // Русская старина, 1877, т. XX, кн. 9–11.
79. Письма Е. П. Ковалевского Н. И. Любимову. // Русская старина. Т. 109, кн. III, Март 1902 г., С. 665–671.
80. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. М.: Классика, 2002–2005.
81. Тютчева А. Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 416 с.
82. Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность / По неизд. источникам сост. Ген. штаба ген.-майор кн. Щербатов. Т. 1–7. СПб.: тип. лит. Р. Голике, 1888–1904.
83. Щербачев Г. Д. Идеалы моей жизни: воспоминания из времен царствований императоров Николая I и Александра II. М.: ГПИБР, 2015. 336 с.
84. 1848. Augenzeugen der Revolution. Briefe, Tagebücher, Reden, Berichte. Berlin: Rütten & Loening, 1973. 804 S.
85. Beust F. Aus drei Viertel-Jahrhunderten. Erinnerungen und Aufzeichnungen. Bd. 1, 2. Stuttgart: Cotta, 1887.
86. Bismarck O. Bismarcks Briefe an den General Leopold v. Gerlach. Berlin: D. Häring, 1896. 379 S.
87. Briefe Kaiser Franz Josephs I. an seine Mutter 1838–1872. München: J. Kösel & F. Pustet, 1930. 413 S.
88. Der Briefwechsel König Friedrich Wilhelms IV. von Preussen und des Zaren Nikolaus I. von Russland in den Jahren 1848 bis 1850. Ein Beitrag zur Geschichte der russisch-preussischen Beziehungen. // Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte. Bd. 43. München und Berlin: Oldenbourg, 1930. S. 129–166.

89. Bruck C. L. Memoiren des Baron Bruck aus der Zeit des Krimkriegs. Wien, Pest, Leipzig: A. Hartleben's Verlag, 1877. 155 S.
90. Droysen J. G. Briefwechsel. Bd. I. 1829–1851. Deutsche Geschichtsquellen des 19. Jahrhunderts. Bd. 25. Osnabrück: Biblio Verlag, 1967. 786 S.
91. Ernst II Herzog von Sachsen-Coburg-Gotha. Aus meinem Leben und aus meiner Zeit. Bd. 1–2. Berlin: Wilhelm Herz, 1889.
92. Gerlach L. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs, Generals der Infanterie und General-Adjutanten König Friedrich Wilhelms IV. Nach seinen Aufzeichnungen herausgegeben von seiner Tochter. In 2 Bde. Berlin: Hertz, 1892.
93. Gerlach L. Briefe des Generals Leopold von Gerlach an Otto von Bismarck. Hrsg. von Horst Kohl. Stuttgart und Berlin: Cotta, 1912. 264 S.
94. Hohenlohe-Ingelfingen K. Aus meinem Leben. Aufzeichnungen des Prinzen Kraft zu Hohenlohe-Ingelfingen, weiland General der Artillerie und Generaladjutant Seiner Majestät und Königs Wilhelm I. Bd. I. Berlin: Mittler und Sohn, 1897. 379 S.
95. Hübner J. A. Neun Jahre der Erinnerungen eines österreichischen Botschafters in Paris unter dem zweiten Kaiserreich 1851–1859. In 2 Bd. Berlin: Gebrüder Paetel, 1904.
96. Kempen von Fichtenstamm J. F. Das Tagebuch des Polizeiministers Kempen von 1848 bis 1859. Wien: Öster. Bundesverlag für Unterricht, Wissenschaft und Kunst, 1931. 559 S.
97. Kolowrat-Krakowsky L. Meine Erinnerungen aus den Jahren 1848 und 1849. 1. Theil. Wien: Gerold & Co., 1905. 172 S.
98. Kübeck von Kübau C. F. Tagebücher, Briefe, Aktenstücke (1841–1855). Graz-Köln: Böhlau, 1960. 216 S.
99. Manteuffel O. Unter Friedrich Wilhelm IV. Denkwürdigkeiten des Ministers Otto Freiherrn v. Manteuffel. Bd. 1, 2. Berlin: Mittler und Sohn, 1901.
100. Metternich K. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'État, publiés par son fils, le prince Richard de Metternich, classés et réunis par M. A. de Klinkowstroem. T. 7–8. Paris: Plon et C., 1883–1884.
101. Metternich K. Metternich und Kübeck. Ein Briefwechsel. Wien: Gerold, 1910. 227 S.

102. Metternich K. Briefe des Staatskanzlers Fürsten Metternich-Winneburg an den österreichischen Minister des Allerhöchsten Hauses und des Äussern, Grafen Buol-Schauenstein aus den Jahren 1852–1859. München und Berlin: Oldenbourg, 1934. 238 S.
103. Meyendorff P. Peter von Meyendorff. Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien. Politischer und privater Briefwechsel 1826–1863. Hrsg. von Otto Hoetzsch. Bd. I–III. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1923.
104. Nesselrode Ch. Lettres et Papiers du Chancelier Comte de Nesselrode 1760–1856. Extraits de ses Archives. T. IX–XI. Paris: Lahure, 1904.
105. Prinz Wilhelm von Preussen an Charlotte. Briefe 1817–1860. Hrsg. von K.-H. Börner. Berlin: Akademie Verlag, 1993. 453 S.
106. Prokesch-Osten A. Aus dem Nachlasse des Grafen Prokesch-Osten k. k. österr. Botschafter und Feldzeugmeister: Briefwechsel mit Herrn von Gentz und Fürsten Metternich. In 2 Bde. Wien: Carl Gerold's Sohn, 1881.
107. Prokesch-Osten A. Aus den Briefen des Grafen Prokesch von Osten, k. und k. österr. Botschafters und Feldzeugmeisters (1849–1855). Wien: Carl Gerold's Sohn, 1896. 472 S.
108. Radowitz J. Nachgelassene Briefe und Aufzeichnungen zur Geschichte der Jahre 1848–1853. Stuttgart und Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1922. 424 S.
109. Reinöhl F. (Hrsg.). Aus dem Tagebuch der Erzherzogin Sophie // Historische Blätter, IV, Wien, 1931. S. 109–136.
110. Schoeps H. J. Aus dem Briefwechsel Leopold von Gerlachs mit Edwin von Manteuffel // Geschichte in der Gegenwart, Festschrift für Kurt Kluxen. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1972. S. 129–160.
111. Vitzthum von Eckstädt K. F. Berlin und Wien in den Jahren 1845–1852. Stuttgart: Cotta, 1886. 338 S.
112. Vitzthum von Eckstädt K. F. St. Petersburg und London in den Jahren 1852–1864. Bd. I. Stuttgart: Cotta, 1886. 356 S.
113. Wichmann W. Denkwürdigkeiten aus der Paulskirche. Hannover: Helwing, 1888. 568 S.

114. Wimpffen F. A. Erinnerungen aus der Walachei während der Besetzung durch die österreichischen Truppen in den Jahren 1854–1856. Wien: Carl Gerold's Sohn, 1878. 262 S.

Литература

115. Авербух Р. А. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией. М.: Созэкгиз, 1935. 332 С.
116. Авербух Р. А. Революция в Австрии (1848–1849). М.: Наука, 1970. 246 с.
117. Айрапетов А. Г. Австро-Венгрия: взгляд историков на реалии многонационального государства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1996. № 3–4. С. 28–35.
118. Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи 1801–1914. М.: Европа, 2006. 672 с.
119. Барбашина О. И. Проблемы новой истории Австрии в российской исторической науке: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2001. 29 с.
120. Батовский Г. Отношение Мицкевича к русским и России к Мицкевичу в 1848–1849 гг. // Адам Мицкевич и славянская филология. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. С. 80–93.
121. Бах М. Австрия в первую половину XIX века. СПб.: Издание С. Скимунта, 1906. 670 с.
122. Бах М. История австрийской революции 1848 г. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923. 576 с.
123. Бесов А. Г. О причинах и итогах Крымской войны 1853–1856 годов // Восточный архив № 14–15, М.: ИВ РАН, 2006. С. 5–10.
124. Бестужев И. В. Крымская война, 1853–1856 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 173 с.
125. Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов / Соч. ген.-лейт. М. И. Богдановича. Т. I–IV. СПб.: тип. Ф. Сущинского, 1876.
126. Будникова О. Е. Взгляды и деятельность К. Меттерниха в контексте австрийского консерватизма: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2007. 27 с.

127. Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политики в восточном вопросе. В 2-х тт. СПб.: Генри Ханковский и К°, 1888.
128. Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. ред. А. С. Маныкин. М.: Изд-во МГУ, 2001. 320 с.
129. Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М.: Наука, 1985. 336 с.
130. Виноградов В. Н. Восточный вопрос, Балканы и Россия. // История. Культура. Этнология. М.: РАН, 1994. С. 114–125.
131. Виноградов В. Н. Венгерский поход И. Ф. Паскевича 1849 г.: легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 80–96.
132. Водрачка К. Как измеряли дунайское русло // Родина. 2010. № 11. С. 105–109.
133. Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1978. 434 с.
134. Выскочков Л. В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006. 694 с.
135. Галкин И. С. Создание Германской империи, 1815–1871 гг. М.: Высшая школа, 1986. 173 с.
136. Горяинов С. М. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербургском Главном Архивах. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1907. 355 с.
137. Гросул В. Я., Чертан Е. Е., Россия и формирование румынского независимого государства. М.: Наука, 1969. 267 с.
138. Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института, Т. 2, М.: Главное архивное управление МВД СССР, 1946. С. 202–270.
139. Даценко П. А. Проекты реформирования Германского союза и политика средних германских королевств в 1849–1864 гг.: Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. М., 2019. 294 с.
140. Даценко П. А. Преемственность или разрыв? О конституционных актах Германского союза 1815 и 1820 гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 62–70. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-7

141. Даценко П. А. О некоторых аспектах изучения великогерманской идеи 1848–1866 годов // Новая и новейшая история. 2022. № 6. С. 17–27. DOI: 10.31857/S013038640020570-5
142. Даценко П. А. Дрезденская конференция 1850—1851 гг. в освещении российских посланников при германских королевствах // История – 2022. – Том 13. – Выпуск 9 (119) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/S207987840022752-6-1> (дата обращения: 29.11.2023). DOI: 10.18254/S207987840022752-6
143. Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). В 2-х тт. М., Гос. изд-во иностр. лит., 1947.
144. Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М.: Росспэн, 2004. 496 с.
145. Долгопольская-Кершнер С. А. Австро-прусская борьба за гегемонию в Германии в 1848–50 гг. и позиция русского царизма: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1956. 16 с.
146. Дробеш В., Котова Е. В. Россия и Австрия «под сенью» Священного Союза: от Венского конгресса до кануна Крымской войны // Россия – Австрия. Вехи совместной истории. М.: Энерджи Пресс, 2017. С. 36–57.
147. Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 годов: обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича. Составил Н. Дубровин, чл.-кор. Имп. Акад. наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1878. 508 С.
148. Дударев В. С. Отто фон Бисмарк и российское направление внешней политики Прусского королевства: 1851–1871 гг. В 2-х т.: Дис. ... докт. истор. наук: 5.6.2. М., 2022. 854 с.
149. Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М.: Индрик, 2001. 456 С.
150. Жомини А. Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны. М.: Индрик, 2017. 608 с.
151. Журавлева С. М. Германские и австрийские теории международных отношений 1789–1847 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1981. 16 с.

152. Журавлева С. М. Германские и австрийские теории международных отношений (1814–47) // Ежегодник германской истории. 1980. М.: Наука, 1982. С. 105–126.
153. Заиченко О. В. Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материале либеральной публицистики) // Россия и Германия. Выпуск 2. Отв. ред. Б. М. Туполев. М.: Наука, 2001. С. 92–109.
154. Заиченко О. В. Русское правительство и попытки идеологического воздействия на общественное мнение Германии в первой половине XIX века // Россия и Германия. Выпуск 3. Отв. ред. Б. М. Туполев. М.: Наука, 2004. С. 95–125.
155. Заиченко О. В. Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2004. 25 с.
156. Заиченко О. В. Формирование позитивного образа России как части консервативного мировоззрения (на примере Германии первой половины XIX века) // Россия и Германия. Выпуск 4. Отв. ред. Б. М. Туполев. М.: Наука, 2007. С. 22–52.
157. Заиченко О. В. “Biedermeier” и “Vormärz”: Россия как конституирующий «другой» в период Реставрации (на основе путевых дневников немецких путешественников) // Диалог со временем. 2010. Вып. 32. С. 94–122.
158. Заиченко О. В. Основные детерминанты восприятия России немецкими консерваторами в 1830–1840-е годы. Монарх как воплощение государства // Диалог со временем. 2013. № 42. С. 194–222.
159. Заиченко О. В. «Варвар у ворот» или «гарант европейской безопасности». Россия в немецком внешнеполитическом дискурсе накануне Крымской войны // Россия XXI. 2017. № 3. С. 18–47.
160. Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–2. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1908–1913.
161. Ипатов А. М. Отношение Отто фон Бисмарка к России в восприятии его русских современников // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 2 (82). С. 212–219.
162. Ипатов А. М. Отто фон Бисмарк в восприятии публицистов Российской империи // Российская история. 2015. № 6. С. 85–90.

163. Исламов Т. М., Фрейдзон В. И. Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1992. С. 119–133.
164. Исламов Т. М. Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVIII–XIX вв.) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 250–263.
165. Исламов Т. М. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 11–40.
166. Исламов Т. М. Внешняя политика России и русско-австрийские отношения в современной русской историографии // Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Выпуск 1. Москва – Ставрополь: Изд-во Пятигорского гос. лингв. университета, 2004. С. 4–63.
167. История внешней политики России: В 5 т. Т. 3. М.: Парадигма, 2018. 442 с.
168. История дипломатии. В 5 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во пол. лит., 1959. 896 с.
169. История международных отношений. В 3-х тт. Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. Т. I. М.: Аспект Пресс, 2017. 400 с.
170. Кан С. Б. Революция 1848 года в Австрии и Германии. М.: Учпедгиз, 1948. 232 с.
171. Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М.: Международные отношения, 1998. 403 с.
172. Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М.: Высш. школа, 1963. 288 с.
173. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М.: Высш. школа, 1974. 280 с.
174. Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1–2. С. 192–210; 139–152.
175. Кирилина Л. А. Австрославистские идеи у словенцев в 1848–1849 гг. // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 105–118.

176. Кирилина Л. А. Национальные идеи у чехов в 1848–1849 гг. // Европейские революции 1848 года: «Принцип национальности» в политике и идеологии. М.: Индрик, 2001. С. 305–329.
177. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
178. Кондратьева В. Н. Записки М. Ф. Раевского о положении подвластных Австрии народов // Славяно-германские отношения. М.: Наука, 1964. С. 181–196.
179. Королев П. И. Германский вопрос во франко-русских отношениях в начале 1850-х - начале 1870-х годов: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2011. 28 с.
180. Котова Е. В. Политика Австрии накануне и в период Крымской войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 8 (94). URL: <https://history.jes.su/s207987840011044-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840011044-7 (Дата обращения: 21.10.2022).
181. Котова Е. В. Германский вопрос во внешней политике Австрийской империи в 1850–1866 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016050-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840016050-4 (Дата обращения: 20.06.2024).
182. Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг.: Дис. ... канд. истор. наук. М., 2013. 251 с.
183. Кудрявцева Е. П. Венская система международных отношений и ее крушение (1815–1854 годы) // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 88–106.
184. Кудрявцева Е. П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века: монография. М.: МГИМО-Университет, 2019. 590 с.
185. Кулаков А. А. Дунайские княжества во время австрийской оккупации 1854–1855 годов // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 19–25.
186. Лебедева О. В. Проблемы панславизма в Чехии и в России в первой половине XIX века // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М.: ИСБ, 1991. С. 98–105.
187. Лещиловская И. И. Некоторые черты хорватского национального движения в 1849 г. // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М.: Наука, 1972. С. 73–85.

188. Лециловская И. И. Общественно-политическая борьба в Хорватии: 1848–1849. М.: Наука, 1977. 304 с.
189. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.
190. Лозинский С. Г. Революция 1848 года в Австрии. Пг.: Ясный, Попов, 1917. 39 с.
191. Макарова Г. В., Фалькович С. М. Поляки в борьбе за реализацию «принципа национальности» в революции 1848–1849 гг. // Европейские революции 1848 года: «Принцип национальности» в политике и идеологии. М.: Индрик, 2001. С. 190–304.
192. Медяков А. С. Национализм и международный конфликт в XIX веке // Проблемы американистики: Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 41–57.
193. Медяков А. С. Национальная идея и национальное сознание немцев // Национальная идея в Западной Европе в новое время. М.: Зерцало-М, 2005. С. 394–458.
194. Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. М.: Просвещение, 2007. 463 с.
195. Медяков А. С. Граф Бойст: повороты судьбы главного противника Бисмарка // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 185–204.
196. Медяков А. С. Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М.: Русское слово, 2010. 640 с.
197. Медяков А. С. Проблема Боснии и Герцеговины во внешней политике монархии Габсбургов в первые годы дуализма 1867–1871 гг. // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб.: Алетейя, 2011. (Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV.). С. 264–279.
198. Медяков А. С. Австро-венгерская империя. От «лоскутной империи» до «лаборатории федерализма»: историческая судьба монархии Габсбургов // Русская мысль. La pensee russe. Париж, № 149/09, Сентябрь 2022. С. 26–31.
199. Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. Отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Наука, 1990. 350 с.

200. Миллер А. И. На границах Европы: ансамбль континентальных империй // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв. Памяти Т. М. Исламова. Отв. ред. А. С. Стыкалин. СПб.: Алетейя, 2009. С. 27–35.
201. Михайлов М. И. 1848 год: Россия и Германия // Россия и Германия. Вып. 1. М.: Наука, 1998. С. 148–166.
202. Михайлов М. И. Революции 1848–1849 гг. Зарубежная историография // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 48–63.
203. Михеев М. Г. Двустороннее взаимодействие перед лицом кризиса (на примере австро-русских отношений в марте 1848 года) // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. № 16. С. 6.
204. Михеев М. Г. Образ России во внешнеполитических представлениях австрийских либералов середины XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 3. С. 3–15.
205. Михеев М. Г. Германская политика Австрии летом-осенью 1850 года и позиция России // Клио. 2022. № 11(191). С. 45–57.
206. Михеев М. Г. «Русские, саранча и холера»: «Прессе» о присутствии России в Дунайских княжествах (1848–1854 гг.) // Человеческий капитал. 2024. № 5(185). С. 23–32.
207. Мюллер В., Павленко О. В. Россия и монархия Габсбургов 1853–1914 гг.: через кризисы к крушению // Россия – Австрия: Вехи совместной истории. М.: Энерджи Пресс, 2017. С. 58–83.
208. Найборт Л. Е. Демократическая печать Вены весной 1848 года // Московский педагогический институт им. В. И. Ленина. Ученые записки Т. 284. Вопросы новой и новейшей истории. М., 1967. С. 175–200.
209. Найборт Л. Е. Демократическая печать Вены в период революции 1848 года: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1969. 18 с.
210. Нерсесов Г. А. Политика России на Тешенском конгрессе (1778–1779). М.: Наука, 1988. 247 с.
211. Никитин С. А. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 3–29.
212. Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. М.: Учпедгиз, 1949. 316 с.

213. Нифонтов А. С. Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853–1856 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 69–90.
214. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М.: ИВИ РАН, 2000. 209 с.
215. Обушенкова Л. А. Революция 1848–1849 годов в Центральной Европе. Национальные противоречия и солидарность революционных движений // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М.: ИСБ, 1991. С. 52–62.
216. Орлик И. И. Венгерская революция 1848–1849 годов и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2. С. 21–40.
217. Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. М.: Наука, 1980. 609 с.
218. Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М.: Наука, 1981. 464 с.
219. Павленко О. В. «Славянский фактор» в отношениях России и Австрии в 40–60-е годы 19 века // Славяно-германские исследования. Т. 1–2. М.: Индрик, 2000. С. 243–288.
220. Павленко О. В. Проблемы панславизма в имперской дипломатии России и Австрии в 20–60-е годы XIX века // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Выпуск 1. Москва — Ставрополь: Изд-во Пятигорского гос. лингв. ун-та, 2004. С. 64–109.
221. Павленко О. В. Зарубежная историография Габсбургской монархии. XX – начало XXI века // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 94–109.
222. Павленко О. В. Крымская война в исторической памяти российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. 2014 №18 (140). Серия «Международные отношения. Зарубежное регионоведение». С. 9–37.
223. Павленко О. В. Историография Габсбургской монархии в российской интеллектуальной традиции XIX – начала XX веков // Новый исторический вестник. 2020. №2 (64). С. 80–109.

224. Павленко О. В. Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов: 1830-е гг. – 1914 г. В 2-х т.: Дис. ... докт. истор. наук: 5.6.2. М., 2022. 773 с.
225. Палаузов С. Н. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1859. 296 с.
226. Палаузов С. Н. Австрия со времени революции 1848 года. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1860. 113 с.
227. Патрушев А. И. Проблемы германской революции 1848–1849 гг. в буржуазной историографии ФРГ // Вопросы методологии и истории исторической науки. Вып. 4. М., 1986. С. 199–218.
228. Петров А. Н. Русские в Румынии и на Дунае в 1853 и 1854 гг. // Русская старина. 1888. Сентябрь. С. 561–582.
229. Петров А. Н. Русские в Румынии и на Дунае в 1853 и 1854 гг. // Русская старина. 1888. Октябрь. С. 227–259.
230. Пименова Э. К. Борьба за свободу в Австрии и Венгрии (1848 г.) Пг.: Гос. изд-во, 1920. 64 с.
231. Погодин М. П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М.: тип. газ. "Русский", 1867. 240 с.
232. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: Красная новь, 1923. 392 с.
233. Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. М.: Индрик, 2018. 408 с.
234. Пристер Е. Краткая история Австрии. М.: Изд-во иностр. литературы, 1952. 510 с.
235. Революции 1848–1849. В 2-х тт. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 641 с.
236. Ревякин А. В. Венская система в современной отечественной историографии // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27–28 октября 2015 г.). Под ред. А. В. Ревякина. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 6–40.
237. Романова Е. В. «Европейский концерт» в зеркале британских и американских исследований XX в. // 200 лет Венской системе: проект и практика

- европейской дипломатии: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27–28 октября 2015 г.). Под ред. А. В. Ревякина. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 41–64.
238. Рошонци И. Роль железнодорожного сообщения в оказании Россией военной помощи Австрии в мае 1849 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Вып. 13. № 3–4. М.: ИС РАН, 2018. С. 32–49.
239. Рубинштейн Е. И. Национальный вопрос во Франкфуртском парламенте в мае-сентябре 1848 года // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. Т. 5. № 1. М., 1948. С. 36–51.
240. Сахарова Л. В. Немецкая общественно-политическая лексика эпохи революции 1848–1849 гг. (Опыт социо-лингвистического анализа на материале протоколов Франкфуртского Национального собрания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 21 с.
241. Семанов С. Н. А. М. Горчаков – русский дипломат XIX в. М.: Соцэкгиз, 1962. 115 с.
242. Сергеев В. В. Англия и объединение Германии в 1848–1871 гг. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 158 с.
243. Сироткина Е. В. Австрия и «германский вопрос» в 1848–1866 гг. // Чичеринские чтения. Международные отношения в XIX–XX вв.: проблемы трансформации мирового порядка. Материалы межрегиональной научной конференции 25–26 ноября 2004 г. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. С. 18–21.
244. Сироткина Е. В. Австрийские немцы в середине XIX – начале XX в.: поиск национальной идентичности. Саратов: Поволжская акад. гос. службы им. П. А. Столыпина, 2008. 236 с.
245. Сироткина Е. В. «Всегда оказывать сопротивление России, никогда не разрывая с ней»: австрийско-российские отношения накануне Крымской войны // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 9. С. 329–333.
246. Сироткина Е. В. «Русская помощь – это несчастье для Австрии»: образ России в общественном мнении Австрии в середине XIX в. // Глобальный научный потенциал. 2013. № 10. С. 64–68.

247. Сироткина Е. В. Австрийско-российские межгосударственные связи накануне Крымской войны // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. Тамбов, 2013. 6 с.
248. Сироткина Е. В. Восточный вопрос, Крымская война и конец «Священного альянса» в австрийско-российских отношениях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 77–83. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-77-83.
249. Соловьёв С. М. Россия, Австрия и Англия во время движений 1848 и 1849 годов // Русская старина. 1877. Т. 20. № 11. С. 407–426.
250. Стыкалин А. С. Правда и вымысел о реакции российского общества на венгерскую революцию 1848 г. Венгерская кампания 1849 г. и капитан Гусев // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 38–54.
251. Стыкалин А. С., Колин А. И. «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо необходимо». Межэтнические распри в Трансильвании в условиях венгерской революции 1848–1849 гг. и российское военное присутствие в Дунайских княжествах // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Выпуск VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи. Ставрополь, 2018. С. 149–178.
252. Стыкалин А. С. «Было что-то особенно тягостное во всей этой церемонии...». Сдача венгерского революционного войска в августе 1849 г. глазами русского офицера // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Выпуск VII. Ставрополь, 2019. С. 152–166.
253. Стыкалин А. С. Дунайские княжества и Трансильвания глазами русских военных наблюдателей (1848–1849). По документам Российского государственного военно-исторического архива // Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И. С. Достяна / Отв. редактор С. И. Данченко. М.: ИС РАН, 2021. С. 193–223.
254. Танышина Н. П. К. В. Нессельроде: Искусство быть дипломатом. СПб.: Евразия, 2021. 352 с.
255. Тарле Е. В. Запад и Россия: Статьи и документы из истории XVIII–XX вв. Пг.: Былое, 1918. 219 с.
256. Тарле Е. В. Крымская война // Сочинения: в 12 т. М.: АН СССР, 1959. Т. 8–9.

257. Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого: Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1887. 639 с.
258. Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1889. 459 с.
259. Таубе М. А. Исторические корни теперешней войны в эпоху императоров Александра I и Николая I: (система австро-русского согласия в Восточном вопросе и ее крушение). М.: Наша жизнь, 1916. 64 с.
260. Турок В. М. Многонациональная монархия Габсбургов в освещении современной западной историографии // Славяно-германские отношения. М.: Наука, 1964. С. 24–36.
261. Турок В. М. Австро-Венгрия – «модель» интеграции Европы // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 55–65.
262. Удальцов И. И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 году. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 252 с.
263. Урбанич П. Дунайская монархия? Понятие и историческая действительность // Родина. 2010. № 11. С. 93–97.
264. Хитрова Н. И. Позиция России и Австрии в связи с черногорско-турецкой войной 1852–1853 гг. // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М.: Наука, 1972. С. 179–187.
265. Чеханов И. С. Франц Иосиф I и Крымская война // Чичеринские чтения. Международные отношения в XIX–XX вв.: проблемы трансформации мирового порядка. Материалы межрегиональной научной конференции 25–26 ноября 2004 г. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. С. 14–18.
266. Чичерин Г. В. Исторический очерк дипломатической деятельности А. М. Горчакова М.: Любимая Россия, 2009. 551 с.
267. Чуркина И. В. «Северная пчела» о событиях на Балканах накануне и во время Крымской войны // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А. А. Улуняна: Сб. статей. М.: ИС РАН, 2014. С. 91–114.
268. Шварц И. Австро-российские дипломатические отношения на протяжении веков // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных

- отношений XII–XX вв. Памяти Т. М. Исламова. Отв. ред. А. С. Стыкалин. СПб.: Алетейя, 2009. С. 35–50.
269. Шеремет В. И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. М.: Наука, 1986. 310 с.
270. Шимов Я. В. Австро-Венгерская империя. М.: Эксмо, 2003. 608 с.
271. Anderson M. S. *The Great Powers and the Near East, 1774–1923*. London: Edward Arnold, 1970. 182 p.
272. Andics E. *Die Habsburger und die Frage der Zarenhilfe gegen die Revolution (Vom Münchengrätzer Abkommen bis zum Mai 1849)*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1960. 52 S.
273. Andics E. *Das Bündnis Habsburg-Romanov: Vorgeschichte der zaristischen Intervention in Ungarn im Jahre 1849*. Budapest: Akadémia Kiadó, 1963. 201 S.
274. Andreas W. *Die russische Diplomatie und die Politik Friedrich Wilhelms IV. von Preussen*. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1927. 64 S.
275. Austensen R. A. *Count Buol and the Metternich Tradition // Austrian History Yearbook*. Vol. 9–10. 1973–1974. P. 173–193.
276. Austensen R. A. *Felix Schwarzenberg: "Realpolitiker" or Metternichian? The evidence of the Dresden Conference // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs*. Bd. 30. 1977. S. 97–118.
277. Austensen R. A. *Austria and the "Struggle for Supremacy in Germany", 1848–1864 // Journal of Modern History*. 1980. Vol. 52. № 2. June. P. 195–225.
278. Austensen R. A. *"Einheit oder Einigkeit"? Another Look at Metternich's View of the German Dilemma // German Studies Review*. Vol. 6. No. 1. Feb. 1983. P. 41–57.
279. Austensen R. A. *The Making of Austria's Prussian Policy, 1848–1852 // The Historical Journal*. Vol. 27. № 4. December 1984. P. 861–876.
280. Austensen R. A. *Metternich, Austria, and the German Question, 1848–1851 // The International History Review*. Vol. 13. № 1. February 1991. P. 21–37.
281. Bacher R. *Der Tiroler Provinziallandtag von 1848 im Rahmen der allgemeinen österreichischen Verfassungsentwicklung*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1991. 247 S.

282. Bauer W. Das Deutschtum der Deutsch-Österreicher // Österreich. Erbe und Sendung im deutschen Raum. Hrsg. v. J. Nadler und H. v. Srbik. Salzburg-Leipzig: Pustet, 1936. S. 369–382.
283. Baumgart W. Österreich und Preussen im Krimkrieg 1853–1856 // Vorträge und Studien zur preussisch-deutschen Geschichte. Hrsg. v. O. Hauser. (Neue Forschungen zur Brandenburg-preussischen Geschichte. Bd. 2) Köln-Wien: Böhlau, 1983. S. 45–70.
284. Baumgart W. The Crimean War: 1853–1856. London: Bloomsbury Academic, 2020. 298 p.
285. Beer A. Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774. Prag: F. Tempsky. Leipzig: G. Freytag. 1883. 832 S.
286. Bilger F. “Grossdeutsche” Politik im Lager Radetzky // Historische Blätter. 4. Heft. Wien: Lothar Gross, 1931. S. 3–36.
287. Birke E. Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert: Beiträge zur Politik und Geistesgeschichte. Köln: Böhlau, 1960. 527 S.
288. Blanc S. Histoire d’une phobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Vol. IX. № 3–4. P. 265–293.
289. Böhme H. Deutschlands Weg zur Grossmacht. Studien zum Verhältnis von Wirtschaft und Staat während der Reichsgründungszeit 1848–1881. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1972. 728 S.
290. Braunias K. Österreich als Völkerreich // Österreich. Erbe und Sendung im deutschen Raum. Hrsg. v. J. Nadler und H. v. Srbik. Salzburg-Leipzig: Pustet, 1936. S. 223–262.
291. Bridge F. Österreich(-Ungarn) unter den Grossmächten // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. 1. Teilband. Wien: Verlag der Öster. Akad. der Wiss., 1989. S. 196–373.
292. Burian P. Die Nationalitäten in “Cisleithanien” und das Wahlrecht der Märzrevolution 1848/49. Graz-Köln: H. Böhlau Nachf., 1962. 239 S.
293. Burian P. Deutschland und das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie aus deutscher Sicht // Deutschland und Österreich. Ein bilaterales Geschichtsbuch. Hrsg. v. R. A. Kann und F. E. Prinz. Wien: Jugend und Volk, 1980. S. 398–411.

294. Burian P. Koalitionen im ersten österreichischen Parlament. Ein Brief Josef Lassers aus dem Februar 1849 // Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Karl Dietrich Erdmann. Neumünster: Wachholtz, 1980. S. 203–217.
295. Charmatz R. Deutsch-österreichische Politik. Studien über den Liberalismus und über die auswärtige Politik Österreichs. Leipzig: Duncker & Humblot, 1907. 402 S.
296. Charmatz R. Geschichte der auswärtigen Politik Österreichs im 19. Jahrhundert. Bd. 2. 1848 bis 1895. Leipzig-Berlin: Teubner, 1918. 127 S.
297. Claude I. L. The impact of public opinion upon foreign policy and diplomacy. Open Diplomacy Revisited. London: Mouton, 1965. 21 p.
298. Derndarsky M. Österreich und der Deutsche Bund, 1815–1866. Anmerkungen zur deutschen Frage zwischen dem Wiener Kongress und Königgrätz // Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Bd. 9. München, 1982. S. 92–116.
299. Derndarsky M. Habsburg zwischen Preussen und Deutschland: Österreichs politisches und wirtschaftliches Interesse am Deutschen Bund // Deutscher Bund und deutsche Frage, 1815–1866. Wien, 1990. S. 292–313.
300. Doering-Manteuffel A. Der Ordnungszwang des Staatensystems: Zu den Mitteleuropa-Konzepten in der österreichisch-preussischen Rivalität 1849–1851 // Die Herausforderung des europäischen Staatensystems: nationale Ideologie und staatliches Interesse zwischen Restauration und Imperialismus. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. S. 119–140.
301. Eckhart F. Die deutsche Frage und der Krimkrieg. Berlin: Ost-Europa, 1931. 215 S.
302. Engel-Janosi F. Geschichte auf dem Ballhausplatz. Essays zur österreichischen Aussenpolitik 1830–1945. Graz: Styria, 1963. 346 S.
303. Epstein F. T. Der Komplex “Die russische Gefahr” und sein Einfluss auf die deutsch-russischen Beziehungen im 19. Jahrhundert // Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Düsseldorf: Bertelsmann-Universitätsverlag, 1973. S. 143–159.
304. Europe’s Balance of Power 1815–1848. Ed. by A. Sked. London: Macmillan, 1979. 221 p.
305. Evans R. J. W. 1848–1849 in the Habsburg monarchy // The revolutions in Europe 1848–1849. From reform to reaction. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 181–206.

306. Evans R. J. W. Liberalism, nationalism and the coming of the revolution // The revolutions in Europe 1848–1849. From reform to reaction. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 9–26.
307. Eyck F. Deutschlands grosse Hoffnung: Die Frankfurter Nationalversammlung 1848–49. München: List, 1973. 495 S.
308. Fellner F. Die Historiographie zur österreichisch-deutschen Problematik als Spiegel der nationalpolitischen Diskussion // Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert. Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa. Wien: Verl. für Geschichte und Politik, 1982. S. 33–59.
309. Fidelis O. M. Österreichs europäische Sendung. Ein aussenpolitischer Überblick. Wien: Reinhold, 1935. 108 S.
310. Florescu R. R. Essays on Romanian History. Iași: Center for Romanian Studies, 1999. 431 p.
311. Franz G. Liberalismus: Die deutschliberale Bewegung in der habsburgischen Monarchie. München: Callwey, 1955. 531 S.
312. Friedjung H. Der Krimkrieg und die österreichische Politik. Stuttgart and Berlin: Cotta, 1907. 198 S.
313. Friedjung H. Österreich von 1848 bis 1860. Bd. 1, 2. Stuttgart und Berlin: Cotta, 1908; 1912.
314. Friedjung H. Fürst Felix Schwarzenberg und Graf Albrecht Bernstorff // Historische Zeitschrift. Bd. 107. H. 3 (1911). S. 540–579.
315. Goldfrank D. M. Policy traditions and the Menshikov mission of 1853 // Imperial Russian foreign policy. Cambridge: Woodrow Wilson center press, 1993. P. 119–158.
316. Görlich E. J. Die mitteleuropäische Idee in Österreich 1849–1859 // Österreichische Osthefte. Heft 1. 1969. S. 13–21.
317. Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas. Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied: Hermann Luchterhand, 1961. 368 S.
318. Groh D. Russland im Blick Europas. 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1988. 439 S.
319. Hahn H.-W. Mitteleuropäische oder kleindeutsche Wirtschaftsordnung in der Epoche des deutschen Bundes // Deutscher Bund und deutsche Frage 1815–1866.

- (Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Bd. 16/17.) Wien-München 1990, S. 186–214.
320. Hallberg Ch. W. Franz Joseph and Napoleon III, 1852–1864. New York: Octagon Books, 1973. 448 p.
321. Hamann B. Die Habsburger und die deutsche Frage im 19. Jahrhundert // Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert. Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa (Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit, Band 9/1982). München: Oldenbourg, 1982. S. 212–230.
322. Hantsch H. Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Das Problem der konstruktiven Reichsgestaltung. Wien: Herold, 1953. 124 S.
323. Hantsch H. Vom deutschen Dualismus zum österreichischen Staat // Europa und die Einheit Deutschlands. Eine Bilanz nach 100 Jahren. Hrsg. v. W. Hofer. Köln: Wissenschaft und Politik, 1970. S. 249–284.
324. Häusler W. Die österreichische Publizistik und ihre Probleme im Vormärz und im Revolutionsjahr 1848 // Öffentliche Meinung in der Geschichte Österreichs. Hrsg. v. E. Zöllner. Wien: Öster. Bundesverlag, 1979. S. 64–88.
325. Heindl W. Graf Buol-Schauenstein in St. Petersburg und London (1848–1852). Wien: Böhlau, 1970. 155 S.
326. Heitmann K. Das Rumänenbild im deutschen Sprachraum, 1775–1918. Köln: Böhlau, 1985. 364 S.
327. Heller E. Mitteleuropas Vorkämpfer: Fürst Felix zu Schwarzenberg. Wien: Militärwissenschaftlicher Verlag, 1933. 267 S.
328. Heppner H. Das Russlandbild in der öffentlichen Meinung Österreichs, 1848–1856. Graz: Selbstverlag, 1975. 262 S.
329. Heuberger V. Austrian and Russian political interests in the Balkans in the 19th century // Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М.: Международные отношения, 1998. С. 119–124.
330. Hoffmann J. Russland und die Olmützer Punktation vom 29. November 1850 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 7. Berlin, 1959. S. 59–71.

331. Hwaletz O. Zur ökonomischen, sozialen und ideologisch-politischen Formierung des industriell-gewerblichen Bürgertums. Das Beispiel der Industrievereine // Bürgertum in der Gabsburgermonarchie. Wien: Böhlau, 1990. S. 177–205.
332. Islamov T. The Balkan Policy of the Habsburg Monarchy and Austro-Russian Relations // Insurrections, Wars, and the Eastern Crisis in the 1870s. Ed. by B. K. Kiraly and G. Stokes. New York: Columbia University Press, 1985. P. 31–41.
333. Jahn P. Russophile und Konservatismus: Die russophile Literatur in der deutschen Öffentlichkeit 1831–1852. Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. 380 S.
334. Jaschke A. R. C. Österreichs deutsches Erbe: Ein europäisches Raumproblem. Graz: Ulrich Moser, 1934. 263 S.
335. Jelavich B. A century of Russian foreign policy 1814–1914. Philadelphia: Lippincott, 1964. 308 p.
336. Jelavich B. Modern Austria. Empire and Republic, 1815–1986. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 346 p.
337. Jelavich B. Russia and the formation of the Romanian national state, 1821–1878. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
338. Judson P. M. Wien brennt! Die Revolution von 1848 und ihr liberales Erbe. Köln: Böhlau, 1998. 169 p.
339. Kann R. A. The multinational empire. Nationalism and national reform in the Habsburg monarchy, 1848–1918. Vol. 1, 2. New York: Columbia University Press, 1950.
340. Kann R. A. A history of the Habsburg empire, 1526–1918. Berkeley: University of California Press, 1974. 646 p.
341. Kann R. A. Deutschland und das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie aus österreichischer Sicht // Deutschland und Österreich: Ein bilaterales Geschichtsbuch. Wien: Jugend und Volk, 1980. S. 412–423.
342. Katzenstein P. J. Disjoined Partners. Austria and Germany Since 1815. Berkeley: University of California Press, 1976. 263 p.
343. Keller M. Es teilen sich die Geister. Pressestimmen von den Karlsbader Beschlüssen bis zur Reichsgründung. // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. M. Keller. München: Fink, 1992. S. 739–765.

344. Kennedy P. The rise and fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987. 677 p.
345. Kerchnawe H. Feldmarschall Alfred Fürst Windisch-Graetz und die Russenhilfe 1849 // Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung. Bd. 43. Innsbruck, 1929. S. 325–375.
346. Kissinger H. A. A world restored. Boston: Houghton Mifflin, 1973. 354 p.
347. Kiszling R. Fürst Felix zu Schwarzenberg. Der politische Lehrmeister Kaiser Franz Josephs. Graz: H. Böhlau Nachf., 1952. 239 S.
348. Koch K. Frühliberalismus in Österreich bis zum Vorabend der Revolution 1848 // Liberalismus im 19. Jahrhundert: Deutschland im europäischen Vergleich. Hrsg. v. D. Langewiesche. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. S. 64–70.
349. Kopelew L. Zunächst war Waffenbrüderschaft // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. v. M. Keller. München: Fink, 1992. S. 11–80.
350. Kořalka J. Prag – Frankfurt im Frühjahr 1948: Österreich zwischen Grossdeutschtum und Austroslawismus // Österreich und die deutsche Frage im 19 und 20 Jahrhundert: Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa (Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Bd. 9.). Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 1982. S. 117–139.
351. Kraehe E. E. Austria and the Problem of Reform in the German Confederation, 1851–1863 // The American Historical Review. 1951. Vol. 56. № 2. P. 276–294.
352. Kraehe E. E. Foreign Policy and the Nationality Problem in the Habsburg Monarchy, 1800–1867 // Austrian History Yearbook. 1967. Vol. III. № 3. P. 3–36.
353. Kraus H.-Chr. Leopold von Gerlach – ein Rußlandanwalt // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. v. M. Keller. München: Fink, 1992. S. 636–661.
354. Laqueur W. Russia and Germany: A century of conflict. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990. 377 p.
355. LeDonne J. P. The Russian empire and the world, 1700–1917. The geopolitics of expansion and containment. New York: Oxford University Press, 1997. 394 p.

356. Lutz H. Zwischen Habsburg und Preussen: Deutschland 1815–1866. Berlin: Siedler, 1985. 527 S.
357. Marinelli-König G. Russland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848). Ein Beitrag zur Geschichte der österreichisch-russischen Kultur- und Literaturbeziehungen. Wien: Verlag der Öster. Akad. der Wiss., 1990. 898 S.
358. Marinelli-König G. Aus Wiener Vormärz-Blättern // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. v. M. Keller. München: Fink, 1992. S. 619–635.
359. Martius I. Grossösterreich und die Siebenbürger Sachsen, 1848–1859. München: Südostdeutsches Kulturwerk, 1957. 115 S.
360. Matis H. Deutsch-österreichische Wirtschaftsbeziehungen 1815–1938 aus österreichischer Sicht // Deutschland und Österreich. Ein bilaterales Geschichtsbuch. Hrsg. v. R. A. Kann und F. E. Prinz. Wien: Jugend und Volk, 1980. S. 370–397.
361. Meinecke F. Radowitz und die deutsche Revolution. Berlin: E. S. Mittler & Sohn, 1913. 554 S.
362. Meinecke F. 1848: Eine Säkularbetrachtung. Berlin: L. Blanvalet, 1948. 28 S.
363. Meyer A. Bismarcks Kampf mit Österreich am Bundestag zu Frankfurt (1851 bis 1859). Berlin und Leipzig: Koehler, 1927. 598 S.
364. Meyer H. C. Mitteleuropa in German Thought and Action 1815–1945. The Hague: Nijhoff, 1955. 378 p.
365. Mikoletzky H. L. Österreich. Das entscheidende 19. Jahrhundert. Geschichte, Kultur und Wirtschaft. Wien: Austria-Edition, 1972. 536 S.
366. Mosse W. E. The European powers and the German question 1848–71 with special reference to England and Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 409 p.
367. Müller H. Der Weg nach Münchengrätz. Voraussetzungen, Bedingungen und Grenzen der Reaktivierung des reaktionären Bündnisses der Habsburger und Hohenzollern mit den Romanows im Herbst 1833 // Jahrbuch für Geschichte. Bd. 21. Berlin: Akademie Verlag, 1980. S. 7–62.
368. Müller P. Feldmarschall Fürst Windischgrätz. Revolution und Gegenrevolution in Österreich. Wien-Leipzig: Braumüller, 1934. 408 S.

369. Müller P. Auswärtige Politik Österreichs 1715–1866 // Österreich. Erbe und Sendung im deutschen Raum. Hrsg. v. J. Nadler und H. v. Srbik. Salzburg-Leipzig: Pustet, 1936.
370. Namier L. 1848: The revolution of the intellectuals. London: Oxford University Press, 1946. 124 p.
371. Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat. München: Beck, 1984. 838 S.
372. Palotás E. Die außenwirtschaftlichen Beziehungen zum Balkan und zu Russland // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. 6/1: Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen, Wien: Verlag der Öster. Akad. der Wiss., 1989. S. 584–629.
373. Pape W. Eispalast der Despotie. Russen- und Rußlandbilder in der politischen Lyrik des Vormärz (1830–1848) // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. v. M. Keller. München: Fink, 1992. S. 435–472.
374. Paupié K. Handbuch der österreichischen Pressegeschichte 1848–1959. In 2 Bde. Wien: Braumüller, 1960, 1966.
375. Petter W. Programmierter Untergang. Die Fehlrüstung der deutschen Flotte von 1848 // Die Deutschen und die Revolution. Göttingen: Muster-Schmidt, 1984. S. 228–256.
376. Ragsdale H. Introduction: the traditions of Imperial Russian foreign policy – problems of the present, agenda for the future // Imperial Russian foreign policy. Cambridge: Woodrow Wilson center press, 1993. P. 1–18.
377. Ramhardter G. Propaganda und Aussenpolitik // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Band VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. 1. Teilband. Wien: Verlag der Öster. Akad. der Wiss., 1989. S. 496–536.
378. Rantzau J. A. Zur österreichischen Auffassung der Schleswig-Holsteinischen Frage // Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte. Bd. 60/2. 1931. S. 411–435.
379. Redlich J. Kaiser Franz Joseph von Österreich. Berlin: Verlag für Kulturpolitik, 1929. 491 S.

380. Renkl R. Staat und Nation. Schicksalsfrage Österreichs im Zeitalter des Nationalismus // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B 22. Bonn, 1957. S. 17–36.
381. Rich N. *Why the Crimean war? A cautionary tale*. Hanover: University Press of New England, 1985. 258 p.
382. Rieber A. *Persistent factors in Russian foreign policy: an interpretive essay // Imperial Russian foreign policy*. Cambridge: Woodrow Wilson center press, 1993. P. 315–359.
383. Roberts I. W. *Nicholas I and the Russian intervention in Hungary*. Basingstoke: Macmillan, 1991. 301 p.
384. Rock K. Felix Schwarzenberg, Military Diplomat // *Austrian History Yearbook*. January 1975. Vol. 11. P. 85–100.
385. Rock K. Schwarzenberg, the Ballplatz, and the Balkans: the Case of the Danubian Principalities, 1848–1852 // *Essays in European History*. Vol. II. Lanham: University Press of America, 1996. P. 153–172.
386. Rosecrance R. N. *International relations: peace or war?* New York: McGraw-Hill, 1973. 334 p.
387. Rothenberg G. E. *The Army of Francis Joseph*. West Lafayette: Purdue University Press, 1998. 298 p.
388. Rumpler H. *Die deutsche Politik des Freiherrn von Beust 1848 bis 1850. Zur Problematik mittelstaatlicher Reformpolitik im Zeitalter der Paulskirche*. Wien-Köln-Graz: Böhlau, 1972. 367 S.
389. Rumpler H. Felix Schwarzenberg und das “Dritte Deutschland”. Überlegungen zu Heinrich von Srbiks Interpretation der deutschen Politik Österreichs // *Beiträge zur neueren Geschichte Österreichs*. Wien-Köln-Graz: Böhlau, 1974. S. 371–382.
390. Saab A. P. *The Origins of the Crimean Alliance*. Charlottesville: University Press of Virginia, 1977. 223 p.
391. Salomon R. Die Anerkennung Napoleons III. Ein Beitrag zur Geschichte der Politik Nikolaus’ I // *Zeitschrift für osteuropäische Geschichte*. 1912. Bd. 2. S. 321–366.
392. Scharff A. *Die europäischen Grossmächte und die deutsche Revolution. Deutsche Einheit und europäische Ordnung 1848–1851*. Leipzig: Koehler & Amelang, 1942. 314 S.

393. Schiemann Th. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Band IV. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1919. 435 S.
394. Schmidt-Brentano A. Die österreichische beziehungsweise österreichisch-ungarische Armee von Erzherzog Carl bis Conrad von Hötzendorf // Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit, Band 9/1982. Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert. Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa. München: Oldenbourg, 1982. S. 231–255.
395. Schroeder P. Bruck versus Buol: The Dispute over Austrian Eastern Policy, 1853–1855 // The Journal of Modern History. June 1968. Vol. 40. № 2. P. 193–217.
396. Schroeder P. Austria and the Danubian Principalities, 1853–1856 // Central European History. September 1969. № 2. P. 216–236.
397. Schroeder P. Austria, Great Britain and the Crimean War. The destruction of the European Concert. Ithaca: Cornell University Press, 1972. 544 p.
398. Schroeder P. Die Habsburger Monarchie und das europäische System im 19. Jahrhundert // Die Herausforderung des europäischen Staatensystems: nationale Ideologie und staatliches Interesse zwischen Restauration und Imperialismus. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. S. 178–182.
399. Schwarz W. Der Bund der drei schwarzen Adler. Zum Ostbündnis der Jahre 1833 bis 1854 // Das Reich. Idee und Gestalt. Hrsg. v. H. Dannenbauer und F. Ernst. Stuttgart, 1940. S. 230–264.
400. Schwarzenberg A. Prince Felix zu Schwarzenberg, Prime Minister of Austria 1848–1852. New York: Columbia University Press, 1946. 245 p.
401. Senner M. Die Donaufürstentümer als Tauschobjekt für die österreichischen Besitzungen in Italien (1853–1866). Stuttgart: Steiner, 1988. 313 S.
402. Seton-Watson R. W. A History of the Roumanians from Roman Times to the Completion of Unity. Cambridge: Cambridge University Press, 1934. 596 p.
403. Seton-Watson R. W. Britain in Europe 1789–1914. A Survey of Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1945. 716 p.
404. Sieber E. K. Ludwig von Löhrer. Ein Vorkämpfer des Deutschtums in Böhmen, Mähren und Schlesien im Jahre 1848/1849. München: Lerche, 1965. 158 S.
405. Siemann W. Die deutsche Revolution von 1848/49. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1985. 255 S.

406. Sked A. Die Habsburger Monarchie und die Herausforderung des Nationalismus // Die Herausforderung des europäischen Staatensystems: nationale Ideologie und staatliches Interesse zwischen Restauration und Imperialismus. Hrsg. v. A. M. Birke und G. Heydemann. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. S. 158–177.
407. Sked A. Metternich and Austria. An Evaluation. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 306 p.
408. Sked A. The Decline and Fall of the Habsburg Empire 1815–1918. New York: Routledge, 2013. 354 p.
409. Smallwood M. T. The Failure of Prime Minister Schwarzenberg's Bund Policies: a Re-evaluation of the Olmütz and Dresden Conferences. Ph.D. Dissertation. The Ohio State University, 1972. 236 p.
410. Sondhaus L. Schwarzenberg, Austria and the German Question, 1848–1851 // The International History Review. Feb., 1991. Vol. 13. No. 1. P. 1–20.
411. Srbik H. Deutsche Einheit: Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz. In 4 Bde. München: Bruckmann, 1936.
412. Srbik H. Österreich im Heiligen Reich und im Deutschen Bund 1521/22–1866 // Österreich. Erbe und Sendung im deutschen Raum. Hrsg. v. J. Nadler und H. v. Srbik. Salzburg-Leipzig: Pustet, 1936. S. 121–140.
413. Stourzh G. Frankfurt-Wien-Kremsier 1848/49: Der Schutz der nationalen und sprachlichen Minderheit als Grundrecht // Grund- und Freiheitsrechte von der ständischen zur spätbürgerlichen Gesellschaft. Göttingen, 1987. S. 437–456.
414. Sybel H. Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I. Bd. 1–7. München und Leipzig: Oldenbourg, 1892.
415. Taylor A. J. P. The Course of German History. A survey of the Development of Germany since 1815. London: Hamish Hamilton, 1945. 229 p.
416. Taylor A. J. P. The Habsburg Monarchy 1809–1918. A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. London: Hamish Hamilton, 1948. 279 p.
417. Taylor A. J. P. The struggle for Mastery in Europe, 1848–1918. Oxford: Clarendon Press, 1954. 638 p.
418. Treitschke H. Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. Berlin: Safari, 1933. 781 S.

419. Unckel B. Österreich und der Krimkrieg. Studien zur Politik der Donaumonarchie in den Jahren 1852–1856. Marburg/Lahn: [S.n.], 1968. 316 S.
420. Urban O. Zur Frage der Voraussetzung der politischen Tätigkeit des tschechischen Bürgertums in den Jahren 1848/49 // Bürgertum in der Gabsburgermonarchie. Wien: Böhlau, 1990. 317 S.
421. Urbanitsch P. Bürgertum und Politik in der Habsburgermonarchie. Eine Einführung // Bürgertum in der Gabsburgermonarchie. Wien: Böhlau, 1990. 317 S.
422. Vaerst-Pfarr Chr. Stimmen der neuen Opposition: Börne, die „Hambacher“ und die Polen-Historiker // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. v. M. Keller. München: Fink, 1992. S. 547–589.
423. Valentin V. Geschichte der deutschen Revolution von 1848–1849. In 2 Bde. Aalen: Scientia, 1968.
424. Veröffentlichungen der Kommission für neuere Geschichte Österreichs. Bd. 49. Wien, 1964.
425. Walter F. Die österreichische Zentralverwaltung. III. Abteilung. Von der Märzrevolution 1848 bis zur Dezemberverfassung 1867. Bd. 1–2. III/1. Wien: Adolf Holzhausens Nachfolger, 1964. 200 S.
426. Wandruszka A. Die österreichische Presse in der franzisko-josephinischen Epoche // Öffentliche Meinung in der Geschichte Österreichs. Hrsg. v. E. Zöllner. Wien: Öster. Bundesverlag, 1979. S. 89–94.
427. Wandruszka A. Grossdeutsche und kleindeutsche Ideologie 1840–1871 // Deutschland und Österreich. Ein bilaterales Geschichtsbuch. Hrsg. v. R. A. Kann und F. E. Prinz. Wien: Jugend und Volk, 1980. S. 110–142.
428. Webster Ch. The Art and Practice of Diplomacy. London: Chatto & Windus, 1961. 245 p.
429. Werth G. Der Krimkrieg: Geburtsstunde der Weltmacht Russland. Bonn: Straube, 1989. 331 S.
430. Wetzell D. The Crimean war: a diplomatic history. New York: East European Monographs, 1985. 255 p.

431. Winter E. Eine bedeutsame Unterredung zwischen Zar Nikolaus I. und Metternich am Neujahrstag 1846 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Heft 8. Berlin, 1961. S. 1861–1870.
432. Winter E. Frühliberalismus in der Donaumonarchie: religiöse, nationale und wissenschaftliche Strömungen von 1790–1868. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. 364 S.
433. Wolle S. “Das Reich der Sklaverey und die teutsche Libertät...”. Die Ursprünge der Rußlandfeindschaft des deutschen Liberalismus // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Bd. 3). Hrsg. v. M. Keller. München: Fink, 1992. S. 417–434.
434. Wollstein G. Das “Grossdeutschland” der Paulskirche. Nationale Ziele in der bürgerlichen Revolution 1848/49. Düsseldorf: Droste, 1977. 386 S.
435. Wollstein G. Das Vorparlament: Die Konterrevolution erhält ihre Chance // Die Deutschen und die Revolution. Hrsg. v. M. Salewski. Göttingen: Muster-Schmidt, 1984. S. 179–205.